

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ ЦЕННОСТИ

из неизданной рукописи:
К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
КАРЛА МАРКСА

ТОМ ВТОРОЙ
ДАВИД РИКАРДО

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Перевод С. САЛИТАН

Ленинградский Губляг № 11938. Пер. 10.000--15 л. Зак. № 1648.

Государственная типография имени товарища Зиновьева. Ленинград. Социалистическая, 14.

II. Земельная рента.

3. Теория ренты Рикардо.

а) Основные идеи различных теорий ренты.

„Не рента с земли определяет цену ее продукта, а цена этого продукта определяет земельную ренту“. Этим положением Андерсона (которое отчасти находим и у А. Смита) опровергнуто учение физиократов. Источником ренты является, следовательно, цена сельскохозяйственного продукта, а не самый продукт, и не земля. Таким образом опровергается тот взгляд, что рента является результатом исключительной производительности земледелия, которая в свою очередь об'ясняется будто бы особым плодородием земли.

Ибо когда определенное количество труда приложено к особенно производительному элементу, и он оказывается исключительно производительным, то это может выразиться лишь в том, что [то же самое количество труда] воплотится в сравнительно большей массе продуктов, и потому цена единичного продукта будет сравнительно низка; но мы ни в коем случае не получим обратного результата: что цена продукта [этого труда] будто бы выше цены других продуктов, в которых реализовано то же самое количество труда, и она доставляет ему, в отличие от других товаров, кроме прибыли и заработной платы, еще и ренту.

А. Смит в своем исследовании ренты отчасти снова возвращается к взглядам физиократов, меж тем как раньше он своим первоначальным пониманием ренты, как части прибавочного труда, опровергает или, по крайней мере, отрицает их.

Бьюкенэн приводит против взглядов физиократов следующее возражение:

„Тот взгляд, что сельское хозяйство дает продукт, а, следовательно, и ренту потому, что в процессе обработки земли имеем совместное действие природы и человеческого труда, является простой фантазией. Земельная рента создается не продуктом, а ценой, по которой продается продукт. И эту цену он получает не благодаря содействию природы в производстве, а потому, что это есть та цена, которая соответствует данному спросу и предложению“.

С устранением этого взгляда физиократов, который однако оказывается совершенно правильным, если его понимать в более глубоком

смысле, так как согласно этому взгляду рента представляет единственную прибавочную ценность, капиталисты и рабочие являются лишь наемными рабочими землевладельца,—возможны были лишь следующие об'яснения:

[Во-первых:] Взгляд, что рента имеет своим источником монополющую цену сельскохозяйственных продуктов; монополющая цена об'ясняется тем, что земля является монополющей собственностью землевладельцев. Согласно этому взгляду, цена сельскохозяйственного продукта всегда выше его ценности. Происходит надбавка к цене, и закон товарных ценностей нарушается монополией земельной собственности.

Рента получается благодаря монополющей цене сельскохозяйственных продуктов, так как предложение всегда стоит ниже спроса, или спрос всегда превышает предложение. Но почему же предложение не поднимается до уровня спроса? Почему добавочное предложение не выравнивает этого отношения и не уничтожает, согласно этой теории, самой ренты? Для об'яснения этого Мальтус, во-первых, прибегает к фикции, что сельскохозяйственные продукты непосредственно создают себе потребителей, как он потом [утверждал] в своей полемике против Рикардо, во-вторых, к теории Андерсона: добавочное производство стоит больше труда, сельскохозяйственный труд становится менее производительным. Поскольку, следовательно, этот взгляд не основан на простой фикции, он совпадает с теорией Рикардо. И здесь цена превышает ценность.

[Во-вторых:] Теория Рикардо: нет никакой абсолютной земельной ренты, существует лишь дифференциальная рента. И здесь цена сельскохозяйственных продуктов, которые дают ренту, стоит выше их индивидуальной ценности, и поскольку рента вообще существует, она существует благодаря тому, что цена сельскохозяйственных продуктов выше их ценности. Только здесь эта разница между ценой и ценностью не противоречит общей теории ценности, хотя эта разница несомненно существует, так как внутри каждой сферы производства ценность принадлежащих ей товаров определяется не индивидуальной ценностью товара, а той ценностью, которую он имеет при общих условиях производства этой сферы. И здесь цена продуктов, которые дают ренту, является монополющей ценой; но это такая монополия, какая имеется во всех отраслях промышленности; только в земледелии она фиксируется и потому получает отличную от сверхприбыли форму ренты. И здесь [рента получается благодаря тому, что] спрос превышает предложение, или, что означает то же самое, благодаря тому, что добавочный спрос не может быть удовлетворен добавочным предложением по ценам, существовавшим при первоначальном предложении, до того как цены возрасли вследствие превышения спроса над предложением. И здесь рента, дифференциальная рента, получается благодаря тому, что цена превышает ценность, что цена на лучшей участке стоит выше его ценности, что служит причиной добавочного предложения.

[В-третьих:] Рента представляет лишь процент на вложенный в землю капитал. Этот взгляд имеет то общее с теорией Рикардо, что он отрицает абсолютную земельную ренту. Дифференциальную ренту он должен признавать, когда участки, в которые вложены одинаковой величины капиталы, дают ренты различной величины. На

самом деле мы здесь приходим к Рикардовскому взгляду, что некоторые участки не дают ренты, и что там, где действительно получается рента, это является дифференциальной рентой. Но этот взгляд абсолютно не может об'яснить ренты с земли, в которую не вложен капитал, например, ренты с водопадов, рудников и т. д. На самом деле это была лишь попытка с капиталистической точки зрения спасти ренту от нападков Рикардо—под названием процента.

Наконец [в-четвертых]: Рикардо полагает, что на земле, которая не дает ренты, цена продукта равна его ценности, так как она равна цене производства, т.-е. авансированному капиталу плюс средняя прибыль. Он, следовательно, ошибочно предполагает, что ценность товара равна его цене производства. Если эта ошибочная предпосылка отпадает, то возможна абсолютная рента, потому что ценность сельскохозяйственных продуктов, как и ценность большой категории разных других товаров, стоит выше их цены производства; но при существовании земельной собственности она не выравнивается до цены производства, чем они и отличаются от других товаров. Последняя теория признает, следовательно, вместе с теорией монополии, что земледелие, как таковое, связано с рентой; вместе с Рикардо она признает дифференциальную ренту; она полагает, наконец, что абсолютная рента отнюдь не противоречит закону ценности.

б) Исторические условия теории Рикардо.

Главное [о земельной ренте] сказано было, когда речь шла о Родбертусе. Здесь нам остается еще прибавить следующее.

Сначала остановимся на исторической части вопроса:

Рикардо прежде всего имеет в виду более или менее современный ему период, 1770—1815 г.г., когда цены на пшеницу непрерывно росли. Андерсон имеет в виду XVIII столетие, в конце которого он писал: от начала этого столетия до середины его наблюдалось падение, и от середины до конца возрастание цен. Поэтому у Андерсона мы не находим в открытом им законе никакой связи с падающей производительностью земледелия или нормальным вздорожанием продукта. Но мы находим эту связь у Рикардо. Андерсон полагает, что отмена хлебных законов (тогда экспортных премий) служила причиной возрастания цен во второй половине XVIII столетия. Рикардо знал, что введение хлебных законов (1815) должно было воспрепятствовать падению цен и до известной степени не могло не воспрепятствовать этому. Последний таким образом утверждает, что предоставленный самому себе закон земельной ренты—в пределах определенной территории—должен привести к возделыванию менее плодородной земли, следовательно, к вздорожанию сельскохозяйственных продуктов, возрастанию ренты за счет индустрии и массы населения. И Рикардо здесь был прав, с практической и исторической точки зрения. Андерсон [предполагал] обратное: хлебные законы (он стоит также за ввозные пошлины) должны способствовать равномерному развитию земледелия в пределах определенной территории; для равномерного развития земледелия требуется [эта] гарантия; это прогрессирующее развитие само по себе, на основании найденного им закона зе-

мельной ренты, должно иметь своим последствием повышение производительности индустрии и этим самым падение цен производства сельскохозяйственных продуктов.

Но оба они исходят из того взгляда, который кажется столь поразительным на континенте, что 1) не существует земельной собственности, препятствующей свободному приложению капитала к земле; 2) что совершается переход от лучшей земли к худшей. У Рикардо это имеет абсолютное значение—не говоря о нарушениях, вызываемых влиянием науки и индустрии; у Андерсона худшая земля снова превращается в лучшую; у него, следовательно, это имеет относительное значение; 3) что всегда имеется капитал, необходимая сумма капитала, которая может быть вложена в земледелие.

Что касается 1 и 2, то на континенте должно казаться очень странным, что в стране, в которой по их представлениям феодальная земельная собственность сильнее всего сохранилась, экономисты исходят из предположения, что не существует земельной собственности; это делает как Андерсон, так и Рикардо. Это объясняется—во-первых: своеобразием английского „law of enclosures“, которое не имеет никакого сходства с континентальными раздлами общинных земель;

во-вторых: нигде в мире капиталистическое производство, со времени Генриха VII, не распорядилось так беспощадно традиционными отношениями в земледелии; нигде оно не подчинило так себе их отношений, не сделало их столь себе адекватными. Англия представляет в этом отношении самую революционную страну в мире. Все исторически сохранившиеся отношения, не только расположение деревень, но и самые деревни, не только жилища земледельческого населения, но и само это население, не только первоначальные центры управления именьями, но и самые эти управления—были беспощадно уничтожены там, где они противоречили условиям капиталистического производства в сельском хозяйстве. Например, хозяйственные отношения, которые застают немец, определены традиционными отношениями при пользовании марками, расположением хозяйственных центров, известной группировкой населения. Исторические условия в сельском хозяйстве, которые находит англичанин, прогрессивно созданы капиталом с конца XV столетия. Употребляемое в Соединенном королевстве техническое выражение „clearing of estates“ не встречается ни в одной континентальной стране. Но что означает это „clearing of estates“? что не обращают никакого внимания на оседлое население, которое изгоняется, на существующие деревни, которые сметаются, на хозяйственные строения, которые сносятся, на формы сельского хозяйства, которые сразу видоизменяются, например, пахотные поля превращаются в пастбища для скота; все условия производства не воспринимаются в таком виде, в каком они нам переданы, а исторически создаются в таком виде, в каком они должны быть при данных условиях для наиболее выгодного приложения капитала. Постольку, следовательно, нет земельной собственности; она позволяет капиталу—арендатору—свободно хозяйничать, так как ее интересует лишь денежный доход. Померанский помещик, который думает о своих наследственных марках, хозяйственных центрах, сельско-

хозяйственной коллегии, может поэтому хвататься за голову по поводу „неисторического“ взгляда Рикардо на развитие сельско-хозяйственных отношений. Этим он показывает лишь то, что он наивно смешивает померанские и английские отношения. Но нельзя сказать, что Рикардо, который здесь исходит из английских отношений, имеет такой же узкий кругозор, как померанский помещик, мышление которого ограничено померанскими отношениями. Английские отношения являются единственными, в которых современное землевладение, то-есть видоизмененная капиталистическим производством земельная собственность, развилась адекватно. Английские воззрения являются классическими для современного, капиталистического способа производства. Померанские воззрения, наоборот, рассматривают развитые отношения с точки зрения исторически более низкой, еще не адекватной формы.

И большинство континентальных критиков Рикардо исходят даже из отношений, где вообще капиталистический способ производства, адекватно или не адекватно, совсем еще не существует. Получается то же самое, как если бы цеховой мастер хотел непосредственно применять к своему цеховому хозяйству законы А. Смита, предполагающие свободную конкуренцию.

Переход от лучшей земли к худшей—относительно, для данной стадии развития производительности труда, как мы это находим у Андерсона, не абсолютно, как у Рикардо—мог служить предпосылкой лишь в такой стране, как Англия, где в пределах сравнительно очень небольшой территории так беспощадно хозяйничал и распоряжался капитал, который в течение столетий безжалостно старался сделать себе адекватными все традиционные отношения в сельском хозяйстве. [Для теории ренты Рикардо, следовательно, имелась почва лишь там], где капиталистическое производство в сельском хозяйстве не существует, как на континенте, со вчерашнего дня, и не борется со старой традицией.

Вторым определяющим моментом являлся у англичан взгляд, заимствованный из их колоний. Мы видели, что уже у Смита имеется основа всей теории Рикардо—с непосредственной ссылкой на колонии. В этих колониях—особенно в тех, которые производили только продукты торговли, как табак, хлопок, сахар, а не обычные с‘естные припасы,—где с самого начала колонисты искали не пропитания, а открывали дела, решающее значение имело естественно, при данном местоположении, плодородие земли; и при данном плодородии земли, расположение ее. Они поступали не как германцы, которые остановились в Германии, чтобы здесь поселиться, а как люди, которые руководились мотивами буржуазного производства; они хотели производить товары, исходя из точек зрения, которые с самого начала определялись не продуктом, а продажей продукта. Из колоний, созданных людьми, которые уже сами по себе были продуктом капиталистического способа производства, [Рикардо и другие английские писатели] перенесли [этот взгляд] на ход мировой истории; при этом они рассматривали капиталистический способ производства, как Ricus для земледелия вообще, точно так же, как он являлся таковым для их колонистов. Это об‘ясняется тем, что в этих колониях они вообще нашли лишь в более наглядном виде, без борьбы с тради-

ционными отношениями, следовательно, в оголенной форме, то же господство капиталистического производства в сельском хозяйстве, которое в их собственной стране всюду бьет в глаза. Если поэтому немецкий профессор или помещик—живущий в стране, которая отличается от всех других стран абсолютным отсутствием колоний у нее—находит такой взгляд „ошибочным“, то это вполне понятно.

Наконец, предположение о постоянном движении капитала из одной отрасли производства в другую, эта основная предпосылка у Рикардо есть не что иное, как предположение господства развитого капиталистического производства. Где этого еще нет, там такой предпосылки не существует. Померанский помещик будет, например, удивляться тому, что Рикардо и все английские писатели никогда не подозревают возможности того, что в сельском хозяйстве может быть недостаток в капитале. Англичанин жалуется на недостаток земли в сравнении с капиталом; но он никогда не жалуется на недостаток капитала в сравнении с землей. Первым обстоятельством Уэкфилд, Чомерс и др. стараются объяснить падение нормы прибыли. Последнее не существует ни у одного из английских писателей,—в стране, где, капитал имеется в избытке во всех отраслях производства, что Корбет считает само собой разумеющимся фактом. Если, наоборот, иметь в виду немецкие отношения, при которых землевладелец с таким трудом достает деньги—так как он сам, а не зависимый от него капиталистический класс, занимается земледелием,—то становится понятным, что господин Родбертус, например (3 письмо, стр. 211), удивляется по поводу „Рикардовской фикции, что запас капитала будто бы соответствует желанию его прилагать“. Чего недостает англичанину, это „field of action“, места приложения имеющегося запаса капитала. Но „желания капитала“ для „приложения“ не существует в Англии для единственного класса, который должен прилагать капитал—для класса капиталистов.

Эти „желания капитала“ померанского происхождения.

Английские писатели выдвигают против Рикардо не то возражение, что для выгодного приложения не существует любого запаса капитала, но что обратное движение капитала из земледелия наталкивается на специфические технические и другие препятствия. Этот способ континентальной критики, этот способ опровержения Рикардо свидетельствует, следовательно, лишь о более низкой ступени условий производства, из которых исходят те „мудрецы“.

Теперь к делу.

с) Ценность и цена производства в земледелии.

Прежде всего, чтобы представить проблему в чистом виде, мы должны совершенно оставить в стороне дифференциальную ренту, которая одна только и существует у Рикардо. Под дифференциальной рентой я понимаю разницу в величине ренты—большую или меньшую ренту, которая обусловлена разницей в плодородии различных участков земли¹.

¹ При одинаковом плодородии дифференциальная рента может получиться лишь благодаря различной величине вложенного капитала. Этот случай не существует для нашей проблемы, не касается ее.

Эта дифференциальная рента соответствует лишь сверхприбылям, которые при данной рыночной цене, или вернее рыночной ценности в каждой отрасли промышленности, например, хлопчатобумажной, получает [тот-капиталист, условия производства которого лучше средних условий этой определенной отрасли производства; ибо ценность товара определенной сферы производства определяется не количеством труда, затраченного на единичный товар, а количеством труда, вложенного в [тот] товар, который произведен при средних условиях этой сферы. Здесь индустрия и земледелие различаются между собой лишь тем, что в индустрии сверхприбыли попадают в карманы самого капиталиста, а в земледелии — в карман землевладельца; далее тем, что в индустрии они текут, не обладают постоянством; то их получает один капиталист, то другой; то они появляются, то исчезают; меж тем как в земледелии они фиксируются, благодаря их постоянной, по крайней мере, для продолжительного времени постоянной, естественной основе, выражающейся в различиях почвы.

Мы должны, следовательно, отвлечься от этой дифференциальной ренты; но нужно заметить, что она одинаково возможна как при переходе от лучшей земли к худшей, так и при переходе от худшей земли к лучшей. В обоих случаях предполагается только, что возделанная земля необходима, но что ее лишь достаточно для удовлетворения возросшего спроса. Если бы вновь возделываемая земля более, чем удовлетворяла этот возросший спрос, то часть или, в зависимости от размеров добавочного спроса, вся плохая земля не возделывалась бы; по крайней мере, она не возделывалась бы для получения продукта, который служит основой земледельческой ренты; таким продуктом является в Англии пшеница, в Индии рис. Дифференциальная рента не предполагает, следовательно, прогрессивного ухудшения земледелия; она может также получиться и благодаря прогрессивному улучшению его. Даже там, где она предполагает переход к худшим участкам, этот переход может, во-первых, быть обусловлен повышением производительности, так как лишь более высокая производительность делает возможным возделывание худшей земли при той цене, которую допускает спрос. Во-вторых, худшая земля может быть улучшена, и все же различия могут оставаться, хотя они и уменьшаются, так что в результате происходит лишь уменьшение относительной, сравнительной производительности, меж тем как абсолютная производительность возрастает. Это служит даже предпосылкой Андерсона, первого автора Рикардовского закона.

Мы здесь должны иметь в виду лишь собственно земледельческую ренту, то-есть ренту с земли, которая доставляет главные растительные жизненные средства. Уже Смит объяснил, что эта именно рента определяет ренты с земли, доставляющей другие продукты, как в скотоводстве и т. д.; следовательно, эти последние являются уже производными рентами, которые определяются законом ренты, а не определяют его; они, таким образом, сами по себе не дают материала для понимания закона ренты в его первоначальных чистых условиях; [эти ренты не представляют] чего-либо первичного.

Если все это выяснено, то вопрос сводится к следующему: существует ли абсолютная рента? То-есть, рента, получаемая оттого, что ка-

питал вложен в земледелие, а не в индустрию, и совершенно не зависящая от дифференциальной ренты или от сверхприбылей, которые составляет капитал, вложенный в лучшую землю.

Ясно, что Рикардо совершенно последовательно дает отрицательный ответ на этот вопрос, после того как он уже исходил из ошибочного предположения, что ценности и цены производства товаров тождественны. Если бы дело обстояло таким образом, то было бы простой тавтологией утверждение, что когда постоянная цена сельскохозяйственных продуктов дает кроме средней прибыли еще и ренту, постоянный излишек сверх этой средней прибыли, то цена этих сельскохозяйственных продуктов стоит выше их цены производства, так как эта цена производства равняется авансированному капиталу плюс средняя прибыль, и больше ничего не включает. Если бы цены сельско-хозяйственных продуктов стояли выше их цен производства, если бы они необходимо давали сверхприбыль,—то они тем самым стояли бы выше их ценностей. Ничего не оставалось бы, кроме предположения, что они всегда продаются выше своей ценности, что однако предполагает также, что все другие продукты продаются ниже своей ценности, или что ценность вообще представляет нечто совершенно отличное от того, что мы необходимо понимаем [под этим названием] в теории.

То же самое количество труда, непосредственного и накопленного, при учете всех выравниваний, которые происходят между различными капиталами вследствие их различий, вытекающих из процесса обращения, создавало бы в земледелии большую ценность, чем в индустрии. Ценность товара, следовательно, не определялась бы количеством заключенного в нем труда. Вся основа экономической науки была бы таким образом разрушена. Следовательно, правильно заключает Рикардо, абсолютной ренты не существует. Возможна лишь дифференциальная рента,—то-есть, цена сельскохозяйственного продукта, полученного с худшей земли, равняется цене производства продукта [и последняя равна его ценности], как у всякого другого товара. Капитал, вложенный в худшую землю, отличается от капитала, вложенного в индустрию, лишь способом приложения; это лишь—особый способ приложения капитала. Здесь, следовательно, проявляется общезначимость закона ценности. Дифференциальная рента на лучшей земле — и это тогда является единственной рентой—есть не что иное, как сверхприбыль, получаемая вследствие того, что в каждой сфере производства существует одна рыночная ценность; капиталы, работающие при условиях, которые лучше средних, дают эту сверхприбыль; только в земледелии последняя фиксируется; благодаря естественной основе ее и благодаря тому, что представителем этой естественной основы является землевладелец, она попадает в карман не капиталиста, а землевладельца.

Вместе с предпосылкой Рикардо, что цена производства равна ценности, отпадает все рассуждение. Отпадает теоретический интерес, который заставляет его отрицать абсолютную земельную ренту. Если ценность товара отличается от его цены производства, если товары необходимо делятся на три категории, при чем цена производства одних товаров равна их ценности, ценность других товаров стоит ниже их цены

производства, и ценность третьей группы товаров стоит выше их цены производства,—тогда то обстоятельство, что цена сельскохозяйственных продуктов дает земельную ренту, доказывало бы лишь, что сельскохозяйственный продукт относится к классу товаров, ценность которых стоит выше цены производства. Нам оставалось бы лишь разрешить следующую проблему: почему, в отличие от других товаров, ценность которых также стоит выше их цены производства, ценность сельскохозяйственных продуктов не понижена, благодаря конкуренции капиталов до их цены производства? Ответ заключается уже в самом вопросе. Потому что, согласно предположению, это происходит лишь постольку, поскольку конкуренция капиталов может создать это выравнивание; а последнее возможно лишь постольку, поскольку все условия производства или созданы самим капиталом или в одинаковой мере—первоначально—находятся в его распоряжении¹. Что касается земли, то здесь эти условия отсутствуют, так как имеется земельная собственность, и капиталистическое производство начинает свое движение, предполагая не возникшую из него, а существующую до него земельную собственность. В самом существовании земельной собственности заключается, следовательно, ответ на вопрос. Все, что может сделать капитал, это подчинить земледелие условиям капиталистического производства. Но он не может отнять у землевладельца той части сельскохозяйственного продукта, которую капитал мог бы присвоить себе, не на основании своей собственной деятельности, а только при предположении отсутствия земельной собственности. При существовании земельной собственности он должен, наоборот, предоставить землевладельцу излишек ценности сверх цены производства. Но самая эта разница получается лишь благодаря различию в органическом строении капитала. Все товары, ценность которых, соответственно органическому строению их капитала, стоит выше цены производства, этим самым показывают, что они являются результатом относительно менее производительного труда, чем товары, ценность которых равна цене производства, и еще более, чем те товары, ценность которых стоит ниже цены производства; ибо они требуют большего количества непосредственного труда в сравнении с заключенным в постоянном капитале прошлым трудом, больше живого труда, чтобы привести в движение определенный капитал. Это различие исторического характера; оно, следовательно, может исчезнуть. То же рассуждение, которое объясняет возможность существования абсолютной земельной ренты, доказывает, что ее реальность, ее существование, есть исторический только факт, который связан лишь с известной ступенью развития земледелия, и на высшей ступени может исчезнуть. Рикардо объяснял дифференциальную ренту абсолютным умень-

¹ В конкуренции нужно различать двоякого рода движение при выравнивании. Капиталы внутри одной и той же сферы производства выравнивают цены товаров, произведенных внутри этой сферы, в одну рыночную цену, каково бы ни было отношение ценности этих товаров к этой цене. Средняя рыночная цена должна была бы равняться ценности товара, если бы не происходило выравнивание между различными сферами производства. Между этими различными сферами конкуренция выравнивает ценности в цены производства, поскольку взаимодействие капиталов не встречает препятствия, не нарушается третьим элементом—землевланием и т. д.

шением производительности земледелия, что отнюдь не является ее предпосылкой, и чего не предполагает Андерсон. Рикардо, наоборот, отрицает абсолютную земельную ренту, так как он предполагает, что органическое строение капитала в индустрии и земледелии одинаково,—он отрицает, следовательно, лишь исторически существующий факт более низкого развития труда в земледелии, в сравнении с индустрией. Он поэтому впадает в двойную историческую ошибку. Во-первых, он полагает, что производительность труда в земледелии и индустрии абсолютно одинакова; следовательно, он отрицает факт исторического лишь различия в данных степенях их развития; во-вторых, он предполагает абсолютное падение производительности земледелия и считает это законом развития. Первое он делает для того, чтобы цену производства на худшей земле приравнять к ценности; второе для того, чтобы объяснить различия между ценами продуктов лучших сортов земли и их ценностью. Все заблуждение вытекает здесь из смешения цены производства и ценности.

Таким образом, с теорией Рикардо мы покончили. Остальное сказано выше в главе о Родбертусе.

д) Рикардово объяснение ренты.

Как я уже говорил, Рикардо начал главу [о земельной ренте] таким образом: нужно еще рассмотреть, согласуется ли „обращение земли в собственность и обусловленное этим возникновение ренты“ (1. с. стр. 53; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 34) с определением ценности рабочим временем. И далее:

„Поэтому, Адам Смит безусловно ошибается, предполагая, что первоначальный закон, по которому меновая ценность товаров определяется относительным количеством затраченного на него труда, может быть сколько-нибудь изменен, вследствие обращения земли в частную собственность и платежа ренты“ (стр. 67; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 42).

В этой непосредственной и ясно сознаваемой им связи между теорией ренты и определением ценности заключается теоретическое достоинство учения Рикардо. Вообще же эта вторая глава „о земельной ренте“ значительно хуже рассуждений Уэста. Там имеется много ошибок, *retitio principii* и неправильное трактование проблемы.

При собственно земледельческой ренте, которую Рикардо здесь справедливо рассматривает, как ренту *κατ' ἐξοχήν*, рента есть то, что уплачивается за разрешение вложить в землю капитал, производить капиталистически. Земля здесь является элементом производства. Иначе обстоит дело, например, при ренте за строения, водопады и т. д. Силы природы, за которые здесь платят, служат условием производства: или как сила, которая входит в производство, или как *sine qua non*, но они не являются элементом этой определенной сферы производства. Далее при рентах за рудники, угольные копи и т. д. земля служит резервуаром потребительных ценностей, которые должны быть извлечены из недр земли. Здесь платят за землю не потому, что она является элементом производства, как в земледелии, и не потому, что она входит в производство, как одно из условий производства, как напр. водопад или площадь под

зданиями, а потому, что она, как резервуар, содержит потребительные ценности, которые должны быть добыты с помощью индустрии.

Следующее об'яснение Рикардо неудовлетворительно.

„Рента — это та доля продукта земли, которая уплачивается землевладельцу за пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы“ (I. с., стр. 53; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 34).

Во-первых, земля вовсе не обладает „неразрушимыми силами“. (Остановиться на этом в конце главы). Во-вторых, она не обладает также „первоначальными силами“ постольку, поскольку земля вообще не представляет ничего „первоначального“, а является продуктом естественно-исторического процесса. Но не будем на этом останавливаться. Под „первоначальными“ силами почвы здесь следует понимать те силы, которыми она обладает независимо от воздействия на нее человека, от индустрии [понимая это слово в самом широком смысле]; хотя с другой стороны силы, приобретенные ею, благодаря индустрии, совершенно так же становятся ее первоначальными силами, как и те, которые даны ей естественным процессом. Тогда остается правильным утверждение, что рента уплачивается за „пользование“ силами природы, совершенно независимо от того, относится ли это к „первоначальным силам“ земли, или к силе водопада, или к земле, предназначенной под постройки, или к сокровищам, извлекаемым из воды или из недр земли.

В отличие, говорит Рикардо, от собственно земледельческой ренты, А. Смит говорит о ренте, которую платят за девственный лес, о ренте с угольных копей, о ренте, доставляемой каменоломнями. Способ опровержения здесь у Рикардо очень странный.

Он начинает с того, что с земельной рентой нельзя смешивать процентов и прибыли на капитал, именно на капитал, „затраченный на улучшение качества почвы и на сооружение зданий, необходимых для хранения продукта и предохранения его от порчи“. Вслед затем он переходит к вышеуказанным примерам А. Смита. Относительно девственных лесов он говорит:

„Не ясно ли, однако, что лицо, платившее то, что Смит называет здесь земельной рентой, платило ее за обладавший ценностью товар, находившийся на данном участке, и что при продаже вырубленного леса он выручил свои деньги с прибылью“ (I. с., стр. 53; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 34—35).

Относительно каменоломен и угольных копей мы находим у него ту же аргументацию.

„Вознаграждение, уплачиваемое за копи или каменоломни, есть плата за ценность угля или камня, которые могут быть извлечены из них, и отнюдь не стоит в связи с первоначальными и неразрушимыми силами почвы. Это различие имеет большое значение при исследовании ренты и прибыли. Ибо, как мы увидим потом, законы, управляющие движением ренты, совершенно отличны от законов, управляющих движением прибыли, и редко действуют в одном и том же направлении“ (I. с., стр. 54, 55; рус. пер. Н. Рязанова, стр 35).

Удивительная логика! Нужно различать между рентой, которая уплачивается собственнику земли за пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы, и процентом и прибылью, которые уплачиваются ему за капитал, который он затратил на улучшение почвы и т. д. То „вознаграждение“, которое уплачивается владельцу девственных лесов за право пользования лесом, или собствен-

нику каменоломен и угольных копей за право „добывания“ камня и угля, не является рентой, ибо оно уплачивается не за „пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы“. Великолепно! Однако Рикардо рассуждает так, как будто это „вознаграждение“ есть то же самое, что и прибыль и процент, которые уплачиваются за затраченный капитал, за улучшение почвы! Но как это ошибочно! Разве собственник вложил в девственный лес „капитал“, чтобы он давал лес? разве владелец каменоломен и угольных копей вложил в них капитал, для того, чтобы они содержали камни и уголь? Откуда, следовательно, получается его „вознаграждение“? Оно отнюдь не представляет прибыли или процента на капитал, как это контрабандным путем хочет об’яснить Рикардо. Следовательно, это рента и только, если и не рента в таком смысле, как определяет ее Рикардо. Но это только доказывает, что его определение ренты исключает формы, где „вознаграждение“ уплачивается только за силы природы, в которые не вложен человеческий труд, а именно владельцу этих сил природы, и только потому, что он является „владельцем“, землевладельцем, безразлично, представляет ли эта земля пашню, леса, богатый рыбой пруд, водопад, предназначена под постройки и т. д. Но, говорит Рикардо, человек, который платит за право рубки дров в девственном лесу, заплатил „таким образом за обладающий ценностью товар, находившийся на данном участке, и при продаже вырубленного леса он выручил свои деньги с прибылью“.

Стой! Если Рикардо называет здесь деревья, стоящие на земле в девственном лесу, „обладающим ценностью товаром“, то это означает лишь, что они представляют потребительную ценность [только еще потенциально]. И эта потребительная ценность выражена здесь в словах „обладающий ценностью“. Но это не „товар“. Ибо для этого они должны представлять одновременно меновую ценность, то-есть овеществление определенного количества затраченного на них труда. Товаром они становятся лишь тогда, когда они отделены от девственного леса, срублены, удалены, транспортированы, превращены из древесных стволов в годное для потребления дерево. Или они становятся товаром только потому, что они проданы? Тогда и пахотные земли тоже становятся товаром благодаря только акту продажи? В таком случае мы должны были бы, следовательно, сказать: рента есть цена, которая уплачивается владельцу сил природы или продуктов, созданных исключительно природой, за право пользования этими силами, или за право присвоения этих продуктов при затрате труда. В такой именно форме выступает первоначально всякая рента. Но тогда остается именно разрешить вопрос, каким образом имеют цену вещи, которые не обладают ценностью, и как это согласуется с общей теорией ценности. Вопрос, с какой целью человек платит „вознаграждение“ за право рубки леса, не имеет ничего общего с настоящим вопросом. Вопрос состоит в следующем: из какого фонда он платит? Да, говорит Рикардо, [он его получает] „благодаря продаже леса“. Следовательно, из цены леса. А именно, эта цена была такова, что человек, как говорит Рикардо, „выручил свои деньги с прибылью“. Теперь мы, следовательно, знаем, в чем дело. Цена леса должна во всяком случае равняться сумме денег, соответствующей количеству

труда, необходимому для того, чтобы срубить деревья, транспортировать их, доставить на рынок. Представляет ли прибыль, с которой человек „выручает свои деньги“, надбавку к этой ценности, к меновой ценности леса, обусловленной затраченным на него теперь трудом? Если бы Рикардо сказал это, мы получили бы самое грубое об'яснение, стоящее гораздо ниже его собственной доктрины. Нет. При предположении, что человек этот был капиталистом, прибыль представляет часть примененного им труда, за которую он не заплатил; и этот человек получил бы, скажем, ту же самую прибыль, если бы он привел в движение то же самое количество труда на бумагопрядильной фабрике¹. Но здесь мы наталкиваемся на странное выражение, что этот лесопромышленник „выручает свои деньги с прибылью“. Это придает всей сделке очень ординарный вид и соответствует грубому представлению, которое имеет сам капиталист, вывозящий лес, об источнике своей прибыли. Сначала он платит владельцу девственного леса за потребительную ценность, за лес, который однако не имеет ценности (меновой ценности) и, пока он „стоит на корню“, не имеет даже потребительной ценности. Он платит ему, скажем, 5 ф. ст. за тонну. А потом он продает публике тот же лес, за вычетом других расходов, по 6 ф. ст. и таким образом на самом деле выручает свои 5 ф. ст. с прибылью, равной 20 процентам. Если бы владелец леса требовал лишь „вознаграждение“ в 2 ф. ст. то лесопромышленник продавал бы тонну за 2 ф. ст. 8 шилл. вместо 6 ф. ст. Так как он всегда прибавляет одну и ту же норму прибыли, то здесь, следовательно, цена леса была бы выше или ниже в зависимости от высоты ренты. Последняя входила бы в цену, как конституирующий момент, и ни в коем случае не являлась бы результатом цены. Уплачивается ли рента—„вознаграждение“—владельцу земли за пользование „силами“ земли или за пользование „естественными продуктами“ земли,—это абсолютно ничего не изменяет в экономическом отношении, нисколько не меняет того, что уплачивается за нечто натуральное, за силу или продукт земли, на которые раньше не затрачен был человеческий труд. И таким образом Рикардо на второй странице своей главы „О ренте“—во избежание трудности—разрушил всю свою теорию. Очевидно, А. Смит был гораздо дальновиднее.

То же самое относится к каменоломням и копиям.

„Вознаграждение за копи или каменоломни уплачивается за ценность угля или камня, которые из них могут быть добыты, и не стоит ни в какой связи с первоначальными и неразрушимыми силами почвы“.

Конечно! Но [оно стоит] в очень значительной связи с первоначальными и разрушаемыми продуктами земли. Слово „ценность“ здесь также не подходит, как и выше выражение „выручает с прибылью“.

Рикардо никогда не употребляет слова „ценность“ (value) для „полезности“ (utility) или „пригодности“ (usefulness) или „потребительной

¹ Если этот человек не является капиталистом, то прибыль равна тому количеству его труда, которое остается по возмещении его заработной платы, и которое образовало бы прибыль капиталиста, если бы этот труд был приведен в движение этим последним; но так как теперь одно и то же лицо является наемным рабочим и капиталистом, то этот излишек составляет его собственную прибыль.

ценности" (value in use). Если, следовательно, он хочет сказать, что „вознаграждение“ уплачивается владельцу каменоломен и угольных копей за ту „ценность“, которую имеют уголь и камень, до того как они добыты из каменоломен и копей, в их первоначальном состоянии,— тогда он уничтожает все свое учение о ценности. Или здесь ценность, как это и должно быть, означает возможную потребительную ценность угля и камня, а потому также и их предвосхищаемую меновую ценность? Тогда это означает лишь то, что их собственнику рента уплачивается за разрешение использовать „первоначальные силы земли“ для получения угля и камня. И абсолютно непонятно, почему это не должно называться „рентой“ так же, как в том случае, когда дано было бы разрешение использовать силы земли для производства пшеницы. И мы снова приходим к уничтожению всей теории ренты, как мы это видели на примере с лесом. По правильной теории вопрос не представляет никаких трудностей. Затраченные на производство (не воспроизводство) леса, угля, камня количества труда или капитала хотя и не создают этих естественных продуктов, но они разрывают элементарную связь их с землей и таким образом „производят“ их, как годные к употреблению лес, уголь, камень; эти количества труда или капитала относятся очевидно к сферам производства, где вложенная в заработную плату часть капитала [относительно] больше, [а] часть, затраченная на постоянный капитал, [меньше, чем при строении капитала среднем для всех сфер производства]; непосредственный труд относительно больше, [а] прошлый труд, результат которого служит средством производства, относительно меньше¹. Если таким образом здесь товар продается по своей ценности, то эта ценность стоит выше цены производства товара. Излишек, следовательно, может быть уплачен в виде ренты собственнику леса, каменоломни или копн.

Но чем объясняются эти грубые маневры Рикардо, неправильное толкование ценности и т. д.? Почему он так цепляется за объяснение ренты, что она уплачивается за пользование „первоначальными и неразрушимыми силами почвы“? Ответ мы, вероятно, получим потом. Во всяком случае он хочет выделить в особую рубрику собственно ренту с пахотной земли и в то же время положить уже начало объяснению дифференциальной ренты: что за эти элементарные силы может быть уплачено лишь постольку, поскольку они представляют силы, различающиеся между собой по степени.

е) Изменения ренты при переходе к более плодородной земле.

а) Изменения суммы ренты.

К вышесказанному нужно еще прибавить следующее. Предположим, что открыты более богатые или лучше расположенные угольные копи и каменоломни, так что они при том же количестве труда дают больше

¹ В рукописи это место гласит: „Где затраченная на заработную плату часть капитала больше части, затраченной на постоянный капитал, непосредственный труд больше прошлого труда, продукт которого служит средством производства“. К.

продукта, чем прежде, а именно, столько продукта, что им покрывается весь спрос. Тогда ценность, а потому и цена угля или камня понизилась бы; вследствие этого старые угольные копи и каменоломни должны были бы закрыться. Они не давали бы прибыли, не возмещали бы заработной платы и не доставляли бы ренты. Тем не менее новые копи давали бы ренту, как раньше старые, хотя по норме и меньшую, ибо каждое увеличение производительности труда уменьшает затраченный на заработную плату капитал в сравнении с постоянным капиталом, — здесь в сравнении с капиталом, вложенным в орудия производства. Верно ли это? Верно ли это и там, где изменение производительности труда обусловлено не изменением самого способа производства, а изменением естественных богатств угольной копи или каменоломни или их положения? Единственное, что мы здесь можем сказать, это то, что та же самая сумма капитала доставляет здесь больше тонн угля или камня, что, следовательно, в каждой тонне содержится меньше труда, но во всех тоннах вместе заключается столько же или даже больше труда, когда новые копи или каменоломни удовлетворяют, кроме прежнего спроса, который удовлетворяли старые копи и каменоломни, еще и добавочный спрос, а именно, добавочный спрос, превышающий разницу между богатством старых и новых копей и каменоломен. Но органическое строение примененного капитала от этого не изменилось бы. Правда, цена тонны, одной только тонны, содержала бы меньше ренты, но только потому, что вообще в ней содержится меньше труда, следовательно, также меньше заработной платы и меньше прибыли. Однако, на отношение между нормой ренты и прибылью это не влияло бы. Мы можем, следовательно, сказать лишь следующее: если спрос остается тот же, если, следовательно, должно быть добыто прежнее количество угля и камня, то теперь для получения того же количества товаров в новых, более богатых копиях и каменоломнях, применяется меньше капитала, чем раньше применялось в старых. Ценность всей массы товаров, таким образом, падает, уменьшается, следовательно, и вся сумма ренты, прибыли, заработной платы и примененного постоянного капитала. Но отношения ренты и прибыли так же не изменяются, как и отношения прибыли и заработной платы, или прибыли и затраченного капитала, так как не произошло органического изменения во вложенном капитале. Изменилась лишь его величина, а не строение примененного капитала, следовательно, и не способ производства.

Если нужно удовлетворить повышенный спрос, — но это увеличение спроса соответствует разнице в богатстве новых и старых копей и каменоломен, — то будет применяться прежняя сумма капитала. Ценность каждой тонны падает. Однако общее количество тонн имеет ту же самую ценность, что и раньше. Что касается отдельной тонны, то вместе с заключенной в ней ценностью уменьшилась и величина тех частей ценности, которые выражаются в прибыли и ренте. Но так как величина капитала осталась та же, и в то же время общая ценность его продукта не подверглась органическому изменению в своем строении, то сумма ренты и прибыли осталась та же.

Если возрастание спроса так велико, что при применении прежнего капитала он не может быть покрыт разницей в богатстве новых и старых

копей и каменоломен, то в новые копи необходимо вложить больше капитала. В этом случае,—если с увеличением всего вложенного капитала не происходит изменения в разделении труда, применении машин, если, следовательно, не происходит изменения в органическом строении капитала—сумма ренты и прибыли возрастет, так как увеличилась ценность всего продукта, ценность всего количества тонн, хотя ценность каждой отдельной тонны, следовательно, также и та часть ее ценности, которая выражается в ренте и прибыли, упала.

Во всех этих случаях не происходит изменения нормы ренты, так как не происходит изменения в органическом строении примененного капитала, как бы ни изменилась его величина. Если бы, наоборот, произошло изменение органического строения, уменьшение затраченного на заработную плату капитала в сравнении с тем, который вложен в машины и т. д.—так что, следовательно, изменяется самый способ производства,—то норма ренты понизилась бы, так как уменьшилась бы разница между ценой производства и ценностью товара. В рассмотренных выше трех случаях она не уменьшается. Ибо если падает ценность, тогда падает и цена производства единичного товара, так как на него затрачивается меньше труда, меньше оплаченного и неоплаченного труда.

Таким образом, следовательно, когда повышение производительности труда—или уменьшение ценности определенного количества произведенных товаров—обусловлено лишь изменением производительности естественных элементов, различной степенью естественного плодородия разных сортов земли, естественного богатства рудников, каменоломен и т. д.,—сумма ренты может уменьшиться, так как при изменившихся условиях применяется меньшая сумма капитала. Она может остаться постоянной при возросшем спросе; она может увеличиться, когда возросший спрос больше разницы в производительности старых и новых естественных средств производства. Но норма ренты могла бы расти лишь с изменением в органическом строении примененного капитала. Сумма ренты, следовательно, не должна necessarily падать, когда оставлена худшая земля, худшая каменоломня, худший рудник и т. д. Норма ренты никогда даже не может падать, когда они оставлены вследствие того, что они обладают меньшими естественными богатствами.

Рикардо смешивает правильное положение, что в этом случае сумма ренты при определенной высоте спроса может падать, то-есть, что сумма ренты зависит от того, уменьшается ли сумма примененного капитала, или же последняя остается неизменной, или же она увеличивается,—с совершенно ошибочным положением, что норма ренты должна падать, что при наших предположениях невозможно, так как предполагается, что не произошло никакого изменения в органическом строении капитала; следовательно, не произошло изменения, которое влияет на отношение между ценностью и ценой производства, — единственное отношение, определяющее норму ренты.

β) Изменения дифференциальной ренты.

Но как в этом случае обстоит дело с дифференциальной рентой?

Предположим, что эксплуатируются угольные копи трех классов, I, II, III, из коих I дает абсолютную ренту, II дает вдвое большую.

ренту и III дает вдвое большую ренту, чем II, или в четыре раза большую, чем I. В этом случае I дает абсолютную ренту, P, II—2 P и III—4 P. Потом открыли, предположим, Nr. IV, который богаче, нежели I, II и III, и, соответственно его размерам, в него может быть вложен такой капитал, как в I. В этом случае при неизменном спросе в IV будет вложен тот же капитал, как раньше в I. Таким образом, I закрылся бы. И часть капитала, вложенного во II, пришлось бы изъять. IV¹ было бы достаточно для возмещения I и части II; но часть класса II должна еще эксплуатироваться для того, чтобы удовлетворялся весь спрос. Для иллюстрации предположим, что IV может доставить с таким же капиталом, какой затрачен в I, все предложение класса I и половину предложения класса II. Если бы, следовательно, во II была вложена половина прежнего капитала, в III—старый капитал и в IV—новый, то этого было бы достаточно для снабжения всего рынка. Какие произошли бы тогда изменения, и как бы они повлияли на сумму ренты, на ренту классов I, II, III, IV?

Абсолютная рента, которая получалась бы с класса IV, представляла бы совершенно ту же сумму и норму, как и раньше рента с I. Сумма и норма абсолютной ренты в I, II, III и раньше были бы одинаковы, при предположении, что в этих различных классах применен был одинаковой величины капитал. Индивидуальная [ценность] продукта класса IV равнялась бы ценности всего прежнего продукта кл. I, так как это продукт капитала одинаковой величины и одинакового органического строения. Поэтому должна получиться одинаковая разница между ценностью и ценой производства и одинаковая норма ренты. Кроме того, сумма ее должна быть одинакова, так как при данной норме ренты применены были капиталы одинаковой величины. Но так как ценность угля не определяется ценностью угля класса IV, то последний давал бы добавочную ренту или излишек сверх его абсолютной ренты;—ренту, которая обуславливалась бы не разницей между его ценностью и ценой производства, а разницей между рыночной ценностью и индивидуальной ценностью продукта IV.

Если мы говорим, что абсолютная рента или разница между ценностью и ценой производства одинакова у I, II, III, IV, при предположении, что величина вложенного в них капитала одинакова, следовательно, сумма ренты при данной норме ренты одинакова, то это нужно понимать таким образом: индивидуальная ценность угля класса I—выше класса II, и класса II выше, нежели класса III; ибо в одной тонне угля класса I содержится больше труда, чем в тонне класса II, и в одной тонне класса II—больше, чем в тонне класса III. Но так как органическое строение капитала во всех трех случаях одинаково, то эта разница не касается индивидуальной абсолютной ренты, которую дают I, II, III. Ибо если ценность тонны класса I больше, то и ее цена производства больше; она больше лишь потому, что для производства одной тонны в I затрачен больший капитал одинакового органического строения, чем во II, и во II—больший, чем в III. Таким образом, эта разница их [инди-

¹ В ориг. стоит III и V. *Прим. персс.*

видуальных] ценностей в точности равна разнице их цен производства, то-есть, относительных капиталов, затраченных на производство одной тонны угля в I, II и III. Разница в величине ценностей в трех классах не касается, следовательно, разницы между ценностью и ценой производства в различных классах. Если ценность выше, то и цена производства соответственно выше, так как ценность выше потому, что затрачено больше капитала или труда; таким образом, остается то же самое отношение между ценностью и ценой производства, следовательно, и та же самая абсолютная рента.

Но посмотрим далее, как обстоит дело с дифференциальной рентой.

Во-первых, если мы будем говорить о всем производстве угля, то в классах II, III и IV теперь затрачено меньше капитала. Ибо капитал в IV по своей величине равен капиталу в I. Но кроме того, изъята половина капитала, затраченного в II. Следовательно, сумма ренты в кл. II, во всяком случае, сокращается на половину. Что касается затраты капитала, то произошло изменение лишь в II, так как в IV вложено столько же капитала, как раньше в I. Мы предположили далее, что в I, II и III вложены одинаковые капиталы, например, в каждом 100 ф. ст., вместе 300 ф. ст., следовательно, теперь во II, III и IV имеем еще лишь 250 ф. ст.; 50 ф. ст. или шестая часть капитала изъята была из производства угля.

Но далее упала рыночная ценность угля. Мы видели, что I дает R , II— $2R$ и III— $4R$. Предположим, что продукт 100 ф. ст. в классе I = 120 ф. ст., из которых $R=10$ ф. ст. и прибыль также = 10 ф. ст.; тогда рыночная ценность класса II составляет 130 ф. ст. (10 ф. ст. прибыли и 20 ф. ст. ренты), класса III—150 ф. ст. (10 ф. ст. прибыли и 40 ф. ст. ренты). Если продукт класса I = 60 тонн (тонна = 2 ф. ст.), то продукт кл. II = 65 тоннам, продукт класса III = 75 тоннам, и все производство = $60 + 65 + 75$ тонн. = 200 тоннам. Так как 100 ф. ст. в классе IV производят весь продукт класса I и половину продукта II, то они дают $60 + 32\frac{1}{2}$ тонны = $92\frac{1}{2}$ тонн., которые по старой рыночной ценности стоили бы 185 ф. ст.; следовательно, они доставляли бы ренту в 75 ф. ст., ибо прибыль = 10 ф. ст.; так как абсолютная рента = 10 ф. ст., мы здесь имели бы $7\frac{1}{2}R$.

II, III, IV теперь доставляют то же количество тонн, что и раньше I, II, III, так как $32\frac{1}{2} + 75 + 92\frac{1}{2} = 200$ тоннам. Но как обстоит теперь дело с рыночной ценностью и дифференциальными рентами?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны посмотреть, как велика абсолютная индивидуальная рента II. Мы предполагали, что абсолютная разница между ценностью и ценой производства в этой сфере производства равна 10 ф. ст.¹, равна ренте, которую давал худший рудник, хотя это не необходимо, за исключением того случая, когда I своей ценностью абсолютно определял бы рыночную ценность.

Если это действительно имело место, то рента в I, при продаже его угля по его ценности, вообще представляла излишек ценности в этой

¹ В рукописи стоит 10 процентов.

сфере производства над его собственной ценой производства и над общей ценой производства товаров. II продаст, следовательно, свои продукты по их ценности, если он продаст свои 65 тонн за 120 ф. ст., следовательно, каждую тонну по $1\frac{11}{13}$ ф. ст. Если же он ее продавал по 2 ф. ст., то это объяснялось излишком рыночной ценности, определяемой классом I, над его индивидуальной ценностью; излишком не его [индивидуальной] ценности, а его рыночной ценности над его ценой производства.

Далее II, согласно нашему предположению, продает вместо 65 еще лишь $32\frac{1}{2}$ тонны, так как вместо капитала в 100 ф. ст. он вкладывает в рудник лишь капитал в 50 ф. ст.

II продает, следовательно, теперь $32\frac{1}{2}$ тонны за 60 ф. ст. Из 60 ф. ст. получается 5 прибыли и 5 ренты.

Мы имеем значит для II: Ценность продукта, тонны = $1\frac{11}{13}$ ф. ст.; число тонн = $32\frac{1}{2}$; ценность всего продукта = 60 ф. ст. Рента = 5 ф. ст. Рента упала с 20 ф. ст. до 5 ф. ст. Если бы еще применялся тот же самый капитал, то она сократилась бы лишь до 10 ф. ст. Норма ее, следовательно, понизилась лишь на половину. То-есть она уменьшилась на всю ту разницу, которая существовала между рыночной ценностью, определяемой классом I, и его (т.-е. класса II) собственной ценностью, т.-е. она упала на столько, на сколько она была выше разницы между ценностью класса II и его ценой производства. Его дифференциальная рента равнялась 10 ф. ст., его рента равна теперь 10 ф. ст., равна его абсолютной ренте. В классе II, следовательно, с падением рыночной ценности до ценности угля класса II, дифференциальная рента исчезла; таким образом норма ренты, которая раньше была удвоена благодаря этой дифференциальной ренте, теперь уменьшилась от 20 до 10. Но рента сократилась далее от 10 до 5, так как при данной теперь норме ренты капитал, вложенный в II, уменьшился на половину.

Так как теперь рыночная ценность определяется ценностью класса II, т.-е. равна, $1\frac{11}{13}$ ф. ст. за тонну, то рыночная ценность 75 тонн, доставляемых классом III, равняется теперь $138\frac{6}{13}$ ф. ст., из коих рента = $28\frac{6}{13}$ ф. ст. Раньше вся рента составляла 40 ф. ст. Она, следовательно, упала на $11\frac{7}{13}$ ф. ст. Она была больше абсолютной ренты на 30; теперь она больше абсолютной ренты лишь еще на $18\frac{6}{13}$. Она (вся сумма ренты) равнялась раньше 4 P. Теперь она еще равняется лишь $2 P + 8\frac{6}{13}$ ф. ст. Так как величина вложенного в III капитала осталась неизменной, то это уменьшение ренты объясняется исключительно падением нормы дифференциальной ренты, следовательно, уменьшением излишка рыночной ценности класса III над его индивидуальной ценностью. Раньше вся сумма ренты в III равнялась излишку более высокой рыночной ценности над ценой производства; теперь она равна только излишку пониженной уже рыночной цены над ценой производства. Разница, следовательно, приближается к абсолютной ренте класса III. Класс III добывает с капиталом в 100 ф. ст. 75 тонн, ценность которых = 120 ф. ст.; таким образом 1 тонна = $1\frac{3}{5}$ ф. ст. Но при более высокой рыночной цене III продавал по 2 ф. ст., то-есть

каждую тонну на $\frac{2}{5}$ ф. ст. дороже. Это составляло на 75 тонн $\frac{2}{5} \times 75 = 30$ ф. ст.; и это на самом деле составляло дифференциальную ренту; ибо его рента была $= 40$; 10 составляли абсолютную и 30 дифференциальную ренту. Теперь он продает тонну по новой рыночной ценности еще лишь по $1\frac{1}{13}$ ф. ст.; следовательно, на $\frac{16}{65}$ выше ее ценности, которая равна $1\frac{3}{5}$ ф. ст. На 75 тонн это составляет $18\frac{6}{13}$ ф. ст.; это как раз дифференциальная рента, которая, следовательно, всегда равна числу тонн, умноженному на излишек рыночной ценности тонны над ее [индивидуальной] ценностью. Остается еще объяснить на числах падение ренты на $11\frac{7}{13}$. Излишек рыночной ценности над ценностью класса III уменьшился с $\frac{2}{5}$ ф. ст. за тонну (когда он продавал ее по 2 ф. ст.) до $\frac{16}{65}$ за тонну (когда тонна продается за $1\frac{11}{13}$ ф. ст.); следовательно от $\frac{2}{5} = \frac{26}{65}$ до $\frac{16}{65}$, т.-е. на $\frac{10}{65}$. Это составляет на 75 тонн $\frac{750}{65} = 11\frac{7}{13}$; и это как раз та сумма, на которую уменьшилась рента класса III¹.

$92\frac{1}{2}$ тонны класса IV стоят по $1\frac{11}{13}$ ф. ст., т.-е. всего $170\frac{10}{13}$ ф. ст. Здесь рента составляет $60\frac{10}{13}$, и дифференциальная рента $50\frac{10}{13}$. Если бы эти $92\frac{1}{2}$ тонны проданы были по своей ценности за 120 ф. ст., то одна тонна стоила бы $1\frac{11}{37}$ ф. ст. Однако, она продается за $1\frac{11}{13}$. Но $\frac{11}{13} = \frac{407}{481}$ и $\frac{11}{37} = \frac{143}{481}$. Это дает излишек рыночной ценности класса IV над его ценностью, равный $\frac{264}{481}$. Это составляет для $92\frac{1}{2}$ тонн ровно $50\frac{10}{13}$ ф. ст., дифференциальную ренту класса IV.

Теперь для обоих этих случаев приведем таблицы А и В.

Т А Б Л И Ц А А.

Класс.	Капитал. ф. ст.	Тонны.	Рыночная ценность тонны. ф. ст.	Индивидуальная ценность тонны. ф. ст.	Рыночная ценность всего про- дукта. ф. ст.	Прибыль. ф. ст.	Р е н т а.	
							Абсо- лютная. ф. ст.	Диффе- ренди- альная. ф. ст.
I	100	60	2	2	120	10	10	0
II	100	65	2	$1\frac{4}{13}$	130	10	10	10
III	100	75	2	$1\frac{3}{5}$	150	10	10	30
Всего	300	200			400	30	30	40

Общее количество тонн $= 200$. Вся сумма абсолютной ренты $= 30$.
Вся сумма дифференциальной ренты $= 40$. Вся сумма ренты $= 70$.

¹ В ориг. стоит II. *Прим. перев.*

ТАБЛИЦА В.

Класс.	Капитал.	Тонны.	Рыночная ценность тонны.	Индивидуальная ценность тонны.	Рыночная ценность всего про- дукта.	Прибыль.	Р е н т а.	
	ф. ст.						Абсо- лютная.	Диффе- ренци- альная.
	ф. ст.		ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.
II	50	$32\frac{1}{2}$	$1\frac{11}{13}$	$1\frac{11}{13}$	60	5	5	0
III	100	75	$1\frac{11}{13}$	$1\frac{13}{6}$	$138\frac{6}{13}$	10	10	$18\frac{6}{13}$
IV	100	$92\frac{1}{2}$	$1\frac{11}{13}$	$1\frac{11}{37}$	$170\frac{10}{13}$	10	10	$50\frac{10}{13}$
Всего	250	200			$369\frac{3}{13}$	25	25	$69\frac{3}{13}$

Весь капитал = 250. Абсолютная рента = 25. Дифференциальная рента = $69\frac{3}{13}$. Вся сумма ренты = $94\frac{3}{13}$. Ценность всего количества, 200 тонн, упала с 400 до $369\frac{3}{13}$ ф. ст.

Эти две таблицы приводят нас к очень важным выводам.

Прежде всего мы видим, что сумма абсолютной ренты возрастает или падает соответственно вложенному в земледелие капиталу, соответственно всей сумме капитала, затраченного в I, II, III. Норма этой абсолютной ренты, наоборот, совершенно не зависит от величины вложенных капиталов, так как она совершенно не зависит от разницы в сортах земли; она, наоборот, обусловлена разницей между ценностью и ценой, а эта разница определяется органическим строением земледельческого капитала, способом производства, а не почвой.

В II В сумма абсолютной ренты падает с 10 до 5, так как капитал сократился со 100 до 50, половина капитала изъята.

Прежде чем делать дальнейшие выводы из этих двух таблиц, приведем еще другие таблицы. Мы видим, что в В рыночная ценность упала до $1\frac{11}{13}$ ф. ст. за тонну. Но при этой ценности не необходимо, чтобы I А совершенно исчез с рынка и чтобы II В применял лишь половину прежнего капитала. Так как в классе I из ценности всего товара, равной 120, рента = 10, или $=\frac{1}{12}$ всей ценности, то это относится также к ценности одной тонны, равной 2 ф. ст.

[Цена производства тонны в кл. I равна, следовательно, $\frac{11}{12} \times 2 = 1\frac{5}{6}$ ф. ст. Рыночная ценность в случае В = $1\frac{11}{13}$ ф. ст. Рента с тонны = $1\frac{11}{13} - 1\frac{5}{6} = 1\frac{66}{78} - 1\frac{65}{78} = \frac{1}{78}$ ф. ст., для 60 тонн это составляло бы $\frac{10}{13}$ ф. ст.; следовательно, рента еще далеко не составляла бы 1 процента с капитала].

Для того, чтобы I А совсем не давал ренты, рыночная ценность должна была бы упасть до его цены производства, следовательно, до

1⁵/₆ ф. ст. В этом случае рента в I A исчезла бы; но производство здесь могло бы еще продолжаться, при чем получалось бы 10 процентов прибыли. Это прекратилось бы лишь при дальнейшем падении рыночной ценности ниже 1⁵/₆ ф. ст.

Что же касается II B, то в таблице В предполагается, что половина капитала изъята из производства. Но так как рыночная ценность в 1¹¹/₁₃ ф. ст. дает еще 10% ренты, то последняя получается как со 100, так и с 50. Если, следовательно, предположено, что половина капитала изъята, то только потому, что при данных условиях II B дает еще абсолютную ренту, составляющую 10 процентов. Ибо если бы В продолжал доставлять 65 тонн, а не 32¹/₂, то рынок был бы перегружен, и так как на рынке господствовал бы класс IV, то рыночная ценность так упала бы, что класс II B должен был бы уменьшить свой капитал, чтобы получать абсолютную ренту. Но ясно, что когда весь капитал в 100 ф. ст. дает 9 процентов ренты, то вся сумма ренты больше, чем в том случае, когда 50 ф. ст. дают 10 процентов. Если бы, следовательно, по состоянию рынка для удовлетворения существующего спроса во II необходим был только капитал в 50 ф. ст., то рента должна была бы упасть до 5 ф. ст.¹ Но на самом деле она упала бы еще ниже при предположении, что для этих 32¹/₂ тонн нет постоянного сбыта, что они, следовательно, были бы выброшены с рынка. Рыночная ценность упала бы так низко, что в кл. II B не только исчезла бы рента, но пострадала бы и прибыль. Тогда произошло бы изъятие капитала, что привело бы к уменьшению предложения, пока он не сократился бы до требуемой величины, до 50; тогда рыночная ценность равнялась бы 1¹¹/₁₃ ф. ст., что снова давало бы ренту для II B, но лишь для половины ранее вложенного в него капитала. И в этом случае решающую роль играли бы IV и III, которые господствуют на рынке.

Однако, если при цене в 1¹¹/₁₃ ф. ст. за тонну рынок поглощает лишь 200 тонн, то отсюда вовсе не следует, что он не может поглотить еще 32¹/₂ тонны, когда рыночная ценность падает, когда, следовательно, под давлением 32¹/₂ добавочных тонн на рынок рыночная ценность 232¹/₂ тонн падает. Цена производства в II B равна [110 : 65 =] 1⁹/₁₃ ф. ст.² Но рыночная ценность равна 1¹¹/₁₃ ф. ст. [на ²/₁₃ ф. ст. больше]. Если бы рыночная ценность упала до цены производства класса I A, до 1⁵/₆ ф. ст., когда I A уж не давал бы ренты, то для того, чтобы II B применял весь свой капитал, спрос должен был бы уже значительно возрасти; ибо эксплуатация I A могла бы продолжаться, так как он дает обычную прибыль. Рынок должен был бы поглотить больше не на 32¹/₂, а на 92¹/₂ тонны,—вместо 200 тонн, 292¹/₂ тонны, следовательно, почти на ¹/₂³ больше. Это уже представляло бы очень значительное возрастание. Следовательно, чтобы получилось умеренное возрастание, рыночная ценность должна упасть так низко, что I A был бы вытеснен с рынка, то-есть,—рыночная цена должна

¹ В ориг. стоит до 5%. *Прим. пер.*

² В рукописи стоит 1⁷/₁₃ ф. ст. Это цена производства класса III B, а не II B. *К.*

³ В ориг. стоит ¹/₂. *Прим. перев.*

была бы упасть ниже цены производства класса I A, следовательно, ниже $1\frac{5}{6} = 1\frac{10}{12}$ ф. ст., скажем до $1\frac{9}{12}$ или $1\frac{3}{4}$ ф. ст.¹.

К таблицам A и B мы прибавим, следовательно, еще три таблицы—C, D и E. Мы предположим в C, что спрос возрастает, так что все классы, имеющиеся в A и B, могут продолжать производство, но по рыночной ценности B, когда I A дает еще ренты. Мы предположим в D, что спрос [а, следовательно, и цена] достаточно велик для того, чтобы I A хотя и не давал ренты, но доставлял еще обычную прибыль. И мы предположим в E, что цена так падает, что I A вытесняется с рынка, но в то же время благодаря падению цены возможно поглощение $32\frac{1}{2}$ лишних тонн класса II B.

Случай, представленный в A и B, вполне возможен. Возможно, что I A при уменьшении ренты с 10 до $10\frac{10}{13}$ ф. ст. отказывается от этого рода эксплуатации своей земли и сдает в аренду эту землю для другой сферы производства, где она может давать более высокую земельную ренту. Но в то же время II B вынужден был бы в результате выше изображенного процесса изъять половину своего капитала, если с появлением новой рыночной ценности не расширился рынок.

Теперь приведем таблицы A, B, C, D и E. (См. стр. 29).

Объяснение таблицы. Предполагается, что затрачен капитал 100 (постоянный и переменный капитал), и что приведенный им в движение труд дает прибавочный труд, равный одной пятой всего авансированного капитала, или дает 20% прибавочной ценности. Если, следовательно, авансированный капитал составляет 100 ф. ст., то ценность всего продукта должна равняться 120 ф. ст. Далее предполагается, что средняя прибыль составляет 10 процентов; таким образом, 110 представляют цену производства всего продукта—в вышеприведенном примере с углем. Капитал в 100 ф. ст. превращается при данной норме прибавочной ценности в ценность, равную 120 ф. ст., независимо от того, происходит ли эксплуатация на богатых или бедных рудниках; одним словом: различная производительность труда—независимо от того, является ли это различие следствием различных естественных условий труда, или различных общественных условий труда, или различных технологических условий—ничего не изменяет в том, что ценность товаров равняется овеществленному в них количеству труда.

Следовательно, когда сказано, что ценность продукта, созданного капиталом в 100 ф. ст., равна 120, то это означает лишь то, что в продукте содержится рабочее время, овеществленное в капитале 100, плюс одна шестая неоплаченного, но присвоенного капиталистом рабочего времени. Ценность всего продукта равна 120 ф. ст., безразлично, составляет ли капитал в 100 ф. ст. в одном классе рудников 60 тонн, в другом 65 или 75 или $92\frac{1}{2}$. Но ясно, что ценность одной аликвотной части, безразлично, измеряется ли она тонной, как в нашем примере, кварталом и т. д., совершенно различна в зависимости от производи-

¹ В рукописи цена производства кл. I A падает не до $1\frac{3}{4}$, а до $1\frac{9}{12} = 1\frac{3}{4}$ ф. ст.; и здесь прибавлено: „Она все еще была бы значительно выше цены производства класса II B“. Так обстояло бы дело лишь в том случае, если бы последняя равнялась $1\frac{7}{15}$, а не $1\frac{9}{13}$ ф. ст. K.

тельности. Если мы возьмем нашу таблицу (она годится для всякой другой массы товаров, являющейся результатом капиталистического производства), то ценность 1 тонны = 2 ф. ст., когда весь продукт капитала = 60 тоннам, следовательно, 60 тонн обладают ценностью в 120 ф. ст. или представляют рабочее время, овеществленное в 120 ф. ст. Если весь продукт = 65 тоннам, то ценность одной тонны составляет $1\frac{11}{13}$ ф. ст.; если он равняется 75 тоннам, то ценность одной тонны = $1\frac{3}{5}$ ф. ст.; если, наконец, весь продукт составляет $92\frac{1}{2}$ тонны, то ценность тонны = $1\frac{11}{17}$ ф. ст. Вся сумма товаров или тонн, доставляемых капиталом в 100 ф. ст., всегда имеет одинаковую ценность, в 120 ф. ст., так как она всегда представляет такое же количество труда, какое содержится в 120 ф. ст.; поэтому-то ценность одной тонны различна в зависимости от того, выражается ли одна и та же ценность в 60, 65, 75 или $92\frac{1}{2}$ тонн, следовательно, в зависимости от производительности труда. Эта разница в производительности труда и служит причиной того, что одно и то же количество труда выражается то в меньшей, то в большей массе товаров; что одна aliquотная часть всей этой массы содержит в себе, следовательно, то большее, то меньшее количество затраченного труда и, соответственно этому, имеет то большую, то меньшую ценность. Эта именно различная ценность одной тонны, в зависимости от того, вложен ли капитал в 100 ф. ст. в более богатый, или менее богатый рудник, следовательно, в зависимости от различной производительности труда, — обозначена в таблице, как индивидуальная ценность одной тонны.

Поэтому нет ничего ошибочнее представления, что когда ценность единичного товара при повышении производительности труда падает, то ценность всей массы товаров, произведенных определенным капиталом, — например, 100 ф. ст. — будто бы возрастает, так как тогда затраченный труд выражается, мол, в большем количестве товаров. Ценность единичного товара ведь падает лишь потому, что вся сумма ценности — все количество затраченного труда — выражается в большем количестве потребительных ценностей, продуктов; поэтому на единичный продукт приходится меньшая aliquотная часть всей ценности или затраченного труда; именно, ценность единичного товара падает лишь постольку, поскольку он поглощает меньшее количество труда, или постольку на него приходится меньшая доля всей ценности.

Сначала мы рассматривали отдельный товар — как результат и непосредственный продукт определенного количества труда. Теперь, когда товар является продуктом капиталистического производства, получается следующее: произведенная сумма потребительных ценностей представляет то количество труда, которое равно количеству рабочего времени, заключенному в затраченном на его производство капитале (постоянном и переменном), плюс присвоенное капиталистом неоплаченное рабочее время. Если заключенное в капитале рабочее время, выраженное в деньгах, равняется 100 ф. ст.; если эти 100 ф. ст. капитала содержат 40 ф. ст., затраченных на заработную плату, и если прибавочное рабочее время составляет 50 процентов переменного капитала, то-есть, если норма прибавочной ценности равна 50%, — то ценность всего количества

товаров, произведенных капиталом в 100, равна 120 ф. ст. Чтобы товары могли вступить в процесс обращения,—их меновая ценность, как мы видели в первой части этого произведения, должна быть превращена в цену, то-есть, она должна быть выражена в деньгах; следовательно, прежде чем капиталист выбросит товары на рынок, он должен сначала вычислить цену единичного товара—мы здесь говорим о цене в смысле денежного выражения ценности. Это вычисление излишне, когда весь продукт образует одно неделимое целое, например, дом, в котором представлен весь капитал, один единственный товар, цена которого тогда при нашем предположении равнялась бы 120 ф. ст., равнялась бы всей ценности, выраженной в деньгах.

В зависимости от различной производительности труда вся ценность в 120 ф. ст. распределяется на большее или меньшее количество продуктов; следовательно, ценность единичного продукта соответственно—пропорционально—равна большей или меньшей аликвотной части этих 120 ф. ст. Операция здесь очень простая. Если весь продукт, например, равен 60 тоннам угля, то 60 тонн = 120 ф. ст. и 1 тонна = 120 ф. ст. : 60 = 2 ф. ст.; если продукт составляет 65 тонн, то ценность одной тонны = 120 ф. ст. : 65 = $1^{11/13}$ ф. ст.; если продукт = 75 тоннам, то ценность одной тонны = 120 ф. ст. : 75 = $1^{3/5}$ ф. ст.; 92 $\frac{1}{2}$ тоннам соответствует $1^{11/37}$ ф. ст. Таким образом, ценность (цена) единичного товара равняется ценности всего продукта, деленной на количество всех продуктов, которое выражается, соответственно их потребительной ценности, в тоннах, как это мы делали выше, или же в квартерах, локтях и т. д.

Если таким образом цена единицы товара равна всей ценности произведенной [определенным] капиталом массы товаров, деленной на все число товаров, то вся сумма ценности равняется цене единицы товара, умноженной на число таких единиц, или она равняется цене определенной доли товара, умноженной на число таких долей, измеряемых данным масштабом. Далее, вся сумма ценности состоит из ценности авансированного в производстве капитала плюс прибавочная ценность; из заключенного в авансированном капитале рабочего времени плюс присвоенное капиталом прибавочное рабочее время или неоплаченное рабочее время. Отдельная аликвотная часть всей массы товаров содержит, следовательно, прибавочную ценность в такой же пропорции, в какой она содержит ценность. В зависимости от того, распределяются ли 120 ф. ст. на 60, 65, 75 или 92 $\frac{1}{2}$ тонны, распределяются также и 20 ф. ст. прибавочной ценности. Если число тонн = 60, следовательно, ценность одной тонны = 120 ф. ст. : 60 = 2 ф. ст., то шестая часть этих 2 ф. ст. представляет долю прибавочной ценности, которая приходится на одну тонну, что составляет $\frac{1}{3}$ ф. ст. Относительная доля прибавочной ценности в одной тонне, которая стоит 2 ф. ст., такова же, как и в 60, стоящих 120 ф. ст. Отношение прибавочной ценности к ценности остается в цене единичного товара таким же, как и в сумме ценности всей массы товаров. Прибавочная ценность одной тонны, увеличенная в 60 раз, равняется также поэтому—в вышеприведенном случае—всей прибавочной ценности, созданной капиталом. Если часть ценности, приходящаяся на единичный продукт—аликвотная часть всей ценности—

меньше, так как количество продуктов больше, то-есть благодаря большей производительности труда, то и часть прибавочной ценности, которая на него приходится, меньше, т.-е. меньше аликвотная часть всей прибавочной ценности, которая принадлежит ему. Но это не влияет на отношение прибавочной ценности, вновь созданной ценности, к авансированной и лишь воспроизведенной ценности. Во всяком случае, мы видели, что хотя производительность труда не влияет на ценность всего продукта, она однако может увеличить прибавочную ценность; это получается тогда, когда продукт входит в потребление рабочего, когда, следовательно, падает нормальная заработная плата или, что означает то же самое, когда падает ценность рабочей силы, благодаря падению цены единицы товара, то-есть, * благодаря падению цены данного количества товара. Поскольку возрастание производительности труда создает относительную прибавочную ценность, оно не увеличивает ценности всего продукта; но оно увеличивает ту часть всей ценности, которая представляет прибавочную ценность, то-есть неоплаченный труд. Таким образом при возрастании производительности труда на единичный продукт приходится меньшая часть ценности—так как общее количество товаров, в котором представлена ценность, увеличилось, — следовательно, цена единичного продукта падает; но при вышеупомянутых условиях часть этой цены, представляющая прибавочную ценность, увеличивается; следовательно, отношение прибавочной ценности к воспроизведенной-ценности возрастает (так как здесь еще не говорится о прибыли, то мы здесь собственно должны все еще иметь в виду отношение к переменному капиталу). Но это получается лишь благодаря тому, что в ценности всего продукта, вследствие повышения производительности труда, возрасла прибавочная ценность. Та же самая причина—повышение производительности труда—благодаря которой то же самое количество труда выражается в большем количестве продуктов, что понижает ценность аликвотной части этого количества или цену единичного товара, уменьшает ценность рабочей силы, следовательно, увеличивает прибавочный или неоплаченный труд, который содержится в ценности всего продукта, значит, и в цене единичного товара. Поэтому, хотя цена единичного товара падает, хотя все количество заключенного в нем труда, следовательно, и его ценность уменьшается, относительная составная часть этой ценности, которая состоит из прибавочной ценности, увеличивается; или в меньшем количестве всего труда, заключенного в единичном товаре, содержится большее количество неоплаченного труда, чем раньше, когда труд был менее производителен, когда следовательно, цена единичного товара была выше, то-есть, количество всего труда, заключенного в единичном товаре, было больше. Хотя 1 тонна в этом случае содержит меньше труда и потому дешевле, она содержит большее количество прибавочного труда и потому дает больше прибавочной ценности.

Так как в конкуренции все представляется в ложном и извращенном виде, то отдельный капиталист воображает себе:

1. Что он уменьшает свою прибыль на единичный товар, понижая его цену, но что он получает больше прибыли благодаря тому, что вся

КЛАСС.	Капитал.	Число тонн.	(Рыночная) ценность всего продукта.	Рыночная ценность тонны.	Индивидуальная ценность тонны.	Дифференциальная ценность тонны.	Цена производства тонны.	Абсолютная рента.	Дифференциальная рента.	Абсолютная рента.	Дифференциальная рента.	Вся рента.	Вся рента.
			Ф. ст.	Ф. ст.	Ф. ст.	Ф. ст.	Ф. ст.	Ф. ст.	Ф. ст.	Ф. ст.	Тонны.	Тонны.	Ф. ст.
A													
I . . .	100	60	120	2	2	0	1 ² / ₆	10	0	5	0	10	5
II . . .	100	65	130	2	1 ¹¹ / ₁₃	2 ² / ₁₃	1 ⁹ / ₁₃	10	10	5	5	20	10
III . . .	100	75	150	2	1 ³ / ₅	2 ² / ₅	1 ⁷ / ₁₅	10	30	5	15	40	20
Всего	300	200	400	—	—	—	—	30	40	15	20	70	35
B													
II . . .	50	32 ¹ / ₂	60	1 ¹¹ / ₁₃	1 ¹¹ / ₁₃	0	1 ⁹ / ₁₃	5	0	2 ¹⁷ / ₂₁	0	5	2 ¹⁷ / ₂₁
III . . .	100	75	138 ⁶ / ₁₃	1 ¹¹ / ₁₃	1 ³ / ₅	16 ⁶ / ₆₅	1 ⁷ / ₁₅	10	18 ⁶ / ₁₃	5 ⁵ / ₁₂	10	28 ⁶ / ₁₃	15 ⁵ / ₁₂
IV . . .	100	92 ¹ / ₂	170 ¹⁰ / ₁₃	1 ¹¹ / ₁₃	1 ¹¹ / ₃₇	26 ⁴ / ₈₁	1 ⁷ / ₃₇	10	50 ¹⁰ / ₁₃	5 ⁵ / ₁₂	27 ¹ / ₂	60 ¹¹ / ₁₃	32 ¹¹ / ₁₂
Всего	250	200	369 ³ / ₁₃	—	—	—	—	25	69 ³ / ₁₃	13 ¹³ / ₂₁	37 ¹ / ₂	94 ³ / ₁₃	51 ¹ / ₂₁
C													
I . . .	100	60	110 ¹⁰ / ₁₃	1 ¹¹ / ₁₃	2	— ² / ₁₃	1 ⁵ / ₆	4 ⁰ / ₁₃	0	5 ¹ / ₁₂	0	10 ¹⁰ / ₁₃	5 ⁶ / ₁₂
II . . .	100	65	120	1 ¹¹ / ₁₃	1 ¹¹ / ₁₃	0	1 ⁹ / ₁₃	10	0	5 ⁵ / ₁₂	0	10	5 ⁶ / ₁₂
III . . .	100	75	138 ⁶ / ₁₃	1 ¹¹ / ₁₃	1 ³ / ₅	46 ⁶ / ₆₅	1 ⁷ / ₁₅	10	18 ⁶ / ₁₃	5 ⁵ / ₁₂	10	28 ⁶ / ₁₃	15 ⁵ / ₁₂
IV . . .	100	92 ¹ / ₂	170 ¹⁰ / ₁₃	1 ¹¹ / ₁₃	1 ¹¹ / ₃₇	26 ⁴ / ₈₁	1 ⁷ / ₃₇	10	50 ¹⁰ / ₁₃	5 ⁵ / ₁₂	27 ¹ / ₂	60 ¹⁰ / ₁₃	32 ¹¹ / ₁₂
Всего	400	292 ¹ / ₂	540	—	—	—	—	30 ¹⁰ / ₁₃	69 ³ / ₁₃	16 ² / ₃	37 ¹ / ₂	100	54 ¹ / ₆
D													
I . . .	100	60	110	1 ⁵ / ₆	2	— ¹ / ₆	1 ⁵ / ₆	0	0	0	0	0	0
II . . .	100	65	119 ¹ / ₆	1 ⁶ / ₆	1 ¹¹ / ₁₃	— ¹ / ₇₈	1 ⁹ / ₁₃	9 ¹ / ₆	0	5	0	9 ¹ / ₆	5
III . . .	100	75	137 ¹ / ₂	1 ⁵ / ₆	1 ³ / ₅	7 ¹ / ₃₀	1 ⁷ / ₁₅	10	17 ¹ / ₂	5 ⁵ / ₁₁	9 ⁰ / ₁₁	27 ¹ / ₂	15
IV . . .	100	92 ¹ / ₂	169 ⁷ / ₁₂	1 ⁵ / ₆	1 ¹¹ / ₃₇	119 ¹ / ₂₂₂	1 ⁷ / ₃₇	10	49 ¹ / ₁₂	5 ⁵ / ₁₁	27 ¹ / ₂₂	59 ⁷ / ₁₂	32 ¹ / ₂
Всего	400	292 ¹ / ₂	536 ¹ / ₄	—	—	—	—	29 ¹ / ₆	67 ¹ / ₁₂	15 ¹⁰ / ₁₁	36 ¹³ / ₂₂	96 ¹ / ₄	52 ¹ / ₂
E													
II . . .	100	65	113 ³ / ₄	1 ³ / ₄	1 ¹¹ / ₁₃	— ⁵ / ₅₂	1 ⁹ / ₁₃	3 ³ / ₄	0	2 ¹ / ₇	0	3 ³ / ₄	2 ¹ / ₇
III . . .	100	75	131 ¹ / ₄	1 ³ / ₄	1 ³ / ₅	3 ² / ₂₀	1 ⁷ / ₁₅	10	11 ¹ / ₄	5 ⁵ / ₇	6 ³ / ₇	21 ¹ / ₄	12 ¹ / ₇
IV . . .	100	92 ¹ / ₂	161 ⁷ / ₈	1 ³ / ₄	1 ¹¹ / ₃₇	67 ¹ / ₁₄₈	1 ⁷ / ₃₇	10	41 ⁷ / ₈	5 ⁵ / ₇	23 ¹³ / ₁₄	51 ⁷ / ₈	29 ⁹ / ₁₄
Всего	300	232 ¹ / ₂	406 ⁷ / ₈	—	—	—	—	23 ³ / ₄	53 ¹ / ₈	13 ¹ / ₇	30 ⁵ / ₁₁	76 ⁷ / ₈	43 ¹³ / ₁₄

масса товаров больше (здесь это смешивают еще с возрастанием суммы прибыли, которое получается при увеличении примененного капитала даже при более низкой норме прибыли);

2. Что он устанавливает цену единицы товара и путем умножения определяет ценность всего продукта; меж тем как первоначальным процессом является деление, а умножение является последующим актом — оно правильно лишь при предположении этого деления. Вульгарный экономист на самом деле переводит лишь на кажущийся более научным язык удивительные представления капиталистов, кругозор которых ограничен конкуренцией, и пытается доказать правильность этих представлений.

Теперь вернемся к нашей таблице.

Ценность всего количества товаров, созданного капиталом в 100 ф. ст., составляет 120 ф. ст.; количество продукта может быть велико или мало, в зависимости от различной степени производительности труда. Цена производства всего продукта, какова бы ни была его величина, равна 110 ф. ст., если, согласно предположению, средняя прибыль составляет 10 процентов. Излишек ценности всего продукта, какова бы ни была его цена, равен 10 ф. ст., равен одной двенадцатой всей ценности или одной десятой авансированного капитала. Этот излишек ценности всего продукта над его ценой производства—эти 10 ф. ст.—составляет ренту. Она, очевидно, совершенно не зависит от разницы в производительности труда вследствие различия степени естественного богатства рудников, плодородия земли, короче,—сил природы, где применен капитал в 100 ф. ст.; ибо эти различные степени производительности примененного труда, обусловленные различным богатством естественных условий, не препятствуют тому, что ценность равняется 120 ф. ст., цена производства — 110 ф. ст., следовательно, получается излишек ценности над ценой производства в 10 ф. ст. Все, что может сделать конкуренция капитала,—это то, что цена производства товаров, которые создает капиталист со 100 ф. ст. в угольной промышленности, в этой особой сфере производства, составляет 110 ф. ст. Но она не может привести к тому, чтобы он продавал продукт за 110 ф. ст., хотя ценность его равна 120—что вынужден делать капиталист в остальных сферах производства. Ибо здесь выступает землевладелец, который накладывает свою руку на эти 10 ф. ст. Эту ренту я потому называю абсолютной рентой. Поэтому она в таблице всегда остается неизменной, как бы ни изменялось богатство угольных копей, а потому и производительность труда. Но она не выражается в одном и том же количестве тонн при различной степени богатства копей, а потому и при различной производительности труда. Ибо в зависимости от различной производительности труда количество труда, заключенное в 10 ф. ст., выражается в большем или меньшем количестве потребительных ценностей, в большем или меньшем количестве тонн. Уплачивается ли эта абсолютная рента, при различном плодородии земель, всегда целиком или отчасти,—это выяснится при дальнейшем анализе таблицы.

Однако, на рынке находится уголь, являющийся продуктом копей, которые различаются по своему богатству, которые я обозначил, начиная с худших копей, I, II, III, IV. Так, например, в первом классе про-

дукт, доставляемый капиталом в 100 ф. ст., равняется 60 тоннам, во втором классе — 65 тоннам и т. д. Одинаковой величины капитала — 100 ф. ст., с одинаковым органическим строем, внутри одной и той же сферы производства, здесь, следовательно, различаются по своей производительности; при чем степень производительности труда зависит от богатства рудника, почвы, короче, — от естественного фактора. Но конкуренция устанавливает рыночную ценность для этих продуктов, имеющих различную индивидуальную ценность. Эта рыночная ценность никогда не может быть больше индивидуальной ценности продукта наименее богатого класса. Если бы она была выше, то это служило бы лишь доказательством того, что рыночная цена стоит выше рыночной ценности. Но рыночная ценность должна представлять действительную ценность. Если рассматривать продукты отдельных классов, то возможно, что их (индивидуальная) ценность стоит выше или ниже рыночной ценности. Если она выше рыночной ценности, то разница между рыночной ценностью и их ценой производства меньше разницы между их индивидуальной ценностью и их ценой производства. Но так как абсолютная рента равна разнице между их индивидуальной ценностью и их ценой производства, то рыночная ценность в данном случае не может для созданных в таких условиях продуктов давать всей абсолютной ренты. Если бы рыночная ценность упала до их цены производства, то она им совсем не давала бы ренты. Они не могли бы платить ренты, так как последняя представляет лишь разницу между ценностью и ценой производства; но для них, индивидуально, при данной рыночной ценности, эта разница исчезла бы. В этом случае разница между рыночной ценностью и их индивидуальной ценностью представляет отрицательную величину. То-есть рыночная ценность отличается от их индивидуальной ценности на отрицательную величину. Разницу между рыночной и индивидуальной ценностью я называю дифференциальной ценностью. Для товаров, которые находятся в таких условиях, я поставил перед дифференциальной ценностью знак минус.

Если же индивидуальная ценность продуктов какого-либо класса рудников (земли) стоит ниже рыночной ценности, то господствующая в их сфере производства ценность или рыночная ценность дает, следовательно, излишек над их индивидуальной ценностью. Если, например, рыночная ценность тонны = 2 ф. ст., то дифференциальная ценность тонны, индивидуальная ценность которой = $1\frac{3}{5}$ ф. ст., составляет $\frac{2}{5}$ ф. ст. И так как в классе, в котором индивидуальная ценность тонны = $1\frac{3}{5}$ ф. ст., капитал в 100 ф. ст. производит 75 тонн, то вся дифференциальная ценность этих 75 тонн = $\frac{2}{5}$ ф. ст. \times 75 = 30 ф. ст. Этот излишек рыночной ценности для всего продукта (особого) класса над индивидуальной ценностью его продукта, излишек, обусловленный относительно большим плодородием земли или относительно большим богатством рудника, образует дифференциальную ренту, так как цена производства для капитала не изменилась. Эта дифференциальная рента может быть больше или меньше, соответственно величине излишка рыночной ценности над индивидуальной ценностью; этот излишек опять-таки может быть больше или меньше, в зависимости от относительного богатства того класса рудников

или земли, которому принадлежит продукт, в сравнении с менее богатым классом, продукт которого определяет рыночную ценность.

Наконец, нужно еще отметить, что индивидуальная цена производства продуктов различных классов различна. Например, для класса, в котором капитал в 100 ф. ст. доставляет 75 тонн, цена производства единичного товара равна $1\frac{7}{15}$ ф. ст., так как вся сумма ценности = 120 ф. ст. и цена производства составляет 110 ф. ст.; если бы рыночная ценность равнялась индивидуальной ценности этого класса, то - есть $1\frac{3}{5}$ ф. ст., то эти 75 тонн, которые продавались бы за 120 ф. ст., давали бы ренту в 10 ф. ст., так как 110 ф. ст. составляют их цену производства.

Но индивидуальная цена производства одной тонны, конечно, различна, в зависимости от числа тонн, в которых выражается капитал в 100 ф. ст., или в зависимости от индивидуальной ценности единичного продукта различных классов. Если, например, продукт капитала в 100 ф. ст. = 60 тоннам, то ценность тонны = 2 ф. ст., и ее цена производства = $1\frac{5}{6}$ ф. ст.; 55 тонн равнялись бы 110 ф. ст. или цене производства всего продукта. Если же капитал в 100 ф. ст. дает 75 тонн, то ценность тонны = $1\frac{3}{5}$ ф. ст., ее цена производства = $1\frac{7}{15}$ ф. ст., и из всего продукта $68\frac{3}{4}$ ¹ тонны стоили бы 110 ф. ст. или возместили бы цену производства. Различию в индивидуальной ценности соответствует различие в индивидуальной цене производства, т.-е. цене производства одной тонны в различных классах.

Как показывают все пять таблиц, абсолютная рента равна излишку [индивидуальной] ценности товара над его собственной ценой производства; дифференциальная рента, наоборот, равна излишку рыночной ценности над его индивидуальной ценностью; а вся сумма ренты, когда получается не одна лишь абсолютная рента, равна излишку рыночной ценности над индивидуальной ценностью плюс излишек индивидуальной ценности над ценой производства, или она равна излишку рыночной ценности над индивидуальной ценой производства.

Если, следовательно, рыночная ценность равна индивидуальной ценности, то дифференциальная рента равняется 0, и вся сумма ренты равна разнице между индивидуальной ценностью и ценой производства.

Если рыночная ценность больше индивидуальной ценности, то дифференциальная рента равна излишку рыночной ценности над индивидуальной ценностью, но сумма ренты равна этой дифференциальной ренте плюс абсолютная рента.

Если рыночная ценность меньше индивидуальной ценности, но больше цены производства, то дифференциальная рента представляет отрицательную величину, сумма ренты равна, следовательно, абсолютной ренте плюс эта отрицательная дифференциальная рента, то-есть минус излишек индивидуальной ценности над рыночной ценностью.

Чтобы представить это в уравнениях, назовем абсолютную ренту А. Р., дифференциальную ренту Д. Р., сумму ренты С. Р., рыночную

¹ В оригинале стоит $68\frac{3}{4}$. Примеч. перев.

ценность Р. Ц., индивидуальную ценность И. Ц. и цену производства Ц. П. Мы получим тогда следующие уравнения:

$$1. A. P. = I. C. - C. P. = y.$$

$$2. D. P. = R. C. - I. C. = x.$$

$$3. C. P. = A. P. + D. P. = I. C. - C. P. + R. C. - I. C. = y + x = R. C. - C. P.$$

Если Р. Ц. > И. Ц., то Р. Ц. — И. Ц. = +х. Следовательно, Д. Р. представляет положительную величину, и С. Р. = у + х.

И тогда Р. Ц. — Ц. П. = у + х. Или Р. Ц. — у — х = Ц. П. Или Р. Ц. = у + х + Ц. П.

Если Р. Ц. < И. Ц., то Р. Ц. — И. Ц. = —х. Следовательно, Д. Р. представляет отрицательную величину, и С. Р. = у — х.

И тогда Р. Ц. — Ц. П. = у — х. Или Р. Ц. + х = И. Ц. Или Р. Ц. + х — у = Ц. П. Или Р. Ц. = у — х + Ц. П.

Если Р. Ц. = И. Ц., то Д. Р. = 0, х = 0, так как Р. Ц. — И. Ц. = 0. Следовательно: С. Р. = А. Р. + Д. Р. = А. Р. + 0 = И. Ц. — Ц. П. + Р. Ц. — И. Ц. = И. Ц. — Ц. П. + 0 = И. Ц. — Ц. П. = Р. Ц. — Ц. П. = +у.

Если Р. Ц. = Ц. П., то С. Р. или Р. Ц. — Ц. П. = 0.

Здесь речь идет лишь о том, чтобы развить общий закон ренты в виде иллюстрации теории ценности и цены производства, так как подробное объяснение земельной ренты я намерен дать лишь тогда, когда перейду к обсуждению земельной ренты ex professo; поэтому здесь устранено все то, что осложняет вопрос — именно, влияние расположения рудников или разных сортов земли; различная степень производительности частей капитала, вложенных в один и тот же рудник или в один и тот же сорт земли; взаимное отношение рент, которые получаются в различных отраслях одного и того же процесса производства, как например, в различных отраслях земледелия; взаимное отношение рент, которые получаются в различных отраслях производства, когда одна отрасль производства заменяется другой, например, когда земля, на которой раньше занимались хлебопашеством, идет под постройки и т. д. Все это сюда не относится.

Теперь перейдем к рассмотрению таблиц. Они показывают, как общий закон объясняет большое разнообразие комбинаций; а так как Рикардо не знал общего закона ренты, то он понимает односторонне и сущность дифференциальной ренты; потому он хочет путем абстракции насильственно свести большое разнообразие явлений к одному случаю. Наши таблицы должны показать не все возможные комбинации, а лишь те из них, которые являются самыми важными именно для нашей специальной цели.

Таблица А.

В таблице А рыночная ценность тонны угля определяется индивидуальной ценностью тонны в классе I, где имеется самый бедный рудник; следовательно, здесь производительность труда, значит и количество продуктов, доставляемых капиталом в 100 ф. ст., минимальны, и цена единичного продукта (цена, определяемая его ценностью) наиболее высока.

Предполагается, что рынок поглощает 200 тонн, не больше и не меньше.

Рыночная ценность не может стоять выше ценности тонны в I, то-есть товаров, произведенных при наименее благоприятных условиях производства. Тот факт, что II и III продают тонну выше своей индивидуальной ценности, объясняется тем, что здесь условия производства благоприятнее, чем у других товаров, произведенных в той же отрасли; здесь, следовательно, нет нарушения закона ценности. Если бы рыночная ценность, наоборот, была выше ценности тонны в I, то это было бы возможно лишь потому, что продукт класса I продавался бы выше своей ценности независимо от рыночной ценности. Вообще разница между рыночной и [индивидуальной] ценностью получается не потому, что продукты продаются абсолютно выше своей ценности, а потому, что ценность, которую имеет продукт всей сферы производства, может отличаться от ценности единичного продукта; то-есть потому, что необходимое для получения всего продукта—здесь 200 тонн—рабочее время может отличаться от рабочего времени, в течение которого получается часть тонн, здесь тонны класса II и III; одним словом, потому, что все количество полученного продукта представляет продукт труда различной степени производительности. Поэтому разница между рыночной ценностью и индивидуальной ценностью продукта может быть объяснена лишь различной производительностью труда, благодаря чему определенное количество труда создает различное количество, различные доли всей суммы продукта. Она никогда не может быть объяснена тем, что ценность определяется независимо от количества труда, которое вообще применено в этой отрасли. Если бы рыночная ценность тонны была выше 2 ф. ст., то это было бы возможно лишь потому, что I, независимо от его отпущений ко II и III, вообще продал свой продукт выше его ценности. В этом случае рыночная цена была бы выше рыночной ценности, что является следствием данного состояния рынка, отношения спроса и предложения. Но рыночная ценность, о которой здесь идет речь—и которой по нашему предположению здесь равна рыночная цена—не может быть выше самой себя.

Рыночная ценность здесь равняется ценности класса I, который доставляет три десятых¹ всего находящегося на рынке продукта, так как II и III доставляют лишь столько продукта, сколько необходимо для удовлетворения спроса, остающегося после продажи продуктов I класса. II и III не имеют, следовательно, никакого основания продавать ниже 2 ф. ст., ибо весь продукт может быть продан по 2 ф. ст. Они не могут продавать выше 2 ф. ст., так как I получает 2 ф. ст. за тонну.

Этот закон, который гласит, что рыночная ценность не может быть выше индивидуальной ценности продукта, произведенного при худших условиях, но удовлетворяющего часть необходимого спроса, Рикардо извращает таким образом, что рыночная ценность не может упасть ниже ценности этого продукта, следовательно, всегда должна им определяться. Далее мы увидим, как это ошибочно.

¹ В манускрипте здесь и далее доля класса I во всем количестве продукта обозначена „одной пятой“, и ниже доля II и III обозначена $\frac{4}{10}$ вместо $\frac{7}{10}$.

Так как в I рыночная ценность и индивидуальная ценность тонны совпадают, то доставляемая им рента представляет абсолютный излишек ценности над его ценой производства, абсолютную ренту, равную 10 ф. ст. II дает дифференциальную ренту в 10 ф. ст., III—30 ф. ст., так как определяемая классом I рыночная ценность дает для II излишек в 10 ф. ст. и для III—излишек в 30 ф. ст. над их индивидуальной ценностью, потому и над абсолютной рентой в 10 ф. ст., которая представляет излишек индивидуальной ценности над ценой производства. II дает поэтому всего ренту в 20 ф. ст. и III—в 40 ф. ст., так как рыночная ценность дает излишек в 20 и 40 над их ценой производства.

Мы предполагаем, что от I, самого бедного рудника, переходят к более богатому руднику II, и от этого последнего к еще более богатому руднику III. Хотя II и III богаче класса I, но они удовлетворяют лишь семь десятых всего спроса и потому, как объяснено выше, они могут продавать свой продукт по 2 ф. ст., хотя его ценность равна $1^{11/13}$ и $1^{3/5}$ ф. ст. Ясно, что когда доставляется определенное количество, соответствующее спросу, и имеется градация в производительности труда, удовлетворяющего различные части этого спроса, рыночная ценность будет стоять выше индивидуальной ценности более богатых классов, независимо от того, в каком направлении совершается переход от одного класса к другому: в случае перехода к высшим классам это объясняется тем, что они находят рыночную ценность, определенную низшим классом, и добавочное предложение, которое они доставляют, недостаточно велико для того, чтобы служить поводом к изменению рыночной ценности, определенной классом I; в случае перехода к низшему классу это объясняется тем, что рыночная ценность, которая раньше определялась классом III или II, теперь определяется классом I, который удовлетворяет добавочному спросу, появившемуся на рынке, и который может предложить добавочный продукт лишь по более высокой цене, определяющей теперь рыночную ценность.

Рикардо сказал бы, например, в данном случае: вначале спрос удовлетворялся классом III. Добавочное предложение доставляется прежде всего классом II. Наконец, последнее добавочное предложение, которое требуется на рынке, доставляется классом I; так как I может доставлять добавочное предложение в 60 тонн только за 120 ф. ст., по 2 ф. ст. за тонну, но это предложение требуется, то рыночная ценность тонны, которая вначале составляла $1^{3/5}$ ф. ст., потом $1^{11/13}$ ф. ст., теперь возросла до 2 ф. ст. Но также верно и то, что когда, наоборот, вначале имеется класс I, который удовлетворяет спрос на 60 тонн по 2 ф. ст., а потом добавочное предложение доставляется классом II, последний будет продавать по рыночной ценности, равной 2 ф. ст., хотя индивидуальная ценность его продукта составляет лишь $1^{11/13}$ ф. ст.; ибо требуемые 125 тонн попрежнему могут быть доставлены лишь в том случае, когда I доставляет свои 60 тонн по 2 ф. ст. за тонну. То же самое получается, когда необходимо новое добавочное предложение в 75 тонн, но III доставляет лишь 75 тонн, удовлетворяет лишь эту новую потребность, следовательно, 60 тонн попрежнему должны быть пропаны классом I по 2 ф. ст. Если бы I удовлетворял весь спрос на

200 тонн, то они были бы проданы за 400 ф. ст. И [по этой цене] они [продаются] теперь, так как II и III продают не по той цене, по которой они могут удовлетворить новый спрос на 140 тонн, а по той цене, по которой его может удовлетворить I, доставляющий лишь три десятых продукта. Все количество требуемого продукта, 200 тонн, здесь продается по 2 ф. ст. за тонну, так как три десятых этого количества может быть доставлено лишь по 2 ф. ст. за тонну, независимо от того, удовлетворяются ли добавочные части спроса путем перехода от III через II к I, или от I через II к III.

Рикардо говорит: Когда производство начинается с кл. III и II, рыночная ценность поднимается до ценности (у Рикардо цены производства) класса I, так как те три десятых, которые доставляет I, необходимы для удовлетворения спроса; здесь, следовательно, речь идет о требуемом количестве продуктов, а не об индивидуальной ценности особых частей его. Но верно также и то, что когда производство начинается с I, а II и III доставляют лишь добавочное предложение, три десятых I класса так же необходимы, как и раньше; если, следовательно, I определяет рыночную ценность по нисходящей линии, он определяет ее по тем же причинам по восходящей линии. Таким образом, таблица А показывает нам ошибочность понимания Рикардо, что дифференциальная рента связана с переходом от лучшего рудника и земли к худшим, т.-е. с падением производительности труда. Она не менее возможна при обратном движении и, следовательно, при возрастании производительности труда. Происходит ли то или другое движение, это не имеет никакого отношения к существованию дифференциальной ренты, а представляет лишь исторический вопрос. Фактически восходящая и нисходящая линии будут перекрещиваться, возросший спрос будет удовлетворяться путем перехода то к лучшей, то к худшей земле, или руднику, или естественным условиям производства. При этом всегда предполагается, что предложение, доставляемое естественными условиями производства нового особого класса, — независимо от того, представляют ли они лучшие или худшие условия, — равняется только увеличенному спросу, следовательно, не [изменяет] отношения между спросом и предложением, [так что новое предложение] не изменяет рыночной стоимости даже тогда, когда оно доставляется при меньших издержках, а только тогда, когда оно может быть доставлено лишь при больших издержках.

Таблица А с самого начала, следовательно, показывает нам ошибочность этой основной предпосылки Рикардо, которая, как показывает Андерсон, не необходима даже при ошибочном понимании абсолютной ренты.

При переходе от III ко II и от II к I — по нисходящей линии, то есть при переходе к естественным условиям производства с непрерывно падающим плодородием, — сначала класс III, где вложен капитал в 100 ф. ст., продает свои товары по их ценности, за 120 ф. ст. Это дает $1\frac{2}{3}$ ф. ст. за тонну, так как этот класс добывает 75 тонн. Когда настанет необходимость удовлетворения добавочного спроса в 65 тонн, то II, затративший капитал в 100 ф. ст., также продает свой продукт по его ценности, за 120 ф. ст. Это составляет $1\frac{11}{13}$ ф. ст. за тонну.

Если, наконец, потребуется еще добавочное предложение в 60 тонн, которое может быть доставлено лишь I, то последний продает свой продукт также по его ценности, за 120 ф. ст., что составляет 2 ф. ст. за тонну. При этом процессе III доставлял бы дифференциальную ренту в $18^{6/13}$ ф. ст., когда на рынке появляется II, меж тем как раньше он доставлял лишь абсолютную ренту в 10 ф. ст. Лишь только в производство вовлекается класс I, II давал бы дифференциальную ренту в 10 ф. ст., и дифференциальная рента кл. III возрасла бы до 30 ф. ст.

Если Рикардо, спускаясь от III к I, уж не находит никакой ренты в I, то это объясняется тем, что при III он исходил из того, что нет никакой абсолютной ренты.

Во всяком случае существует различие между восходящей и нисходящей линией: когда совершается переход от I к III, так что II и III доставляют лишь добавочное предложение, то рыночная ценность попрежнему равняется индивидуальной ценности класса I, то-есть 2 ф. ст. И когда средняя прибыль, как здесь предположено, составляет 10 процентов, то можно полагать, что в это вычисление вошла цена угля (или пшеницы, можно везде взять вместо тонны угля квартал пшеницы и т. д.), так как уголь входит в виде жизненных средств в потребление рабочего, и как вспомогательный материал составляет значительную долю постоянного капитала. Можно, следовательно, также предположить, что норма прибавочной ценности была бы выше, и потому сумма прибавочной ценности была бы больше: следовательно, и норма прибыли была бы выше 10%, если бы производительность труда в кл. I была выше, или ценность тонны угля была ниже 2 ф. ст. Но это имело место, когда начато было с III. [Рыночная] ценность тонны угля составляла тогда $1^{3/5}$ ф. ст.; она подыалась, при переходе ко II, до $1^{11/13}$ ф. ст. и, наконец, при переходе к I, до 2 ф. ст. Можно, следовательно, полагать, что—при предположении, что все другие условия, продолжительность прибавочного труда, другие условия производства и т. д. всегда остаются неизменными—норма прибыли стояла выше, когда работа производилась лишь в III, что она понизилась при переходе к II и, наконец, спустилась до 10%, до низшей ступени своей, при переходе к I. Норма прибавочной ценности должна была вначале стоять выше, так как один элемент заработной платы был дешевле; уже вследствие более высокой нормы прибавочной ценности сумма прибавочной ценности, следовательно и сумма прибыли, должна была быть выше; но кроме того, при измененной таким образом прибавочной ценности, и норма прибыли должна была бы стоять выше, так как один из элементов издержек на постоянный капитал был ниже. В этом случае нужно было бы, следовательно, предположить, что норма прибыли равнялась 12%, когда работа производилась лишь в III кл., что она упала до 11%, при переходе ко II и, наконец, до 10% при переходе к I. В этом случае абсолютная рента в кл. III равнялась бы 8 ф. ст., когда цена производства равна 112 ф. ст.; она превратилась бы в 9 ф. ст. при переходе ко II, так как цена производства тогда уж равняется 111 ф. ст.; она, наконец, возрасла бы до 10 ф. ст., так как цена производства упала до 110 ф. ст. Здесь, следовательно, произошло бы изменение

в самой норме абсолютной ренты, и именно в направлении, противоположном изменению нормы прибыли. Норма ренты прогрессивно возрастала бы, потому что норма прибыли прогрессивно падала. Но последняя падала бы вследствие падения производительности труда в земледелии, рудниках и т. д. и соответствующего этому вздорожания жизненных средств и вспомогательного материала.

Таблица В. Здесь, как уже объяснено выше, конкуренция классов III и IV заставляет капиталиста класса II изъять половину своего капитала. При нисходящей линии это, наоборот, представлялось бы таким образом, что требуется лишь добавочное предложение в $32\frac{1}{2}$ тонны, следовательно, во II нужно вложить только капитал в 50 ф. ст.

Но интереснее всего в этой таблице следующее: раньше вложено было 300 ф. ст. капитала, теперь только 250 ф. ст., следовательно, на $\frac{1}{6}$ меньше. Но количество продуктов осталось то же—200 тонн. Производительность труда, следовательно, возросла, а ценность единичного товара упала. Сумма ценности товаров также уменьшилась от 400 ф. ст. до $369\frac{3}{13}$ ф. ст. Рыночная ценность тонны упала, в сравнении с А, от 2 ф. ст. до $1\frac{11}{13}$ ф. ст., так как новая рыночная ценность определяется индивидуальной ценностью класса II, меж тем как раньше она определялась более высокой индивидуальной ценностью класса I. Несмотря на все эти обстоятельства—уменьшение вложенного капитала, уменьшение суммы ценности продуктов, при неизменном количестве произведенных продуктов, падение рыночной ценности, эксплуатация более богатых классов,—рента в В, в сравнении с А, абсолютно возросла на $24\frac{3}{13}$ ф. ст. ($94\frac{3}{13}$ против 70). Если мы рассмотрим, как велико участие каждого класса в отдельности в увеличении всей суммы ренты, то мы найдем, что в классе II абсолютная рента сохранила прежнюю норму, ибо 5 ф. ст. на 50 ф. ст. составляют $10\frac{0}{100}$; но сумма ее сократилась на половину, с 10 до 5, так как вложенный в II В капитал уменьшился на половину, со 100 до 50. Вместо увеличения всей суммы ренты класс II В дает уменьшение ее на 5 ф. ст. Далее дифференциальная рента для II В совершенно исчезла, так как рыночная ценность теперь равна индивидуальной ценности класса II. Это дает второе уменьшение на 10 ф. ст. Таким образом, мы имеем всего сокращение ренты для II в 15 ф. ст.

В III сумма абсолютной ренты не изменилась, но, вследствие падения рыночной ценности, и его дифференциальная ценность, потому и дифференциальная рента упали; она равнялась 30 ф. ст.; она еще составляет лишь $18\frac{6}{13}$ ф. ст., и получается уменьшение на $11\frac{7}{13}$ ф. ст. Таким образом, для II и III вместе рента, следовательно, упала на $26\frac{7}{13}$ ф. ст. Остается, следовательно, объяснить увеличение [суммы ренты] не на $24\frac{3}{13}$, как это кажется на первый взгляд, а на $50\frac{10}{13}$ ф. ст.

Но далее для В, в сравнении с А, абсолютная рента класса I А исчезла вместе с исчезновением самого кл. I. Получается, следовательно, дальнейшее уменьшение на 10 ф. ст. Всего, следовательно, нужно дать объяснение для $60\frac{10}{13}$ ф. ст. Но это является рентой по-

вого класса IV В. Таким образом, возрастание ренты в В должно быть объяснено лишь рентой класса IV В.

Абсолютная рента для IV В, как и рента всех других классов, составляет 10 ф. ст. Но дифференциальная рента в $50^{10/13}$ ф. ст. получается оттого, что дифференциальная ценность класса IV¹ составляет $264/481$ ф. ст. на тонну, что должно быть умножено на $92^{1/2}$, на число тонн. Плодородие II и III осталось то же; наименее плодородный класс совершенно удален, и все же вся сумма ренты возрастает, так как одна только дифференциальная рента класса IV, вследствие относительно большего плодородия его, больше всей дифференциальной ренты случая А. Дифференциальная рента не зависит от абсолютного богатства обрабатываемых классов, ибо II, III, IV плодороднее классов I, II, III, и все же дифференциальная рента для $1/2$ II, III, IV В больше, нежели она была для I, II, III А; ибо большая часть продукта— $92^{1/2}$ тонны — доставляется классом, для которого дифференциальная рента больше, чем она вообще была в I, II, III А. Если дана дифференциальная ценность для какого-либо класса, то абсолютная сумма его дифференциальной ренты естественно зависит от количества его продукта. Но само это количество уже входит в вычисление и определение дифференциальной ценности. Так как IV дает со 100 ф. ст. $92^{1/2}$ тонны, не больше и не меньше, то его дифференциальная ценность в [В], когда рыночная ценность = $1^{11/13}$ ф. ст. за тонну, составляет $264/481$ фун. ст. за тонну.

Вся рента в А составляет 70 на 300 капитала = $23^{1/3}^0/0$. Наоборот, в В она равна $94^{3/13}$ на $250 = 37^{9/13}^0/0$.

Таблица С. Здесь предполагается, что после того, как прибавился класс IV и рыночную ценность определяет второй класс, спрос не остается неизменным, как в таблице В, а возрастает с падением цен, так что все вновь предложенное классом IV количество в $92^{1/2}$ тонны поглощается рынком. По 2 ф. ст. за тонну поглощались бы лишь 200 тонн; при $1^{11/13}$ ф. ст. за тонну спрос возрастает до $292^{1/2}$ тонн. Ошибочно предположение, что границы рынка при $1^{11/13}$ ф. ст. за тонну необходимо остаются такими же, как при 2 ф. ст. за тонну. Рынок, наоборот, расширяется до известной степени с падением цен — и в том случае, когда падают цены общераспространенных жизненных средств, как пшеница. Это единственный пункт, который мы хотим прежде всего подчеркнуть в таблице С.

γ) Рикардовский нормальный случай.

Таблица D. Здесь предполагается, что эти $292^{1/2}$ тонны поглощаются рынком лишь тогда, когда рыночная ценность падает до $1^{5/6}$ ф. ст., что составляет цену производства тонны для класса I, который, следовательно, не дает ренты, а доставляет лишь обычную прибыль в $10^0/0$. Это тот случай, который Рикардо предполагает, как нормальный случай; о нем, следовательно, нужно поговорить подробнее.

¹ В оригинале стоит: класса III; очевидно, опечатка. *Примеч. перев.*

Здесь прежде всего берется, как в прежних таблицах, восходящая линия; потому мы рассмотрим тот же самый процесс по нисходящей линии.

Если бы II, III и IV доставляли лишь добавочное предложение в 140 [тонн], то-есть добавочное предложение, которое поглощается рынком по 2 ф. ст. за тонну, то I продолжал бы определять рыночную ценность.

Но в действительности этого нет. На рынке имеется излишек в $92\frac{1}{2}$ тонны, произведенный классом IV. Если бы это вообще представляло воспроизводство, которое абсолютно превышало бы потребности рынка, то I был бы совершенно вытеснен с рынка и II должен был бы из'ять половину своего капитала, как в В. II тогда определял бы рыночную ценность, как в В. Однако, предположено, что, когда рыночная ценность спускается ниже, рынок может поглотить эти $92\frac{1}{2}$ тонны. Какой же тогда получится процесс? IV, III и $\frac{1}{2}$ II абсолютно господствуют на рынке. То-есть, если бы рынок мог поглотить лишь 200 тонн, то они вытеснили бы с рынка I.

Но на самом деле мы здесь имеем следующее. На рынке имеется $292\frac{1}{2}$ тонны, меж тем как раньше там было лишь 200 тонн. Кл. II продавал бы по своей индивидуальной ценности, по $1\frac{1}{13}$ ф. ст., чтобы создать себе место на рынке и вытеснить оттуда I, индивидуальная ценность которого равняется 2 ф. ст. Но так как и при этой рыночной ценности нет места для этих $292\frac{1}{2}$ тонн, то IV и III нажимают на II, пока рыночная ценность не упадет до $1\frac{5}{6}$ ф. ст.; при этой цене классы IV, III, II и I находят для своего продукта место на рынке, который при такой рыночной ценности поглощает весь продукт. Благодаря этому падению цены уравновешены спрос и предложение. Как только возросшее предложение переходит границы рынка — в пределах старой рыночной ценности — каждый класс старается естественно втиснуть в рынок весь свой продукт и вытеснить продукт других классов. Это может получиться лишь благодаря понижению цены, и именно до той величины, при которой все находят место. Если это падение цены так велико, что классы I, II и т. д. должны продавать ниже издержек производства¹, то они, конечно, вынуждены из'ять из производства свой капитал. Если же оказывается, что цена не так сильно должна упасть, чтобы продукт соответствовал состоянию рынка, то весь капитал может продолжать работать в данной сфере производства при этой новой рыночной ценности.

Но далее ясно, что тогда не худшие участки I и II определяют рыночную ценность, а лучшие III и IV, следовательно, и рента на лучших сортах земли определяет ренту на худших сортах; III торх правильно понял этот случай.

IV продает по той цене, при которой он может втиснуть в рынок весь свой продукт и противостоять давлению других классов. Эта цена равна $1\frac{5}{6}$ ф. ст. Если бы он продавал дороже, то границы

¹ Вернее: цены производства. *Примеч. перев.*

рынка сузились бы, и процесс взаимного вытеснения начался бы сызнова.

I определяет рыночную ценность только при предположении, что увеличенное предложение класса II и т. д. представляет лишь то возросшее предложение, которое поглощается рынком в границах рыночной ценности I. Если оно больше, то I играет совершенно пассивную роль и тем, что он занимает место, он вызывает лишь реакцию классов II, III, IV, пока цена не сократилась настолько, что рынок становится достаточно большим для всего продукта. Тут оказывается, что при этой рыночной ценности, фактически определяемой классом IV, этот последний дает кроме абсолютной ренты еще и дифференциальную ренту в $49\frac{7}{12}$ фунт. стерл.; III дает, кроме абсолютной ренты, еще дифференциальную ренту в $17\frac{1}{2}$ фунт. стерл.; II, наоборот, не платит никакой дифференциальной ренты и дает лишь часть абсолютной ренты, $9\frac{1}{6}$ ф. ст., вместо 10 фунт. стерл., следовательно, не всю сумму абсолютной ренты. Почему? Новая рыночная ценность в $1\frac{5}{6}$ ф. ст. стоит хотя и выше его цены производства, но ниже его индивидуальной ценности. Если бы она равнялась его индивидуальной ценности, то получилась бы абсолютная рента в 10 ф. ст., которая равна разнице между индивидуальной ценностью и ценой производства. Так как рыночная ценность стоит ниже его индивидуальной ценности, — рента, которую он дает на самом деле, равна разнице между рыночной ценностью и ценой производства, а эта разница меньше разницы между его индивидуальной ценностью и его ценой производства, — то он платит лишь часть абсолютной ренты, $9\frac{1}{6}$ ф. ст. вместо 10 ф. ст.

При данных условиях I не платит никакой ренты. Почему? Потому что абсолютная рента равна разнице между индивидуальной ценностью и ценой производства. А дифференциальная рента равна разнице между рыночной ценностью и индивидуальной ценностью. Но здесь рыночная ценность равна цене производства класса I. Индивидуальная ценность класса I составляет 2 ф. стерл. за тонну. Рыночная ценность = $1\frac{5}{6}$ ф. ст. Дифференциальная рента класса I, следовательно, = $1\frac{5}{6}$ ф. ст. — 2 ф. ст., то-есть, она = $-1\frac{1}{6}$ ф. ст. Но абсолютная рента класса I = 2 ф. ст. — $1\frac{5}{6}$ ф. ст. Другими словами, она равна разнице между его индивидуальной ценностью и его ценой производства = $+1\frac{1}{6}$ ф. ст. Так как, следовательно, действительно получаемая рента класса I равна абсолютной ренте ($+1\frac{1}{6}$ ф. ст.) и дифференциальной ренте ($-1\frac{1}{6}$ ф. ст.), то она равна 0. Он не платит, следовательно, ни дифференциальной, ни абсолютной ренты, а дает только цену производства. Ценность его продукта равна 2 ф. ст.; он продается за $1\frac{5}{6}$ ф. ст., следовательно, на $\frac{1}{12}$ или на $8\frac{1}{3}$ процента ниже его ценности. Класс I не может продавать дороже, так как не он определяет рынок, а IV, III, II, конкурирующие с ним. Он должен лишь доставить добавочное предложение по цене $1\frac{5}{6}$ ф. ст.

Тот факт, что I не платит ренты, является следствием того, что рыночная ценность равна его цене производства.

Этот факт объясняется следующим образом:

Во - первых, относительной бедностью класса I. Он должен доставить 60 добавочных тонн по $1\frac{5}{6}$ ф. ст. Предположим; что, вместо 60 только тонн на капитал в 100 ф. ст., I доставляет 64 на 100 капитала, на I тонну меньше класса II. Таким образом, для получения 60 тонн в I нужно вложить лишь капитал в $93\frac{3}{4}$ ф. ст. Индивидуальная ценность 1 тонны на I была бы тогда $1\frac{7}{8}$ ф. ст. Его цена производства равнялась бы $1\frac{23}{32}$ ф. ст. И так как рыночная ценность = $1\frac{5}{6}$ ф. ст., то разница между рыночной ценностью и ценой производства составляла бы $1\frac{1}{96}$ ф. ст. И это дало бы на 60 тонн ¹ ренты в $6\frac{7}{8}$ ф. ст.

Если бы, следовательно, все условия остались прежние и I стал бы на $\frac{4}{60} = \frac{1}{15}$ плодороднее, чем мы предположили, то он еще платил бы часть абсолютной ренты, так как существовала бы разница между рыночной ценностью и его ценой производства, хотя и меньшая разница, нежели между его индивидуальной ценностью и его ценой производства. Здесь, следовательно, самая плохая земля также давала бы ренту, если бы она была плодороднее. Если бы I был абсолютно плодороднее, чем мы предположили, то II, III, IV были бы относительно менее плодородны, в сравнении с ним. Разница между его и их индивидуальными ценностями была бы меньше. Если он, следовательно, не дает ренты, то это объясняется тем, что сам он не абсолютно плодороднее и что II, III, IV не являются относительно менее плодородными.

Во - вторых: Предположим, что богатство класса I дано 60 тонн на 100 ф. ст. Если бы II, III, IV, и специально IV, который вступает в рынок в качестве конкурента, были менее богаты не только относительно, в сравнении с I, но и абсолютно, то I мог бы давать ренту, хотя она составляла бы лишь часть абсолютной ренты. Ибо, так как рынок поглощает $292\frac{1}{2}$ тонны по $1\frac{5}{6}$ ф. ст., то он поглотил бы меньшее число тонн, например, 280 тонн по более высокой рыночной ценности, чем $1\frac{5}{6}$ ф. ст. Но всякая рыночная ценность, которая выше $1\frac{5}{6}$ ф. ст., то-есть издержек производства ² класса I, дает для I ренту, которая равна рыночной ценности минус цена производства класса I.

Можно, следовательно, также сказать, что вследствие абсолютного богатства класса IV класс I не дает никакой ренты, так как он давал ренту, пока его конкурентами на рынке были лишь II и III, и несмотря на появление класса IV, несмотря на увеличенное предложение, он продолжал бы давать ренту—во всяком случае меньшую ренту,—если бы IV давал при капитале в 100 ф. ст. 80 вместо $92\frac{1}{2}$ тонн.

В - третьих: Мы предположили, что абсолютная рента для затраты капитала в 100 ф. ст. = 10 ф. ст. = 10% на капитал, или $\frac{1}{11}$ цены производства, что ценность в 100 ф. ст. капитала дает в земледелии продукт в 120 ф. ст., при чем 10 ф. ст. составляют прибыль.

Только нельзя представлять себе дело таким образом, что, когда мы предполагаем, что на земледелие затрачен капитал в 100 фунтов

¹ В оригинале стоит 60 ф. ст. *Прим. перев.*

² Вернее: цены производства. *Прим. перев.*

стерлингов, и когда рабочий день равен 1 ф. стерл., то затрачено 100 рабочих дней. Вообще, когда капитал в 100 ф. стерл. равен 100 рабочим дням, то [ценность продукта этих 100 рабочих дней] никогда [не равняется 100 рабочим дням], в какую бы отрасль производства ни вложен был этот капитал. Предположим, 1 ф. ст. золота равняется одному 12-часовому рабочему дню, что считается нормальным рабочим днем; тогда спрашивается, во-первых, какова норма эксплуатации труда? То-есть, сколько времени из этих 12 часов рабочий работает для себя, для воспроизводства (в виде эквивалента) своей заработной платы, и сколько он работает даром на капиталиста? Как велико, следовательно, рабочее время, которое капиталист продает, не заплатив за него, которое поэтому служит источником прибавочной ценности, увеличения капитала? Если эта норма равна 50 процентам, то рабочий работает 8 часов на себя и 4 часа безвозмездно на капиталиста. Из этих 12 часов, равных 1 ф. ст., 8 возмещают капиталисту заработную плату, 4 образуют его прибавочную ценность. На заработную плату в $13\frac{1}{3}$ шиллинга приходится, следовательно, прибавочная ценность в $6\frac{2}{3}$ шиллинга. Или на затрату капитала в 1 ф. ст. приходится 10 шиллингов прибавочной ценности; на 100 ф. ст., следовательно,—50 ф. ст. Прибыль капиталиста вообще состоит в продаже неоплаченного в продукте труда. Из продажи того, за что не было уплачено, получается нормальная прибыль.

Но второй вопрос состоит в следующем: каково органическое строение капитала? Часть ценности капитала, которая состоит из машин и т. д. и сырого материала, просто воспроизводится в продукте, снова появляется, остается неизменной. Эту составную часть капитала капиталист должен оплатить по ее ценности. Она, следовательно, входит в продукт, как данная, раньше существовавшая ценность. Но применяемый капиталистом труд входит в ценность продукта целиком, весь покупается им, хотя он оплачивает лишь часть этого труда. Возьмем указанную выше эксплуатацию труда; величина прибавочной ценности для капитала одинаковой величины будет, следовательно, зависеть от его органического строения. Если капитал $a = 80c + 20v$, то ценность продукта = 110 и прибыль = 10 (хотя здесь содержится 50% неоплаченного труда). Если капитал $b = 40c + 60v$, то ценность продукта = 130, прибыль = 30, хотя здесь также содержится 50% неоплаченного труда. Если капитал $c = 60c + 40v$, то ценность продукта = 120 и прибыль = 20 процентам, хотя она также включает в себе 50% неоплаченного труда. Строение капитала = $80c + 20v$ (при норме прибавочной ценности в 50%), когда средняя прибыль = 10%. Мы предполагаем, что строение земледельческого капитала = $60c + 40v$, или что относительная доля капитала, затраченная на заработную плату—живой труд—здесь больше, чем в общей сумме капитала, вложенного в остальные отрасли промышленности¹. Это свидетельствует об относительно более низкой сте-

¹ Само собой разумеется, что когда мы говорим о строении земледельческого капитала, ценность или цена земли сюда не входит. Последнее есть не что иное как капитализированная земельная рента.

пени развития производительности труда в этой отрасли. Во всяком случае, в некоторых отраслях сельского хозяйства, например, в скотоводстве, строение капитала может равняться $90c + 10v$, следовательно, отношение $\gamma : c$ может быть меньше, чем во всем промышленном капитале. Но не эта отрасль определяет ренту, а собственно земледелие, и именно та часть его, которая создает самое главное жизненное средство, как пшеницу и т. д. Рента в других отраслях определяется не строением их собственного капитала, а строением капитала, вложенного в производство важнейших жизненных средств.

Капиталистическое производство предполагает, что самую значительную часть жизненных средств составляет растительная пища, а не животная. Взаимное отношение рент в различных отраслях представляет второстепенный вопрос, который нас здесь не интересует, здесь мы его не касаемся.

Если абсолютная рента равна 10 процентам, то предполагается, [при норме прибавочной ценности в 50%], что общее среднее строение неземледельческого капитала = $80c + 20v$, строение земледельческого капитала = $60c + 40v$.

Теперь спрашивается: оказало ли бы влияние в случае D (где предполагается, что кл. I не дает никакой ренты) другое строение земледельческого капитала, если бы оно, например, равнялось $50c + 50v$ или $70c + 30v$? В первом случае ценность продукта равнялась бы 125 ф. ст., во втором—115 ф. ст. В первом случае разница, обусловленная тем, что его капитал по своему строению отличается от капитала неземледельческого, равна 15 ф. ст., во втором—5 ф. ст., то-есть разница между ценностью земледельческого продукта и его ценой производства была бы в первом случае на 50% выше, чем в предположенном нами выше примере, во втором—на 50% ниже.

Если бы мы имели первый случай, если бы ценность в 100 ф. ст. производила 125 ф. ст., ценность тонны для I в таблице A равнялась бы $2\frac{1}{12}$ ф. ст.¹. И это представляло бы рыночную ценность для A, так как класс I здесь определяет рыночную ценность. Но цена производства для I A составляла бы попрежнему $1\frac{5}{6}$ ф. ст. Так как, следовательно, те $292\frac{1}{2}$ тонны [в случае D], согласно предположению, могут быть проданы лишь по $1\frac{5}{6}$ ф. ст., то здесь не было бы разницы; также и в том случае, если бы земледельческий капитал был составлен в отношении $70c + 30v$, или если бы разница между ценностью земледельческого продукта и его ценой производства составляла лишь 5 ф. ст., была бы вдвое меньше, чем в предположенном нами случае.

Таким образом, если цена производства, следовательно, среднее органическое строение неземледельческого капитала ($80c + 20v$) предполагается неизменным, то [в случае D] не имело бы значения строение земледельческого капитала, но для таблицы A это имело бы большое значение—здесь получилась бы в абсолютной ренте разница в 50 процентов.

¹ В манускрипте стоит $2\frac{1}{2}$ ф. ст. K.

Но сделаем здесь обратное предположение: что строение земельного капитала попрежнему равняется $60c+40v$, а строение неземельного капитала изменяется. Вместо $80c+20v$ последний равен или $70c+30v$ или $90c+10v$. В первом случае средняя прибыль равнялась бы 15 ф. ст., то-есть она была бы на 50% выше, чем в ранее предположенном нами случае; во втором [она была бы равна] 5 ф. ст. или на 50% ниже. В первом случае абсолютная рента составляла бы 5 ф. ст. Это, следовательно, не дало бы разницы для I D. Во втором случае абсолютная рента равнялась бы 15 ф. ст. Это также не дало бы разницы для I D. Для этого случая, следовательно, все это безразлично; но это очень важно для таблиц А, В, С, Е, то-есть для определения абсолютной и дифференциальной ренты каждый раз, когда новый класс—независимо от того, происходит ли движение по восходящей или нисходящей линии—доставляет лишь необходимое добавочное предложение по старой рыночной ценности.

Тут возникает такой вопрос:

Возможен ли практически случай D? А еще раньше нам нужно ответить на вопрос: есть ли это, как предполагает Рикардо, нормальный случай? Нормальным случаем это может быть: или когда земельный капитал равняется $80c+20v$, среднему строению неземельного капитала, так что ценность земельного продукта равнялась бы цене производства неземельного продукта. Это прежде всего статистически неверно. Предположение, что производительность труда в земледелии относительно ниже, во всяком случае больше соответствует действительности, чем предположение Рикардо, что в земледелии происходит прогрессивное абсолютное падение производительности труда.

Рикардо предполагает в 1 главе о ценности, что в золотых и серебряных рудниках существует среднее строение капитала, хотя он говорит здесь лишь об основном и оборотном капитале; здесь, однако, нужно внести „поправку“. При этом предположении на этих рудниках могла бы всегда существовать лишь дифференциальная рента, но никогда здесь нельзя было бы получить абсолютной ренты.

Но само предположение опять-таки основано на другой предпосылке: что доставляемое более богатыми рудниками добавочное предложение больше того, которое требуется при старой рыночной ценности. Однако абсолютно непонятно, почему не может иметь место противоположное явление.

Одно только существование дифференциальной ренты доказывает уже, что добавочное предложение возможно без изменения рыночной ценности. Ибо IV, или III, или II не давали бы никакой дифференциальной ренты, если бы они не продавали по рыночной ценности класса I, как бы ни определялась эта последняя, следовательно, по рыночной ценности, определяемой независимо от величины их предложения.

Или: случай D должен был бы всегда являться нормальным, если бы предположенные в нем условия всегда оказывались нормальными; то-есть, когда I всегда вынужден конкуренцией классов IV, III и II, особенно IV, продавать свой продукт по цене производства, которая на всю сумму абсолютной ренты ниже его ценности. Уже одно существование диффе-

ренциальной ренты в IV, III, II доказывает, что они продают по рыночной ценности, которая стоит выше их индивидуальной ценности. Если Рикардо предполагает, что у I этого не может быть, то только потому, что он исходит из невозможности абсолютной ренты, так как он отождествляет ценность и цену производства.

Возьмем случай C, где $292\frac{1}{2}$ тонны находят сбыт по рыночной ценности в $1^{11}/_{13}$ ф. ст. И будем исходить, как это делает Рикардо, из класса IV. Пока требуется лишь $92\frac{1}{3}$ тонны, IV продает тонну по $1^{11}/_{37}$ ф. ст., то-есть с капиталом в 100 ф. ст. производит товар, ценность которого составляет 120 ф. ст., что дает абсолютную ренту в 10 ф. ст. Почему бы классу IV продавать свой товар ниже его ценности по его цене производства? Пока имеется только этот IV класс, классы III, II, I не могут создать ему конкуренции. Уже цена производства класса III стоит выше той ценности, которая дает классу IV ренту в 10 ф. ст., и еще выше стоит цена производства классов II и I. Следовательно, кл. III и др. не могли бы создать конкуренции, даже если бы они продавали эти тонны только по цене производства.

Предположим, что существует лишь один класс—лучший или худший сорт земли IV или I, или III, II—это не имеет значения для теории; предположим, что он существует элементарно, то-есть относительно элементарно по отношению к массе данного капитала и труда, которая вообще имеется и может быть поглощена в этой отрасли производства, так что он, следовательно, не образует никаких границ для относительно неограниченного применения имеющейся массы труда и капитала. Предположим, следовательно, что нет дифференциальной ренты, так как не возделываются земли, обладающие различным естественным плодородием; предположим далее, что нет земельной собственности; тогда ясно, что нет абсолютной ренты; следовательно, вообще нет никакой ренты, так как, согласно предположению, дифференциальной ренты не существует. Это тавтология. Ибо абсолютная земельная рента не только предполагает земельную собственность, а есть в сущности та же предполагаемая здесь земельная собственность, то-есть обусловленная действием капиталистического производства и модифицированная им земельная собственность.

Эта тавтология не дает решения вопроса, так как выше мы объясняем образование абсолютной земельной ренты сопротивлением землевладельцев, именно тем, что последние в сельском хозяйстве препятствуют капиталистическому выравниванию ценностей товаров в цены производства. Если мы устраняем это действие землевладения—это препятствие, специфическое препятствие, на которое наталкивается конкуренция капиталов в этой области, то мы, конечно, устраняем предположение, при котором существует земельная рента. Но в самой предпосылке заключается противоречие, как это очень хорошо видит Уэкфилд в его колониальной теории: с одной стороны развитое капиталистическое производство, с другой стороны отсутствие землевладения. Откуда же в таком случае должны появиться наемные рабочие?

Нечто похожее происходит в колониях, даже когда там существует легальное землевладение, поскольку правительство раздает земли безвоз-

мездно, как это вначале имело место в английских колониях, и даже в том случае, когда правительство фактически насаждает землевладение, когда оно продает землю, но чрезвычайно дешево, как, например, в Соединенных Штатах, где платят около 1 доллара за акр.

Здесь нужно различать две вещи.

Во-первых: когда речь идет о колониях в собственном смысле, как в Соединенных Штатах, Австралии и т. д. Здесь масса занимающихся земледелием колонистов не является капиталистическим классом, и их производство не капиталистическое, хотя они привозят с собой с родины более или менее значительный капитал. Это—крестьяне, которые обычно сами работают, которые прежде всего имеют в виду производство необходимых им самим жизненных средств, главный продукт которых, следовательно, не является товаром и не назначен для продажи. Только излишек своих продуктов сверх их собственного потребления они продают, обменивают на ввозимые мануфактурные товары и т. д. Другая, меньшая часть колонистов, живущих на берегу моря, судоходных рек и т. д., образует торговые города. Здесь также не может быть речи о капиталистическом производстве. Потом постепенно развивается капиталистическое производство, когда для крестьянина, который сам работает на принадлежащей ему земле, решающее значение уже имеет продажа своих продуктов и прибыль, получаемая им при этой продаже; но пока капитал и труд находят массу доступных им земель, пока, следовательно, земля представляется для них практически неограниченное поле действия, все еще имеется и первая форма колонизации, и поэтому производство никогда не регулируется—соответственно потребностям рынка—по данной рыночной ценности. Все, что производят второго рода колонисты сверх своего собственного потребления, они выбрасывают на рынок и продают это по любой цене, которая им дает больше заработной платы. Они являются и долго еще остаются конкурентами [тех сельских хозяев], у которых существует более или менее капиталистический способ производства, и благодаря им рыночная цена сельскохозяйственного продукта постоянно стоит ниже его ценности. Фермер, возделывающий [там] землю худшего сорта, будет очень доволен, когда получит среднюю прибыль, или когда при продаже своей фермы он получит возмещение вложенного им капитала, что очень часто не имеет места. Здесь, следовательно, играют роль два важных обстоятельства: капиталистическое производство еще не господствует в земледелии; во-вторых, хотя по закону имеется земельная собственность, но она существует лишь спорадически, имеется собственно еще лишь землевладение. Хотя земельная собственность по закону существует, но она еще не в состоянии—вследствие элементарного отношения земли к труду и капиталу—оказать сопротивление капиталу, превратить земледелие в поле действия, которое ставит применению капитала специфические препятствия в отличие от неземледельческой промышленности.

В колониях второго типа—на плантациях, которые с самого начала имеют в виду торговлю, производят для мирового рынка—существует капиталистическое производство, хотя лишь формально, так как рабство негров исключает свободный наемный труд, то-есть основу капи-

талистического производства. Но здесь при рабстве негров дело ведется к а п и т а л и с т а м и. Способ производства, который они вводят, возник не из рабства, но прививается ему. В этом случае капиталист и землевладелец представлены в одном лице. И элементарное существование земли по отношению к капиталу и труду нисколько не препятствует применению капитала, следовательно, также конкуренции капиталов. Здесь не развивается также отличный от землевладельцев класс арендаторов. Пока существует это отношение, ничто не может помешать регулированию рыночной ценности ценой производства.

Все эти предпосылки не имеют ничего общего с предпосылками, при которых существует абсолютная земельная рента, т. е. когда имеется, во-первых, развитое капиталистическое хозяйство, во-вторых, земельная собственность, которая существует не только по закону, но и фактически; она ставит препятствия и защищает поле действия против капитала и лишь при известных условиях предоставляет ему место.

При этих условиях абсолютная земельная рента получается даже тогда, если возделывается лишь IV или III или II или I класс. Капитал может завоевать новое место в единственном существующем классе лишь тогда, когда он платит земельную ренту, то-есть продает земледельческий продукт по его ценности. И только при этих условиях может быть речь о сравнении и разнице между капиталом, вложенным в земледелие (то-есть в элемент природы, как таковой, в добывающую промышленность), и капиталом, вложенным в неземледельческую промышленность.

Теперь возникает следующий вопрос:

Если исходить из кл. I, то ясно, что, если II, III, IV доставляют лишь допустимое при старой рыночной ценности дополнительное предложение, они продают его по рыночной ценности, которую определяет I, следовательно, кроме абсолютной ренты они будут давать дифференциальную ренту соответственно их относительному плодородию. Но если исходить из кл. IV, то повидимому здесь возможны некоторые возражения.

Именно: класс IV, как мы видели, получает абсолютную ренту, когда он продает по своей ценности, по $1^{11}/_{37}$ ф. ст. В таблице D цена производства непосредственно следующего за ним по нисходящей линии класса III [$1^{7}/_{15} = 1^{259}/_{555}$ ф. ст.] стоит выше ценности класса IV, который дает ренту в 10 ф. ст. [$1^{11}/_{37} = 1^{65}/_{555}$ ф. ст.]; о конкуренции или понижении цены—даже если бы III продавал по цене производства—здесь, следовательно, не может быть и речи. Но если IV уж не удовлетворяет спроса, если требуется больше $92\frac{1}{2}$ тонн, то цена будет расти. В приведенном выше случае она должна была бы уже подняться на $94/_{555}$ ф. ст., прежде чем III мог бы выступить в качестве конкурента, продавая свои товары по их цене производства. Спрашивается, поступит ли он таким образом?

Представим этот случай в другом виде. Не нужно, чтобы спрос увеличился на 75 тонн, для того, чтобы цена класса IV возрасла до $13\frac{1}{5}$ ф. ст., до индивидуальной ценности класса III, особенно когда

речь идет о главном сельскохозяйственном продукте, где недостаточное предложение вызывает гораздо большее возрастание цены, чем соответственно разнице между спросом и предложением. Но если бы кл. IV поднялся до $1\frac{3}{5}$ ф. ст., то при этой рыночной ценности, равной индивидуальной ценности класса III, последний мог бы платить абсолютную ренту, а IV — дифференциальную ренту. Если вообще имеется увеличенный спрос, то III может продавать по своей индивидуальной ценности, так как он тогда определяет рыночную ценность, и у нас нет никаких оснований полагать, что землевладелец должен был бы отказаться от ренты.

Но предположим, что рыночная цена класса IV поднялась лишь до $1\frac{7}{15}$ ф. ст., до цены производства кл. III. Или чтобы представить этот случай в более наглядном виде: цена производства класса III равна, предположим, лишь $1\frac{1}{4}$ ф. ст. = $1\frac{37}{148}$ ф. ст.¹, следовательно, лишь на $\frac{9}{148}$ ф. ст. выше цены производства кл. IV = $1\frac{28}{148}$ ф. ст. Выше она должна быть, так как III менее плодороден, чем IV. Можно ли тогда приступить к кл. III, который должен конкурировать с IV, продающим выше цены производства кл. III? Здесь, прежде всего, важно знать, увеличивается ли спрос или нет. В первом случае рыночная цена класса IV поднимается выше его ценности, выше $1\frac{11}{37}$ ф. ст. = $1\frac{44}{148}$ ф. ст. И III тогда во всяком случае продавал бы выше своей цены производства, равной $1\frac{37}{148}$ ф. ст., хотя и не получал бы всей суммы своей абсолютной ренты.

Когда спрос не увеличивается, возможны два случая. Конкуренция кл. III могла бы наступить лишь тогда, если бы класс III возделывался самим землевладельцем, если бы сельскому хозяину, как капиталисту, земельная собственность не ставила на пути никаких препятствий, так как он распоряжается землей, не как капиталист, а как землевладелец. Его конкуренция заставила бы IV продавать ниже прежней цены (= $1\frac{44}{148}$ ф. ст.) и даже ниже цены $1\frac{37}{148}$ ф. ст. Таким образом III был бы сбит с позиции. И IV имел бы всегда возможность сбить III с позиции. Он должен только понизить цену до своих собственных издержек производства, которые ниже издержек производства III². Что же произойдет, когда рынок расширился вследствие понижения цены, вызванной классом III? Рынок расширился или таким образом, что IV попрежнему мог бы сбить свои $92\frac{1}{2}$ тонны, несмотря на то, что появилось еще 75 тонн, или он расширился не в такой мере, так что часть продукта кл. IV и III оказалась бы излишней. В этом случае класс IV, господствующий на рынке, понижал бы цену до тех пор, пока капитал в III не был бы сокращен, то-есть пока в III не вложен был бы лишь такой капитал, какой требуется для того, чтобы был поглощен весь продукт класса IV. Но по $1\frac{37}{148}$ ф. ст. можно было бы продать весь продукт, а так как III по этой цене продает часть этого продукта, то IV не мог бы продавать дороже. Но это был бы единственный возможный случай, когда временное перепроизводство не вызвано

¹ В оригинале стоит $\frac{37}{148}$ ф. ст., 1 пропущен. *Примеч. перев.*

² Вернее до своей собств. цены произв., которая ниже цены произв. III. *Примеч. перев.*

увеличением спроса, но приводит к расширению рынка. И этот случай был бы возможен лишь тогда, когда капиталист и землевладелец в III соединены в одном лице—следовательно, опять-таки предполагается, что земельная собственность не представляет силы, противостоящей капиталу, так как сам капиталист является землевладельцем и интересами последнего жертвует ради интересов первого. Но если землевладение, как таковое, в III противостоит капиталу, то нет никаких оснований для того, чтобы землевладелец отдал для возделывания свои акры, не получая за них ренты, что он их, следовательно, отдаст, прежде чем цена класса IV поднялась, по крайней мере, выше цены производства класса III. Если это повышение лишь незначительно, то во всякой стране с капиталистическим производством класс III не будет служить полем действия капитала, за исключением того случая, когда он не может давать ренты в какой-либо другой форме. Но он никогда не вступит в обработку, прежде чем не будет давать ренты, прежде чем цена класса IV не будет стоять выше цены производства класса III, следовательно, прежде чем IV не будет давать кроме своей старой ренты еще и дифференциальную ренту. С дальнейшим возрастанием спроса цена класса III возрасла бы до его ценности, так как цена производства класса II стоит выше индивидуальной ценности класса III. Класс II стал бы возделываться, как только цена класса III поднялась бы выше 1⁰/₁₃ ф. ст., следовательно, давала бы какую-нибудь ренту для II.

Но в D предполагается, что I не дает никакой ренты. Однако это происходит лишь потому, что согласно предположению I представляет уже обработанную землю, которая, вследствие изменения рыночной ценности с появлением класса IV, вынуждена продавать ниже своей ценности по своей цене производства. При таких условиях возделывание его будет продолжаться лишь тогда, когда сам собственник одновременно является и сельским хозяином, следовательно, земельная собственность в этом индивидуальном случае для капитала исчезает; или когда сельский хозяин является мелким капиталистом, который довольствуется меньше, чем 10%, или рабочим, который хочет выручить лишь несколько больше своей заработной платы, или только эту последнюю и отдает свой прибавочный труд землевладельцу вместо капиталиста. В обоих последних случаях имеется, правда, арендная плата, но с точки зрения экономической науки это не рента; а здесь речь идет только об этой последней. В одном случае арендатор является лишь сельским рабочим, в другом случае он представляет собой нечто среднее между сельским рабочим и капиталистом.

Нет ничего более нелепого, чем утверждение, что землевладелец не может так просто из'ять из рынка своих акров, как капиталист извлекает свой капитал из какой-либо отрасли производства. Лучшим доказательством служит то, что в самых развитых странах Европы, как напр. в Англии, не возделано много плодородных земель; далее, земли, из'ятые из земледелия, использованы для сооружения железных дорог или постройки домов или сохранены для этой цели, или предназначены землевладельцами для охоты, как в горной Шотландии и т. д.

Лучшим доказательством служит борьба английских рабочих, которые тщательно стремятся получить неосвоенные земли.

Кстати заметим: во всех случаях, когда абсолютная рента, как в II D, стоит ниже своей (нормальной) величины, потому что, как мы это имеем здесь, рыночная ценность стоит ниже индивидуальной ценности данного класса, или, как в II B, часть капитала вследствие конкуренции лучшей земли должна быть изъята из худшей земли, или как в I D рента совершенно отпадает, предполагается:

1, что там, где она совершенно отпадает, землевладелец и капиталист соединены в одном лице, здесь, следовательно, индивидуально, в виде исключения, исчезает противодействие земельной собственности, которое обычно встречает капитал, и ограничение поля действия для бобыля со стороны фермера. Мы здесь имеем тот же случай, что в колониях: земельная собственность, как предпосылка, отпадает, только в этом случае индивидуально;

2, что конкуренция лучших земель или также конкуренция худших земель, по нисходящей линии, создает перепроизводство и насильственно расширяет рынок, создает увеличение спроса путем насильственного понижения цены. Но это как раз тот случай, которого Рикардо не предполагает; ибо его рассуждения всегда основаны на предположении, что удовлетворяется лишь необходимый увеличенный спрос.

3, что II B, D и E¹ и I C и D не дают никакой или не доставляют всей суммы абсолютной ренты, так как конкуренция лучших земель вынуждает их продавать свой продукт ниже его ценности². Рикардо, наоборот, предполагает, что они продают его по его ценности, и что самая плохая земля всегда определяет рыночную ценность; но в случае I D, который он считает нормальным, мы имеем обратное явление. Кроме того в своих рассуждениях он всегда предполагает нисходящую линию производства.

Когда среднее строение не-земледельческого³ капитала равно $80c + 20v$ и норма прибавочной ценности составляет 50%, то нет никакой абсолютной ренты, если строение земледельческого капитала равно $90c + 10v$, то есть выше промышленного капитала; но это исторически неверно при капиталистическом производстве; если строение земледельческого капитала равно $80c + 20v$, что до сих пор также не имело места, абсолютной ренты также не существует; если же оно ниже, например, $60c + 40v$, тогда получается абсолютная рента.

Если исходить из [этой разницы в органическом строении промышленного и земледельческого капитала], то можно указать следующие [представленные в таблицах] случаи, распределенные соответственно отношению различных классов друг к другу и к рынку—то-есть соответственно отношению, в каком тот или другой класс господствует на рынке.

¹ В оригинале стоит: II B, C и D—это неверно, ср. таблицу. *Прим. перев.*

² Это неверно по отношению к II B: последний не дает всей суммы абсолютной ренты по другой причине—потому что здесь вложено вдвое меньше капитала.

Прим. перев.

³ В манускрипте стоит „не промышленного“. *К.*

А. Последний класс платит абсолютную ренту. Он определяет рыночную ценность, так как все классы доставляют необходимое предложение лишь по этой рыночной ценности.

В. Последний класс определяет рыночную ценность; он платит абсолютную ренту, всю ее норму, но не всю прежнюю сумму ее, так как конкуренция классов III и IV заставляет его извлечь часть своего капитала из производства.

С. Излишнее предложение, которое доставляется классами I, II, III, IV по старой рыночной ценности, вызывает падение этой последней, что однако—при регулировании высшими классами—расширяет рынок. I платит лишь часть абсолютной ренты, II дает только абсолютную ренту.

Д. Это регулирование рыночной ценности лучшими классами или [также] худшими [вследствие] чрезмерного предложения совершенно уничтожает ренту в I, уменьшает во II ее абсолютную величину; наконец, в

Е лучшие классы вытесняют с рынка класс I путем уменьшения рыночной ценности ниже его цены производства. II регулирует тогда рыночную ценность, так как только по этой новой рыночной ценности всеми тремя классами доставляется необходимое предложение.

б) Как Рикардо изображает свой нормальный случай.

Вернемся теперь к Рикардо.

Рикардо, 2 глава, о ренте: В этой главе он сначала говорит об известной уже со времени Смита „колониальной теории“. Мы ограничимся здесь лишь кратким указанием логической связи его мыслей.

„При первом заселении страны, где имеется в изобилии тучная и плодородная земля, лишь незначительная доля которой нужна для снабжения пищей фактического населения или же может быть обработана при капитале, которым располагает это население, ренты не существует. Ведь никто не станет платить за землю, раз есть налицо масса еще не обращенной в собственность земли, которой, поэтому¹, может располагать всякий,—кто захочет обрабатывать ее“ (I. с. стр. 55; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 35).

Здесь, следовательно, предполагается отсутствие земельной собственности. Такое описание процесса приблизительно верно для колонизации современных народов; но, во-первых, оно не соответствует развитию капиталистическому производству; оно ошибочно также, если оно должно представлять исторический ход развития в старой Европе.

„По общим законам предложения и спроса никто не будет платить ренту за такую землю, точно так же, как никто не платит ренты за пользование воздухом и водой или каким-либо другим даром природы, существующим в неограниченном количестве... Никто не взимает платы за пользование этими силами природы, потому что они неисчислимы и могут быть использованы всяким... Если бы вся земля имела одинаковые свойства, если бы она имелась в неограниченном количестве и была однородна по качеству, то за пользование ею нельзя было бы брать плату², за исключением тех случаев, когда она отличается особенно выгодным положением³. Следовательно, рента платится за пользо-

¹ Так как ею никто не владеет, что Рикардо потом совершенно забывает.

² Так как она вообще не могла бы стать частной собственностью.

³ И только владелец ее мог бы распоряжаться ею, должен был бы он прибавить.

вание земель только потому, что количество земли не беспредельно, а качество ее неодинаково, и с ростом населения обращается под обработку земля худшего качества или расположенная менее удобно. Когда с развитием общества поступает в обработку земля второго разряда по плодородию, на земле первого разряда тотчас возникает рента, и величина этой ренты будет зависеть от различия в качестве этих двух участков. (I. с., стр. 56, 57; рус. пер. Н. Риз., стр. 35, 36).

Здесь, именно, мы должны остановиться подробнее. Логическая связь мыслей такова:

Если земля—и это предполагает Рикардо при первом заселении страны (колониальная теория Смита) — богатая и плодородная земля существует для имеющегося населения и капитала в элементарном состоянии, если она в действительности имеется в неограниченном количестве; если далее „значительная часть“ этой земли „еще не приобретена в собственность“ и поэтому, так как „никто еще не владеет ею“, „ею может располагать всякий, кто захочет обрабатывать ее“, — в этом случае, конечно, ничего не будут платить за пользование землей, не будет никакой земельной ренты. Если бы земля была не только по отношению к капиталу и населению, но и фактически неограниченным элементом, „неограниченным“, как „воздух и вода“, если бы она „существовала в неограниченном количестве“, тогда действительно присвоение ее одними лицами не могло бы исключить присвоения ее другими лицами. Не могло бы существовать частной (а также и „общественной“ или государственной) собственности на землю. В этом случае, даже если бы вся земля везде была одинакового качества, за нее не платили бы ренты. Только владелец участка, „местоположение которого представляет особые преимущества“, мог бы еще получать ренту. Если, следовательно, при тех условиях, которые предполагает Рикардо, когда именно земля „не приобретена в собственность“ и невозделанной землей, поэтому, „может располагать всякий, кто захочет обрабатывать ее“, уплачивается рента,— то это возможно лишь потому, что земля „не имеется в неограниченном количестве и не везде одинакового качества“, то-есть потому, что существуют различные сорта земли, и данный сорт земли имеется „в ограниченном количестве“. Мы говорим, что при предпосылках Рикардо может существовать лишь дифференциальная рента. Но вместо такого ограничения, он делает слишком поспешный вывод, что — независимо от его предположения, что земельной собственности не существует—за пользование землей никогда не платят абсолютной ренты, а платят лишь дифференциальную ренту.

Главная мысль его такова: если земля существует по отношению к капиталу в элементарном состоянии, то он двигается в земледелии таким же образом, как во всякой другой отрасли промышленности. Тогда не существует никакой земельной собственности и никакой ренты. В лучшем случае могут существовать сверхприбыли, как в индустрии, когда одна часть земли плодороднее, нежели другая. Здесь они фиксируются, как дифференциальные ренты, так как различные степени плодородия земли обусловлены ее естественными качествами.

Если, наоборот, земля: 1) ограничена, 2) приобретена в собственность; если капитал находит в виде предпосылки земельную собственность, то земля с самого начала не является элементарным полем дей-

ствия для капитала, а эта предпосылка необходима там, где развивается капиталистическое производство; там, где капитал не находит этой предпосылки, как в старой Европе, он сам создает ее, как, например, в Соединенных Штатах. Поэтому существует земельная рента, независимо от дифференциальной ренты. Но и переход от одного сорта земли к другому, как по восходящей линии (I, II, III, IV), так и по нисходящей (IV, III, II, I) происходит тогда иначе, чем при предположении Рикардо. Ибо применение капитала наталкивается на сопротивление земельной собственности, как в I, так и во II, III, IV, и то же самое получается при обратном переходе от IV к III и т. д. При переходе от IV к III и т. д. недостаточно того, чтобы цена поднялась так высоко, что в классе III может быть применен капитал со средней прибылью. Она должна подняться так высоко, что в III может быть уплачена рента. Если совершается переход от I ко II и т. д., то уже само собою разумеется, что цена, которая дает ренту для I, дает для II не только эту ренту, но, кроме того, еще и дифференциальную ренту. Своим предположением, что земельной собственности не существует, Рикардо, конечно, не устранил закона, вытекающего из существования земельной собственности и неразрывно с ней связанного.

Показав, как при его предпосылках могла бы возникнуть дифференциальная рента, Рикардо продолжает:

„Когда поступает в обработку земля третьего разряда по качеству, тотчас же начинает давать ренту земля второго разряда. Как и раньше, рента зависит от различия в их производительной силе. В то же время поднимается рента с земли первого разряда, потому что она всегда должна быть выше ренты с земли второго разряда, соответственно разнице в продукте, который они дают, при данном количестве капитала и труда. С каждым приростом населения, который заставляет страну прибегать к земле худшего качества¹, чтобы иметь возможность снабжать себя пищей,— будет подниматься рента со всех более плодородных земель“ (стр. 57; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 36).

Это совершенно верно.

Рикардо переходит здесь к примеру. Но этот пример, о котором мы еще будем говорить потом, предполагает нисходящую линию. Однако, это является лишь [произвольным] предположением. Чтобы скрыть это, он говорит „о вновь заселяемой стране, где имеется в изобилии богатая и плодородная земля..., которая еще не приобретена в собственность“.

Но получилось бы то же самое, если бы для колонистов „имелась в изобилии бедная и неплодородная земля, которая еще не приобретена в собственность“. Не богатство или плодородие земли служит предпосылкой отсутствия ренты, а то, что она имеется в неограниченном количестве, не приобретена в собственность и обладает одинаковыми качествами, каковы бы ни были эти качества, каково бы ни было плодородие земли. Сам Рикардо при дальнейшем изложении так формулирует свои предпосылки:

„Если бы вся земля имела одинаковые свойства, если бы она имелась в неограниченном количестве и была однородна по качеству, то за пользование ею нельзя было бы брать плату“ (1. с., стр. 56; рус. пер. Н. Ряз., стр. 36).

¹ Этим однако отнюдь не сказано, что всякий дальнейший прирост населения заставляет приступать к обработке земли худшего качества.

Он не говорит и не может сказать: „если бы она была богата и плодородна“, так как это условие не имело бы абсолютно никакого отношения к закону. Если бы земля была не богата и плодородна, а бедна и неплодородна, то каждый колонист должен был бы обрабатывать больший участок земли; и, таким образом, даже при отсутствии собственности на землю, колонисты с возрастанием населения быстрее приближались бы к тому времени, когда действительному избытку земли, ее фактической неограниченности по отношению к населению и капиталу, настает конец. Правда, колонисты, несомненно, будут выбирать себе не наименее, а наиболее плодородную землю. Именно самую плодородную для имеющихся в их распоряжении средств обработки. Однако, не этим только ограничен их выбор. Что прежде всего играет для них решающую роль—это местоположение: расположение на берегу моря, больших рек и т. д. Земля в Западной Америке и т. д. могла быть очень плодородна. Колонисты естественно поселились в Новой Англии, Пенсильвании, Северной Каролине, Вирджинии и т. д., одним словом, на восточном берегу Атлантического океана. Если они выбирали себе самую плодородную землю, то они, однако, выбирали себе самую плодородную землю в этой области. Это им не помешало возделывать потом более плодородную землю на Западе, когда возрастание населения, появление капитала, развитие средств сообщения, возникновение городов сделали для них доступной более плодородную землю в этом более отдаленном районе. Они ищут не самую плодородную, а лучшую по местоположению область и в пределах этой последней естественно ту землю, которая при прочих равных условиях является самой плодородной. Это, однако, вовсе не доказывает, что совершается переход от более плодородной к менее плодородной области, а только то, что в одной и той же области, при одинаковом местоположении, более плодородная земля естественно возделывается раньше, чем менее плодородная. Рикардо внес правильную поправку: он уж говорит не об „избытке богатой и плодородной земли“, а о земле, имеющей „одинаковые свойства, существующей в неограниченном количестве и однородной по качеству“; но потом он переходит к своему примеру и здесь опять возвращается к своей ошибочной предпосылке:

„Наиболее плодородная и наиболее удобно расположенная земля поступит в обработку раньше других“ (I. с. стр. 60; рус. пер. Н. Ряз. стр. 38).

Он чувствует, что это необосновано и неверно, и поэтому прибавляет к словам „более плодородная земля“ еще одно условие: „и более удобно расположенная“, о чем вначале не говорилось. Очевидно, имелась в виду „самая плодородная земля в пределах лучшей по местоположению области“; и не может ведь Рикардо высказывать столь нелепую мысль, что та часть страны, которая случайно расположена наиболее удобно для вновь прибывших, так как здесь они могут поддерживать отношения с родиной, с живущими там людьми и с внешним миром, что эта именно часть страны представляет „самую плодородную область“ во всей стране, которая еще не исследована и не может быть исследована колонистами. Предположение, что переход совершается по нисходящей линии, от более плодородной к менее плодородной области, оказывается, следовательно,

совершенно произвольным. Можно только сказать следующее: область, которая возделывается раньше других, так как она расположена наиболее удобно, не дает ренты, пока в пределах этой области не перешли от наиболее плодородной к менее плодородной земле. Но если перешли ко второй, более плодородной области, чем первая, то, согласно предположению, она расположена менее удобно. Поэтому возможно, что большие плодородные земли более чем уравниваются большими неудобствами ее расположения, и в этом случае земля области I будет продолжать давать ренту. Но так как „местоположение“ является таким обстоятельством, которое меняется в процессе экономического развития, и с развитием средств сообщения, появлением новых городов и т. д., с возрастанием населения должно постоянно улучшаться,—то ясно, что продукт, произведенный в области II, постепенно доставляется на рынок по цене, которая снова должна понизить ренту в области I для данного продукта, и что [область II] постепенно выступает, как более плодородная земля, по мере того, как исчезают неудобства местоположения.

Поэтому ясно:

1. Что там, где Рикардо сам правильно и в общей форме указывает условие возникновения дифференциальной ренты, именно, [тот факт, что не] „вся земля имеет одинаковые свойства, что она не имеется в неограниченном количестве и не однородна по качеству“,—там в это условие не входит переход от более плодородной земли к менее плодородной.

2. Что это также исторически ошибочно относительно заселения Соединенных Штатов, которое он вместе с А. Смитом имеет в виду, почему возражения Кэри в этом пункте вполне основательны.

3. Что сам Рикардо снова все разрушает, прибавляя слова о „местоположении“: „Более плодородная и более удобно расположенная земля поступит в обработку раньше других“.

4. Что свое произвольное предположение он доказывает примером, в котором уже предполагается то, что подлежит доказательству, именно переход от лучшей к худшей земле.

5. Что он, наконец, во всяком случае, уже имея в виду тенденцию всеобщей нормы прибыли к падению, предполагает переход к худшей земле, так как иначе он не может объяснить себе дифференциальной ренты, хотя она совершенно не зависит от того, совершается ли переход от I ко II, III, IV или от IV к III, II, I.

В своем примере Рикардо берет 3 сорта земли, № 1, 2, 3, которые при одинаковой затрате капитала дают 100, 90, 70 кварталов хлеба. № 1 возделывается раньше всего „в новой стране, где плодородная земля имеется в изобилии в сравнении с населением, и где поэтому необходимо возделывать только № 1“ (l. с., стр. 57; рус. пер. Н. Ряз., стр. 36). В этом случае „весь чистый доход“ принадлежит „земледельцу“ и „образует прибыль на авансированный им капитал“. И здесь, не говоря о плантациях [несомненно], почему этот „чистый доход“ сразу рассматривается, как прибыль на капитал, хотя капиталистическое производство здесь не предполагается. Все же колонист, придет-

ний из „старой страны“, может ее сам так рассматривать. Если население так растет, что необходимо приступить к возделыванию № 2, то № 1 даст ренту в 10 кварталов. Здесь, естественно, предполагается, что земля № 2 и № 3 не „приобретена в собственность“ и в отношении к населению и капиталу практически имеется „в неограниченном количестве“. В противном случае мог бы получиться другой результат. Следовательно, при этом предположении № 1 будет давать ренту в 10 кварталов.

„Иначе существовали бы две нормы прибыли на сельскохозяйственный капитал, или 10 кварталов (или ценность десяти кварталов) должны быть вычтены из продукта № 1 для какой-нибудь иной цели. Возделывает ли земледелец или же какое-либо другое лицо участок № 1, эти 10 кварталов все равно составят ренту, потому что возделывающий № 2 получит одинаковый результат от своего капитала, будет ли он возделывать № 1, платя 10 кварталов ренты, или же попрежнему № 2, не платя никакой ренты“ (I. с., стр. 58; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 36—37).

В действительности существовали бы две нормы прибыли на сельскохозяйственный капитал, то-есть земля № 1 давала бы сверхприбыль в 10 кварталов, которая в этом случае может представлять ренту. Но внутри одной и той же сферы производства, на капитал одного и того же вида, здесь на сельскохозяйственный капитал, не только возможны, но и неизбежны не две, а много очень различных норм прибыли; это говорит и сам Рикардо двумя страницами ниже:

„Наиболее плодородная и наиболее удобно расположенная земля поступит в обработку раньше других, и меновая ценность ее продукта будет определяться точно так же, как и меновая ценность всех других товаров, т.-е. всем количеством труда, необходимого—в различных его формах, от начала до конца процесса производства—для его изготовления и доставки на рынок. Когда поступит в обработку земля худшего качества, меновая ценность сырого продукта повысится, потому что на производство его требуется больше труда.

„Меновая ценность всех товаров—будут ли то фабричные изделия, или продукты рудников, или сельскохозяйственные продукты,—никогда не регулируется наименьшим количеством труда, необходимого для их производства при очень благоприятных условиях, составляющих исключительный удел тех, кто пользуется особыми удобствами. Напротив, она регулируется наибольшим количеством труда, необходимо затрачиваемого на их производство теми, кто не пользуется такими удобствами—теми, кто продолжает производить при самых неблагоприятных условиях,—понимая под этими последними самые неблагоприятные из тех, при каких необходимо вести производство, чтобы получить необходимое количество продукта“⁴ (I. с., стр. 60, 61; русск. пер. Н. Ряз., стр. 38).

Следовательно, во всякой особой отрасли промышленности существуют не две, а много норм прибыли, то-есть отклонения от средней нормы прибыли.

Мы не можем здесь останавливаться на дальнейшей иллюстрации примера, где речь идет о действии различных долей капитала на одной и той же земле. Нас интересуют еще лишь следующие два места:

„Земельная рента всегда является разницей в продукте, полученной посредством приложения двух одинаковых количеств капитала и труда“ (I. с., стр. 59; рус. пер. Н. Ряз., стр. 37).

То-есть существует лишь дифференциальная рента, согласно предположению, что нет земельной собственности. Ибо:

⁴ При старой цене.

„Существование двух различных норм прибыли невозможно“ (I. с., стр. 59; русск. пер. Н. Ряз., стр. 37).

„Правда, на самой лучшей земле тот же продукт будет все еще получаться при прежней затрате труда, но ценность его повысится вследствие того, что те, кто применяет новый труд и капитал на менее плодородной земле, добывают меньше продукта. Таким образом, несмотря на то, что преимущества более плодородных земель перед менее плодородными не утрачиваются ни в каком случае, а только переходят от возделывателя или потребителя к землевладельцу, все-таки, как только потребовалось бы больше труда для обработки худших земель—при условии, что необходимого добавочное количество сырых произведений мы можем получить только с последних участков—сравнительная ценность этих произведений поднимается выше прежнего уровня, и они будут обмениваться на большее количество шляп, платья, обуви и проч., и проч., в производстве которых не требуется такого добавочного количества труда.“

„Итак сравнительная ценность сырых произведений повышается потому, что на производство последней добытой доли их употребляется больше труда, а не потому, что землевладельцу уплачивается рента. Ценность хлеба регулируется количеством труда, затраченного на производство его на земле того качества или с той долей капитала, которая не платит ренты. Не потому хлеб дорог, что платится рента, а рента платится потому, что хлеб дорог. Вполне справедливо, поэтому, было замечено, что цена хлеба несколько не понизилась бы, если бы землевладельцы отказались от всей своей ренты. Это только позволило бы некоторым фермерам жить по-барски, но не уменьшило бы количества труда, необходимого для получения сырых произведений с наименее производительной земли, находящейся под обработкой“ (I. с., стр. 63; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 39—40).

После моих прежних объяснений излишне еще доказывать ошибочность положения, что „ценность хлеба определяется количеством труда, затраченного на производство его на земле того качества, которая не платит ренты“. Я показал, что [различные возможности], платит ли последний сорт земли ренту или нет, вся ли земля или только часть ее платит абсолютную ренту, дает ли она, кроме абсолютной ренты, еще и дифференциальную ренту (при восходящей линии),—что все эти возможности зависят отчасти от направления развития, от того, происходит ли оно по восходящей или нисходящей линии; во всяком случае они зависят от отношения строения земельного капитала к строению неземледельческого капитала; раз уже предполагается абсолютная рента, обусловленная этой разницей в строении капиталов, то указанные случаи зависят от состояния рынка; но именно рикардовский случай может наступить лишь при двух условиях, хотя и тогда может существовать еще арендная плата, если и не земельная рента: или когда земельной собственности по закону или фактически не существует, или когда лучшая земля доставляет добавочное предложение, которое может найти сбыт на рынке лишь при понижении рыночной ценности.

Но помимо этого в приведенном месте еще много ошибочного или одностороннего. Продукты земли могут расти в своей „относительной ценности“ (что здесь означает не что иное, как рыночная ценность) не только по указанной выше причине, но и тогда, если до того они продавались ниже своей ценности, быть может ниже своей цены производства; последнее всегда имсет место на известной стадии развития общества, когда производство сырых продуктов служит главным образом для поддержания существования хлебопашцев; также когда городской продукт обеспечивает себе монопольную цену; во-вторых, когда продукты земли еще не продавались по своей ценности, в отличие от других товаров, которые продаются по своей цене производства.

Наконец, относительно дифференциальной ренты верно утверждение, что для цены хлеба безразлично, когда землевладелец отказывается от ренты, и арендатор кладет ее себе в карман. Это неверно, когда речь идет об абсолютной ренте. Неверно, что здесь земельная собственность не повышает цены продуктов земли; это, наоборот, имеет место, так как существование земельной собственности приводит к тому, что продукты земли продаются по своей ценности, которая стоит выше их цены производства.

Если предположить, как раньше, что среднее строение неземледельческого капитала равно $80с + 20v$, и прибавочная ценность составляет 50% , то норма прибыли равна 10% и ценность продукта равняется 110. Сельско-хозяйственный капитал, наоборот, составлен, предположим, в отношении $60с + 40v$, тогда ценность продукта будет равна 120. По этой ценности будет продаваться продукт земли. Если земельной собственности не существует по закону—или фактически вследствие относительного избытка земли, как в колониях,— то [продукт земли] продавался бы за 115. Именно вся сумма прибыли с первого и второго капитала составляет 30 на 200, следовательно, средняя прибыль равняется 15. Индустриальный продукт продавался бы за 115 вместо 110, сельско-хозяйственный—за 115 вместо 120. Следовательно, сельско-хозяйственный продукт упал бы в своей относительной ценности, в сравнении с индустриальным продуктом; но для обоих капиталов—или для всего капитала, сельско-хозяйственного и промышленного—средняя прибыль возрасла бы на 50% , с 10 до 15.

Рикардо продолжает:

„Рост ренты всегда является результатом роста богатства страны и трудности снабжения пищей ее возросшего населения“ (стр. 65, 66; русск. пер. Н. Ряз. стр. 41).

Следующее положение ошибочно:

„Богатство всего быстрее увеличивается в тех странах, где имеющаяся в распоряжении земля всего плодороднее, где ввоз наименее ограничен и где, благодаря земледельческим улучшениям, количество земледельческих продуктов может быть умножено без соответствующего увеличения в количестве труда, где, следовательно, рента растет медленно“ (I. с., стр. 66, 67; русск. пер. Н. Ряз., стр. 41—42).

Абсолютная величина ренты может также расти, когда норма ренты остается та же, но вложенный в земледелие капитал и население растут; она может расти, когда I не дает ренты, II и т. д. дает лишь часть абсолютной ренты, но дифференциальная рента, вследствие относительного плодородия земель, сильно возрасла и т. д. (см. таблицу).

„Если бы высокая цена хлеба была следствием, а не причиной ренты, то цена его изменялась бы пропорционально повышению или понижению нормы ренты, и рента была бы определяющей составной частью цены, *component part of price*. Но так как регулятором цены хлеба является тот хлеб, который производится с наибольшим количеством труда, то рента не входит и не может ни в малейшей степени входить в качестве определяющей составной части в его цену... Сырой материал входит в состав большинства товаров, но ценность его так же, как и хлеба, регулируется производительностью последней доли капитала, приложенной к земле, не платящей никакой ренты. Поэтому, рента не есть определяющая составная часть цены товаров“ (I. с., стр. 67; русск. пер. Н. Ряз., стр. 42).

Здесь получается большая путаница вследствие смешения „естественной цены“ (ибо об этой цене здесь идет речь) и ценности. Рикардо заимствовал эту путаницу у Смита. У последнего она относительно верна, так как и поскольку Смит отказывается от своего собственного правильного объяснения ценности. Ни рента, ни прибыль, ни заработная плата не образуют определяющих составных частей ценности товара. Наоборот. При данной ценности товара, различные части, на которые может быть разложена ценность, принадлежат или к категории накопленного труда (постоянный капитал), или к категории заработной платы, прибыли или ренты. Но относительно естественной цены или цены производства Смит может говорить об ее составных частях, как данных предпосылках. Только путем смешения естественной цены и ценности он переносит это на ценность товаров.

Не говоря о цене сырого материала и машин (короче—постоянного капитала), который в каждой особой сфере производства представляет для капиталиста уже извне данную величину, с определенной ценой входит в его производство,—он должен при определении цены своего товара прибавить две части: [норму прибыли и] цену заработной платы. Эта [последняя] внутри известных границ уже, оказывается, также дана ему. Что касается естественной цены товара, то здесь речь идет не о рыночной цене, а о средней рыночной цене в течение более продолжительного периода или о центре, около которого колеблется рыночная цена. Следовательно, здесь цена заработной платы вообще дана в ценности рабочей силы. Но норма прибыли—естественная норма прибыли—дана в ценности суммы товаров, которая создается суммой капиталов, вложенных в несельскохозяйственное производство. Это именно излишек этой ценности над ценностью заключенного в товаре постоянного капитала плюс ценность заработной платы. Вся прибавочная ценность, которую создает весь этот капитал, образует абсолютную сумму прибыли. Отношение этой абсолютной суммы ко всему авансированному капиталу определяет среднюю норму прибыли. Таким образом, и эта всеобщая норма прибыли представляется не только отдельному капиталисту, но и капиталу в каждой особой сфере производства, извне данной. К цене затрат на сырой материал и т. д., которые содержатся в продукте, и естественной цене заработных плат, он здесь, следовательно, должен прибавить всеобщую прибыль, скажем—10%, чтобы таким образом, как это ему и представляется, путем сложения составных частей или путем их соединения найти естественную цену товара. Уплачивается ли естественная цена, или же больше или меньше, это зависит от состояния рынка в данный момент. В цену производства, отличающуюся от ценности, входит лишь заработная плата и прибыль, а рента лишь постольку, поскольку она уже вошла в цену затрат на сырой материал, машины и т. д. Следовательно, не как рента для капиталиста, для которого вообще цена сырого материала, машин, короче—постоянного капитала, представляет нечто целое, которое предполагается заранее.

Рента не входит, как определяющая составная часть, в цену производства. Если при особых обстоятельствах сельскохозяйственный продукт продается по своей цене производства, то не существует никакой ренты. Земель-

ная собственность тогда экономически не существует для капитала, именно тогда, когда продукт того класса земли, который продает по цене производства, регулирует рыночную ценность продукта данной сферы. (Иначе обстоит дело у I, в таблице D.)—Или (абсолютная) рента существует. В этом случае сельскохозяйственный продукт продается выше своей цены производства. В рыночную ценность продукта тогда входит рента или, вернее, она образует часть ее. Но арендатору она представляется заранее данной точно так же, как прибыль промышленнику. Она дана в излишке ценности сельскохозяйственного продукта над его ценой производства. Но арендатор считает совершенно так же, как капиталист: во-первых затраты (на постоянный капитал), во-вторых заработную плату, в-третьих среднюю прибыль, наконец ренту, которая также представляется ему заранее данной. Это для него естественная цена, например, пшеницы. Будет ли она уплочена, это опять зависит от состояния рынка в данный момент.

Если ясно представлять себе разницу между ценой производства и ценностью, то рента никогда не может входить в цену производства, как определяющая ее или образующая ее часть; об образующих частях (*constituants parts*) может быть речь только у цены производства в отличие от ценности товара.

Дифференциальная рента, как и сверх-прибыль, никогда не входят в цену производства, так как они всегда представляют лишь или излишек рыночной цены производства над индивидуальной ценой производства, или излишек рыночной ценности над индивидуальной ценностью¹.

Рикардо, следовательно, по существу прав, когда он, выступая против А. Смита, утверждает, что рента никогда не входит в цену производства. Но он все-таки неправ, так как он доказывает это не тем, что различает между ценой производства и ценностью, а тем, что вместе с А. Смитом он их отождествляет; ибо ни рента, ни прибыль, ни заработная плата не образуют определяющих частей ценности, хотя ценность может быть разложена на заработную плату, прибыль и ренту, и именно на все три части с одинаковым правом, если все они существуют. Рикардо рассуждает таким образом: рента не образует определяющей части естественной цены сельскохозяйственного продукта, так как цена продукта самой худшей земли равна цене производства этого продукта, равна ценности этого продукта, которая определяет рыночную ценность сельскохозяйственного продукта. Следовательно, рента не образует [определяющей] части ценности, так как она не образует [определяющей] части естественной цены, а последняя равна ценности. Но это именно ошибочно. Цена продукта, полученного с худшей земли, равна его цене производства или потому, что этот продукт продается ниже своей ценности (следовательно, не вследствие того, что, как говорит Рикардо, он продается по своей ценности), или потому, что сельскохозяйственный продукт принадлежит к тому сорту товаров, у которых в виде исключения ценность и цена производства тождественны. Это бывает в том случае, когда прибавочная ценность, созданная в особой сфере производства с данным

¹ В оригинале стоит: „excess of individual cost-price over the market cost-price or excess of individual value over the market value ist“. К.

капиталом, случайно является прибавочной ценностью, которая в среднем приходится на ту же самую аликвотную часть всего капитала. Но Рикардо здесь заутался.

Что касается А. Смита, то, поскольку он отождествляет цену производства и ценность, он имеет право сказать, исходя из этой ошибочной предпосылки, что рента так же, как и прибыль и заработная плата, составляют „образующие части естественной цены“. Это, наоборот, непоследовательность с его стороны, когда он потом снова утверждает, что рента не входит таким же образом в естественную цену, как заработная плата и прибыль. Он впадает в эту непоследовательность, так как наблюдение и правильный анализ снова приводят его к признанию того, что в определении естественной цены неземледельческого продукта и рыночной ценности земледельческого продукта существует некоторое различие. Но на этом мы остановимся подробнее, когда будем говорить о теории ренты Смита.

„Мы видели, что каждый раз, когда становится необходимым прилагать добавочный капитал к земле, дающей меньше продукта, рента повышается¹. Из тех же принципов следует, что всякие обстоятельства в жизни общества, которые делают ненужным приложение прежнего количества капитала к земле и которые, поэтому, делают последнюю приложенную долю его более производительной, будут понижать ренту“ (л. с., стр. 68; русск. пер. Н. Ряз., стр. 42).

То-есть они понижают абсолютную ренту, но не понижают обязательно дифференциальной ренты (см. таблицу В).

Таковыми обстоятельствами могут являться: уменьшение капитала страны, сопровождаемое уменьшением населения, но также и повышение производительности земледельческого труда.

„Однако, такие же результаты может дать увеличение богатства и населения страны, если оно будет сопровождаться столь значительными улучшениями в земледелии, что необходимость возделывать более плохие земли уменьшится или то же количество капитала будет затрачиваться на возделывание более плодородных участков“ (л. с., стр. 68—69; пер. Н. Ряз., стр. 43).

Удивительно, что Рикардо забывает здесь об улучшениях, которые делают худшую землю более плодородной и превращают ее в лучшую; с этой именно точки зрения подходит к вопросу Андерсон. Совершенно ошибочно следующее положение Рикардо:

„Раз население не увеличилось, то спроса на какое-либо добавочное количество хлеба не может быть“ (л. с., стр. 69; русск. пер. Н. Ряз., стр. 43).

Не говоря о том, что с падением цены хлеба появится увеличенный спрос на другие продукты земли, овощи, мясо и т. д., и что из хлеба можно сделать водку и т. д.,—Рикардо здесь предполагает, что все население потребляет столько хлеба, сколько ему хочется. Это неверно.

Ньюмэн говорит:

„Громадное увеличение нашего потребления в 1848, 1849, 1850 г.г. показывает, что питание населения раньше было недостаточно и что недостаточным предложением поддерживались высокие цены².

¹ Но не всякое прибавление нового капитала дает меньшую выручку.

² Newman, F. W. Lectures on Political Economy. Лондон 1851, стр. 158.

Тот же Ньюман говорит:

„Аргумент Рикардо, что земельная рента не может повышать цену, основан на предположении, что право требовать ренты в действительности никогда не может ограничить предложения. Но почему так? Имеются большие площади земли, которые тотчас же взяты были бы под обработку, если бы за них не требовали земельной ренты; они не возделываются и искусственно сохраняются в таком виде или потому, что землевладельцам выгодно сдать ее в аренду, как место для охоты, или потому, что они предпочитают романтическую дикость небольшой, лишь номинальной ренте, которую они получили бы лишь за разрешение ее возделывать“ (стр. 159).

Вообще неверно, что, когда землевладелец не дает земли для производства хлеба, он не может получить за нее ренту, например, превратив ее в пастбище или в место для построек или в искусственные леса для охоты, как это имеет место в некоторых гористых местах Шотландии.

Рикардо различает двоякого рода улучшения в земледелии. Одни из них „увеличивают производительные силы земли..., как напр., более рациональный севооборот или лучшее удобрение. Эти улучшения позволяют нам получить тот же продукт с абсолютно меньшей площади земли“ (I. с., стр. 70; русск. пер. Н. Ряз., стр. 43, 44).

В этом случае рента должна падать, по мнению Рикардо.

«Если, например, последовательные доли капитала давали 100, 90, 80, 70, то, когда я затрачивал четыре доли, моя рента равнялась 60 или разности между

$$\left. \begin{array}{l} 70 \text{ и } 100 = 30 \\ 70 \text{ и } 90 = 20 \\ 70 \text{ и } 80 = 10 \end{array} \right\} \text{ а продукт был } 340 \left\{ \begin{array}{l} 100 \\ 90 \\ 80 \\ 70 \end{array} \right.$$

$$\frac{60}{340}$$

Пока я затрачиваю эти доли, рента останется прежней, хотя бы продукт каждой доли показывал одинаковое увеличение¹. Если от 100, 90, 80, 70 продукт возрастает до 125, 115, 105, 95, то рента все же будет 60 или разности между

$$\left. \begin{array}{l} 95 \text{ и } 125 = 30 \\ 95 \text{ и } 115 = 20 \\ 95 \text{ и } 105 = 10 \end{array} \right\} \text{ а количестве про-} \left\{ \begin{array}{l} 125 \\ 115 \\ 105 \\ 95 \end{array} \right.$$

$$\frac{60}{440}$$

дукта увеличится до 440.

Но при этом увеличении продукта без увеличения спроса не было бы побуждения прилагать такой большой капитал к земле; одна доля была бы извлечена и, следовательно, последней долей капитала была бы та, которая дает 105, а не 95, а рента понизилась бы до 30 или разницы между

$$\left. \begin{array}{l} 105 \text{ и } 125 = 20 \\ 105 \text{ и } 115 = 10 \end{array} \right\} \text{ а количество продукта все же было бы } \left\{ \begin{array}{l} 125 \\ 115 \\ 105 \end{array} \right.$$

$$\frac{30}{345}$$

достаточно для нужд населения, составляя 345 кв. или

в то время как спрос равнялся бы только 340 квартирам“ (I. с., стр. 71, 72; русск. пер. Н. Рязан., стр. 44—45).

Не говоря о том, что спрос может возрастать при падающей цене без увеличения населения, [в земледелии] постоянно совершается переход к менее плодородным землям, потому что с каждым годом возрастает население, то-есть часть населения, потребляющая хлеб, и эта часть растет быстрее населения, так как для большей части населения

¹ Если бы он показывал не одинаковое увеличение, то, несмотря на увеличение плодородия, рента могла бы возрасти.

хлеб представляет главный продукт питания. Итак, не обязательно, чтобы спрос не возрастал вместе с производительностью капитала, следовательно, чтобы рента падала. И она может повыситься, когда улучшение неравномерно повлияло на разницу в степени плодородия (различных участков земли).

В противном случае увеличение плодородия — при неизменном спросе—несомненно (табл. В и Е) не только вытеснит с рынка худшую землю, но может заставить изъять из земледелия даже часть капитала, вложенного в лучшую землю (табл. В). В этом случае хлебная рента падает, когда на различных сортах земли происходит равномерное увеличение продукта.

Рикардо переходит потом к земледельческим улучшениям второго рода.

„Но есть улучшения, которые могут понизить относительную ценность продукта, не понижая хлебной ренты, хотя они и понижают денежную земельную ренту. Они не увеличивают производительность земли, но позволяют нам получать продукт с помощью меньшего количества труда. Целью этих улучшений является скорее усовершенствование земледельческого инвентаря, чем самой обработки земли. Такой характер носят улучшения в земледельческих орудиях, как плуг и молотилка, экономия в употреблении лошадей в сельском хозяйстве, усовершенствование ветеринарного искусства. К земле, благодаря им, прилагается меньше капитала или, — что то же, — меньше труда, но для получения того же продукта нужно возделывать не меньшее количество земли.

„Отразятся ли улучшения этого рода на ренте, выраженной в хлебе, будет зависеть от того, возрастает ли, остается ли без перемены или же уменьшается разница в продукте, получаемом от применения различных долей капитала¹. Если прилагается к земле четыре доли капитала—50, 60, 70 и 80, дающие все одинаковые результаты, и если какое-нибудь улучшение в составе такого капитала позволит мне уменьшить каждую на 5, так что они будут составлять теперь 45, 55, 65 и 75, то в хлебной ренте не произойдет никакого изменения. Но если улучшения были таковы, что позволяют мне сберечь только ту долю капитала, которая прилагается наименее производителью, то хлебная рента непосредственно понизится, потому что уменьшится разница между капиталом наиболее производительным и капиталом наименее производительным; а эта-то разница и составляет ренту“ (I. с., стр. 73, 74; русск. пер. Н. Ризанова, стр. 45).

Это верно по отношению к дифференциальной ренте, которая одна только и существует у Рикардо.

Но Рикардо совершенно не касается главного вопроса. Что касается этого последнего, то дело не в том, что ценность единичного квартера падает, и не в том, должно ли возделываться то же количество земли, такое же количество тех же самых сортов земли, что и раньше; речь идет о том, связано ли с удешевлением постоянного капитала—который, согласно предположению, стоит меньше труда — уменьшение или увеличение примененного в земледелии количества живого труда, или же последнее остается неизменным. Короче, происходит ли изменение в органическом строении капитала, или нет.

Возьмем наш пример в таблице А и вместо тонн поставим кварталы пшеницы.

Здесь предполагается, что строение не-земледельческого капитала равно 80 с +20 v, строение земледельческого капитала=60 с +40 v, норма

¹ Это Рикардо должен был бы признавать и в том случае, когда речь идет об естественном плодородии земель. Сопровождается ли переход (к различным землям) уменьшением или увеличением дифференциальной ренты, или же она остается неизменной, — это зависит от того, уменьшилась ли, увеличилась ли, или же осталась неизменной разница в продукте капитала, вложенного в эти земли различного плодородия.

прибавочной ценности составляет в обоих случаях 50%. Тогда рента с последнего капитала, или излишек ценности [его продукта] над его ценой производства, равняется 10 ф. ст. Таким образом, мы получили бы следующее:

Класс.	Капитал.	Хлеб.	Ценность всего продукта.	Рыночная ценность квартера.	Индивидуальная цена квартера.	Дифференциальная цена кварт.	Цена производства квартера.	Абсолютная рента.	Дифференциальная рента.	Абсолютная рента.		Дифференциальная рента.	
										ф. ст.	кв.	ф.	ст.
I	100	60	120	2	2	0	1 $\frac{1}{6}$	10	0	5	0	10	5
II	100	65	130	2	1 $\frac{1}{13}$	2 $\frac{1}{13}$	1 $\frac{1}{13}$	10	10	5	5	20	10
III	100	75	150	2	1 $\frac{2}{5}$	2 $\frac{2}{5}$	1 $\frac{2}{5}$	10	30	5	15	40	20
Всего	300	200	400	—	—	—	—	30	40	15	20	70	35

Для исследования проблемы нужно предположить, что удешевление постоянного капитала (100) влияет в одинаковой мере на величину капитала, вложенного в классы I, II и III, ибо неравномерное влияние касается лишь дифференциальной ренты и несколько не касается нашей проблемы. Предположим, следовательно, что благодаря улучшениям капитал, стоявший раньше 100 ф. ст., стоит теперь лишь 90, что он уменьшился, следовательно, на 10%. Тогда спрашивается, как повлияли улучшения на строение земледельческого капитала?

Если отношение капитала, затраченного на заработную плату, к постоянному капиталу остается прежнее, и если 100 капитала состояло из 60 с + 40 v, капитал в 90 будет состоять из 54 с + 36 v; в этом случае ценность произведенных на земле I 60 кварталов будет составлять 108 ф. ст.

Но предположим, что удешевление происходит таким образом, что тот же постоянный капитал, который раньше стоил 60, теперь стоит еще лишь 54, но v или капитал, вложенный в заработную плату, составляет уже 32 $\frac{2}{5}$ вместо 36; 36 v также уменьшилось на $\frac{1}{10}$. В этом случае вместо 100 затрачено 86 $\frac{2}{5}$. Строение этого капитала было бы 54 с + 32 $\frac{2}{5}$ v; и капитал в 100 имел бы строение 62 $\frac{1}{2}$ с + 37 $\frac{1}{2}$ v. Тогда ценность 60 кварталов в I равнялась бы 102 $\frac{3}{5}$ ф. ст.

Предположим, наконец, следующее: хотя ценность постоянного капитала уменьшается, абсолютная величина капитала, затраченного на заработную плату, остается неизменной, следовательно, переменный капитал увеличивается по отношению к постоянному капиталу, так что затраченный капитал в 90 = 50 с + 40 v, строение капитала в 100 = 55 $\frac{5}{9}$ с + 44 $\frac{4}{9}$ v. (Ценность 60 кварталов составляла бы тогда 110 ф. ст.).

Рассмотрим теперь, как в этих трех случаях обстоит дело с хлебной и денежной рентой. В первом случае отношение между с и v остается неизменным, хотя ценность обоих уменьшается. Во втором случае ценность с уменьшается, но ценность v уменьшается относи-

тельно еще в большей степени. В третьем случае уменьшается лишь ценность c , но не ценность v . Приведем эти три случая рядом с первоначальным случаем в виде таблицы (см. таблицу стр. 67).

Из этой таблицы видно следующее:

Вначале в А было отношение $60 c + 40 v$; капитал, вложенный в каждый класс, составлял 100 ф. ст. Рента, выраженная в деньгах, составляла 70 ф. ст., в хлебе—35 кварталеров. В случае В постоянный капитал подешевел, так что в каждый класс вложено лишь 90 ф. ст., но и переменный капитал соответственно подешевел, и остается прежнее отношение. Здесь денежная рента падает, хлебная рента остается неизменной. [Абсолютная рента, выраженная в процентах, также остается неизменной]. Денежная рента уменьшается, так как затраченный капитал уменьшается. Хлебная рента остается неизменной, потому что на меньшее количество денег теперь [приходится] больше хлеба, нежели полагалось бы при прежних отношениях. В случае С мы имеем удешевление постоянного капитала; еще больше уменьшается переменный капитал, так что постоянный капитал относительно вздорожал. Абсолютная рента падает, уменьшается хлебная рента, а также и денежная рента. Денежная рента падает, потому что [во-первых] капитал вообще значительно уменьшился, и [во-вторых, потому что] хлебная рента [уменьшилась; эта последняя уменьшилась], потому что абсолютная рента, [выраженная в хлебе, также] сократилась, меж тем как дифференциальная рента, [выраженная в хлебе], не изменилась.

Но в D мы имеем совершенно противоположный случай. Только постоянный капитал уменьшается, переменный остается неизменным. Такова была предпосылка Рикардо. В этом случае денежная рента вследствие уменьшения капитала падает в очень незначительной степени, абсолютно лишь на $\frac{1}{3}$ ф. ст., [$69\frac{2}{3}$ ф. ст. против 70 ф. ст. в А]; но она значительно возрастает в сравнении с затраченным капиталом. Хлебная рента растет, наоборот, абсолютно [очень значительно, от 35 до 38 кварталеров]. Почему? Потому что абсолютная рента увеличилась от 10 до $12\frac{2}{3}\%$, ибо v возросло в сравнении с c .

Итак, мы имеем:

	КАПИТАЛ.	А. Р.	А. Р.	Д. Р.	А. Р.	Д. Р.	Вся рента.	Вся рента.
		Процент.	Ф. ст.	Ф. ст.	Кв.	Кв.	Ф. ст.	Кв.
A	$60 c + 40 v$	10	30	40	15	20	70	35
B	$54 c + 36 v$ ($60 c + 40 v$ на 100)	10	27	36	15	20	63	35
C	$54 c + 32\frac{2}{3} v$ ($62\frac{1}{2} c + 37\frac{1}{2} v$)	$8\frac{3}{4}$	$22\frac{17}{25}$	$34\frac{1}{5}$	$13\frac{5}{19}$	20	$56\frac{22}{25}$	$33\frac{7}{19}$
D	$50 c + 40 v$ ($55\frac{5}{6} c + 44\frac{1}{6} v$)	$12\frac{2}{3}$	33	$36\frac{2}{3}$	18	20	$69\frac{2}{3}$	38

Класс.	Капитал.	Кварт. хлеба.	Вся ценность.	Рыночная ценность квартера.	Индивид. ценность кварт.	Диффер. ценность кварт.	Цена производ. кварт.	Абсол. рента.	Диффер. рента.	Абсол. рента.	Диффер. рента.	Вся рента фунт. ст.	Вся рента кварт.	Строение капитала.
	Фун. с.													
A														
I	100	60	120	2	2	0	15 ¹ / ₆	10	0	5	0	10	5	80 с + 20 v для промыш. капит., 80 с + 40 v для земледельч. капитала, 10% абсол. ренты.
II	100	65	130	2	1 ¹¹ / ₁₃	2 ² / ₁₃	19 ¹ / ₁₃	10	10	5	5	20	10	
III	100	75	150	2	13 ³ / ₅	2 ² / ₅	17 ¹ / ₁₅	10	30	5	15	40	20	
Всего .	300	200	400	—	—	—	—	30	40	15	20	70	35	
B														
I	90	60	108	14 ⁴ / ₅	14 ⁴ / ₅	0	113 ¹³ / ₂₀	9	0	5	0	9	5	54 с + 36 v для 90 земледельч. капит., 60 с + 40 v для 100 землед. капит., 10% абс. ренты.
II	90	65	117	14 ⁴ / ₅	143 ¹³ / ₆₅	9 ⁹ / ₆₅	134 ¹³ / ₆₅	9	9	5	5	18	10	
III	90	75	135	14 ⁴ / ₅	183 ¹³ / ₇₅	27 ²⁷ / ₇₅	124 ¹³ / ₇₅	9	27	5	15	36	20	
Всего .	270	200	360	—	—	—	—	27	36	15	20	63	35	
C¹														
I	86 ² / ₅	60	1023 ³ / ₅	17 ¹ / ₁₀₀	17 ¹ / ₁₀₀	0	173 ¹³ / ₁₂₅	7 ¹⁴ / ₂₅	0	48 ⁸ / ₁₀	0	7 ¹⁴ / ₂₅	48 ⁸ / ₁₀	54 с + 32 ² / ₅ v для 86 ² / ₅ земледельч. капитала = 62 ¹ / ₂ с + 37 ¹ / ₂ v для 100. На 100 = 118 ¹ / ₄ , следоват. 8 ³ / ₄ % абсол. ренты.
II	86 ² / ₅	65	1113 ³ / ₂₀	17 ¹ / ₁₀₀	1188 ¹³ / ₃₂₅	17 ¹ / ₁₃₀₀	176 ¹³ / ₁₀₂₅	7 ¹⁴ / ₂₅	8 ¹¹ / ₂₀	48 ⁸ / ₁₀	5	16 ¹¹ / ₁₀₀	98 ⁸ / ₁₀	
III	86 ² / ₅	75	1281 ³ / ₄	17 ¹ / ₁₀₀	146 ¹³ / ₁₂₅	17 ¹ / ₅₀₀	1107 ¹³ / ₆₂₅	7 ¹⁴ / ₁₅	25 ¹³ / ₂₀	48 ⁸ / ₁₀	15	33 ²¹ / ₁₀₀	19 ⁸ / ₁₀	
Всего .	259 ¹ / ₅	200	342	—	—	—	—	22 ¹⁷ / ₂₅	34 ¹ / ₅	13 ⁵ / ₁₀	20	56 ²² / ₂₅	33 ⁵ / ₁₀	
D														
I	90	60	110	15 ⁵ / ₆	15 ⁵ / ₆	0	113 ¹³ / ₂₀	11	0	6	0	11	6	50 с + 40 v для 90 земледельч. кап., 55 ⁵ / ₆ % с + 44 ¹ / ₆ v для 100 землед. капит. На 100 = 122 ² / ₉ , следоват. 12 ² / ₉ % абс. ренты.
II	90	65	119 ¹ / ₆	15 ⁵ / ₆	19 ¹ / ₁₃	11 ¹¹ / ₇₈	134 ¹³ / ₆₅	11	9 ¹ / ₆	6	5	20 ¹ / ₆	11	
III	90	75	137 ¹ / ₂	15 ⁵ / ₆	17 ¹ / ₁₅	11 ¹¹ / ₃₀ ²	18 ¹³ / ₂₅	11	27 ¹ / ₂	6	15	38 ¹ / ₂	21	
Всего .	270	200	366 ² / ₃	—	—	—	—	33	36 ² / ₃	18	20	69 ² / ₃	38	

¹ Таблицы С и D лишь намечены в манускрипте, вычисления не закончены. К.

² В оригин. стоит $\frac{23}{90}$; это неверно: $15\frac{1}{6} - 17\frac{1}{15} = 11\frac{1}{30}$, а не $\frac{23}{90}$; и $27\frac{1}{2}$ (рента III) = $11\frac{1}{30} \times 75$, а не $\frac{23}{90} \times 75$. Прим. перев.

Рикардо продолжает:

„Всякая причина, уменьшающая разницу в продукте, получаемом от последовательных долей капитала, прилагаемого к той же или к новой земле, имеет тенденцию понижать ренту, а все, что увеличивает эту разницу, необходимо производит противоположное действие и имеет тенденцию повышать ее“ (l. c., стр. 74; русск. пер. Н. Ряз., стр. 45, 46).

Разница может расти, когда капитал извлекается и земля оказывается более плодородной—даже тогда, когда менее плодородная земля вытесняется из рынка.

В 3 главе Рикардо говорит о ренте с рудников. Здесь опять-таки читаем:

„Эта рента (с рудников), подобно земельной ренте, есть следствие, а никак не причина высокой ценности их продуктов“ (l. c., стр. 75; русск. пер. Н. Ряз., стр. 47).

Что касается абсолютной ренты, то она не является ни следствием, ни причиной высокой ценности; она служит результатом излишка ценности над ценой производства. Если этот излишек уплачивается за продукт рудника или земли, и таким образом получается абсолютная рента, то это объясняется существованием земельной собственности, а не существованием этого излишка; последний имеется ведь в целом ряде отраслей производства, где он, однако, не входит в цену производства их продуктов.

Относительно дифференциальной ренты можно сказать, что она является следствием высокой ценности, поскольку под этим подразумевается излишек рыночной ценности продукта над его индивидуальной ценностью, которая существует для лучших земель и рудников.

Под меновой ценностью, которая является решающей для продукта худшей земли или рудника, Рикардо понимает лишь цену производства, и под этим последним не что иное, как авансированный капитал плюс обычная прибыль; цену производства он при этом смешивает с ценностью; это можно видеть также из следующего места:

„Минерал, добываемый из самого бедного рудника, должен, по меньшей мере, иметь меновую ценность, которая покрыла бы не только все издержки для снабжения платьем, пищей и другими предметами необходимости всех, занятых его добыванием и доставкой его на рынок, но, кроме того, давала бы обычную среднюю прибыль тому, кто затрачивает капитал, необходимый для ведения дела. Доход на капитал, доставляемый беднейшим рудником, не платящим никакой ренты, будет регулировать ренту всех других, более производительных рудников. Предполагается, что этот рудник дает обычную прибыль на капитал. Все, что другие рудники дают сверх нее, необходимо будет уплачиваться их владельцам в качестве ренты“ (l. c., стр. 76, 77; русск. пер. Н. Ряз., стр. 47).

Здесь, следовательно, рента просто отождествляется с излишком цены продукта земли, которая здесь означает то же самое, что и меновая ценность, над его ценой производства, то-есть над ценностью авансированного капитала плюс обычная (средняя) прибыль на капитал. Если, следовательно, ценность продукта земли выше его цены производства, то он может платить ренту, независимо от различия земель; тогда беднейший сорт земли и беднейший рудник может платить такую же абсолютную ренту, как и самая богатая земля, самый богатый рудник. Если бы его ценность не превышала его цены производства, то рента могла бы получиться лишь благодаря излишку рыночной ценности над

индивидуальной ценностью продукта, доставленного относительно более плодородными сортами земли и т. д.

„Если бы с помощью равных количеств труда при равных количествах основного капитала всегда добывались из рудника, не платящего никакой ренты, равные количества золота, то количество его увеличивалось бы вместе со спросом, но ценность его была бы неизменна“ (I. с., стр. 79; русск. пер. Н. Ряз., стр. 48).

Что сказано о золоте и рудниках, то относится также к хлебу и земле. Следовательно, если бы всегда эксплуатировались одинаковые сорта земли, и если бы они давали при одинаковых затратах труда одинаковый продукт, то ценность фунта золота или квартера пшеницы оставалась бы неизменной, хотя количество их возросло бы вместе со спросом. Следовательно, увеличилась бы и их рента, то-есть сумма, не норма ренты, без какого-либо изменения в цене продукта. Применялось бы больше капитала, но производительность его была бы всегда одинакова. Это одна из [важных] причин возрастания абсолютной суммы ренты, совершенно независимо от повышения цены продукта, и потому без изменения в отношении рент, доставляемых продуктами различных земель и рудников.

* * *

Рикардо говорит о своем собственном понимании ренты:

„По моему мнению рента есть результат частной монополии и не только не регулирует цену¹, но скорее сама является следствием ее. Я убежден, что если бы землевладельцы даже отказались от ренты, то произведения земли не стали бы дешевле, так как всегда существует часть этих произведений, которые добываются с земли, не платящей ренты, ибо прибавочный продукт достаточен только для уплаты прибыли на капитал“ (Principles, стр. 332, 333; русск. пер. Н. Ряз., стр. 189).

Здесь прибавочный продукт (*surplus produce*) равняется излишку над продуктом, поглощенным заработной платой. Утверждение Рикардо правильно лишь тогда—именно при предположении, что какая-либо земля не дает ренты—когда эта земля, или вернее ее продукт, регулирует рыночную ценность. Если, наоборот, ее продукт не платит ренты, потому что рыночная ценность регулируется более плодородной землей, то этот факт ничего не доказывает. На самом деле, если бы „землевладелец отказался“ от дифференциальной ренты, то это было бы выгодно для арендаторов. Но отказ от абсолютной ренты понизил бы цену земледельческого продукта и повысил бы цену промышленных продуктов, соответственно обусловленному этим процессом возрастанию средней прибыли.

f) Рикардова критика тесрии ренты Смита.

В 24 главе Рикардо критикует „Учение Смита о земельной ренте“.

Эта глава очень важна для понимания разницы между учением Рикардо и А. Смита. Подробнее мы будем говорить об этом ниже, так как теорию Смита мы будем разбирать после теории Рикардо.

¹ Следовательно, она никогда не действует, как монополия, значит никогда не является результатом монополии. Результатом монополии у него могло бы служить лишь то, что владелец лучших сортов земли получает ренту вместо арендатора.

Рикардо начинает с того, что цитирует одно место из А. Смита, где он правильно определяет, когда цена продуктов земли дает ренту и когда она ее не дает. Но тут он опять полагает, что некоторые продукты земли, как продукты питания, всегда должны давать ренту.

„Я полагаю, что во всякой стране, от наименее культурной до наиболее цивилизованной, существует земля такого качества, которая не может доставлять количество продукта, ценность которого более чем достаточна для возмещения затраченного на него капитала и для уплаты обычной в стране прибыли. Это, как известно, имеет место в Америке, и все же никто не утверждает, что принципы, определяющие ренту, в этой стране другие, чем в Европе“ (I. с., стр. 389, 390; русск. пер. стр. 220).

Во всяком случае, эти принципы несомненно „другие“. Там, где не существует земельной собственности—фактически или по закону, там не может быть абсолютной земельной ренты. Эта последняя, а не дифференциальная рента, есть адекватное выражение земельной собственности. Сказать, что одни и те же принципы регулируют земельную ренту там, где земельная собственность существует и где ее нет, значит, что экономическая форма земельной собственности не зависит от того, существует ли земельная собственность, или нет.

Что, далее, должны означать следующие слова: „существует земля такого качества, которая не может доставлять количество продукта, ценность которого более, чем достаточна для возмещения капитала и для уплаты обычной в стране прибыли“?

Когда данное количество труда производит 4 квартера, то весь продукт не стоит дороже, чем в том случае, когда оно производило два квартера, хотя ценность одного квартера в одном случае вдвое больше, чем в другом. Дает ли он ренту или нет, абсолютно, следовательно, не зависит от величины этой ценности продукта, как таковой. Он может давать ренту лишь тогда, когда его ценность выше его цены производства, которая регулируется ценой производства всех других продуктов, или, другими словами, количеством неоплаченного труда, которое, в среднем, присваивает себе капитал в 100 в каждой отрасли производства. Но превышает ли его ценность его цену производства, это отнюдь не зависит от ее абсолютной величины, а зависит от строения затраченного на него капитала, в сравнении со средним строением капитала, примененного в неземледельческом производстве.

„Но если бы даже было верно, что земледелие в Англии достигло самой высокой ступени развития, и что у нас теперь нет ни одного клочка земли, который не приносил бы ренты, то не менее достоверно, что прежде такие участки земли должны были существовать. Впрочем, вопрос о том, существовали ли такие участки или нет, в данном случае не имеет никакого значения. Если в Великобритании только имеется какой-нибудь капитал, затраченный на землю, которая возмещает один лишь капитал плюс прибыль на него, то решительно все равно, затрачен ли он на старую или на новую землю. Арендуя участок земли на срок в семь или четырнадцать лет, фермер предполагает затратить на него капитал, скажем в 10.000 ф. ст., так как он знает, что, при существующих ценах на зерно и сырые произведения, он может возместить часть своего капитала, которую он должен затратить, а затем уплатить ренту и получить обычную норму прибыли. Но он не затратит 11.000 ф. ст., если только последняя 1000 ф. ст. не может быть затрачена так производительно, чтобы дать ему обычную прибыль на капитал. Производя расчет, чтобы определить, выгодно ли ему затратить дополнительный капитал или нет, он обращает внимание только на то, чтобы цена сырых произведений была достаточна для возмещения

его расходов и дала ему прибыль, так как он знает, что ему не придется платить дополнительную ренту. Даже по окончании срока аренды рента фермера не будет повышена, ибо, если бы землевладелец хотел повысить ренту только потому, что на землю затрачен дополнительный капитал в 1000 ф. ст., то фермер взял бы свой капитал обратно. Ведь мы предположили, что, затратив этот капитал, фермер получит только обычную прибыль с капитала, которую он мог бы получить при всяком другом употреблении капитала. Следовательно, он не может согласиться платить добавочную ренту, если только цена сырых произведений не возрастает еще больше, или, что сводится к тому же, если обычная средняя прибыль не понизится" (А. с., стр. 390, 391; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 220—221).

Здесь Рикардо признает, что и самая плохая земля может давать ренту. Как он это объясняет? Вторая часть капитала, вложенная в самую плохую землю, когда, вследствие возрастания спроса, необходимо большее предложение, даст цену производства лишь при повышении цены хлеба. Следовательно, первая часть теперь давала бы излишек сверх этой цены производства или ренту. Таким образом, мы видим, что, до применения второй части, первая часть на самой плохой земле дает ренту, так как рыночная ценность стоит выше цены производства. Следовательно, спрашивается только, должна ли для этого рыночная ценность стоять выше ценности продукта [самой плохой земли], или же не стоит ли скорее его ценность выше его цены производства, и повышение цены только сделало возможной продажу его по его ценности.

Далее. Почему цена [продуктов вообще] должна стоять на такой высоте, что она равна цене производства, то-есть авансированному капиталу плюс средняя прибыль? Это получается благодаря конкуренции капиталов в различных сферах производства, благодаря перемещению капитала из одной отрасли производства в другую, благодаря, следовательно, воздействию капитала на капитал. Но каким образом капитал может заставить земельную собственность понизить ценность продукта до цены производства? Изъятие капитала из земледелия не может иметь такого действия, когда это не сопровождается падением спроса на сельскохозяйственные продукты. Это имело бы противоположное действие: оно взвинтило бы рыночную цену сельскохозяйственных продуктов выше их ценности. Перемещение нового капитала в земледелие также не может изменить [рыночной цены]. Ибо взаимная конкуренция капиталов как раз дает землевладельцу возможность требовать от отдельного капиталиста, чтобы он довольствовался средней прибылью и отдавал ему излишек ценности над ценой, которая доставляет эту прибыль.

Но можно было бы спросить: если земельная собственность дает возможность продавать продукт выше его цены производства, по его ценности, то почему она не дает также возможности продавать его выше его ценности, по любой монопольной цене? На небольшом острове, где нет внешней торговли хлебом, хлеб, вообще продукты питания, как всякий другой товар, безусловно могли бы продаваться по монопольной цене, то-есть по цене, которая определяется лишь данным спросом, то-есть платежеспособным спросом; этот платежеспособный спрос обладает различной величиной и протяжением в зависимости от цены доставленного продукта.

О таких исключениях и речи не может быть в европейских странах; даже в Англии значительная часть плодородной земли искусственно

изъята из земледелия, вообще из рынка, с целью повысить ценность другой части; но, не говоря о таких исключениях, земельная собственность может впасть и даже парализовать действие капиталистов — их конкуренцию — лишь постольку, поскольку конкуренция капиталов модифицирует определение ценностей товаров. Превращение ценностей в цены производства является лишь следствием и результатом развития капиталистического производства. Первоначально товары продаются в среднем по своей ценности. Отклонению от этого в земледелии препятствует земельная собственность.

Когда фермер арендует землю на 7 или 14 лет, говорит Рикардо, то он рассчитывает, что, например, при затрате капитала в 10.000 ф. ст. ценность хлеба, средняя рыночная ценность, дает ему возможность возместить затраты капитала плюс среднюю прибыль, плюс условленную ренту. Поскольку, следовательно, он арендует землю, цена, средняя рыночная ценность, равная ценности продукта, представляет для него *plus*; прибыль и рента представляют для него лишь части, на которые разлагается эта ценность, но которые не образуют ее. Данная рыночная цена представляет для капиталиста то же, что служащая предпосылкой ценность продукта представляет для теории и внутренней связи производства. Какой же вывод отсюда делает Рикардо? Если фермер прибавляет 1000 ф. ст., то он заботится лишь о том, чтобы они давали ему при данной рыночной цене обычную прибыль. Следовательно, рассуждает, повидимому, Рикардо, цена производства имеет определяющее значение, и в эту цену производства входит, как регулирующий элемент, прибыль, но не рента.

Во-первых, и прибыль не входит в эту цену, как конституирующий элемент. Арендатор, согласно предположению, ведь рассматривает рыночную цену, как *plus*, и вычисляет, дают ли ему, при этой данной рыночной цене, эти 1000 ф. ст. обычную прибыль. Эта прибыль есть, следовательно, не причина, а действие этой цены. Но, рассуждает, далее, Рикардо, самая затрата 1000 ф. ст. определяется ведь вычислением: даст ли цена обычную прибыль или нет? Следовательно, прибыль является определяющим моментом для затраты 1000 ф. ст., для цены производства. Далее. Если бы капиталист нашел, что эти 1000 ф. ст. не дают обычной прибыли, то он бы их не затратил. Производства добавочных продуктов питания не было бы. Если бы оно было необходимо для добавочного спроса, то спрос должен был так повысить цену, то-есть рыночную цену, пока она доставляла бы прибыль. Следовательно, прибыль — в отличие от ренты — входит как образующий элемент в цену не тем, что она создает ценность продукта, а тем, что самый продукт не производится, если его ценность не поднимается так высоко, что, кроме авансированного капитала, она дает еще обычную норму прибыли. Но в этом случае не необходимо, чтобы она поднялась так высоко, что она платила бы ренту. Поэтому, здесь получается существенная разница между рентой и прибылью, и в известном смысле можно сказать, что прибыль есть образующий элемент цены, чего нельзя сказать о ренте. Так, очевидно, представляет себе это и А. Смит, который, однако, не говорит об этом прямо.

Для данного случая это верно.

Но почему?

Потому, что в этом случае земельная собственность не может противостоять капиталу, как земельная собственность; следовательно, именно той комбинации, при которой получается рента, абсолютная рента, здесь, согласно предположению, не существует. Добавочное количество хлеба, произведенное второй частью в 1000 ф. ст. при неизменной рыночной ценности, следовательно, при увеличенном спросе, который существует лишь при предположении, что цена остается неизменной, должно быть продано ниже своей ценности по цене производства. Этот добавочный продукт 1000 ф. ст. находится, следовательно, в таких же условиях, как в том случае, если бы возделывалась новая худшая земля, которая не определяет рыночной ценности, а может доставить свое добавочное предложение лишь при условии, что она доставляет ее по существующей старой рыночной ценности, следовательно, по цене, которая определена независимо от этого нового производства. При этих условиях только от относительного плодородия этой добавочной земли зависит, дает ли она ренту или нет, именно потому, что она не определяет рыночной ценности. Совершенно так же обстоит дело с добавочными 1000 ф. ст. на старой земле. Рикардо заключает, наоборот, что добавочная земля или добавочная часть капитала определяет рыночную ценность, так как цена их продукта при данной, независимо от них определенной рыночной ценности, не доставляет ренты, а дает только прибыль, покрывает не их ценность, а только цену производства. Какое *contradictio in adjecto*!

Но здесь продукт ведь производится, не доставляя ренты! Конечно! На земле, которую арендовал фермер, для него, для капиталиста, земельная собственность существует не как самостоятельный, оказывающий сопротивление элемент, в течение того времени, когда он, благодаря заключенному контракту, фактически сам является землевладельцем. Капитал, следовательно, в своем движении не наталкивается на сопротивление в этом элементе, и для него достаточно цены производства продукта. И по истечении срока аренды фермер естественно будет определять ренту соответственно тому, какая затрата капитала на земле дает продукт, который может быть продан по своей ценности, следовательно, дает ренту. Затрата капитала, которая при данной рыночной ценности не дает никакого излишка над ценой производства, не входит в расчет, подобно тому, как рента не уплачивается капиталом или не входит в договор для земли, относительное неплодородие которой служит причиной того, что рыночная цена дает лишь ее цену производства.

На практике дело обстоит не совсем так, как это изображает Рикардо. Если у арендатора имеется лишний капитал, или если он при аренде на 14 лет приобретает его в течение первых лет, то он здесь не требует обычной прибыли. Он это сделал бы в том случае, если бы он одолжил добавочный капитал. Ибо что ему делать с излишним капиталом? Заарендовать еще новую землю? Сельско-хозяйственное производство позволяет в значительно большей степени более интенсивное применение капитала, чем более экстенсивное возделывание земли с большим капиталом. Или же, когда в непосредственном соседстве со старой зе-

млей нет земли для аренды, фермер, арендуя два участка земли, разбил бы свое хозяйство в гораздо большей степени, чем в том случае, если бы один и тот же капиталист имел шесть фабрик. Или же он должен отдать деньги на проценты банкиру, вложить их в государственные бумаги, железно-дорожные акции и т. п.? Тогда он с самого начала отказывается, по крайней мере, от половины или третьей части обычной прибыли. Если, следовательно, он может вложить их в старую арендованную землю, даже ниже средней нормы прибыли, то-есть получая около 10%, когда его прибыль составляет 12, то он все еще выигрывает 100%, если размер процента равняется 5. Таким образом, ему все же выгодно вложить добавочные 1000 ф. ст. в старый арендованный участок. Поэтому Рикардо впадает в большую ошибку, когда он отождествляет эту затрату добавочного капитала с применением добавочного капитала на новой земле. В первом случае продукт не должен давать и обычной прибыли даже в капиталистическом производстве. Он лишь должен давать больше обычного размера процента, больше настолько, что арендатору выгодно предпочесть труд и риск, связанный с затратой его излишнего капитала в его отрасли производства, применению его в виде денежного капитала.

Но совершенно неясным, как указано было выше, является вывод, который Рикардо делает из этого рассуждения:

„Если бы Адам Смит, со свойственной ему проницательностью, обратил внимание на этот факт, он не утверждал бы, что рента есть одна из составных частей цены продуктов земли, ибо цена всюду определяется доходом той последней части капитала, за которую не платится никакой ренты“ (I. с., стр. 391; русск. пер., стр. 221).

Его иллюстрация показывает как раз наоборот, что применение этой последней части капитала на данном участке определяется рыночной ценой, которая существовала независимо от этого применения до него. Что прибыль служит единственным регулятором для капиталистического производства, несомненно верно. И потому верно также, что не существовало бы абсолютной ренты, если бы производство регулировалось исключительно капиталом. Она возникает именно там, где условия производства дают землевладельцу возможность ставить границы исключительному регулированию производства капиталом.

Во-вторых, Рикардо (стр. 391, русск. пер. Н. Ряз., стр. 222) ставит А. Смиту в упрек, что относительно каменноугольных копей он развил правильную теорию ренты, [что противоречит сказанному им о ренте с пахотной землей].

„Весь закон ренты раз'яснен здесь превосходно и вполне понятно, но каждое слово может быть отнесено с таким же основанием к земле, как и к рудникам. Однако А. Смит утверждает, что иначе обстоит дело с имениями на поверхности земли“ (I. с., стр. 392; рус. пер. Н. Ряз., стр. 222).

А. Смит сознает, что при известных условиях землевладелец имеет возможность оказать сопротивление капиталу, как собственник земли, потребовать абсолютной ренты, и что при других условиях у него такой власти нет; но что именно производством продуктов питания [определяется] закон ренты, меж тем как рента от других применений капи-

тала на земле определяется земледельческой рентой. Адам Смит говорит в том месте, которое выше цитирует Рикардо:

„Отношение продукта и ренты (с земель) определяется отношением их обоих не к относительному плодородию этих земель, а к их абсолютному плодородию“ (1 кн., 11 гл.; русск. пер. Н. Ряз., стр. 222).

В своем возражении Рикардо очень приближается к правильной теории ренты. Он говорит:

„Но предположим, что нет ни одного участка земли, который не принес бы ренты. В этом случае, рента с самого плохого участка должна находиться в соответствии с избытком ценности продукта над затратами капитала и обычной прибылью на капитал. Тот же самый принцип будет определять ренту с земель лучшего качества или лучше расположенных и, следовательно, рента с этих земель, вследствие их преимуществ, была бы выше ренты с земель худшего качества. То же самое можно сказать о землях третьего сорта и т. д., до самых лучших. Не очевидно ли после этого, что именно относительное плодородие земли определяет часть продукта, которая выплачивается в виде ренты, точно так же, как относительное богатство рудников определяет часть продукта, которая уплачивается в виде ренты с рудников?“ (1. с., стр. 392, 393; русск. пер., стр. 222).

Здесь мы находим у Рикардо правильный принцип ренты. Если самая плохая земля платит ренту, если, следовательно, рента уплачивается независимо от различия в естественном плодородии земель—абсолютная рента,—тогда эта рента должна равняться „избытку ценности продукта над затратами капитала и обычной прибылью на капитал“, то-есть она должна равняться избытку ценности продукта над его ценой производства. Рикардо предполагает, что такого избытка не может быть, потому что, в противоположность своему собственному принципу, он принимает ошибочную догму Смита, что ценность равна цене производства продукта.

Он впрочем снова впадает в ошибку. Дифференциальная рента естественно определялась бы „относительным плодородием“. Абсолютная рента не имела бы ничего общего с естественным плодородием.

Действительная величина ренты, которую дает худшая земля, зависит не от излишка ценности его собственного продукта над его ценой производства, как полагает Рикардо, а от излишка рыночной ценности над его ценой производства. Но это совершенно различные вещи. Если [худшая из земель] сама определяет рыночную цену, то рыночная ценность равна его настоящей ценности, следовательно, излишек его рыночной ценности над его ценой производства равен излишку его собственной, индивидуальной, действительной ценности над его ценой производства; но если рыночная ценность определена независимо от нее другими сортами земли, то получается другой результат. Рикардо исходит из предположения, что движение происходит по нисходящей линии. Он предполагает, что самая плохая земля возделывается позже всего и что она возделывается лишь в том случае, когда возросший спрос сделал необходимым увеличенное предложение по ценности продукта самой плохой и позже всех других возделанной земли. В этом случае ценность [продукта] самой плохой земли регулирует рыночную ценность. При движении по восходящей линии это имеет место, даже по мнению Рикардо, лишь тогда, когда увеличенное предложение с лучших сортов только равняется возросшему спросу по старой рыночной ценности. Если уве-

личное предложение больше, то Рикардо всегда предполагает, что старая земля должна быть изъята, меж тем как отсюда следует только то, что она будет давать более низкую ренту, нежели раньше, или совсем не будет давать ренты. При движении по нисходящей линии происходит то же самое. Если увеличенное предложение может быть доставлено лишь по старой рыночной ценности, то, в зависимости от разницы между этой рыночной ценностью и ценой производства ¹ продукта новой худшей земли, эта последняя будет давать соответствующую этой разнице ренту; или она совсем не будет давать ренты. В обоих случаях ее рента определяется абсолютным, а не относительным плодородием. От абсолютного плодородия новой земли зависит, насколько рыночная ценность продукта лучших сортов земли стоит выше ее собственной, реальной, индивидуальной цены производства ².

Адам Смит здесь устанавливает правильное различие между землей и рудниками, так как он предполагает, что для последних никогда не существует перехода к худшим сортам, здесь всегда переходят к лучшим сортам, и они всегда доставляют увеличенное предложение, которое больше того, что необходимо. Рента с самой плохой земли зависит тогда от ее абсолютного богатства.

„После того, как А. Смит заявил, что есть такие копи, которые могут разрабатываться только собственниками, потому что они доставляют такое количество продуктов, которого хватает лишь на оплату затраченного на их обработку капитала вместе с обычной прибылью на него, мы были бы в праве ожидать, что, и по его мнению, именно эти копи будут регулировать цены продукта, добываемого из всех копей. Если старые копи не могут доставить всего требуемого количества, то цена угля подымется и будет продолжать подниматься, пока собственник новой и более бедной копи не найдет, что он может получить обычную прибыль на свой капитал, если будет разрабатывать свою копи... Таким образом, цена угля всегда регулируется, как кажется, наименее богатыми копиями. Однако Адам Смит держится противоположного взгляда. Он замечает, что наиболее богатые каменноугольные копи регулируют цену угля для всех других соседних копей. И собственник копи, и предприниматель одинаково находят, что один может получить более значительную ренту, а другой— более значительную прибыль, если они будут продавать уголь по более низкой цене, чем их соседи. Последние скоро вынуждены будут продавать свой уголь по той же цене, хотя им будет очень трудно сделать это и хотя дальнейшее уменьшение цены может лишить их и ренты и прибыли. Тогда некоторые копи совершенно забрасываются, а другие перестают приносить ренту и могут, поэтому, разрабатываться только собственником копи. Если спрос на уголь уменьшится или, вследствие улучшений в добывании угля, количество его увеличится, то цена его упадет, и разработка некоторых копей прекратится. Но, во всяком случае, цена угля должна быть достаточно, чтобы оплатить расходы и прибыль по разработке копи, которая не обременена рентой. Следовательно, цена регулируется наименее богатыми копиями. Адам Смит сам соглашается с этим в другом месте, когда он говорит, что самой низкой ценой, по которой уголь может продаваться в течение сколько-нибудь продолжительного времени, подобно цене других товаров, может быть такая цена, которая едва достаточно для возмещения капитала, употребленного для доставки угля на рынок вместе с обычной прибылью на капитал. Если речь идет о каменноугольной копи, за которую ее владелец не может получить ренты и которую он должен или сам разрабатывать или совсем забросить, то цена угля должна находиться на указанном выше уровне“ (1. с., стр. 393—395; русск. пер. Н. Рязан., стр. 222—223).

А. Смит ошибается, когда он рассматривает особую конъюнктуру рынка, при которой на нем господствует самый богатый рудник или са-

¹ В оригинале стоит „ценности“. Это неверно. *Прим. перев.*

² В оригинале стоит „ценности“, что опять-таки неверно. *Прим. перев.*

мая плодородная земля, как постоянную кон'юнктуру. Но если предположить этот случай, то он рассуждает правильно, а Рикардо неправильно. Он предполагает, что при данном состоянии спроса и относительно большем богатстве лучшего рудника последний может втиснуть в рынок весь свой продукт лишь в том случае, если он продает дешевле своих конкурентов, если его продукт стоит ниже старой рыночной ценности. Благодаря этому падает цена на худших коях. Рыночная цена падает, это падение во всяком случае уменьшает ренту на худших коях, и она может совершенно исчезнуть, ибо рента равна излишку рыночной ценности над ценой производства продукта, независимо от того, равняется ли эта рыночная ценность индивидуальной ценности продукта определенного класса или нет. Прибыль может быть уменьшена лишь вследствие того, что оказывается необходимым извлечь капитал и ограничить производство, чего не замечает А. Смит. Когда же рыночная цена регулируется, как это имеет место при данных условиях, продуктом лучших рудников, когда она спускается так низко, что не дает излишка над ценой производства для продукта самого плохого рудника, тогда только сам собственник рудника может его разрабатывать. Ни один капиталист не станет ему платить ренты при этой рыночной цене. Его земельная собственность не дает ему власти над капиталом, но она уничтожает для него сопротивление, на которое наталкиваются другие капиталисты при применении капитала к земле. Для него не существует земельной собственности, так как он сам является землевладельцем. Он может, следовательно, использовать свою землю для получения угля, как и для всякой другой отрасли производства; то-есть он может ее использовать, когда рыночная цена продукта, которой он не определяет, а находит уже заранее определенной, дает ему среднюю прибыль, равна его цене производства. И отсюда Рикардо заключает, что Смит впадает в противоречие с самим собой! Из того, что цена производства определяет, когда новые рудники могут быть открыты самими собственниками, то-есть могут разрабатываться при условиях, когда земельная собственность исчезает, так как они при старой рыночной цене дают капиталисту его цену производства,—он заключает, что эта цена производства определяет рыночную цену! Но он снова ищет спасения в нисходящей линии и полагает, что менее богатый рудник разрабатывается лишь тогда, когда рыночная цена продукта поднимается выше ценности продукта лучших рудников, меж тем как необходимо только, чтобы она стояла выше цены производства или только равнялась цене производства худших рудников, которые эксплуатируются самим собственником. Если он предполагает, что, „когда благодаря новым усовершенствованиям количество (угля) увеличивается, цена его будет падать и некоторые рудники будут заброшены“, то это ведь зависит только от степени падения цены и состояния спроса. Если при этом падении цены рынок может поглотить весь продукт, то плохие рудники все еще будут давать ренту, когда падение рыночной цены все же оставляет излишек рыночной цены над ценой производства менее богатых рудников; и они будут разрабатываться своими собственниками, когда рыночная цена покрывает только эту цену производства, равняется ей. Но в обоих случаях нелепо утверждение, что цена производства

худшего рудника определяет рыночную цену. Во всяком случае цена производства беднейшего рудника определяет отношение между ценой его продукта и регулирующей рыночной ценой и решает поэтому вопрос, может ли разрабатываться рудник или нет. Но вопрос, может ли земля или рудник, обладающий определенной степенью доходности, эксплуатироваться при данной рыночной цене, не имеет очевидно ничего общего с тем, что цена производства продукта этой земли или этого рудника регулирует рыночную цену. Если бы увеличенное предложение было необходимо или допустимо при повышении рыночной ценности, то самая плохая земля регулировала бы рыночную ценность, но она тогда также давала бы абсолютную ренту. Однако Смит предполагает обратное.

В-третьих, Рикардо возражает против утверждения Смита (стр. 395 и след.; русск. пер., стр. 225), что дешевизна продуктов земли, например замена хлеба картофелем, вследствие чего заработная плата упала бы и издержки производства уменьшились бы, служит причиной того, что землевладельцу достается большая доля, а также и абсолютно большая сумма [из увеличенного излишка над издержками производства]. Против этого Рикардо возражает:

„Ни одна часть этого добавочного количества не пошла бы на увеличение ренты, а скорее вся целиком пошла бы в пользу прибыли... Пока обрабатывается земля одного и того же качества, пока не произошло никакого изменения в относительном плодородии или других преимуществах различных земель, рента будет сохранять свое прежнее отношение к валовому продукту“ (I. с., стр. 396; русск. пер. Н. Рязан., стр. 224).

Это безусловно неверно. Доля земельной ренты и потому ее относительная величина упала бы. Если вводится картофель, как главное жизненное средство, то ценность рабочей силы падает, необходимое рабочее время сокращается, прибавочное рабочее время и потому норма прибавочной ценности увеличивается; при прочих равных условиях строение капитала поэтому изменяется, ценность переменной части уменьшается в сравнении с ценностью постоянного капитала, хотя количество примененного живого труда осталось бы прежнее. Норма прибыли поэтому возросла бы. Это привело бы к падению абсолютной ренты, а также и дифференциальной ренты (см. стр. 67, таблица С). Эта причина действовала бы равномерно на сельско-хозяйственный и несельско-хозяйственный капитал. Всеобщая норма прибыли поднялась бы и потому рента упала бы.

Теперь перейдем к главе 28, „о сравнительной ценности золота, хлеба и труда в богатых и бедных странах“.

„Ошибка доктора Смита, проходящая красной нитью через весь его труд, заключается в предположении, что ценность хлеба представляет постоянную величину, что в то время, как ценность всех других вещей может повыситься, ценность хлеба, наоборот, не может возрастать. По его мнению, хлеб всегда имеет одинаковую ценность, потому что он всегда может прокормить одинаковое число людей. Точно таким же образом мы можем сказать, что сукно всегда имеет одну и ту же ценность, потому что из него можно всегда сделать одно и то же количество сюртуков. Что общего имеет ценность со способностью служить предметом пищи и одежды?“ (I. с., стр. 449, 450, § 131; рус. пер. Н. Ряз., стр. 255).

„Д-р Смит.. так искусно защищал теорию, в силу которой рыночная ценность, в конечном счете, определяется естественной ценой товаров“ (I. с., стр. 451; русск. пер. Н. Ряз., стр. 256).

„Поскольку ценность золота выражается в хлебе, она может быть совершенно различна в двух странах. Я старался показать, что она будет низка в богатых странах и высока в бедных. Адам Смит держится другого мнения. Он думает, что ценность золота, поскольку оно оценивается в хлебе, выше всего в богатых странах“ (I. с., стр. 454; русск. пер. Н. Рязан., стр. 258).

В 32 главе, критикующей „взгляды Мальтуса на ренту“, интересны следующие места:

„Рента есть создание ценности (is a creation of value), но не богатства“¹ (I. с., стр. 485; русск. пер. Н. Рязан., стр. 274).

„Говоря о высокой цене хлеба, г-н Мальтус, очевидно, подразумевает не цену квартера или бушеля, а скорее излишек цены, по которой продается весь продукт, над издержками его производства, включая всегда в термин „издержки производства“ как прибыль, так и заработную плату. 150 кварталов хлеба по 3 ф. ст. 10 шилл. за квартал принесет землевладельцу более значительную ренту, чем 100 кварталов по 4 ф. ст. при условии, что издержки производства в обоих случаях одинаковы“ (I. с., стр. 487; русск. пер. Н. Рязан., стр. 275).

„Каковы бы ни были свойства данной земли, высокая рента зависит от высокой цены продукта; но, при данной высокой цене, высота ренты пропорциональна не редкости продукта, а его изобилию“ (I. с., стр. 492; русск. пер. Н. Ряз., стр. 279).

„Так как рента есть следствие высокой цены хлеба, то падение ренты есть следствие низкой цены. Иностранный хлеб никогда не конкурирует с хлебом внутреннего производства, приносящим ренту. Падение цены приносит землевладельцу неизменно убыток, пока, наконец, не поглощает всю его ренту. Если бы цена упала еще ниже, то она не доставляла бы даже обычной прибыли на капитал. Последний тогда оставил бы землю для какого-нибудь другого занятия. Хлеб, который прежде производился на этой земле, был бы только тогда, но не раньше, замещен привозным хлебом. Падение ренты в этом случае повлекло бы за собою потерю в ценности, выраженной в деньгах, но за то увеличилось бы богатство. Количество сырых произведений и других продуктов возросло бы, но, так как они будут производиться с большей легкостью, то произойдет увеличение их количества, но уменьшение их ценности“ (I. с., стр. 519; русск. пер. Н. Ряз., стр. 294).

г) Теория ренты А. Смита.

а) Ценность, цена и рента.

Мы не останавливаемся здесь на интересном изложении Смита, как рента самого главного растительного продукта питания определяет все другие сельско-хозяйственные ренты (при скотоводстве, лесном хозяйстве, культуре торговых растений), так как одна отрасль производства может быть заменена другой. Он выделяет рис там, где он служит важнейшим растительным продуктом питания, так как рисовые поля не могут быть превращены в луга, пастбища и т. д. и наоборот.

В 11 главе 1 книги своего труда Смит дает правильное определение ренты, как „цены, которая уплачивается за пользование землей“, где под землей нужно понимать всякую силу природы, как таковую, следовательно, также воду и т. д.

В противоположность странным представлениям Родбертуса он в самом начале перечисляет части сельско-хозяйственного капитала:

„Капитал, на который он приобретает семена (сырой материал), оплачивает труд и покупает скот и всякие вспомогательные средства для сельского хозяйства“.

Что же представляет собой эта цена, уплачиваемая за пользование землей?

¹ У Рязан. переведено: „Рента создает ценность...“ *Прим. перев.*

„Часть продукта или, что означает то же самое, его цены, превышающей сумму (которая возмещает авансированный капитал и дает обычную прибыль), землевладелец естественно стремится присвоить себе в виде земельной ренты... Эту часть можно всегда считать естественной земельной рентой“.

Смит возражает против смешения ренты с процентом на вложенный в землю капитал.

„Землевладелец требует ренты и за невозделанную землю, и так называемая прибыль на издержки по мелиорации обычно представляет прибавку к этой первоначальной ренте“.

И эта вторая форма ренты, прибавляет он, имеет ту особенность, что процент на капитал, вложенный в мелиорации, представляет процент на капитал, затраченный не землевладельцем, а арендатором.

„Он (землевладелец) требует иногда ренты за землю, которая совершенно не годится для возделывания“.

Смит определенно подчеркивает, что „ренты требует“ земельная собственность, землевладелец, как таковой. Как результат исключительно землевладения рента является монопольной ценой, что совершенно верно, так как только вследствие вмешательства землевладения продукт платит больше цены производства, продается по своей ценности.

„Следовательно, земельная рента, как цена, которая уплачивается за пользование землей, естественно, представляет монопольную цену“.

Это на самом деле цена, которую заставляет платить монополия земельной собственности, и, таким образом, как монопольная цена, отличается от цены промышленного продукта.

Цена производства с точки зрения капитала — а капитал господствует в производстве — требует только, чтобы кроме авансированного капитала продукт платил среднюю прибыль. В этом случае продукт может быть вынесен на рынок, безразлично — является ли он продуктом земли или другим товаром.

„Если обычная цена выше, то излишек естественно дает ренту. Если она не выше, то товар может быть вынесен на рынок, но он не может дать ренты землевладельцу. Стоит ли цена выше или нет, это зависит от спроса“.

Спрашивается: почему рента входит в цену иначе, чем заработная плата и прибыль? Смит вначале правильно разложил ценность на заработную плату, прибыль и земельную ренту (не говоря о постоянном капитале). Но он тотчас же сворачивает на противоположный путь и отождествляет ценность и естественную цену, то-есть определяемую конкуренцией среднюю цену или цену производства товаров, и составляет последнюю из заработной платы, прибыли и ренты.

„Эти три части составляют, очевидно, непосредственно или в последнем счете всю цену“ (1 кн., 6 глава).

„Но в наиболее развитых обществах всегда имеются такие товары, цена которых разлагается лишь на две части, на заработную плату и прибыль на капитал, и еще меньшее количество товаров, у которых она образует лишь заработную плату. Цена морской рыбы, например, распадается на заработную плату рыбаков и прибыль на вложенный в рыбную ловлю капитал. Рента редко образует составную часть этой цены... В некоторых местностях Шотландии бедняки промышляют собиранием вдоль морского берега тех мелких пестрых камешков, которые известны под названием шотландских голышей. Цена, которую

платит им за них гранильщик, представляет исключительно заработную плату. Она не содержит ни ренты, ни прибыли. Но вся цена каждого товара в последнем счете всегда разлагается на одну или две или все эти три части" (I. с.).

В этих местах сваливается в одну кучу „разложение ценности на заработную плату и т. д.“ и образование цены из заработной платы и т. д. (я вообще в 6 главе, которая трактует об „образующих элементах цены товара“). Лишь 7 глава трактует об естественной цене и рыночной цене.

Первые три главы первой книги трактуют о „разделении труда“, четвертая—о деньгах. В этих главах, так же как и в следующих, дается попутно определение ценности. В пятой главе говорится о реальной и номинальной цене товаров, о превращении ценности в цену. В шестой—о составных элементах рыночной цены; в седьмой—об естественной и рыночной цене. Далее восьмая глава трактует о заработной плате, девятая—о прибыли на капитал, десятая—о заработных платах и прибылях при различных видах применения труда и капитала; наконец, в одиннадцатой главе говорится о земельной ренте.

Здесь мы хотим прежде всего обратить внимание на следующее: согласно только что приведенным цитатам имеются, во-первых, товары, цена которых состоит только из заработной платы, во-вторых, такие товары, цена которых состоит лишь из заработной платы и прибыли, и в-третьих, наконец, такие, цена которых состоит из заработной платы, прибыли и ренты. Поэтому „вся цена каждого товара всегда разлагается на одну или две или на все эти три части“.

Тогда, следовательно, не было бы основания говорить, что рента входит в цену другим способом, нежели прибыль и заработная плата; нужно было бы сказать, что рента и прибыль входят в цену иначе, чем заработная плата, так как последняя входит в цену всегда, а рента и прибыль не всегда. Отчего, следовательно, получается эта разница?

Далее Смит должен был бы выяснить следующее: возможно ли, чтобы те немногие товары, в которые входит только заработная плата, продавались по своей ценности? Не являются ли скорее те бедняки, которые собирают шотландские голыши, наемными рабочими гранильщиков, которые платят им за товар лишь обычную заработную плату, следовательно, за целый повидимому только принадлежащий им рабочий день платят лишь столько, сколько получает рабочий в других промыслах, где часть его рабочего дня образует прибыль, принадлежащую не ему, а капиталисту. Смит должен был бы или дать утвердительный ответ на этот вопрос, или же сказать, что в этом случае прибыль повидимому только не отделена от заработной платы. Он сам говорит:

„Когда эти три различные вида дохода получают разные лица, то их легко различить; но когда они принадлежат одному и тому же лицу, то их иногда смешивают, по крайней мере, в обыденной речи“ (I. с., 6 глава).

Между тем у него получается следующее: если независимый рабочий, как те бедные шотландцы, применяет только труд и не нуждается в капитале, вообще пользуется только своим трудом и силами природы, то цена сводится только к заработной плате. Если он применяет также небольшой капитал, то заработную плату и прибыль получает одно

лицо. Когда он, наконец, применяет свой труд, свой капитал и свою земельную собственность, то он соединяет в своём лице землевладельца, арендатора и рабочего.

Вся нелепость объяснения Смита обнаруживается в заключительной фразе 6 главы в 1 книге:

„В цивилизованной стране имеется лишь очень мало таких товаров, меновая ценность которых создана только трудом¹; земельная рента и прибыль составляют для большинства из них значительную часть их меновой ценности; поэтому годовой продукт труда этой страны² всегда может купить или распорядиться гораздо большим количеством труда, чем затрачено было на то, чтобы получить материал, обработать его и доставить продукт на рынок“.

Продукт труда не равняется ценности этого продукта. Скорее можно понимать так, что эта ценность повышается (*surchargée*), так как прибавляется прибыль и рента. Поэтому продукт труда может распорядиться, может купить большее количество труда, то-есть приобрести большую ценность в труде, чем сколько в нем содержится труда. Эта фраза была бы верна, если бы она гласила таким образом:

Смит говорит:

„В цивилизованной стране имеется лишь очень мало таких товаров, меновая ценность которых создана только трудом; земельная рента и прибыль составляют для большинства из них значительную часть их меновой ценности; поэтому годовой продукт труда этой страны всегда может купить или распорядиться гораздо большим количеством труда, чем затрачено было на то, чтобы получить материал, обработать его и доставить продукт на рынок“.

Нужно было бы сказать с его же собственной точки зрения:

„В цивилизованной стране имеется лишь очень мало таких товаров, меновая ценность которых сводится лишь к заработной плате; у большинства из них значительная часть меновой ценности разлагается на земельную ренту и прибыль; поэтому годовой продукт труда этой страны всегда может купить или распорядиться большим количеством труда, чем было оплачено (следовательно, и затрачено), чтобы получить материал, обработать его и доставить продукт на рынок“.

Смит здесь снова возвращается к своему второму пониманию ценности; в той же главе он говорит:

„Нужно иметь в виду, что реальная ценность всех различных элементов цены определяется количеством труда, которое каждый из них может купить или которым он может распорядиться. Трудом³ измеряется ценность не только той части цены, которая разлагается на труд⁴, но и той части, которая разлагается на ренту и прибыль“.

В этой главе преобладает та точка зрения, что „ценность разлагается на заработную плату, прибыль и ренту“. Лишь в седьмой главе, трагующей об естественной и рыночной цене, преобладает уже тот взгляд, что цена составляется из образующих ее элементов.

Итак: меновая ценность годового продукта труда состоит не только из платы за труд, который затрачен на производство этого продукта,

¹ Здесь труд и заработная плата отождествляются.

² Здесь, следовательно, товар все же равняется продукту труда, хотя ценность этого продукта создана не только трудом.

³ В этом именно смысле.

⁴ Нужно было бы сказать: заработную плату.

но также из прибыли и ренты. Но этим трудом распоряжается или его покупает лишь та часть ценности, которая сводится к заработной плате. Следовательно, можно привести в движение гораздо большее количество труда, именно когда часть прибыли и ренты идет на покупку труда, то-есть превращается в заработную плату. Получается таким образом следующее: меновая ценность годового продукта труда разлагается на оплаченный труд (заработную плату) и неоплаченный труд (прибыль и ренту). Если, следовательно, из той части ценности, которая сводится к неоплаченному труду, превратить часть в заработную плату, то можно купить большее количество труда, чем в том случае, когда для новой покупки труда употребляется лишь та часть этой ценности, которая состоит из заработной платы.

Теперь вернемся к нашему предмету:

„Независимый рабочий, который имеет достаточно капитала, чтобы купить сырой материал и прокормиться до тех пор, пока он может вынести на рынок свой продукт, получит как заработную плату наемного рабочего, который в его промысле работает у хозяина, так и прибыль, которую этот хозяин получил бы на его труде. Несмотря на это, все то, что получает этот рабочий, обычно называется прибылью, и заработная плата в этом случае также смешивается с прибылью.

„Садовник, который сам работает в своем саду, соединяет в своем лице землевладельца, арендатора и рабочего. Его продукт должен, следовательно, давать ему ренту первого, прибыль второго и заработную плату третьего. Однако обычно весь продукт рассматривается, как результат труда. Как рента так и прибыль в этом случае смешиваются с заработной платой“.

Здесь, действительно, получается большая путаница. Разве весь продукт не есть „результат (the earning) его труда?“ И разве отношения капиталистического производства—где, с отделением труда от его объективных условий, рабочий, капиталист и землевладелец противостоят друг другу, как три различных лица—не перенесены, наоборот, на этого садовника, когда полагают, что продукт его труда или, лучше, ценность этого продукта делится на три части: на заработную плату, плату за его труд, прибыль на затраченный капитал и ренту, которая полагается за землю, или достается собственнику земли?

При капиталистическом производстве совершенно правильным является предположение, что эти производственные элементы разделены и при тех производственных отношениях, где они фактически не разделены; таким образом мы можем считать, что этот садовник и является своим собственным наемным рабочим и своим собственным землевладельцем *in una persona*. Но здесь у Смита, очевидно, уже проскальзывает вульгарное представление, что заработная плата проистекает из труда, прибыль и рента проистекают независимо от труда рабочего—из капитала и земли, как самостоятельных источников богатства, а не являются результатом присвоения чужого труда. Так поразительно у Смита переплетаются самые глубокие воззрения и самые нелепые представления, какие составляет себе вульгарное сознание на основании явлений конкуренции.

Сначала он разложил ценность на заработную плату, прибыль и ренту, а потом он, наоборот, составляет ценность из определенных независимо от нее заработной платы, прибыли и ренты. Забыв таким образом

им же самым данное правильное об'яснение происхождения прибыли и ренты, он может сказать:

„Заработная плата, прибыль и рента представляют три первоначальных источника всякого дохода, как и всякой меновой ценности“ (I. с., 6 глава).

Согласно своему собственному об'яснению он должен был бы сказать:

„Ценность товара проистекает исключительно из количества заключенного в нем труда. Эта ценность разлагается на заработную плату, прибыль и ренту. Заработная плата, прибыль и рента представляют те первоначальные формы, в которых наемный рабочий, капиталист и землевладелец участвуют в созданной рабочим ценности. В этом смысле они представляют три первоначальных источника всякого дохода, хотя ни один из этих так называемых источников не входит в ценность, не создает ценности“.

Из вышеизложенных цитат мы видим, как Смит в 6 главе о „составных элементах цены товара“ делает такой вывод: цена товара разлагается на заработную плату, когда в производство входит только живой труд, на заработную плату и прибыль, когда вместо независимого рабочего имеется поставленный капиталистом наемный рабочий, следовательно, когда уже [появляется] капитал, наконец на заработную плату, прибыль и ренту, когда, кроме капитала и труда, в производство входит земля; но при этом предполагается, что земля приобретена в собственность, следовательно, рядом с рабочим и капиталистом выступает землевладелец, хотя Смит замечает, что все эти три агента производства могут быть соединены в одном лице.

В 7 главе, трактующей об „естественной и рыночной цене“, сказано, что, если земля входит в производство, рента точно так же, как и заработная плата и прибыль, служит составным элементом естественной цены. Это доказывается таким образом:

„Когда цена товара не выше и не ниже той суммы, которая требуется для уплаты по их естественным нормам земельной ренты, заработной платы и прибыли на капитал, затраченный на то, чтобы получить материал, обработать его и доставить товар на рынок,—последний продается по цене, которая может быть названа его естественной ценой“.

Здесь отождествляется естественная цена и ценность товара.

„Рыночная цена каждого отдельного товара определяется соотношением между имеющимся на рынке количеством его и спросом со стороны тех, которые согласны заплатить естественную цену товара или всю ценность ренты, труда и прибыли, которые необходимы для того, чтобы товар был доставлен на рынок...“

„Если предложение товара на рынке отстает от действительного спроса на него, то не все те, которые согласны заплатить всю ценность ренты, заработной платы и прибыли, которые необходимы для того, чтобы товар был доставлен на рынок, смогут получить желаемое количество его... Рыночная цена тогда в большей или меньшей степени поднимается над естественной ценой, в зависимости от того, в какой степени недостаточное предложение или богатство и пышная роскошь лиц, пред'являющих спрос на данный товар, усилят конкуренцию.“

„Если доставленное на рынок количество превышает действительный спрос, то не все это количество может быть продано тем, которые согласны заплатить всю ценность ренты, заработной платы и прибыли, необходимых для того, чтобы оно было доставлено на рынок... Рыночная цена будет спускаться в большей или меньшей степени ниже естественной цены, в зависимости от того, насколько имеющийся излишек усиливает конкуренцию продавцов, насколько им важно быстро избавиться от своего товара.“

„Если доставленного на рынок количества как раз достаточно для удовлетворения действительного спроса, то рыночная цена будет как раз соответ-

ствовать естественной цене.. Конкуренция различных продавцов вынуждает их принять эту цену, но она их не заставляет согласиться на более низкую цену”.

Смит рассуждает таким образом: когда при данном состоянии рынка земельная рента спускается ниже или поднимается выше своей естественной нормы, то землевладелец оставляет свою землю под паром или переходит от производства одного товара (как например, пшеницы) к производству другого товара (например, к пастбищному хозяйству).

„Когда это (доставленное на рынок) количество превышает действительный спрос, то один из элементов цены товара должен упасть ниже своей естественной нормы. Если падает рента, то землевладельцам выгодно будет тотчас же изъять из производства часть своей земли..

„Если, наоборот, доставленного на рынок количества недостаточно для удовлетворения действительного спроса, то некоторые из элементов его цены должны подняться выше своей собственной нормы. Если поднялась рента, то всем другим землевладельцам будет выгодно дать больше земли для производства этого товара.

„Случайные и временные колебания в рыночной цене товара действуют главным образом на те части его цены, которые разлагаются на заработную плату и прибыль. На ту часть, которая сводится к ренте, это меньше влияет...

„Монопольная цена представляет во всяком случае высшую цену, какую только можно получить. Естественная цена или цена, являющаяся результатом свободной конкуренции, представляет, наоборот, самую низкую цену, какая только возможна, не при всяких обстоятельствах, но для известного, более или менее продолжительного периода.

„Рыночная цена товара может долгое время стоять выше его естественной цены, но редко она может долго стоять ниже его естественной цены. Какой бы элемент этой цены ни спустился ниже своей естественной нормы, лица, заинтересованные в этом, должны были бы тотчас же заметить убыток и изъять из данной отрасли производства столько земли, или труда, или капитала, сколько необходимо для того, чтобы доставленного на рынок количества было лишь достаточно для покрытия действительного спроса. Его рыночная цена, следовательно, скоро поднялась бы до уровня его естественной цены. Это, по крайней мере, имело бы место там, где господствует полная свобода“.

После этого объяснения, данного в 7 главе, очень трудно понять, как Смит в 11 главе, трактующей о земельной ренте, может объяснить то, что рента не всегда входит в цену там, где приобретенная в собственность земля входит в производство; как он может отличить способ вхождения ренты в цену от способа вхождения в нее прибыли и заработной платы, после того как в 6 и 7 главе рента таким же точно образом превращена в составной элемент „естественной цены“, как прибыль и заработная плата. Теперь вернемся к этой 11 главе 1 книги.

Мы видели, что там рента определяется, как излишек, остающийся от цены продукта после уплаты затрат капиталиста (арендатора) и средней прибыли.

В этой 11 главе Смит утверждает противоположное тому, что он говорил раньше. Рента уж не входит в „естественную цену“ или, вернее, Смит ищет спасения в „обычной цене“ (ordinary price), которая нормально отличается от естественной цены, хотя в 7 главе мы слышали, что обычная цена в течение продолжительного времени никогда не стоит ниже естественной цены и никогда не может давать меньше естественной нормы какой-либо конституирующей части естественной цены, или даже совсем не давать ее, как это теперь утверждается относительно ренты. Смит не говорит нам также, продается ли продукт ниже своей ценности,

когда он не дает ренты, или же он продается выше своей ценности, когда он дает ренту.

Раньше естественная цена товара представляла „всю ценность ренты, заработной платы и прибыли, которые необходимы для того, чтобы продукт был доставлен на рынок“.

Теперь мы слышим следующее:

„Лишь такие продукты земля могут обыкновенно доставляться на рынок, обычной цены которых достаточно для возмещения капитала, который должен быть затрачен для того, чтобы доставить их на рынок с обычной прибылью на него“.

Следовательно, обычная цена—это не естественная цена, и для того, чтобы товар был доставлен на рынок, не требуется, чтобы была уплачена естественная цена.

Раньше мы слышали, что, когда обычной цены, тогда рыночной цены, недостаточно для уплаты всей ренты („всей ценности ренты“ и т. д.), часть земли будет изъята из производства, пока рыночная цена не поднимется до естественной цены и не даст всей ренты. Теперь, наоборот, читаем:

„Если обычная цена больше той суммы (которая необходима для возмещения капитала и уплаты обычной прибыли на капитал), то излишек, естественно, придется на долю ренты. Если она не выше суммы, необходимой (для возмещения капитала с прибылью), то, хотя товар может быть доставлен на рынок, но он не может давать землевладельцу ренты. Будет ли цена выше или ниже, это зависит от спроса“.

Из конструирующей части естественной цены рента внезапно превращается в излишек над обычной ценой, существование или отсутствие которого зависит от состояния спроса. Но обычная цена есть цена, необходимая для того, чтобы товар был доставлен на рынок, следовательно, чтобы он был произведен, то-есть это—цена производства товара. Ибо цена, которая является необходимым условием предложения товара, которая необходима для того, чтобы вообще имелся товар, чтобы он появился на рынке, это, естественно, его цена производства. Это *sine qua non* его существования. С другой стороны, спрос у некоторых продуктов земли должен всегда достигать такой высоты, что их обычная цена дает излишек над ценой производства, следовательно, доставляет ренту. Что касается других продуктов, то здесь такое состояние спроса возможно, но не необходимо.

„Спрос на некоторые продукты земли всегда должен быть таким, что они достигают цены, превышающей цену, достаточную для того, чтобы они были доставлены на рынок; а спрос на другие продукты может, но не должен быть таким, чтобы они достигли такой цены. Первые всегда должны давать землевладельцу ренту—последние иногда будут ее доставлять, иногда нет, смотря по обстоятельствам“.

Таким образом, вместо естественной цены мы здесь имеем достаточную цену (*sufficient price*). Обычная цена опять-таки отличается от этой достаточной цены. Обычная цена стоит выше достаточной цены, когда она включает ренту. Она равна ей, когда она исключает ренту. Для достаточной цены даже характерно то, что она исключает ренту. Обычная цена стоит ниже достаточной цены, когда

она только возмещает капитал, но не дает средней прибыли. Достаточная цена есть, следовательно, на самом деле цена производства, как представляет себе ее Рикардо, абстрагируя ее из А. Смита, и как она в действительности представляется с точки зрения капиталистического производства, то-есть это цена, которая не только возмещает затраты капиталиста, но даст еще среднюю прибыль; средняя цена—созданная конкуренцией капиталистов в различных сферах применения капитала. Эта именно абстракция из конкуренции приводит Смита к противопоставлению своей естественной цене достаточной цены, хотя, согласно его объяснению, на продолжительное время, наоборот, достаточно лишь той обычной цены, которая дает конституирующие части естественной цены, ренту; прибыль, заработную плату. Так как капиталист распрямляется товарным производством, то достаточной ценой является та цена, которая оказывается достаточной для капиталистического производства, с точки зрения капитала, и эта достаточная для капитала цена не включает ренты, а исключает ее.

Во-вторых: этой достаточной цены однако не достаточно для некоторых продуктов земли. Для них обычная цена должна стоять так высоко, что она дает излишек над достаточной ценой, дает ренту для землевладельца. Для других продуктов это зависит от различных обстоятельств. Противоречие, что достаточной цены недостаточно, что цены, достаточной для того, чтобы продукт был доставлен на рынок, недостаточно для того, чтобы он был доставлен на рынок,—это противоречие не смущает Смита.

Однако он сознает, что достаточной ценой он опрокинул все свое учение об естественной цене, но он это рассматривает не как противоречие, а как новое открытие, на которое он внезапно наталкивается; при этом он ни на минуту не возвращается к главам 5, 6 и 7.

„Нужно, следовательно, заметить ¹, что рента входит в состав цены товаров иначе, нежели заработная плата и прибыль. Высокие или низкие заработные платы и прибыли являются причинами высоких или низких цен; высокая или низкая рента является их следствием. Цены высокие или низки, потому что должны быть уплачены высокие или низкие заработные платы и прибыли, чтобы товар был доставлен на рынок. Но товар дает высокую или низкую ренту, или не дает никакой ренты, потому что его цена высока или низка, потому что она значительно, незначительно или совсем не выше той цены, которой достаточно для уплаты этих заработных плат и прибыли“.

Прежде всего остановимся на заключении. Итак, достаточная цена, цена производства, которая дает только заработную плату и прибыль, исключает ренту. Если продукт платит гораздо больше достаточной цены, то он платит высокую ренту. Если он дает лишь несколько больше, то он дает небольшую ренту. Если он платит как раз достаточную цену, то он не дает ренты. Если действительная цена продукта совпадает с его достаточной ценой, которая платит прибыль и заработную плату, то она не дает ренты. Рента всегда представляет излишек над достаточной ценой. Достаточная цена по природе своей исключает ренту. Это теория Рикардо. Он берет идею достаточной цены, цены произ-

¹ В такой чрезвычайно наивной форме Смит переходит от одного утверждения к другому прямо противоположному утверждению.

водства, у А. Смита; он избегает непоследовательности А. Смита (различие между достаточной и естественной ценой) и последовательно проводит [эту идею]. После всех этих непоследовательностей Смит был еще так непоследователен, что для некоторых продуктов земли он требовал цену, которая стоит выше их достаточной цены. Но эта непоследовательность является все же результатом более правильного наблюдения.

Однако начало этого абзаца поистине поразительно по своей наивности. В 7 главе Смит объяснил, что рента, прибыль и заработная плата одинаково входят в состав естественной цены, после того как он перед этим превратил разложение ценности на ренту, прибыль и заработную плату в конституирование ценности из естественных цен ренты, прибыли и заработной платы. Теперь он говорит, что рента иначе входит в „состав цены товара“, нежели прибыль и заработная плата. В чем же выражается то, что она иначе входит в состав цены? В том именно, что она совсем не входит в состав цены. Здесь только мы получаем настоящее объяснение достаточной цены. Цена товаров оказывается дорогой или дешевой, высокой или низкой, потому что заработная плата и прибыль—их естественные нормы—высоки или низки. Товар не доставляется на рынок, не производится, если не уплачиваются эти высокие или низкие прибыли и заработные платы. Они образуют цену производства товара, следовательно, они действительно являются конституирующими элементами их ценности или цены. Рента, наоборот, не входит в цену производства. Она не представляет конституирующего элемента меновой ценности товара. Она уплачивается лишь в том случае, когда обычная цена товара стоит выше его достаточной цены. Прибыль и заработная плата, как конституирующие элементы цены, служат причинами цены; рента, наоборот, является лишь действием, следствием цены. Она, следовательно, не входит в состав цены в качестве ее элемента, как прибыль и заработная плата. И это у Смита означает, что она иначе входит в состав цены, чем прибыль и заработная плата. Он, повидимому, совершенно не замечает, что он опрокинул свое учение об естественной цене. Ибо что представляла собой естественная цена? Центр, около которого колеблется рыночная цена: достаточная цена, ниже которой продукт не может спуститься, если он в течение долгого времени должен доставляться на рынок, должен производиться.

Таким образом, теперь рента представляет излишек над естественной ценой, раньше она была конституирующим элементом естественной цены; теперь—действие, раньше—причина цены.

Наоборот, нет никакого противоречия в утверждении Смита, что для известных продуктов земли условия рынка всегда таковы, что их обычная цена должна стоять выше достаточной цены, другими словами, таковы, что землевладелец имеет возможность взвинтить цену выше того, что было бы достаточно для капиталиста, если бы он не встречал противодействия.

β) Продукты земли, которые всегда дают ренту.

После того как Смит в 11 главе опроверг все сказанное им в главах 5, 6 и 7, он спокойно продолжает: теперь перейдем к делу: остановимся 1) на продуктах земли, которые всегда дают ренту; 2) на

продуктах, которые иногда дают ренту, иногда нет; наконец, 3) на изменениях, которые наблюдаются в различные периоды развития общества в относительной ценности этих двух видов продуктов, при сравнении их друг с другом, а также с индустриальными товарами.

В первой части 11 главы говорится о продуктах земли, которые всегда дают ренту.

Смит начинает с теории народонаселения. Продукты питания всегда создают для себя спрос. Когда увеличивается количество продуктов питания, растет также и число людей, потребителей продуктов питания. Предложение этих товаров создает, следовательно, и спрос на них.

„Число людей, как и всех животных, увеличивается соответственно количеству их продуктов питания; поэтому всегда имеется больший или меньший спрос на продукты питания. Они всегда могут купить или получить в свое распоряжение большее или меньшее количество труда, и всегда найдется кто-нибудь, кто готов что-либо сделать, чтобы их получить...“

„Но земля создает почти при всяком положении большее количество продуктов питания, чем требуется для содержания труда, который необходим для доставки их на рынок, хотя бы этот труд вознаграждался самым либеральным образом. Излишка продуктов питания также более чем достаточно для возмещения капитала, который приводит в движение эту работу, с прибылью. Поэтому всегда остается остаток в виде ренты для землевладельца“ (I. c.).

Это напоминает учение физиократов; здесь нет ни доказательства, ни объяснения того, почему цена этого особого товара дает излишек над „достаточной ценой“, то-есть ренту.

Смит тут же ссылается на пример—он берет для этого пастбища и пустыри. Далее следует фраза о дифференциальной ренте.

„Рента изменяется не только в зависимости от плодородия земли, каков бы ни был ее продукт, но и в зависимости от расположения земли, каково бы ни было ее плодородие“.

Здесь рента и прибыль представлены лишь в виде излишка продукта, после того как отдана та часть его, которая *in natura* кормит рабочего. Это собственно взгляд физиократов, который в сущности основан на том факте, что в земледельческих странах человек живет почти исключительно земледельческими продуктами, а индустрия, мануфактура являются побочным занятием в деревне, где обрабатываются местные продукты природы.

[Так как для более удаленных участков транспорт на рынок требует больше труда], „то продукт (более отдаленного участка) должен дать содержание большему количеству труда, и излишек, из которого получается как прибыль арендатора, так и рента землевладельца, должен быть соответственно уменьшен“.

Поэтому производство пшеницы должно давать большую прибыль, чем пастбищное хозяйство.

„Пашня умеренного плодородия дает гораздо большее количество продуктов питания для человека, чем лучшее пастбище таких же размеров¹. Хотя обработка ее и требует гораздо больше труда, зато здесь больше также и излишек, который остается после возмещения семян и издержек по содержа-

¹ Здесь, следовательно, речь идет не о цене, а об абсолютной массе продуктов питания для человека *in natura*.

нию труда¹. Если предположить, что фунт убойного мяса² никогда не стоит больше, чем фунт хлеба, то этот большой излишек³ представлял бы везде большую ценность⁴ и образовал бы большой фонд для прибыли арендатора и ренты землевладельца⁵.

Заменив естественную цену достаточной ценой и об'явив, что рента равна излишку над достаточной ценой, Смит забывает, что вообще идет речь о цене, и выводит ренту из отношения пищи, которую доставляет земледельце, к пище, которую должен потребить земледелец.

В действительности—не говоря об этом об'яснении, напоминающем учение физиократов—он предполагает, что цена земледельческого продукта, который доставляет главную пищу, дает кроме прибыли еще и ренту. Исходя из этого, он оперирует дальше. С развитием культуры, естественных пастбищ, оказывается, недостаточно для скотоводства, для спроса на убойное мясо. Для этой цели должна быть использована культурная земля. Цена мяса должна, следовательно, подняться настолько, что она оплачивает не только труд, затраченный на скотоводство, но и

ренту, которую получил бы землевладелец, и прибыль, которую получил бы арендатор, если бы земля оставалась под пашней. Скот, выращенный на самых запущенных пустырях, имеет на рынке такую же самую цену, как и тот скот, который выращен на лучшей всего возделанной земле, соответственно своему весу и качеству. Собственники этих пастбищ извлекают из этого пользу и повышают ренту за свою землю соответственно цене скота⁵. Таким образом, благодаря прогрессу в обработке земли, рента и прибыль с необработанных пастбищ в известной мере определяются рентой и прибылью, получаемой на обработанной земле, а эти последние опять-таки определяются рентой и прибылью, доставляемой хлебом.

Везде, где нет особого местного преимущества, рента и прибыль, доставляемая хлебом или другим товаром, служащим общераспространенным растительным продуктом питания, должны определять ренту и прибыль с земли, пригодной для возделывания этого продукта, но превращенной в пастбище. Превращение земли в искусственные луга, возделывание кормовой репы, моркови, капусты и другие средства, которые применяются для того, чтобы на данной площади можно было прокормить больше скота, чем на естественном пастбище,—все это должно было понизить несколько цену на мясо, которая в странах с высокой культурой земли должна достигать значительной высоты по сравнению с ценой на хлеб. Это, повидимому, действительно имело место⁶.

Определив таким образом отношение между рентой, получаемой при скотоводстве, и земледельческой рентой, Смит продолжает:

¹ Хотя пшеница стоит больше труда, но засеянное пшеницей поле дает больший излишек питательных веществ после вознаграждения за труд, чем пастбище. И пшеница имеет большую ценность не потому, что она стоит больше труда, а потому, что излишек в пшенице содержит больше питательных веществ.

² Butchers meat, в противоположность Wildpret. К.

³ Который об'ясняется тем, что с той же площади получается больше фунтов пшеницы, нежели мяса.

⁴ Потому что предполагается, что фунт хлеба имеет такую же самую ценность, как и фунт мяса, и что с той же самой площади после прокормления рабочих остается больше фунтов хлеба, чем мяса.

⁵ Здесь Смит дает правильное об'яснение дифференциальной ренты: она представляет излишек рыночной ценности над индивидуальной ценностью. Но в этом случае рыночная ценность повышается потому что переходит не от лучшей земли к худшей, а от менее плодородной к более плодородной.

„Во всех больших странах большая часть возделанной земли употребляется для производства продуктов питания для людей и животных. Рента и прибыль с этих земель определяют ренту и прибыль со всех других возделанных земель. Если бы какой-либо особый продукт давал меньше, то на занятой им земле скоро перешли бы к производству хлеба или к скотоводству; а если бы она давала больше, то часть земли, на которой занимаются возделыванием хлеба или скотоводством, была бы употреблена для производства этого продукта“.

Далее Смит говорит о виноделии, садоводстве, огородничестве и т. д.

„Эти продукты, которые требуют или большей единовременной затраты, чтобы они могли произрастать на этой земле, или больших годовых издержек на обработку, часто дают гораздо более высокие ренты и прибыли, чем производство хлеба и скотоводство; но если этих рент и прибылей достаточно лишь для того, чтобы покрыть эту более значительную затрату, то они на самом деле определяются рентами и прибылями этих обычных земледельческих продуктов“.

Потом он переходит к производству сахара и табака в колониях.

„Таким образом рента с той части возделанной земли, которая производит продукты питания для людей, определяет ренту самой значительной части другой обработанной земли...“

„В Европе хлеб является самым главным продуктом земли, который служит непосредственно продуктом питания для человека. Не говоря об особых условиях, рента, доставляемая в Европе хлебными полями, определяет, следовательно, ренту со всякой другой обработанной земли“.

Он потом снова возвращается к теории физиократов, как он ее толкует: именно, что продукты питания сами создают себе потребителей. Если бы вместо пшеницы получался другой продукт, и благодаря этому при такой же обработке обычная земля давала бы гораздо большее количество продуктов питания;

„то рента землевладельца или излишек продуктов питания, который у него оставался бы после оплаты труда и возмещения капитала арендатора с прибылью, безусловно была бы значительно больше. Каковы бы ни были в этой стране издержки по содержанию рабочего, этот большой излишек мог бы всегда содержать большее количество труда и дал бы поэтому землевладельцу возможность купить и получить в свое распоряжение большее количество труда“.

Он приводит в качестве примера рис.

„В Каролине, как и в других английских колониях, плантаторы обычно являются одновременно сельскими хозяевами и землевладельцами, так что рента сливается с прибылью...“

„Однако рисовое поле не годится для возделывания хлеба, или для пастбища, или виноградарства, или для возделывания какого-либо другого очень полезного для человека растения; и земли, которые пригодны для этой цели, не годятся для культуры риса. Поэтому даже в странах, где население питается главным образом рисом, рента с рисовых полей не может определять ренты с другой возделанной земли, которая никогда не может быть использована для культуры риса“.

Второй пример представляет картофель (см. выше критику Рикардо). Если бы он служил главным продуктом питания вместо хлеба,

„то та же самая площадь прокормила бы гораздо большее количество людей; и если бы сельские рабочие обычно питались картошкой, то по возмещению капитала и после оплаты занятых в сельском хозяйстве рабочих оставался бы большой излишек. И землевладелец получил бы оттуда большую долю. Население увеличилось бы, и рента значительно возрасла бы“.

Несколькими замечаниями о пшеничном, овсяном хлебе и картофеле заканчивается первая часть 11 главы.

Итак, первая часть, которая трактует о продукте земли, всегда дающем ренту, может быть резюмирована таким образом: здесь объяснено, как рента с главного растения, которая предполагается заранее данной, регулирует ренту при скотоводстве, виноделии, садоводстве и т. д. О самой природе ренты здесь ничего не сказано, если не считать общей фразы, что плодородие и местоположение определяют величину ренты; при этом рента опять-таки уже предполагается заранее; здесь говорится только о разнице в рентах, о разнице в величине рент. Но почему этот продукт всегда дает ренту? Почему его обычная цена всегда выше его достаточной цены? Смит здесь отвлекается от цены и снова возвращается к учению физиократов. Но он полагает, что спрос здесь всегда так велик потому, что продукт сам создает спрос, сам создает себе потребителей. Даже при таком предположении было бы непонятно, почему спрос должен превышать предложение и поднять таким образом цену выше достаточной цены. Но здесь снова незаметно всплывает воспоминание об естественной цене, которая включает ренту так же, как и прибыль и заработную плату, и которая уплачивается, когда спрос соответствует предложению. „Если доставленного на рынок количества как раз достаточно для удовлетворения спроса, то рыночная цена будет в точности соответствовать естественной цене“.

Однако характерно, что Смит в этой части нигде так не говорит. Только что, в начале 11 главы, он сказал, что рента не входит в цену, как конституирующая часть. Противоречие было слишком очевидно.

7) Продукты земли, которые иногда дают ренту, иногда не дают ее.

Только во второй части, которая трактует о продуктах земли, дающих ренту лишь при известных условиях, он собственно говорит о природе ренты вообще.

„Человеческая пища представляет, повидимому, единственный продукт земли, который всегда и необходимо дает землевладельцу ренту. Другие продукты могут иногда, при известных условиях, давать ренту; но они не должны ее давать всегда.“

„После пищи, одежда и жилище служат для удовлетворения больших потребностей человека.“

„В своем первобытном, необработанном, состоянии земля дает материал для одежды и жилища большему количеству людей, чем она может прокормить“.

Благодаря этому излишку такого материала в сравнении с количеством людей, которое может прокормить земля, следовательно—в сравнении с населением, эти материалы обладают небольшой „ценностью“¹, или совсем не имеют ценности. Значительная часть этого „материала“ остается неиспользованной, „и цена того материала, который использован, рассматривается только как эквивалент за труд и издержки, которые необходимы для того, чтобы сделать их пригодными для употребления“. Но эта цена не дает „землевладельцу никакой ренты“.

В обработанном виде земля „может прокормить“ большее число лиц; тогда, наоборот, население слишком велико по сравнению с коли-

¹ В манускрипте стоит „ценой“, но Смит пишет „value“. К.

чеством того материала, который доставляет земля, по крайней мере „такого рода материала, какой нужен этим лицам и за какой они готовы заплатить“. Наступает относительный недостаток этого материала, „что необходимо повышает его ценность“. „Часто пред'является спрос на большее количество его, чем может быть доставлено“. За него платят больше, чем „стоит доставка его на рынок; следовательно, его цена всегда может давать ренту землевладельцу“.

Здесь, следовательно, рента объясняется превышением спроса над предложением товара, который может быть доставлен по достаточной цене.

„Материалом для одежды служили вначале шкуры и кожи более крупных зверей. У охотничьих и пастушеских народов, которые питаются главным образом мясом, каждый человек, который запасается пищей, приобретает таким образом и больше материала для одежды, чем он может носить. Если бы не было внешней торговли, большая часть этого материала была бы заброшена, как бесполезная вещь. Внешняя торговля создает спрос на этот излишек материала и поднимает цену выше издержек на транспорт его к более богатым соседям. Эта цена доставляет, следовательно, ренту землевладельцу“.

Когда английская шерсть нашла рынок во Фландрии, цена ее поднялась, что увеличило ренту с земли, на которой она получена.

Внешняя торговля настолько повышает здесь цену сельско-хозяйственного второстепенного продукта, что земля, которая его производит, может давать ренту.

„Строительные материалы не всегда могут быть транспортированы так далеко, как материалы для одежды, и не могут так легко стать предметами внешней торговли. Если они имеются в слишком большом количестве в стране, которая их производит, тогда часто случается, даже при современном развитии мировой торговли, что они не представляют никакой ценности для землевладельца. Хорошая каменоломня вблизи Лондона давала бы значительную ренту. Во многих местностях Шотландии и Уэльса она не дает никакой ренты“.

Так же обстоит дело и со строевым лесом. Он дает ренту „в густо заселенной, застроенной стране“; но он сгнивает на корню во „многих местностях Северной Америки“. Землевладельцы были бы там счастливы, если бы они могли от него избавиться.

„Если эти строительные материалы имеются в таком большом количестве, тогда ценность той части их, которая идет в дело, соответствует только труду и издержкам, необходимым для того, чтобы доставить их на место в надлежащем виде. Они не дают никакой ренты землевладельцу, который обычно позволяет ими пользоваться всякому, кто об этом просит. Но иногда он может получить ренту, когда более богатые нации пред'являют спрос на эти материалы.“

„Страны заселены не соответственно тому количеству людей, которому их продукты дают одежду и жилище, а соответственно тому количеству, которое их продукты могут прокормить. Если имеется необходимое пропитание, тогда легко найти одежду и жилище. Однако возможно, что эти последние имеются, и все же часто бывает трудно найти пищу. В некоторых местностях, даже в британских владениях, достаточно одного дня работы мужчины, чтобы построить то, что там называют домом. У диких и варварских народов достаточно одной сотой годового труда или несколько больше, чтобы приобрести необходимую им одежду и жилище. Остальных 99 сотых годового труда часто едва достаточно для того, чтобы они могли запастись необходимой пищей.“

„Но если, благодаря улучшению и обработке земли, труд одной семьи может дать продовольствие для двух семей, то труда одной половины общества достаточно для получения пропитания всего общества. Другая половина или, по крайней мере, большая часть ее может заняться производством других предметов или работать для удовлетворения других потребностей и прихотей человека. Важнейшими объектами этих потребностей и прихотей являются большей частью одежда и жилище, обстановка и экипажи. Потребность в пище у всякого человека ограничена тесными пределами его желудка, но стремление

к комфорту и украшениям, желаннее иметь хорошую квартиру, наряды, экипажи и обстановку не знает границ. Поэтому те, у которых имеется излишек продуктов питания, всегда готовы отдать их или, что означает то же самое, их цену в обмен на предметы, удовлетворяющие другим потребностям.. Бедняки, нуждающиеся в куске хлеба, напрягают свои силы, чтобы выполнять прихоти богачей; и они стараются превзойти друг друга по части дешевизны и совершенства своих произведений, чтобы обеспечить себе этот кусок хлеба. Число рабочих увеличивается с возрастанием количества продуктов питания, следовательно—соответственно прогрессу в земледелии. И так как здесь возможно широкое разделение труда, то количество сырого материала, которое они могут обработать, растет гораздо быстрее еще, чем их число. Поэтому возникает спрос на все виды материалов, которые человеческая изобретательность может использовать для производства полезных предметов или предметов украшения, как например зданий, нарядов, экипажей или мебели; возникает спрос на ископаемые и минералы, скрытые в недрах земли, на благородные металлы и драгоценные камни. Таким образом, пища не только является первоначальным источником ренты, но всякий другой продукт земли, который потом дает ренту, обязан этой частью своей ценности повышению производительности труда в производстве продуктов питания благодаря обработке и улучшению земли.

То, что здесь говорит Смит, есть правильная естественная основа фискализации: основой всякой прибавочной ценности, включая ренту, служит относительная производительность земледелия. Первая реальная форма прибавочной ценности выражается в избытке сельско-хозяйственных продуктов, продуктов питания, и первая реальная форма прибавочного труда выражается в том, что труда одного человека достаточно для производства продуктов питания на двоих. Но оно не имеет ничего общего с развитием специфической формы прибавочной ценности, ренты, предполагающей капиталистическое производство.

Смит продолжает:

„Другие продукты земли (кроме продуктов питания), которые потом дают ренту, дают ее не всегда. Даже в наиболее развитых странах спрос на них не всегда достаточно велик для того, чтобы цена достигла такой высоты, что она дает излишек, остающийся после оплаты труда и возмещения затраченного капитала с обычной прибылью. Окажется ли спрос достаточным для этого, или нет, это зависит от различных обстоятельств“.

Здесь, следовательно, снова читаем: рента получается оттого, что спрос больше предложения по достаточной цене, которая не включает ренты, а содержит лишь заработную плату и прибыль. Что же это может означать кроме того, что предложение по достаточной цене так велико, что земельная собственность не может оказывать сопротивления выравниванию капиталов или труда? что, следовательно, даже в том случае, когда земельная собственность и существует по закону, она фактически не существует или фактически не может действовать, как таковая? Ошибка Смита заключается в том, что он не понимает, что, когда землевладелец продает свои продукты по их ценности, он их продает выше достаточной цены. Он рассуждает правильнее Рикардо в том отношении, что ему понятно, что, смотря по обстоятельствам, землевладение может стать экономической силой или не может. В этой части его изложения мы поэтому должны шаг за шагом следовать за ним. Он начинает с каменноугольных копей, потом переходит к лесу, потом возвращается к угольным копиям и т. д. Начнем с того места, где он говорит о лесе.

В зависимости от состояния земледелия, цена на лес меняется по тем же причинам, которые вызывают изменения цен на скот. На заре

земледелия имеется так много лесов, что они мешают землевладельцу, который охотно отдал бы лес тому, кто его уберет. Прогресс в земледелии сопровождается исчезновением лесов отчасти благодаря расширению земледелия, отчасти благодаря увеличению скота, который пожирал или обгрызает молодые деревья.

„Хотя количество этих животных не увеличивается так быстро, как количество хлеба, которое является исключительно продуктом человеческого труда, все же они размножаются благодаря заботам и стараниям человека“.

Таким образом, в конце концов остается мало леса, и цена его возрастает. Он поэтому может давать такую высокую ренту, что пахотная земля или годная для пашни земля пускается под лесонасаждение. Так обстоит дело в Великобритании. Рента, доставляемая лесом, никогда не может надолго подняться выше ренты с пахотной земли или лугов. Но она может равняться ей. Следовательно, рента, получаемая при рубке дров, по природе своей тождественна с рентой с пахотной землей и лугов. Она, таким образом, относится к этой категории, хотя лес не служит для питания. Экономическая категория определяется не потребительной ценностью продукта, а тем, можно ли данную землю превратить в пашню или нет, и наоборот.

Угольные копи. Богатство или бедность копей вообще, правильно замечает Смит, зависит от того, можно ли в различных копиях получить большее или меньшее количество минерала при затрате того же количества труда. Более благоприятное расположение копей может быть парализовано их бедностью, так что такие копи совсем не могут эксплуатироваться. С другой стороны, богатство копей может быть парализовано невыгодным расположением их, и такие копи, несмотря на свое естественное богатство, не эксплуатируются. Это именно имеет место там, где нет ни больших дорог, ни водных путей.

Существуют копи, продукта которых достаточно для того, чтобы покрыть достаточную цену. Они поэтому платят прибыль предпринимателю, но не земельную ренту. Поэтому землевладелец должен сам их эксплуатировать. Он получает, таким образом, „обычную прибыль на затраченный капитал“. Много таких угольных копей имеется в Шотландии. Эксплуатация их другим способом была бы невозможна.

„Землевладелец никому не разрешил бы их эксплуатировать, если он не получает ренты, и никто не в состоянии ее платить“.

Здесь Смит правильно определил, когда не платят ренты там, где земля приобретена в собственность. Это бывает в том случае, когда землевладелец и предприниматель соединены в одном лице. Раньше он уже сказал нам, что это имеет место в колониях. Арендатор здесь не может возделывать земли, потому что он не может платить ренты. Но собственник может ее обрабатывать с прибылью, хотя она ему не дает ренты. В колониях западной Америки это, например, имеет место, так как здесь всегда может быть приобретена в собственность новая земля. Земля, как таковая, не является противодействующим элементом, и конкуренция землевладельцев, которые сами обрабатывают свою землю, в действительности является здесь конкуренцией рабочих и капиталистов. Что касается угольных копей, или копей вообще в предположенном нами

случае, то здесь дело обстоит иначе. Рыночная ценность, определяемая копами, которые предлагают ¹ товар по этой ценности, дает для менее богатых или хуже расположенных копей меньшую ренту или совсем не дает ренты, но она дает цену производства. Эти копи могут разрабатываться лишь людьми, для которых не существует противодействия землевладельца, вследствие чего земля была бы им недоступна; они соединяют в одном лице землевладельца и капиталиста; это бывает лишь в том случае, когда фактически земельная собственность, как самостоятельный, противостоящий капиталу элемент, исчезает. Этот случай отличается от колоний тем, что там землевладелец никому не может запретить эксплуатации новой земли. Здесь он это может сделать. Только себе самому он дает разрешение на эксплуатацию копи. Это не дает ему возможности получать ренту, но дает ему возможность устранить других лиц и вложить в рудник свой капитал с прибылью.

На том, что Смит говорит об определении ренты самым богатым рудником, я уже останавливался, когда речь шла о Рикардо и его полемике. Здесь мы приведем лишь следующую фразу:

„Самая низкая цена, по которой уголь может продаваться в течение продолжительного времени, есть, как и у всех других товаров, цена, которой как раз достаточно для возмещения капитала, необходимого для того, чтобы товар был доставлен на рынок, и для уплаты обычной прибыли“.

Итак, достаточная цена выступает вместо естественной цены. Рикардо отождествляет их и поступает правильно.

Смит утверждает, что рента с угольных копей гораздо меньше ренты от сельскохозяйственных продуктов: здесь треть валового дохода составляет обычную ренту, там „одна пятая его составляет высокую ренту, десятая часть составляет обычную ренту“. Рудники, доставляющие металлы, не так зависят от местоположения, так как их продукты более транспортабельны, мировой рынок им более доступен. Их ценность зависит потому больше от их богатства, чем от их местоположения; что же касается угольных копей, то здесь мы наблюдаем обратное явление. Между продуктами очень отдаленных друг от друга рудников, доставляющих металлы, существует еще конкуренция.

„Цены неблагородных и еще более цены благородных металлов богатейших в мире рудников необходимо должны влиять на цены всякого другого рудника.“

„Таким образом, цена любого металла, добытого из любого рудника, определяется до известной степени ценой такого металла, доставленного самым богатым из всех эксплуатируемых в данное время рудников; таким образом, большинство рудников не может давать значительно больше того, что должно покрыть издержки, и редко землевладелец получит очень высокую ренту. Поэтому земельная рента большинства рудников составляет повидимому лишь незначительную часть цены неблагородных металлов и еще меньшую часть цены благородных металлов. Труд и прибыль составляют самую значительную часть их цены“ ².

Смит здесь правильно объясняет случай, приведенный в таблице С.

Там, где речь идет о благородных металлах, Смит снова повторяет объяснение достаточной цены, которую он ставит вместо естественной

¹ В манускрипте стоит „demand“. К.

² В оригинале стоит „прибыли“. *Примеч. перев.*

цены, когда говорит о ренте. Там, где он говорит о неземледельческой промышленности, ему этого не нужно делать, так как достаточная цена и естественная цена здесь, согласно его первоначальному объяснению, совпадают; это именно цена, которая возмещает авансированный капитал со средней прибылью.

„Самая низкая цена, по которой благородные металлы продаются в течение продолжительного времени, или наименьшее количество других товаров, на которое они могут быть обменены, определяется таким же образом, как и самая низкая обычная цена всех других товаров. Она определяется капиталом, который обычно нужно затратить, — пищей, одеждой и жилищем, которые обычно потребляются во время работы, необходимой для того, чтобы продукт был доставлен на рынок. Она должна быть по крайней мере достаточна для возмещения этого капитала с обычной прибылью“.

Относительно драгоценных камней он замечает:

„Спрос на драгоценные камни обусловлен только их красотой. Они могут служить только для украшения; кроме красоты в них ценится то, что они встречаются очень редко; они добываются с большим трудом и требуют больших издержек; поэтому заработная плата и прибыль большей частью составляют всю цену их, которая очень высока. Рента составляет лишь незначительную часть этой цены; часто ее совсем нет, и лишь самые богатые рудники могут платить значительную ренту“.

Здесь возможна лишь дифференциальная рента.

„Цена благородных металлов и драгоценных камней для всего земного шара определяется их ценой на самом богатом руднике; поэтому рента, которую какой-либо из этих рудников может давать собственнику его, соответствует не абсолютному, а, так сказать, относительному богатству его, или его превосходству над рудниками подобного рода. Если бы открыты были рудники, которые богаче рудников Потози, подобно тому, как последние богаче европейских рудников, тогда ценность серебра могла бы так сильно понизиться, что даже эксплуатация рудников Потози оказалась бы невыгодной“.

Рудники, менее богатые благородными металлами и драгоценными камнями, не дают ренты, так как самый богатый рудник всегда определяет рыночную ценность, и постоянно открываются более богатые новые рудники, движение всегда происходит по восходящей линии. Продукты менее богатых рудников, следовательно, продаются ниже своей ценности, только по цене производства.

„Если ценность продукта главным образом объясняется его редкостью, она необходимо упадет при избытке его“.

Потом Смит снова приходит к более или менее ошибочным выводам.

„Иначе обстоит дело с земельной собственностью на поверхности земли. Здесь ценность продуктов, а также рент, соответствует абсолютному, а не относительному богатству земель. Земля, которая дает известное количество продуктов питания или строительного материала или материала для одежды, всегда может прокормить, одеть, дать кров известному количеству людей; какова бы ни была доля землевладельца в продукте¹, эта доля всегда даст ему возможность распоряжаться соответствующим количеством труда этих людей и товаров, которые они могут произвести. Ценность самой неплодородной земли не уменьшается от соседства самой плодородной земли. Она, наоборот, от этого повышается. Большое количество людей, которое кормит плодородная земля, создает рынок для массы продуктов неплодородной земли; они никогда не

¹ Вопрос именно заключается в том, получает ли он долю в продукте и какую.

нашли бы его среди людей, которых могла прокормить одна только эта земля¹.

„Все то, что увеличивает плодородие земли, доставляющей продукты питания, увеличивает не только ценность тех участков, где произведены улучшения², но и ценность многих других земель, так как это создаст новый спрос на их продукты“³.

Смит здесь не объясняет абсолютной ренты, которая, согласно его предположению, существует на земле, доставляющей продукты питания. Он справедливо замечает, что она не должна существовать для других земель, например рудников, так как они в сравнении со спросом имеются в таком неограниченном количестве, что земельная собственность здесь не может оказать никакого противодействия капиталу, так как она, следовательно, экономически не существует, хотя по закону она и имеется.

* * *

О квартирной плате (house-rent) Смит говорит:

„Та часть всей квартирной платы, которая превышает эту достаточную прибыль, необходимо входит в земельную ренту; там, где земля и дом принадлежат двум различным лицам, эта часть в большинстве случаев полностью уплачивается землевладельцу. Этот излишек в квартирной плате обитатель дома платит за действительные или мнимые преимущества его местоположения. Дома, находящиеся в деревне, далеко от больших городов, где имеется богатый выбор земли, дают земельную ренту, которая лишь немногим больше или несколько не больше ренты, которая была бы получена с этой земли в том случае, если бы она превращена была в пашню“ (5 книга, 2 глава).

Для земельной ренты с домов, именно для дифференциальной ренты, местоположение является таким же решающим моментом, как и плодородие и местоположение для земледельческой ренты.

А. Смит, который так же, как и физиократы, относится с пристрастием к сельскому хозяйству и землевладельцу, разделяет взгляд физиократов, что земельная рента представляет особенно богатый объект для обложения налогами. Он говорит:

„Как городская земельная рента, так и обыкновенная земельная рента представляет такого рода доход, который землевладелец во многих случаях получает безо всякого труда или забот с его стороны. Если у него отнята будет часть этого дохода для покрытия государственных расходов, то это не наносит никакого ущерба какому-либо виду производительного труда. Годовой продукт земли и общественного труда, действительное богатство и действительный доход главной массы населения после такого налога могут остаться такими, как и раньше. Городская земельная рента и обыкновенные земельные ренты представляют, следовательно, такого рода доход, который лучше всего может выдержать особый налог“ (5 книга, 7 глава).

Против чего Рикардо (стр. 230; русск. пер. Н. Ряз., стр. 130) приводит мещанские возражения. [Он¹ опасается „несправедливости“ и спекуляции землей].

¹ Но это относится лишь к тому случаю, когда [неплодородная земля] не производит того же продукта, что и более плодородный участок в ее соседстве; лишь к тому случаю, когда продукт менее плодородной земли не конкурирует с продуктом более плодородной земли. Тогда, конечно, Смит прав; и во всяком случае это верно в том отношении, что здесь видно, как вся сумма ренты от различного рода продуктов земли может расти благодаря плодородию той земли, которая производит продукты питания.

² Оно может уменьшить эту ценность, даже уничтожить ее.

³ Или, вернее, спрос на новые продукты.

б) Изменения в отношении ценностей обоих видов продуктов земли.

Третья часть 11 главы, в 1 книге его „Wealth of Nations“, трактует об „изменениях в отношении между ценностями тех продуктов, которые всегда дают ренту, и тех, которые иногда, но не всегда, дают ренту“.

„В стране, которая от природы плодородна, но в которой значительно большая часть земли еще не обработана, скот, птица, дичь всякого рода могут быть добыты при небольшой затрате труда, поэтому они могут купить или приобрести в свое распоряжение лишь небольшое количество труда“.

Удивительно, как Смит смешивает измерение ценности количеством труда с ценой труда или количеством труда, которым товар может распоряжаться; это нам показывает вышеприведенная цитата, но особенно следующее место, где мы видим, как он, между прочим, делает хлеб мерилом ценности.

„Во всякой стадии развития общества, при всяком состоянии культуры хлеб всегда является продуктом человеческого труда. Но средний продукт всякого рода человеческой деятельности всегда более или менее точно соответствует среднему потреблению; среднее предложение соответствует среднему спросу. В каждой особой стадии культуры земли для производства данного количества хлеба на данной земле и при данном климате всегда требуется в среднем почти одинаковое количество труда, или, что сводится к тому же самому, цена одинакового количества труда. Постоянное повышение производительности труда благодаря прогрессу в земледелии более или менее уравновешивается постоянным возрастанием цен на скот, важнейшее орудие в сельском хозяйстве. Поэтому мы можем считать, что в каждой стадии развития общества и земледелия одинаковые количества хлеба скорее представляют одинаковые количества труда или равноценны им, нежели одинаковые количества другого сырого продукта земли. Поэтому хлеб представляет... на всех различных степенях богатства и земледелия гораздо более точное мерило, нежели какой-либо другой товар или какой-либо сорт товара... Хлеб или вообще тот продукт, который является самой распространенной и самой излюбленной растительной пищей населения, остается во всякой цивилизованной стране главной пищей рабочего... Денежная цена труда зависит, следовательно, в гораздо большей степени от средней денежной цены хлеба, продукта питания рабочего, чем от цены мяса или какого-либо другого сельско-хозяйственного продукта. Настоящая ценность золота и серебра, настоящее количество труда, которое они могут купить или которым они могут распоряжаться, зависит, следовательно, в гораздо большей степени от количества хлеба, которое они могут купить или которым они могут распоряжаться, чем от количества мяса или другого сельско-хозяйственного продукта“.

[В той же главе] Смит, при сравнении ценности золота и серебра, еще раз говорит о достаточной цене и определенно заявляет, что она исключает ренту.

„Товар можно считать дорогим или дешевым не только в зависимости от абсолютной величины его обычной цены, но и в зависимости от того, насколько эта цена стоит выше той минимальной цены, по которой товар вообще может быть доставлен на рынок в течение продолжительного времени. Этой минимальной ценой является та цена, которой как раз достаточно для возмещения со средней прибылью капитала, который необходимо затратить, чтобы товар был доставлен на рынок. Это цена, которая ничего не дает землевладельцу; цена, которая не содержит ренты в качестве составной части; которая разлагается лишь на заработную плату и прибыль...“

„Цена бриллиантов и других драгоценных камней, вероятно, еще больше, чем цена золота, приближается к минимальной цене, по которой они могут быть доставлены на рынок“.

[Смит продолжает:]

„За исключением хлеба и других растений, которые создаются только человеческим трудом, все остальные виды сырья.. становятся, по мере возрастания богатства и культуры общества, все дороже“.

Эти различные сырые продукты распадаются на три класса: один класс состоит из продуктов, увеличение которых почти или совершенно не зависит от человеческого труда; ко второму классу относятся те продукты, количество которых может быть увеличено соответственно спросу; к третьему относятся те продукты, количество которых человеческий труд может увеличить „лишь до известной степени и далеко не всегда“.

Первый класс: рыбы, редко встречающиеся птицы, разного рода дичь, почти все дикие птицы, особенно перелетные птицы и т. д. Спрос на эти товары очень увеличивается вместе с богатством и роскошью.

„Так как количество этих товаров остается неизменным или почти одинаковым, меж тем как число покупателей, которые предъявляют на них спрос все более и более увеличивается, то цена их может подняться до любой высоты“.

Второй класс.

„Он состоит из тех полезных растений и животных, которые в неразвитых странах даны природой в таком количестве, что они имеют лишь небольшую ценность или совсем не имеют ценности; поэтому по мере развития культуры они должны уступить место другим, более выгодным продуктам. В течение длинного периода прогресса количество их все более и более уменьшается, и в то же время постоянно растет спрос на них. Их действительная ценность, действительное количество труда, которое они могут купить или получить в свое распоряжение, таким образом все более и более растет, пока она, наконец, не достигнет такой высоты, что производство этих товаров становится столь же выгодным, как и производство любого другого продукта, который может быть получен на самой плодородной и лучше всего возделанной земле. Если она уже поднялась так высоко, то она уже больше не может расти. Если бы она поднялась выше, то сейчас же стали бы пользоваться большим количеством земли и применять большее количество труда, чтобы увеличить количество этого продукта“.

Сюда относится, например, скот.

„Из всех различных товаров, которые составляют этот класс сырых продуктов, скот является, вероятно, тем товаром, цена которого с прогрессом культуры достигла этой высоты раньше других.“

„Если скот принадлежит к числу первых сырых продуктов, которые достигают этой цены, то дичь относится, вероятно, к числу последних подобного рода продуктов. Как бы высока ни была цена дичи в Великобритании, ее далеко недостаточно для того, чтобы покрыть расходы на парк, богатый дичью, как это известно всякому, кто имеет некоторый опыт в этом деле...“

„В каждом имении отбросы из амбара и конюшни идут на корм птицам. Так как последние едят то, что иначе пропадало бы, то они образуют настоящую копилку, и так как сельскому хозяину эта птица едва ли чего-нибудь стоит, то он может дешево продавать ее“.

Пока этого предложения достаточно, птица так же дешева, как и убойное мясо. С возрастанием богатства увеличивается и спрос на птицу, и тогда цена ее поднимается выше цены убойного мяса, пока „не становится выгодным обрабатывать землю исключительно для кормления птиц“. Так обстоит дело во Франции и т. д.

Свинью, подобно птице, „сначала держат, как копилку“. Она питается отбросами. Но в конце концов цена ее поднимается так высоко,

что земля должна возделываться исключительно для кормления свиней. Так же обстоит дело с молочным хозяйством, маслом, сыром и т. д.

Постепенное возрастание цены сырых продуктов показывает только, по Смиту, что они постепенно становятся продуктами человеческого труда, между тем как раньше они являлись почти продуктами природы. Самое превращение их из естественных продуктов в продукты труда является результатом развития культуры, когда все более и более вытесняются продукты, созданные непосредственно только силами природы. С другой стороны, значительная часть этого продукта при менее развитых производственных отношениях продается ниже своей ценности. Он продается по своей ценности, и цены повышаются, когда вместо побочного продукта он становится самостоятельным продуктом какой-либо отрасли земледелия.

„Ясно, что вся имеющаяся в стране земля может хорошо возделываться не раньше, чем цена всякого продукта, какой может быть получен на ней при затрате труда, поднялась достаточно высоко для того, чтобы покрыть издержки по возделыванию всей земли. Чтобы это было возможно, цены всякого особого продукта должны быть достаточно, во-первых, для уплаты ренты с хорошей земли, засеянной хлебом, так как эта именно земля определяет ренту большей части другой возделанной земли; во-вторых, этой цены должно быть достаточно для того, чтобы оплатить труд и покрыть издержки арендатора так же хорошо, как это обычно происходит на хорошем поле, засеянном хлебом; или, другими словами, чтобы возместить затраченный на него капитал с обычной прибылью. Это повышение цены всякого отдельного продукта должно, очевидно, предшествовать улучшению и обработке земли, на которой должен быть получен этот продукт.. Эти различные виды сырых продуктов должны стоить не только больше серебра, но и больше труда и продуктов питания. Так как требуется больше труда или продуктов питания для того, чтобы они были доставлены на рынок, то они там служат выражением большего количества или равноценны ему“.

Здесь мы опять видим, что Смит может говорить о ценности товара, определяемой количеством труда, которое товар может купить, лишь постольку, поскольку он ее смешивает с ценностью товара, которая определяется количеством труда, необходимого для производства этого товара.

Третий класс. Он должен состоять из продуктов природы, „количество которых может быть увеличено человеческим трудом лишь до известной степени и не всегда“.

Количество шерсти и кожи ограничено количеством крупного и мелкого скота, который имеется. Но шерсть и кожа, как побочные продукты, имеют уже большой рынок при том состоянии общества, когда скот его еще не имеет. Убойное мясо почти всегда ограничено внутренним рынком. Шерсть и сырые кожи даже на заре культуры большей частью уже имеют внешние рынки. Они транспортабельны и доставляют сырой материал для многих промышленных изделий. Таким образом, страны с развитой промышленностью уже могут служить для них рынком, когда они еще не требуются для туземной промышленности.

„В странах с низкой культурой и потому слабо заселенных, цены на шерсть и кожу стоят гораздо выше в сравнении с ценой всего животного, чем в странах с более высокой культурой и более густым населением, где существует больший спрос на убойное мясо“.

Так же обстоит дело с салом. С развитием промышленности и с возрастанием населения скот дорожает главным образом вследствие повы-

нения цены на мясо, а не на шерсть и кожу. Ибо с развитием промышленности и с увеличением населения страны расширяется рынок для мяса, между тем как рынок для побочных продуктов, доставляемых скотом, еще раньше перешел уже границы страны. Все же он несколько расширяется и для шерсти и т. д. с развитием отечественной промышленности.

Другим продуктом природы, который должен быть отнесен сюда, является рыба. Если увеличивается спрос на рыбу, то предложение ее требует больше труда.

„Вообще невозможно будет обеспечить большой, обширный рынок без затраты труда, который относительно гораздо больше, нежели труд, необходимый для обеспечения небольшого, тесного рынка..

„Рыбу приходится отыскивать в более отдаленных местах, требуются большие суда, должны быть употреблены более дорогие орудия всякого рода. Реальная цена этих товаров поэтому необходимо возрастает с развитием культуры“.

Здесь, следовательно, Смит определяет реальную цену количеством труда, необходимого для производства данного товара.

По Смиту, реальная цена растительной пищи, хлеба и т. д. должна падать с развитием цивилизации.

„Распространение культуры необходимо повышает в большей или меньшей степени цену всякого рода животной пищи в сравнении с ценой хлеба; но я думаю, что она также необходимо понижает цену всякого рода растительной пищи. Она повышает цену животной пищи, так как значительная часть земли, которая ее доставляет, годится для произрастания хлеба, и потому она должна давать землевладельцу и арендатору ренту и прибыль, какую даст земля, засеянная хлебом. Она понижает цену растительной пищи, так как она повышает производительность земли и таким образом увеличивает количество этой пищи. Земледельческие улучшения вводят также много сортов растительной пищи, которые требуют меньше земли, но не больше труда, нежели хлеб, которые поэтому доставляются на рынок по более дешевой цене, как картофель и маис... Кроме того, многие виды растительной пищи на разных стадиях развития сельского хозяйства ограничены огородом и производятся только заступом. При более высокой культуре они возделываются с помощью плуга на открытом поле, как репа, морковь, капуста и т. д.“.

Смит видит, что цены индустриальных товаров вообще упали везде там, где „реальная цена сырых материалов не возрастает или не особенно растет“. С другой стороны, он утверждает, что реальная цена труда, следовательно—заработная плата, поднялась с прогрессом в области производства. Следовательно, и по его мнению, цены товаров не повышаются непременно при увеличении заработной платы или цены труда, хотя заработная плата составляет „конституирующую часть естественной цены“ и даже „достаточной цены“ или „самой низкой цены, по которой товары могут быть доставлены на рынок“. Как же он это объясняет? Падением прибылей? Нет, хотя он признает падение всеобщей нормы прибыли с развитием цивилизации. Или падением ренты? Тоже нет. Он говорит:

„Благодаря лучшим машинам, большему искусству и более целесообразному разделению и распределению труда—все это является необходимым следствием растущей культуры—требуется гораздо меньшее количество труда для производства одного предмета; и хотя благодаря цветущему состоянию общества реальная цена труда должна значительно возрасти, все же уменьшение количества труда, требуемого для каждого предмета в отдельности, будет гораздо значительнее максимального возможного повышения в цене труда“.

Итак, ценность товаров падает, так как необходимое для их производства количество труда уменьшается, и она падает, хотя реальная цена труда повышается. Если здесь под реальной ценой труда подразумевается ценность [рабочей силы], то прибыль должна падать, когда цена товара падает вследствие уменьшения его ценности. Если, наоборот, под этим подразумевается сумма жизненных средств, которые получает рабочий, то рассуждение Смита правильно даже тогда, когда прибыль растет.

Везде, где Смит действительно исследует вопрос, он дает правильное определение ценности; это мы видим также в конце главы, где он выясняет, почему в шестнадцатом столетии и т. д. вздорожали шерстяные сукна.

„Требовалось больше труда, чтобы доставить на рынок эти товары. Поэтому, когда они туда попадали, они должны были купить или обмениваться на цену большего количества“.

Ошибка заключается здесь только в слове цена.

Конец главы. А. Смит кончает главу о ренте замечанием, что „всякое улучшение в состоянии общества непосредственно или косвенным образом имеет тенденцию поднять реальную земельную ренту“.

„Развитие культуры имеет тенденцию непосредственно повышать ее. Доля землевладельца в продукте необходимо растет, когда количество этого продукта увеличивается“.

„То повышение цены продуктов земли, которое сначала является следствием расширения культуры земли, а потом становится причиной дальнейшего расширения, имеет также тенденцию непосредственно повысить земельную ренту, да еще в большей степени. Реальная ценность доли землевладельца, действительно имеющаяся у него возможность распоряжаться трудом других людей, растет не только вместе с реальной ценностью продукта; она увеличивается в большей степени, нежели эта последняя. Продукт требует после повышения его цены не больше труда, чем раньше. Меньшей доли продукта будет, следовательно, достаточно для возмещения с обычной прибылью капитала, который приводит в движение этот труд. То, что остается землевладельцу, должно поэтому представлять большую долю“.

Точно таким же образом Рикардо объясняет возрастание доли ренты при вздорожании хлеба на более плодородных полях. Только это вздорожание обусловлено не земледельческими улучшениями; Рикардо приходит поэтому к выводу, противоположному тому, какой делает Смит. Далее, говорит Смит, землевладельцу выгодно всякое развитие производительности труда в индустрии.

„Всякое повышение производительности труда, которое понижает реальную цену индустриальных продуктов косвенным образом повышает реальную земельную ренту“.

Далее, с „каждым увеличением действительного богатства общества“ возрастает население, с увеличением населения растет спрос на сельскохозяйственные продукты, следовательно, и вложенный в земледелие капитал, „и рента увеличивается с возрастанием продукта“. Наоборот, все противоположные обстоятельства, которые препятствуют возрастанию общественного богатства, вызывают падение ренты, а потому и уменьшение реального богатства землевладельца. Отсюда Смит заключает, что интересы землевладельца всегда совпадают с „интересами всего обще-

ства". То же самое относится к рабочим. Но Смит настолько честен, что он отмечает здесь разницу:

„Класс землевладельцев может, вероятно, больше выиграть от богатства общества, нежели рабочий; но ни один класс не страдает от обеднения общества сильнее, нежели рабочие“.

Наоборот, интересы капиталистов (промышленных капиталистов и купцов) не тождественны с „интересами всего общества“.

„Интересы капиталистов (dealers) в какой-либо отрасли торговли или промышленности всегда в некоторых отношениях не совпадают с интересами общества и даже противоположны им... [Проект нового закона или новой экономической меры, который исходит из этого класса, нужно всегда выслушивать с величайшей осторожностью; его никогда нельзя принимать без продолжительного и основательного исследования, которое должно производиться не только с величайшей добросовестностью, но и с величайшим педоверием. Ибо эти проекты исходят от] класса людей, интересы которых никогда не совпадают совершенно с интересами общества; эти люди обычно заинтересованы в том, чтобы обмануть общество и даже угнетать его, и поэтому они уже достаточно часто обманывали и угнетали его“.

h) Цена производства и земельная рента.

В 17 главе, „Налоги на обработанные продукты“, Рикардо говорит:

„По мнению Бьюкенэна, хлеб и сырые произведения имеют монопольную цену, потому что они доставляют ренту. Он исходит из предположения, что все товары, доставляющие ренту, имеют монопольную цену. Отсюда он делает вывод, что все налоги на сырые произведения падают на землевладельца, а не на потребителя. Так как на цену хлеба,—говорит он,—который всегда приносит ренту, несколько не влияют издержки производства, то издержки, вызванные налогом, должны быть уплачены из ренты. Если они увеличиваются или уменьшаются, то следствием их является не высокая или низкая цена, а высокая или низкая рента. С этой точки зрения, все налоги на сельских батраков, лошадей или земледельческие орудия являются в действительности поземельными налогами, бремя которых падает на фермера в продолжение всего срока аренды, а после, когда договор аренды возобновляет и, на землевладельца. Таким образом, все усовершенствованные сельско-хозяйственные орудия, дающие фермеру возможность сократить издержки, как молотилки, жатвенные машины, все, что облегчает ему сношения с рынком, как напр., хорошие дороги, каналы и мосты—все это, хотя и уменьшает первоначальные издержки производства хлеба, не уменьшает однако его рыночной цены. Следовательно, все что сберегается путем этих усовершенствований, принадлежит землевладельцу как часть его ренты.“

„Очевидно, что, если мы признаем основу, на которой Бьюкенэн строит всю свою аргументацию, правильной, если мы согласимся, что цена хлеба всегда дает ренту, мы должны были бы признать и все следствия, которые по его мнению, вытекают из этого факта“ (l. с., стр. 292, 293; русск. пер. Н. Рязан., стр. 165—166).

Это отнюдь неясно.

Основой, на которой Бьюкенэн строит свою аргументацию, служит не то, что весь хлеб дает ренту, а то, что весь хлеб, который дает ренту, продается по монопольной цене, и что монопольная цена, в том смысле, в каком ее понимает А. Смит, а также Рикардо, „является самой высокой ценой, по которой потребители согласны купить товар“.

Это именно неверно. Хлеб, который дает ренту (не говоря о дифференциальной ренте), продан не по монопольной цене, как ее понимает Бьюкенэн. Он продан по монопольной цене лишь постольку, поскольку он продан выше своей цены производства, по своей ценности.

Его цена определяется количеством овеществленного в нем труда, не издержками производства, и рента представляет излишек ценности над ценой производства, следовательно, она определяется этой последней; она тем больше, чем меньше цена производства в сравнении с ценностью, и она тем меньше, чем больше цена производства в сравнении с ценностью. Все улучшения понижают ценность хлеба, так как они уменьшают требуемое для его производства количество труда. Но приведут ли они к уменьшению ренты, это зависит от различных обстоятельств. Если хлеб дешевеет и благодаря этому падает заработная плата, то норма прибавочной ценности возрастает. Далее, тогда понизились бы издержки арендатора на семена, корм для скота и т. д. Таким образом, норма прибыли во всех не-земледельческих отраслях производства возрасла бы, и потому она увеличилась бы также в земледелии. В не-земледельческих отраслях производства относительные количества непосредственного и накопленного труда остались бы неизменными; число рабочих (в сравнении с постоянным капиталом) осталось бы то же, но ценность переменного капитала понизилась бы; следовательно, прибавочная ценность возрасла бы, значит и норма прибыли повысилась бы. Вследствие этого [они возрасли бы] и в земледелии. Рента здесь падает, так как норма прибыли возрастает. Хлеб дешевеет, но его цена производства растет. Разница между его ценностью и его ценой производства поэтому уменьшается.

Согласно нашему предположению, среднее строение капитала, именно не-земледельческого капитала = $80c + 20v$, норма прибавочной ценности = 50% , прибавочная ценность равна поэтому $10m$ и норма прибыли = 10% . Следовательно, ценность продукта при среднем строении капитала в $100 = 110$.

Если мы предположим, что вследствие падения хлебных цен заработная плата уменьшилась на одну четверть, тогда то же самое количество рабочих, которые работают с постоянным капиталом в 80 ф. ст., то-есть с тем же количеством сырого материала и машин, будет получать лишь 15 . И то же самое количество товаров представляло бы ценность в $80c + 15v + 15m$, так как количество труда, которое они тратят, выражается, согласно предположению, в 30 ф. ст. Таким образом, ценность того же самого количества товаров равна попрежнему 110 . Но затраченный капитал составляет теперь лишь 95 , и норма прибыли составляла бы 15 на $95 = 15^{15}/_{19}0\%$. Но если бы затрачен был тот же самый капитал в 100 , то получилось бы отношение: $84\frac{4}{19}c + 15^{15}/_{19}v$. Однако, прибыль равнялась бы $15^{15}/_{19}$. И ценность продукта составляла бы $115^{15}/_{19}$ ф. ст. Но, согласно предположению, земледельческий капитал равнялся бы $60c + 40v$, и ценность его продукта = 120 . Рента = 10 , когда цена производства равнялась 110 . Теперь рента составляла бы еще лишь $4\frac{4}{19}$. Ибо $115^{15}/_{19} + 4\frac{4}{19} = 120$.

Таким образом мы видим, что капитал среднего строения в 100 ф. ст. производит товары, цена производства которых равна $115^{15}/_{19}$ ф. ст., между тем как раньше она равнялась 110 ф. ст. Повысится ли вследствие этого средняя цена товара? Ценность его осталась бы неизменной, так как требуется то же самое количество труда, чтобы превратить в продукты то же самое количество сырого материала и машин. Но тот же

самый капитал в 100 приводит в движение больше труда, и вместо 80 продукт теперь содержит $84\frac{4}{19}$ постоянного капитала. Однако, то же самое количество труда давало бы больше неоплаченного труда. Это привело бы к возрастанию прибыли и ценности всей массы товаров, произведенных капиталом в 100 ф. ст. Ценность отдельного товара осталась та же, но с капиталом в 100 ф. ст. произведено больше товара по той же самой ценности. Как же обстояло бы дело с ценой производства в отдельных отраслях производства?

Предположим, не-земледельческий капитал состоит из следующих капиталов:

	Прибыль.	Цена производ- ства продукта.	Дифференциаль- ная ценность. Разница между ценой производ- ства и ценностью.
I. $80c + 20v$. . .	10	110 (ценность = 110)	0
II. $60c + 40v$. . .	20	110 (ценность = 120)	— 10
III. $85c + 15v$. . .	$7\frac{1}{2}$	110 (ценность = $107\frac{1}{2}$)	+ $2\frac{1}{2}$
IV. $95c + 5v$. . .	$2\frac{1}{2}$	110 (ценность = $102\frac{1}{2}$)	+ $7\frac{1}{2}$
Вместе 400		40	

Среднее строение капитала = $80c + 20v$.

Если бы весь продукт капитала в 400 продан был за 440, то произведенные им товары были бы проданы по своей ценности. Но это составляет 10%. Однако, капитал II продал бы свои товары на 10 ф. ст. ниже их ценности, III—на $2\frac{1}{2}$ ф. ст. выше их ценности и IV—на $7\frac{1}{2}$ ф. ст. выше их ценности. Только товар I продается по своей ценности, когда он продается по своей цене производства.

Но что получилось бы при падении заработной платы на одну четверть?

Для капитала I мы теперь имеем вместо $80c + 20v$ уже $84\frac{4}{19}c + 15\frac{15}{19}v$, прибыль = $15\frac{15}{19}$, ценность продукта = $115\frac{15}{19}$.

Для капитала II. На заработную плату уже затрачено 30 ф. ст. Продукт составляет $60c + 30v + 30m$. (Ибо ценность примененного труда = 60). $30m$ на капитал 90 составляет $33\frac{1}{3}\%$.

Для капитала III. Здесь после падения заработной платы на эту последнюю затрачено уже лишь $11\frac{1}{4}$, вместо 15. Ценность продукта была бы $85c + 11\frac{1}{4}v + 11\frac{1}{4}m$ (так как ценность примененного труда = $22\frac{1}{2}$). $11\frac{1}{4}m$ на капитал в $96\frac{1}{4}$ дает норму прибыли в $11\frac{63}{77}\%$. Для 100 получается отношение $88\frac{24}{77}c + 11\frac{53}{77}v$, норма прибыли составляет $11\frac{53}{77}$ процентов, и ценность продукта равна $111\frac{53}{77}$ ф. ст.

Для капитала IV. Здесь на заработную плату затрачено уже лишь $3\frac{3}{4}$. Продукт составляет, следовательно, $95c + 3\frac{3}{4}v + 3\frac{3}{4}m$, так как ценность всего труда равна $7\frac{1}{2}$. На капитал в $98\frac{3}{4}$ приходится прибыли $1\frac{3}{4}$. Для 100 отношение = $96\frac{16}{79}c + 3\frac{63}{79}v$. Норма прибыли = $3\frac{63}{79}$. Ценность продукта составляет $103\frac{63}{79}$ ф. ст.

¹ В ориг. стоит: „чорма прибыли“. Прим. перев.

Мы, таким образом, получили бы следующее:

	Прибыль.	Цена производ- ства продукта.	Дифференциаль- ная ценность. Разница между ценой производ- ства и ценностью.
I. $84^4/19C + 15^{15}/19V$. . . $15^{15}/19$	116 (ценность = $115^{15}/19$)	=	+ $4^4/19$
II. $66^2/3C + 33^4/3V$. . . $33^4/3$	116 (ценность = $133^4/3$)	=	- $17^4/3$
III. $88^{24}/77C + 11^{53}/77V$. . . $11^{53}/77$	116 (ценность = $111^{53}/77$)	=	+ $4^{24}/77$
IV. $96^{16}/79C + 36^3/79V$. . . $36^3/79$	116 (ценность = $103^3/79$)	=	+ $12^{16}/79$

Вместе 400

64²

Средняя норма прибыли составляет, следовательно, около 16⁰%. Мы получили не совсем точное вычисление, так как отбросили дробь для средней прибыли, не приняли ее в расчет, почему отрицательная разница у II несколько больше и [положительная] у I, III, IV несколько меньше, чем на самом деле. [Цена производства составляет не 116, а ровно $116^{52754}/346731$, следовательно, около $116^1/7$]. Мы видим, что положительные и отрицательные разницы тогда уравниваются. Но мы видим также, что вследствие падения заработной платы [цена] II еще больше спустилась бы ниже его ценности, и цены III и особенно IV еще более поднялись бы над их ценностями. Во всяком случае, увеличение или уменьшение было бы не так велико для каждого продукта в отдельности, как могло бы казаться, так как во всех четырех категориях применено больше труда, и потому больше постоянного капитала (сырого материала и машин) превращено в продукт, увеличение и уменьшение распределось бы, следовательно, на большее количество товаров. Однако, оно все же еще достигало бы значительных размеров. Таким образом оказалось, что падение заработной платы повлекло за собой возрастание дифференциальной ценности³ для I, III, IV, и очень значительное для IV. Это тот же закон, который развивает Рикардо, когда он говорит о разнице между оборотным⁴ и основным капиталом; но Рикардо отнюдь не доказал и не мог бы доказать, что он согласуется с законом ценности и что ценность продуктов для всего капитала остается та же.

Получается гораздо более сложное вычисление и уравнивание, если принять во внимание еще различия в органическом строении капитала, связанные с процессом обращения. Ибо при нашем вычислении мы предположили, что весь авансированный постоянный капитал входит в продукт; он содержит лишь изнашивание основного капитала, например, в течение года (так как мы должны вычислить прибыль за год). Ценности всей массы продуктов были бы совершенно различные; здесь они меняются лишь вместе с переменным капиталом. Во-вторых, получаются более значительные разницы в количестве созданной прибавочной

¹ В ориг. стоит $90^{16}/79$. Прим. перев.

² Если отбросить дробь $[2^{14016}/346731]$.

³ В оригин. стоит: „цен производства“. Прим. перев.

⁴ В манускрипте стоит: „постоянным“.

ценности в сравнении с авансированным капиталом при одинаковой норме прибавочной ценности, но различных периодах обращения. Не говоря о разнице в переменном капитале, суммы прибавочной ценности относились бы друг к другу, как суммы различных ценностей, которые создаются тем же самым капиталом. Норма прибыли стояла бы еще гораздо ниже [там], где сравнительно значительная часть постоянного капитала состоит из основного капитала, и она была бы значительно выше там, где сравнительно значительная часть капитала состоит из оборотного капитала; выше всего она была бы там, где переменный капитал велик в сравнении с постоянным капиталом, в котором в то же время доля основного капитала относительно [мала]. Если бы отношение оборотного и основного капитала в постоянном капитале было одинаковое у различных капиталов, то важна была бы лишь разница между переменным и постоянным капиталом. Если бы отношение между переменным и постоянным капиталом было одинаковое, то важна была бы лишь разница между основным и оборотным капиталом, только разница в самом постоянном капитале.

Норма прибыли арендатора, как мы видели, во всех случаях возрасла бы, если бы вследствие удешевления хлеба всеобщая норма прибыли неземледельческого капитала увеличилась. Возрасла ли бы¹ непосредственно его норма прибыли, это является вопросом, и это повидимому зависит от характера улучшений. Если последние таковы, что капитал, вложенный в заработную плату, значительно уменьшился бы в сравнении с капиталом, затраченным на машины и т. д., то его норма прибыли не возрасла бы непосредственно. Если бы сделаны были такие улучшения, что арендатору потребовалось на одну четверть рабочих меньше, то оказалось бы, что раньше он тратил на заработную плату 40 ф. ст., а теперь только 30. Следовательно, его капитал составлял бы теперь $60 с + 30 v$ или на $100 : 66\frac{2}{3} с + 33\frac{1}{3} v$. И так как труд, за который уплачивается 40, = 20, то труд, за который уплачивается 30, = 15. И труд, за который уплачивается $33\frac{1}{3}$, = $16\frac{2}{3}$. Таким образом, органическое строение приближалось бы к строению неземледельческого капитала. И в вышеприведенном случае при одновременном падении заработной платы оно даже упало бы. В этом случае рента, абсолютная рента, исчезла бы².

¹ В манускрипте стоит: „упала ли бы“.

² Я воспроизвел это место дословно по манускрипту, так как не совсем ясно представляю себе, какую редакцию Маркс в конце концов придал бы ему. Полагаю, что фраза: „Труд, за который уплачивается 40, = 20“, должна означать, что „труд, за который уплачивается 40, дает прибавочную ценность, равную 20“, соответственно вышеприведенному примеру. Тогда рабочие, число которых уменьшилось на $\frac{1}{4}$, дают 15 прибавочной ценности, и рабочие, которые получают $33\frac{1}{3}$, дают $16\frac{2}{3}$. Индивидуальная ценность продукта капитала в 100 равна тогда $116\frac{2}{3}$, следовательно, она очень приближается к индивидуальной ценности при среднем органическом строении капитала, которая по приведенным выше вычислениям равняется 110, а после уменьшения заработной платы на одну четверть— $115\frac{4}{7}$; цена производства равна $116\frac{1}{7}$. Норма прибыли в этом случае, следовательно, возрасла бы от 10 до $16\frac{1}{7}$; но абсолютная рента исчезла бы, так как индивидуальная ценность земледельческого продукта теперь уже равна цене производства. К.

После вышеприведенного рассуждения о Бьюкенэне Рикардо продолжает:

„Я надеюсь, достаточно ясно показал, что, пока в данной стране еще не вся земля поступила в обработку, пока сельско-хозяйственная культура не достигла в ней самого высокого развития, в ней всегда существует часть капитала, затраченная на землю, которая не приносит ренты, и что именно эта часть капитала, продукт которой, как и в обрабатывающей промышленности, делится между прибылью и заработной платой, регулирует цену хлеба. А так как цена хлеба, не дающего ренты, определяется издержками его производства, то последние не могут уплачиваться из ренты. Следовательно, в результате роста этих издержек явится именно более высокая цена, а не более низкая рента“ (I. с., стр. 293; русск. пер. Н. Рязан., стр. 166).

Так как абсолютная рента равна излишку ценности сельско-хозяйственного продукта над его ценой производства, то ясно, что все то, что уменьшает количество всего труда, требуемого для производства хлеба и т. д., уменьшает ренту, потому что оно уменьшает ценность, следовательно, излишек ценности над ценой производства. Поскольку цена производства состоит из оплаченного труда, ее падение тождественно и соответствует падению ценности. Но поскольку цена производства (или издержки производства) равна авансированному капиталу плюс средняя прибыль, получается совершенно противоположное явление. Рыночная ценность продукта падает, но та часть ее, которая равна цене производства, возрастает, когда всеобщая норма прибыли увеличивается вследствие падения рыночной ценности хлеба. Рента, следовательно, падает, так как издержки производства в этом смысле растут — и так понимает их Рикардо вообще, когда он говорит об этом. Земледельческие улучшения, которые приводят к увеличению постоянного капитала в сравнении с переменным капиталом, значительно понизили бы ренту даже в том случае, если бы количество всего примененного труда лишь незначительно уменьшилось, или уменьшилось так незначительно, что это не оказало бы никакого влияния на заработную плату (непосредственно на рыночную ценность). Предположим, что заработная плата поднялась бы благодаря эмиграции, войне, открытию новых рынков, расцвету промышленности; тогда арендатор, быть может, мог бы попытаться найти средства, которые дали бы ему возможность применять больший постоянный капитал и меньший переменный капитал; несмотря на это, заработная плата не должна падать, если бы те же самые обстоятельства [повышающие заработную плату] после улучшения продолжали действовать. [Если бы по этим причинам в капитале отношение $60с + 40v$ превратилось в $66\frac{2}{3}с + 33\frac{1}{3}v$], то ценность сельско-хозяйственного продукта упала бы со 120 до $116\frac{2}{3}$. Следовательно, на $3\frac{1}{3}\%$. Норма прибыли составляла бы попрежнему 10% . Рента упала бы с 10 до $6\frac{2}{3}$, и это произошло бы без падения заработной платы.

Абсолютная рента может возрасти потому, что благодаря прогрессу в индустрии всеобщая норма прибыли падает. Норма прибыли может падать, когда рента растет, потому что ценность земледельческого продукта и вместе с тем разница между его ценностью и ценой производстве растет. В то же время норма прибыли падает, так как заработная плата повышается. Абсолютная рента может падать, так как ценность земледельческого продукта падает и всеобщая норма прибыли растет.

Она может падать потому, что ценность земледельческого продукта падает вследствие изменения органического строения капитала, хотя норма прибыли не увеличивается. Она может совершенно исчезнуть, когда ценность земледельческого продукта равняется цене производства, следовательно, земледельческий капитал имеет такое же строение, какое в среднем имеет неземледельческий капитал.

Положение Рикардо было бы верно лишь тогда, если бы оно было выражено таким образом: когда ценность земледельческого продукта равна его цене производства, тогда нет абсолютной ренты. Но у него оно ошибочно, так как он говорит: нет абсолютной ренты, так как ценность и цена производства вообще тождественны, как в индустрии, так и в земледелии. Земледелие относилось бы, наоборот, к промышленному исключительному классу, если бы ценность и цена производства в нем были тождественны. Признавая, что не должно быть такой земли, которая не платит ренты, Рикардо полагает, что он много докажет, если будет основываться на том, что даже в этом случае существуют такие части вложенного в землю капитала, которые не дают ренты. Как тот, так и другой факт не имеет значения для теории. Вопрос собственно заключается в следующем: определяют ли продукты этих земель или этих капиталов рыночную ценность? не должны ли они, наоборот, продавать свои продукты ниже их ценности, так как их добавочное предложение может быть продано лишь по определяемой без них рыночной ценности, а не выше этой последней?—Для [нескольких вложенных одной за другой] частей капитала дело обстоит просто, так как здесь для добавочных частей по отношению к арендатору нет земельной собственности; как капиталист, он должен интересоваться лишь ценой производства, даже в том случае, когда он сам является владельцем добавочного капитала; ему выгоднее вложить этот капитал в арендованную им землю и получать за него меньше средней прибыли, чем одалживать его другим и получать только процент, но не прибыль. Что касается земельных участков, то земли, не дающие ренты, образуют составные части таких областей, которые платят ренту; они не могут быть отделены от этих последних; вместе с ними они заарендованы, хотя они отдельно могут быть сданы в аренду не капиталистическим фермерам, но бобылям, а также мелким капиталистам. Для этих участков также нет земельной собственности по отношению к арендатору. Или землевладелец может их сам возделывать. Арендатор не может платить за них ренту, а даром землевладелец их не даст, за исключением того случая, когда он таким образом хочет без расходов возделывать свою землю.

Иначе обстояло бы дело, если бы строение земледельческого капитала в стране равнялось среднему строению неземледельческого капитала, что предполагает высокое развитие земледелия или низкое развитие индустрии. В этом случае ценность земледельческого продукта равнялась бы его цене производства; тогда могла бы существовать лишь дифференциальная рента. Земли, которые не дают дифференциальной ренты, а платят только абсолютную ренту, тогда совсем не могли бы платить ренты. Ибо, когда арендатор продает их продукты по их ценности, они только покрывают его цену производства. Он, следовательно, не платит ренты.

Землевладелец должен тогда сам возделывать эти земли или взять себе часть прибыли или даже заработной платы своего арендатора под названием арендной платы. То, что это имеет место в одной стране, не препятствует тому, что в другой стране наблюдается противоположное явление. Но там, где индустрия—следовательно, капиталистическое производство—не достигла еще значительного развития, нет капиталистических арендаторов, существование которых предполагает капиталистическое производство в сельском хозяйстве. Тогда господствуют другие отношения; это уже не те экономические отношения, при которых экономическим выражением земельной собственности служит лишь земельная рента.

Рикардо говорит в той же 17-ой главе:

„Сырые произведения не имеют монополийной цены, потому что рыночная цена ячменя и пшеницы регулируется издержками их производства точно так же, как и рыночная цена сукна и полотна. Разница состоит только в том, что в земледелии цену хлеба регулирует одна часть капитала, именно та его часть, которая не платит никакой ренты, а в производстве мануфактурных товаров каждая часть затраченного капитала дает одинаковые результаты. А так как ни одна из них не платит ренты, то каждая из них в одинаковой степени является регулятором цены“ (I. с., стр. 290, 291; русск. пер. Н. Рязан., стр. 164—165).

Это утверждение, что [в индустрии] каждая часть затраченного капитала дает одинаковые результаты и что ни одна из них не дает ренты, которая однако называется здесь сверхприбылью, не только ошибочно, но опровергнуто самим Рикардо.

1) Земельная рента и падение нормы прибыли.

а) Исследование предпосылок Рикардо.

Это один из важнейших пунктов в системе Рикардо.

Норма прибыли имеет тенденцию падать. Почему? А. Смит говорит: вследствие растущего накопления и сопровождающей его растущей конкуренции капиталов. Рикардо возражает: конкуренция может уравнивать прибыли в различных отраслях производства (мы видели выше, что он здесь непоследователен); но она не может понизить всеобщей нормы прибыли. Это было бы возможно лишь в том случае, если бы, вследствие накопления капитала, последний возрастал значительно быстрее населения, так что спрос на труд всегда превышал бы предложение и заработная плата, следовательно, постоянно увеличивалась бы номинально и реально, в своей потребительной ценности—в меновой и потребительной ценности. На самом деле этого нет. Рикардо не является таким оптимистом, который может верить подобного рода басням.

Так как норма прибыли и норма прибавочной ценности—относительной прибавочной ценности, ибо он предполагает, что рабочий день остается неизменным—у него тождественны, то перманентное падение прибыли, или тенденция прибыли к падению может быть объяснена лишь теми же причинами, которые вызывают перманентное падение или тенденцию к падению нормы прибавочной ценности. Но какие здесь предполагаются условия? При неизменном рабочем дне та часть его, которую рабочий отдает капиталисту даром, может падать, уменьшаться лишь в том слу-

чае, когда та часть дня, когда он работает на себя, растет. И при предположении, что оплачивается ценность труда, это возможно лишь в том случае, когда увеличивается ценность жизненных средств, в которых выражается его заработная плата. Но ценность мануфактурных изделий, благодаря повышению производительности труда, постоянно уменьшается. Следовательно, это может быть объяснено лишь тем, что главная составная часть жизненных средств—пища—постоянно растет в цене. Объясняется это тем, что земля становится все менее и менее плодородной; здесь имеется та же предпосылка, которая по теории земельной ренты Рикардо объясняет существование этой последней и ее рост. Постоянное падение прибыли поэтому связано с постоянным возрастанием нормы земельной ренты. Я уже объяснил, что Рикардово понимание земельной ренты ошибочно. Таким образом, рушится одно из оснований его объяснения падения нормы прибыли. Но, во-вторых, оно основано на ошибочном предположении, что норма прибавочной ценности и норма прибыли тождественны, что, следовательно, падение нормы прибыли тождественно с падением нормы прибавочной ценности, что на самом деле можно было бы объяснить лишь рикардовским способом. Таким образом отпадает его теория. Норма прибыли падает—хотя норма прибавочной ценности остается неизменной или возрастает,—потому что с повышением производительности труда переменный капитал уменьшается в сравнении с постоянным капиталом. Она, следовательно, падает потому, что труд становится не менее, а более производительным. Не потому, что рабочего меньше эксплуатируют, а потому, что он эксплуатируется больше; или благодаря тому, что растет абсолютный прибавочный труд; или же когда этому мешает государственная власть, благодаря тому, что при капиталистическом производстве относительная ценность труда падает и потому относительный прибавочный труд увеличивается.

Теория Рикардо основана, следовательно, на двух ошибочных предпосылках:

1) на ошибочном предположении, что существование и увеличение земельной ренты обусловлено уменьшением плодородия земли;

2) на ошибочном предположении, что норма прибыли равна норме относительной прибавочной ценности, что она может двигаться лишь в направлении, противоположном тому, в каком движется заработная плата, т. е. что она растет, когда заработная плата падает, и наоборот.

Теперь я прежде всего займусь теми местами, где Рикардо развивает эти взгляды свои.

Сначала остановимся на том, как он себе представляет, что рента постепенно поглощает прибыль¹; при этом нужно исходить из рикардовского понимания земельной ренты.

Возьмем таблицу, приведенную на стр. 29, но с необходимыми изменениями.

В этих таблицах предполагается, что примененный капитал = 60 с + 40 v, прибавочная ценность = 50 %, следовательно, ценность продукта,

¹ В оригинале сказано: «норму прибыли». *Примеч. перев.*

какова бы ни была производительность труда, = 120 ф. ст., когда авансированный капитал = 100 ф. ст. Из 120 ф. ст. 10 ф. ст. составляли прибыль, 10 ф. ст.—абсолютную ренту. Предположим, что 40 ф. ст. переменного капитала представляют заработную плату 20 человек ¹, например в течение недели, или лучше в течение года, так как здесь говорится о норме прибыли; здесь это совершенно безразлично. По таблице А, где земля I определяет рыночную ценность, эта земля дает 60 тонн угля; следовательно, 60 тонн стоят 120 ф. ст., 1 тонна—2 ф. ст. Заработная плата составляет 40 ф. ст., то-есть 20 тонн. Это, следовательно, необходимая заработная плата рабочих, занятых капиталом в 100 ф. ст. Как же обстоит дело, когда необходимо перейти к худшему сорту земли? Потребовался бы больший капитал, например в 110 ф. ст., для производства 48 тонн ². Именно 60 ф. ст. постоянного капитала и 50 ф. ст. переменного капитала. В этом случае прибавочная ценность составляет 10 ф. ст., [так как созданная 20 рабочими новая ценность по-прежнему равна 60]. И цена тонны была бы 2¹/₂ ф. ст. ³. Если бы мы перешли к еще худшему сорту земли, где требуется капитал в 120 ф. ст. для производства 40 тонн, то цена тонны была бы 3 ф. ст. ⁴. Здесь исчезла бы вся прибавочная ценность на худшей земле. Если, следовательно, заработная плата возрастает от 40 до 60 ф. ст., то вся прибавочная ценность исчезает. Все время предполагается, что 1 тонна составляет необходимую заработную плату одного человека.

Предположим, что в обоих этих случаях затрачен капитал 100. Другими словами, посмотрим, что получается для капитала 100, каков бы ни был затраченный капитал. Именно вместо того, чтобы считать, что затраченный капитал равен 110, 120, когда имеется то же самое количество рабочих и тот же самый постоянный капитал, мы вычисляем, как велик должен быть постоянный капитал и сколько должно быть поставлено рабочих при данном органическом строении капитала (не по ценности, а по количеству примененного труда и величине постоянного капитала), когда капитал = 100; ибо тогда его можно по-прежнему сравнивать с другими классами.

Дело обстоит таким образом: 60 ф. ст. есть ценность, созданная занятым числом рабочих, скажем 20 рабочими. При этом на долю занятых рабочих приходится 20 тонн = 40 ф. ст., если тонна = 2 ф. ст. Если ценность тонны повышается до 3 ф. ст., то прибавочная ценность исчезает. Если она повышается до 2¹/₂, то исчезает половина прибавочной ценности, которая составляла абсолютную ренту.

В одном случае, при затрате капитала в 120 ф. ст. (60 с и 60 v), продукт равен 120 ф. ст., или 40 тоннам (40 × 3). Во втором случае, при затрате капитала в 110 (60 с и 50 v), продукт = 120 ф. ст. = 48 тоннам (48 × 2¹/₂).

В первом случае, когда затраченный капитал составляет 100 ф. ст. (50 с и 50 v), продукт равен 33¹/₃ тонн. (3 ф. ст. × 33¹/₃ = 100).

¹ В манускрипте стоит 40 человек. К.

² В манускрипте стоит 20 тонн. К.

³ В манускрипте стоит 5¹/₂ ф. ст. К.

⁴ В манускрипте стоит $\frac{120}{20} = 6$ ф. ст. К.

А именно, так как стали возделывать только худшую землю, но не произошло никакого изменения в капитале, то постоянный капитал в 50 приводится в движение таким же относительным количеством [труда], как раньше капитал в 60. Если последний, следовательно, приводится в движение 20 рабочими (которые получают 40 ф. ст., когда ценность 1 тонны = 2 ф. ст.), то теперь [эти 50] приводятся в движение $16\frac{2}{3}$ раб., которые получают 50 ф. ст., с тех пор, как ценность тонны поднялась до 3 ф. ст. Один человек получает попрежнему одну тонну = 3 ф. ст., так как $16\frac{2}{3} \times 3 = 50$. Если ценность, созданная $16\frac{2}{3}$ рабочих, равна 50 ф. ст., то ценность, созданная 20 рабочими, равна 60 ф. ст. Остается, следовательно, прежнее предположение, что дневной труд 20 человек = 60 ф. ст.

Перейдем теперь ко второму случаю. При затрате капитала в 100, продукт = $109\frac{1}{11} = 43\frac{7}{11}$ тонн ($2\frac{1}{2} \times 43\frac{7}{11} = 109\frac{1}{11}$). Постоянный капитал = $54\frac{6}{11}$, а переменный = $45\frac{5}{11}$. Сколько рабочих получает эти $45\frac{5}{11}$? $18\frac{2}{11}$ человек. А именно, когда ценность годового труда 20 человек = 60 ф. ст., то ценность $18\frac{2}{11}$ человек = $54\frac{6}{11}$, следовательно, ценность продукта = $109\frac{1}{11}$ ф. ст.

Мы видим, что в обоих случаях тот же самый капитал приводит в движение меньше рабочих, которые однако стоят больше. Они работают то же самое время, но прибавочное рабочее время меньше, или его совсем нет, так как при той же самой затрате труда они производят меньше продукта, и этот продукт состоит из их жизненных средств; таким образом, хотя они заняты столько же времени, как и раньше, рабочее время, которое они тратят на производство 1 тонны, увеличилось. В своих вычислениях Рикардо всегда предполагает, что капитал приводит в движение больше труда, и потому должен быть затрачен больший капитал, чем раньше, то-есть 120, 110 вместо прежних 100. Это верно лишь в том случае, когда должно быть произведено то же самое количество, следовательно, 60 тонн в указанных выше случаях, а не 40 тонн с капиталом в 120 ф. ст. в случае 1-ом и 48 тонн с капиталом в 110 ф. ст. во втором случае. С капиталом в 100 ф. ст., поэтому, в первом случае произведены $33\frac{1}{3}$ тонны и во втором случае $43\frac{7}{11}$ тонн. Этим Рикардо устраняет правильную точку зрения, которая состоит не в том, что должно быть поставлено больше рабочих для производства того же самого продукта, а в том, что данное количество рабочих создает меньшее количество продукта, откуда опять-таки более значительная часть составляет заработную плату.

Приведем теперь обе таблицы: таблицу А, помещенную на стр. 29, и новую таблицу, вытекающую из всего вышесказанного.

Класс.	Капитал.	Тонны	Вся рыноч. ценн. ф. ст.	Рыночн. ценн. тонны ф. ст.	Инд. цен. тонны. ф. ст.	Д. Ц. тонны. ф. ст.	Цена произв. тонны. ф. ст.	Абсол. рента. ф. ст.	Дифф. рента. ф. ст.	Абс. рента. тонны
I	100	60	120	2	2	0	$1\frac{5}{6}$	10	0	5
II	100	65	130	2	$1\frac{11}{13}$	$2\frac{1}{13}$	$1\frac{9}{13}$	10	10	5
III	100	75	150	2	$1\frac{3}{5}$	$2\frac{2}{5}$	$1\frac{7}{5}$	10	30	5
	300	200	400	—	—	—	—	30	40	15

Дифф. рента. Тонны.	Вся рента. Ф. ст.	Вся рента. Тонны	Строение капитала.	Приб. ценность. Процент.	Число рабочих.	Зараб. плата. Ф. ст.	Зараб. плата. Тонны	Норма прибыли. Проц.
0	10	5	60с + 40v	50	20	40	20	10
5	20	10	60с + 40v	50	20	40	20	10
15	40	20	60с + 40v	50	20	40	20	10
20	70	35	—	—	—	—	—	—

Если бы мы представили эту таблицу в обратном порядке, по нисходящей линии Рикардо, то-есть если бы мы начали с III и в то же время предположили, что раньше всего возделанная более плодородная земля не дает ренты, то мы прежде всего имели бы капитал 100 в III, который создает ценность в 120, именно 60 ф. ст. постоянного капитала и 60 ф. ст. вновь прибавленного труда. Далее по Рикардо нужно было бы предполагать, что норма прибыли стояла выше, нежели указано в А, [так как отпадает рента]. 20 человек получают 20 тонн = 40 ф. ст., когда тонна стоит 2 ф. ст. Но так как теперь [на земле III] она стоит лишь $1\frac{2}{3}$ ф. ст., то эти 20 человек получают лишь 32 ф. ст. (= 20 тоннам). Авансированный капитал для того же самого количества рабочих составлял бы 60 с и 32 v = 92 ф. ст., [ценность всего продукта] была бы 120, так как ценность работы, произведенной 20 рабочими, равна 60 ф. ст. При таких условиях капитал в 100 создал бы ценность в $130^{10/23}$, так как $92 : 120 = 100 : 130^{10/23}$. И этот капитал в 100 состоял бы из $65\frac{5}{23}$ с и $34\frac{18}{23}$ v. Ценность продукта = $130^{10/23}$. Число рабочих равнялось бы $21^{17/23}$. Норма прибавочной ценности составляла бы $87\frac{1}{2}$ процентов.

Мы имели бы, следовательно:

Класс.	Капитал. Ф. ст.	Количество тонн.	Вся ценность.	Рын. ценн.	Индивид. ценн.	Дифф. цен.	Рента.	Прибыль.	Норма прибыли. %	Строение капитала.	Приб. ценн. проц.	Число рабочих.
III	100	$81^{12/23}$	$130^{10/23}$	$1\frac{2}{3}$	$1\frac{2}{3}$	0	0	$30^{10/23}$	$30^{10/23}$	$65\frac{5}{23}с + 34\frac{18}{23}v$	$87\frac{1}{2}$	$21^{17/23}$

Если выразить в тоннах, то заработная плата составит $21^{17/23}$ тонн и прибыль $19\frac{1}{46}$ тонны ¹.

Теперь предположим, все еще исходя из предпосылок Рикардо, что вследствие возрастания населения рыночная цена подымается так

¹ В манускрипте стоит $18^{11/128}$ тонны. К.

высоко, что должен возделываться класс II, где ценность тонны составляет $1^{11}/_{13}$ ф. ст.

Здесь отнюдь не получается, как этого хочет Рикардо, что $21^{17}/_{23}$ рабочих будут всегда создавать ту же самую ценность, именно $65^5/_{23}$ ф. ст. ¹ (состоящих из заработной платы и прибавочной ценности). Ибо число рабочих, которых может занять, то-есть которых может эксплуатировать класс III, согласно его собственной предпосылке, уменьшается, следовательно, уменьшается также и вся сумма прибавочной ценности.

При этом строение земледельческого капитала всегда одинаково. Чтобы привести в движение 60 с, всегда требуется 20 рабочих, при данном рабочем дне, как бы ни оплачивался их труд.

Так как эти 20 рабочих получают 20 тонн, одна тонна = $1^{11}/_{18}$ ф. ст., то 20 рабочих получают $36^{12}/_{13}$ ф. ст.

Какова бы ни была производительность труда этих 20 рабочих, ценность, которую они создают, составляет 60 ф. ст.; следовательно, авансированный капитал составляет $96^{12}/_{13}$ ф. ст., а ценность 120 ф. ст., значит, прибыль = $23^{17}/_{13}$ ф. ст. Прибыль капитала в 100 ф. ст. будет, следовательно, $23^{17}/_{21}$ ², и строение капитала $61^{19}/_{21}$ с + $38^2/_{21}$ в. Для капитала в 100 ф. ст. мы имеем $20^{40}/_{63}$ занятых рабочих.

Так как вся сумма ценности = $123^{17}/_{21}$ ф. ст., и индивидуальная ценность тонны в классе III = $1^3/5$ ф. ст., то продукт составляет $77^8/_{21}$ тонны (если капитал в этом классе равен 100). Норма прибавочной ценности составляет $62^{1/2}$ процента.

Но III продает тонну за $1^{11}/_{13}$ ф. ст.; это дает дифференциальную ценность тонны в $^{16}/_{65}$ ф. ст., а для $77^8/_{21}$ тонны— $19^{17}/_{21}$ ф. ст.

Вместо того, чтобы продавать продукт за $123^{17}/_{21}$ ф. ст., III продает его за $123^{17}/_{21} + 19^{17}/_{21} = 142^6/7$ ф. ст. Эти $19^{17}/_{21}$ ф. ст. составляют ренту.

Мы получили бы, следовательно, для III:

Класс.	Капитал. Ф. ст.	Тонны.	Вся действительная ценность. Ф. ст.	Вся рыночн. ценность. Ф. ст.	Индив. ценность тонны. Ф. ст.	Рыночн. ценность тонны. Ф. ст.	Диффер. ценность тонны. Ф. ст.
III	100	$77^8/_{21}$	$123^{17}/_{21}$	$142^6/7$	$1^3/5$	$1^{11}/_{13}$	$^{16}/_{65}$

Прибав. ценность. Процент.	Норма прибыли. Процент.	Число рабочих.	Строение капитала.	Рента. Ф. ст.	Рента в тоннах.
$62^{1/2}$	$23^{17}/_{21}$	$20^{40}/_{63}$	$61^{19}/_{21}$ с + $38^2/_{21}$ в	$19^{17}/_{21}$	$10^{20}/_{63}$

¹ В манускрипте стоит $75^3/_{23}$ ф. ст. К.

² В манускрипте стоит $23^{17}/_{18}$, такая же прибыль на 100 дана и в дальнейших вычислениях, вместо $23^{17}/_{21}$. В вычислениях я исходил из этого последнего числа. К.

Заработная плата, выраженная в тоннах, = $20^{40/63}$. И прибыль = $12^{113/126}$ тонны.

Если мы перейдем к классу II, то увидим, что здесь ренты нет. Рыночная ценность и индивидуальная ценность равны между собой. Количество тонн, получаемых в кл. II, = $67^{4/63}$.

Класс.	Капитал. Ф. ст.	Тонны.	Вся ценн. Ф. ст.	Рын. ценн. Ф. ст.	Инд. ценн. Ф. ст.	Дифф. ценн. Ф. ст.	Приб. ценн. Проц.	Норма приб. Проц.	Число рабочих.	Строение капитала.	Рента. Ф. ст.
II	100	$67^{4/63}$	$123^{17/21}$	$1^{11/13}$	$1^{11/13}$	0	$62^{1/2}$	$23^{17/21}$	$20^{40/63}$	$61^{19/21}c + 38^{2/21}v$	0

Заработная плата в тоннах = $20^{40/63}$ и прибыль = $12^{113/126}$ тонны. Мы имеем, следовательно, для второго случая, где появляется класс II и возникает рента, такую таблицу:

Класс.	Капитал. Ф. ст.	Тонны.	Вся дей-ств. цен-ность. Ф. ст.	Вся ры-ночная ценность. Ф. ст.	Рыночная ценность. Ф. ст.	Индив. ценность. Ф. ст.	Диффер. ценность. Ф. ст.
III	100	$77^{8/21}$	$123^{17/21}$	$142^{6/7}$	$1^{11/13}$	$1^{3/5}$	$16/65$
II	100	$67^{4/63}$	$123^{17/21}$	$123^{17/21}$	$1^{11/13}$	$1^{11/13}$	0

Строение капи-тала.	Число рабочих.	Приб. цен. Проц.	Норма приб. Проц.	Зараб. пл. в тоннах.	Прибыль в тоннах.	Рента. Ф. ст.	Рента в тоннах.
$61^{19/21}c + 38^{2/21}v$	$20^{40/63}$	$62^{1/2}$	$23^{17/21}$	$20^{40/63}$	$12^{113/126}$	$19^{1/21}$	$10^{20/63}$
$61^{19/21}c + 38^{2/21}v$	$20^{40/63}$	$62^{1/2}$	$23^{17/21}$	$20^{40/63}$	$12^{113/126}$	0	0

Теперь перейдем к третьему случаю и предположим вместе с Рикардо, что может и должен обрабатываться худший рудник I, ибо рыночная ценность поднялась до 2 ф. ст. Так как на постоянный капитал в 60 требуется 20 рабочих, которые теперь получают 40 ф. ст., то у нас получается такое же строение капитала, как в таблице А, стр. 29, именно $60c + 40v$; так как ценность, которую создают 20 рабочих, всегда = 60, то вся ценность продукта, доставленного капиталом 100, составляет, следовательно, 120, какова бы ни была его

производительность. Норма прибыли здесь = 20%, прибавочная ценность = 50%. Прибыль, выраженная в тоннах, = 10. Теперь мы должны посмотреть, какие изменения происходят в III и II вследствие изменения рыночной ценности и появления класса I, который определяет норму прибыли.

Хотя III обрабатывает самую плодородную землю, он может со 100 ф. ст. поставить лишь 20 рабочих, которым он платит 40 ф. ст., так как на постоянный капитал в 60 ф. ст. требуется 20 рабочих. Число рабочих, занятых капиталом в 100 ф. ст., падает, поэтому, до 20. И действительная ценность всего его продукта теперь равна 120. Но так как индивидуальная ценность доставляемой III тонны = $1\frac{3}{5}$ ф. ст., то он доставляет 75 тонн. Количество доставляемых им тонн уменьшается, потому что с тем же самым капиталом он может применить меньше труда, а не больше, как ошибочно изображает всегда Рикардо, так как он всегда интересуется лишь тем, сколько требуется труда для получения того же самого продукта, а не тем, что является единственно важным, сколько может быть применено живого труда при новом строении капитала. Но эти 75 тонн он продает за 150 (вместо 120, что составляет их ценность), и таким образом рента в III увеличивается до 30 ф. ст.

Что касается II, то здесь ценность продукта также = 120 ф. ст.

Но так как индивидуальная ценность тонны = $1\frac{11}{13}$, то он доставляет 65 тонн. Короче, мы получаем здесь таблицу А, приведенную на стр. 29. Но нам нужны здесь для нашей цели новые рубрики, поэтому мы составляем новую таблицу теперь, когда появляется I и рыночная ценность поднялась до 2 ф. ст.

Класс.	Капитал ф. ст.	Тонны.	Вся действит. ценность. ф. ст.	Вся рыночная ценность. ф. ст.	Рыночная ценность. ф. ст.	Индивид. ценность. ф. ст.	Дифференц. ценность. ф. ст.	Строение капитала.	Число рабочих.	Прибав. ценность %.	Норма прибыли %.	Зараб. плата в тоннах.	Прибыль в тоннах.	Рента. ф. ст.	Рента в тонн.
III	100	75	120	150	2	$1\frac{3}{5}$	$\frac{2}{5}$	60 c + 40 v	20	50	20	20	10	30	15
II	100	65	120	130	2	$1\frac{11}{13}$	$\frac{2}{13}$	60 c + 40 v	20	50	20	20	10	10	5
I	100	60	120	120	2	2	0	60 c + 40 v	20	50	20	20	10	0	0

Короче, этот случай III соответствует таблице А, приведенной на странице 29 (не говоря об абсолютной ренте, которая здесь является частью прибыли); только все представлено в обратном порядке.

Теперь перейдем к новым предположенным нами случаям. Начнем с класса, который еще дает прибыль; назовем его I в. Он дает с капиталом 100 лишь $43\frac{7}{11}$ тонн.

Ценность тонны повысилась до $2\frac{1}{2}$ ф. ст. Строение капитала = $54\frac{6}{11}$ c + $45\frac{5}{11}$ v. Эти $45\frac{5}{11}$ ф. ст. получают $18\frac{2}{11}$ рабоч. И так как ценность дневного труда 20 человек = 60 ф. ст., то ценность, созданная $18\frac{2}{11}$ чел., = $54\frac{6}{11}$. Потому ценность продукта = $109\frac{1}{11}$.

Норма прибыли = $9\frac{1}{11}\%$. Прибыль = $3\frac{7}{11}$ тонны. Норма прибавочной ценности = 20% ¹.

Так как органическое строение капитала в III, II, I такое же, как в Ib, и они должны давать ту же самую заработную плату, то они также могут поставить со 100 ф. ст. лишь $18\frac{2}{11}$ чел., которые создают всего ценность в $54\frac{6}{11}$, следовательно, как в I b прибавочную ценность в 20% и норму прибыли в $9\frac{1}{11}\%$. Ценность всего продукта здесь, как в I b, = $109\frac{1}{11}$ ф. ст.

Но так как индивидуальная ценность тонны в III = $1\frac{3}{5}$ ф. ст., то он доставляет $109\frac{1}{11} : 1\frac{3}{5} = 68\frac{2}{11}$ тонны. Далее, разница между рыночной ценностью и индивидуальной ценностью тонны составляет $2\frac{1}{2}$ ф. ст. — $1\frac{3}{5}$ ф. ст. = $\frac{9}{10}$ ф. ст. И это составляет на $68\frac{2}{11}$ тонны $61\frac{4}{11}$ ф. ст. III продает за $170\frac{5}{11}$ ф. ст., а не за $109\frac{1}{11}$ ф. ст.

И этот излишек равняется ренте класса III. Эта рента, выраженная в тоннах, = $24\frac{6}{11}$.

Так как индивидуальная ценность тонны в кл. II = $1\frac{11}{13}$ ф. ст., то он доставляет $109\frac{1}{11} : 1\frac{11}{13} = 59\frac{1}{11}$ тонны.

В II разница между ценностью тонны и ее рыночной ценностью составляет $2\frac{1}{2}$ ф. ст. — $1\frac{11}{13}$ ф. ст. = $\frac{17}{26}$ ф. ст. Получается на $59\frac{1}{11}$ тонны $38\frac{7}{11}$ ф. ст. И это составляет ренту. Вся рыночная ценность = $147\frac{8}{11}$ ф. ст. Рента, выраженная в тоннах, = $15\frac{5}{11}$.

Наконец, так как индивидуальная ценность тонны в I = 2 ф. ст., то $109\frac{1}{11}$ ф. ст. = $54\frac{6}{11}$ тонны.

Разница между индивидуальной и рыночной ценностью = $2\frac{1}{2}$ ф. ст. 2 ф. ст. = $\frac{1}{2}$ ф. ст. И это составляет на $54\frac{6}{11}$ тонн $27\frac{3}{11}$ ф. ст. Следовательно, вся сумма рыночной ценности = $136\frac{1}{11}$ ф. ст. И ценность ренты, выраженная в тоннах, = $10\frac{10}{11}$.

Если мы составим таблицу для четвертого случая, то получится следующее:

Класс.	Капитал. Ф. ст.	Тонны.	Вся действ. ценность. Ф. ст.	Вся рыноч- ная ценность Ф. ст.	Рыночная цен. тонны. Ф. ст.	Индивидуал. цен. тонны. Ф. ст.
III	100	$68\frac{2}{11}$	$109\frac{1}{11}$	$170\frac{5}{11}$	$2\frac{1}{2}$	$1\frac{3}{5}$
II	100	$59\frac{1}{11}$	$109\frac{1}{11}$	$147\frac{8}{11}$	$2\frac{1}{2}$	$1\frac{11}{13}$
I	100	$54\frac{6}{11}$	$109\frac{1}{11}$	$136\frac{1}{11}$	$2\frac{1}{2}$	2
Ib	100	$43\frac{7}{11}$	$109\frac{1}{11}$	$109\frac{1}{11}$	$2\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{2}$

¹ В манускрипте стоит $14\frac{6}{11}\%$. Но $9\frac{1}{11} \times 100 : 45\frac{5}{11} = 20$. И в дальнейших вычислениях имеется много ошибок, но было бы очень утомительно, если бы мы захотели указать здесь все эти ошибки в счете. К.

Диффер. цен. тонны. ф. ст.	Строение капитала.	Число рабочих.	Прибавочная ценность %	Норма при- были %	Зараб. плата в тоннах.	Прибыль в тоннах.	Рента ф. ст.	Рента в тонн.
$\frac{9}{10}$	$54\frac{6}{11} c + 45\frac{5}{11} v$	$182\frac{1}{11}$	20	$9\frac{1}{11}$	$182\frac{1}{11}$	$37\frac{7}{11}$	$614\frac{1}{11}$	$246\frac{6}{11}$
$1\frac{7}{26}$	$54\frac{6}{11} c + 45\frac{5}{11} v$	$182\frac{1}{11}$	20	$9\frac{1}{11}$	$182\frac{1}{11}$	$37\frac{7}{11}$	$387\frac{7}{11}$	$155\frac{5}{11}$
$1\frac{1}{2}$	$54\frac{6}{11} c + 45\frac{5}{11} v$	$182\frac{1}{11}$	20	$9\frac{1}{11}$	$182\frac{1}{11}$	$37\frac{7}{11}$	$273\frac{7}{11}$	$1010\frac{1}{11}$
0	$54\frac{6}{11} c + 45\frac{5}{11} v$	$182\frac{1}{11}$	20	$9\frac{1}{11}$	$182\frac{1}{11}$	$37\frac{7}{11}$	0	0

Перейдем, наконец, к последнему случаю, где, по Рикардо, исчезает вся прибыль, нет прибавочной ценности.

Здесь ценность продукта возрастает до 3 ф. ст., так что, если работают 20 человек, то их заработная плата = 60 ф. ст., равна созданной ими ценности. Строение капитала равно $50 c + 50 v$. Тогда работает $16\frac{2}{3}$ чел. Если ценность, созданная 20 рабочими, = 60, то ценность, созданная $16\frac{2}{3}$ чел., = 50 ф. ст. Заработная плата поглощает, следовательно, всю ценность. Человек получает попрежнему 1 тонну. Ценность продукта = 100, и число полученных тонн = $33\frac{1}{3}$. При чем одна половина дает только ценность постоянного капитала, другая половина—лишь ценность переменного капитала.

Так как в III индивидуальная ценность тонны = $1\frac{3}{5}$, то он создает $100 : \frac{5}{8} = 62\frac{1}{2}$ тонны, ценность которых = 100. Но разница между рыночной и индивидуальной ценностью = 3 ф. ст. — $1\frac{3}{5}$ ф. ст. = $1\frac{2}{5}$ ф. ст. Это составляет на $62\frac{1}{2}$ тонны $87\frac{1}{2}$ ф. ст. Следовательно, ценность всего продукта = $187\frac{1}{2}$ ф. ст. И рента, выраженная в тоннах, = $29\frac{1}{6}$.

В кл. II индивидуальная ценность тонны = $1\frac{11}{13}$ ф. ст. Следовательно, дифференциальная ценность = 3 ф. ст. — $1\frac{11}{13}$ ф. ст. = $1\frac{2}{13}$ ф. ст. Так как индивидуальная ценность тонны здесь = $1\frac{11}{13}$ или $2\frac{4}{13}$ ф. ст., то капитал в 100 доставляет $54\frac{1}{6}$ тонны. На это количество тонн разница = $62\frac{1}{2}$ ф. ст. И рыночная ценность продукта = $162\frac{1}{2}$ ф. ст. Рента, выраженная в тоннах, = $20\frac{5}{6}$.

В I индивидуальная ценность тонны = 2 ф. ст. Следовательно, дифференциальная ценность = 3 — 2 = 1 ф. ст. Так как индивидуальная ценность тонны здесь равна 2 ф. ст., то с капиталом в 100 ф. ст. получается 50 тонн. Это дает разницу в 50 ф. ст. Рыночная ценность продукта = 150 ф. ст., а рента = $16\frac{2}{3}$ тонны.

Теперь перейдем к I b, который до сих пор не давал ренты. Здесь индивидуальная ценность = $2\frac{1}{2}$ ф. ст. Следовательно, дифференциальная ценность = 3 ф. ст. — $2\frac{1}{2}$ ф. ст. = $\frac{1}{2}$ ф. ст. И так как индивидуальная ценность тонны здесь = $2\frac{1}{2}$ или $5\frac{1}{2}$ ф. ст., то 100 доставляет здесь 40 тонн. Дифференциальная ценность их составляет 20 ф. ст., так что вся рыночная ценность = 120 ф. ст. И рента, выраженная в тоннах, = $6\frac{2}{3}$.

Теперь приведем пятый случай, где прибыль, по Рикардо, исчезает, рядом с остальными случаями (см. стр. 121).

Потом приведем все таблицы для пяти случаев (см. стр. 123).

Класс.	Капитал. Ф. ст.	Тонны.	Вся действ. ценность. Ф. ст.	Вся рыночн. ценность. Ф. ст.	Рыночная ценность. тонны Ф. ст.	Индивид. ценность. тонны. Ф. ст.
Ш	100	62 ² / ₃	100	187 ¹ / ₂	3	1 ³ / ₆
П	100	54 ¹ / ₆	100	162 ¹ / ₂	3	1 ¹¹ / ₁₃
I	100	50	100	150	3	2
Гь	100	40	100	120	3	2 ¹ / ₂
Га	100	33 ¹ / ₃	100	100	3	3

Диффер. ценность тонны. Ф. ст.	Строение капитала.	Число рабочих.	Прибав. ценность ‰.	Норма прибыли ‰.	Заработ. плата в тоннах.	Рента. Ф. ст.	Рента в тоннах.
1 ² / ₆	50 с + 50 v	16 ² / ₃	0	0	16 ² / ₃	87 ¹ / ₂	29 ¹ / ₆
1 ² / ₁₃	50 с + 50 v	16 ² / ₃	0	0	16 ² / ₃	62 ¹ / ₂	20 ⁵ / ₆
1	50 с + 50 v	16 ² / ₃	0	0	16 ² / ₃	50	16 ² / ₃
¹ / ₂	50 с + 50 v	16 ² / ₃	0	0	16 ² / ₃	20	6 ² / ₃
0	50 с + 50 v	16 ² / ₃	0	0	16 ² / ₃	0	0

Рассмотрим сначала на стр. 123 таблицу Е; здесь в последнем классе I а все совершенно ясно. Заработная плата поглощает здесь весь продукт и всю ценность труда. Нет прибавочной ценности и потому нет ни прибыли, ни ренты. Ценность продукта равна ценности авансированного капитала, так что рабочие, которые здесь являются владельцами капитала, всегда могут воспроизводить свою заработную плату и условия своего труда, но не больше. Относительно этого последнего класса нельзя сказать, что рента поглощает прибыль. Нет ни ренты, ни прибыли, так как нет прибавочной ценности. Заработная плата поглощает прибавочную ценность, а потому и прибыль.

В четырех других классах дело prima facie отнюдь неясно. Если нет прибавочной ценности, то как может существовать рента? К тому же производительность труда на землях I б, I, II и III отнюдь не изменилась. Отсутствие прибавочной ценности представляет, следовательно, одну только видимость.

Далее, наблюдается другое, *prima facie* не менее непонятное явление. Рента, выраженная в тоннах, составляет для III $29^{1/6}$. В таблице A, где возделывается еще лишь земля III, нет, наоборот, никакой ренты, и работает $21^{17/23}$ чел., меж тем как теперь занято лишь $16^{2/3}$ чел.: здесь прибыль, которая поглощает всю прибавочную ценность, составляет лишь $19^{1/46}$ тонны.

То же самое противоречие имеется в кл. II, где рента в таблице E = $20^{5/6}$ тонны, меж тем как в таблице B прибыль, которая поглощает всю прибавочную ценность (в то время как работает $20^{10/63}$ человека вместо $16^{2/3}$ чел.), составляет лишь $12^{113/126}$ тонн.

Также в I, где рента в таблице E = $16^{2/3}$ тонны, меж тем как в таблице C прибыль класса I, которая поглощала всю прибавочную ценность, равна лишь 10 тоннам (в то время как там занято было 20 человек, а теперь $16^{2/3}$).

Наконец, в I b, где рента в таблице E = $6^{2/3}$ тоннам, меж тем как прибыль класса I b в таблице D, где она поглощала всю прибавочную ценность, равна лишь $3^{7/11}$ тоннам (и работало $18^{2/11}$ чел., а теперь $16^{2/3}$).

Но ясно, что, когда рыночная ценность стоит выше индивидуальной ценности продуктов III, II, I, I b, то это может повлиять на распределение продукта, который может перейти от одного класса к другому, но это отнюдь не может увеличить самого количества продукта, в котором выражается прибавочная ценность, остающаяся по возмещении заработной платы. Так как производительность земель осталась та же, а также и производительность капитала, то непонятно, каким образом все классы от III до I b. должны стать более плодородными, т. е. доставлять большее количество тонн благодаря тому, что на рынке появляется менее плодородная земля или менее богатый рудник I a?

Загадка разрешается таким образом:

Если дневной труд 20 человек создает 60 ф. ст., то $16^{2/3}$ человека создают 50 ф. ст. И так как в классе III рабочее время, заключенное в $1^{3/5}$ ф. ст., выражается в 1 тонне, то 50 ф. ст. выражаются в $31^{1/4}$ тонны. Из них $16^{2/3}$ тонны приходятся на заработную плату, остается, следовательно, в виде прибавочной ценности $14^{7/12}$ тонны.

Далее, так как рыночная ценность тонны поднялась от $1^{3/5}$ до 3 ф. ст., то достаточно взять от всего продукта, от $62^{1/2}$ тонн, $16^{2/3}$ тонны для возмещения ценности постоянного капитала. Но до тех пор пока тонна, которая произведена в классе III, сама определяла рыночную ценность, последняя поэтому равнялась своей индивидуальной ценности, требовалось $31^{1/4}$ тонны для возмещения постоянного капитала в 50 ф. ст. Из $31^{1/4}$ тонны, этой аликвотной части продукта, которая требовалась для возмещения капитала при ценности тонны в $1^{3/5}$ ф. ст., теперь требуется еще лишь $16^{2/3}$. Таким образом остается еще $31^{1/4} - 16^{2/3}$, следовательно, $14^{7/12}$ тонны, которые приходятся на долю ренты.

Если мы теперь сложим прибавочную ценность $14^{7/12}$ тонны, которую создали $16^{2/3}$ рабоч. в кл. III, когда постоянный капитал равняется 50 ф. ст., и ту часть продукта, [составляющую] $14^{7/12}$ тонны, которая теперь, вместо того, чтобы замещать постоянный капитал, существует

ДВИЖЕНИЕ РЕНТЫ ПО РИКАРДО.

A. (Обрабатывается лишь самый лучший класс III). Ренты нет. Обрабатывается лишь самая плодородная земля или самый богатый рудник.

Класс.	Капитал. Ф. ст.	Тонны.	Действи- тельная ценность всего про- дукта. Ф. ст.	Рыночная ценность всего про- дукта. Ф. ст.	Рыночная ценность тонны. Ф. ст.	Индиви- дуальная ценность тонны. Ф. ст.	Дифферен- циал. цен. тонны. Ф. ст.	Строение капитала.	Число рабо- чих.	Норма при- были. Процент.	Прибыль. Ф. ст.	Прибыль в тоннах.	Заработная плата в тоннах.	Денежная рента. Ф. ст.	Рента в тоннах.
III	100	81 ⁴² / ₂₃	130 ¹⁰ / ₂₃	130 ¹⁰ / ₂₃	1 ³ / ₅	1 ³ / ₅	0	65 ⁵ / ₂₃ с + 34 ⁸ / ₂₃ v	21 ¹⁷ / ₂₃	87 ⁴ / ₂	30 ¹⁰ / ₂₃	19 ¹ / ₄₆	21 ⁴ / ₂₃	0	0
В. Второй класс II вступает. Возникновение ренты на земле (руднике) III.															
III	100	77 ⁸ / ₂₁	123 ¹⁷ / ₂₁	142 ⁰ / ₇	1 ¹¹ / ₁₃	1 ³ / ₅	1 ⁰ / ₆₅	61 ¹⁰ / ₂₁ с + 33 ² / ₂₁ v	20 ¹⁰ / ₆₃	62 ⁴ / ₂	23 ¹⁷ / ₂₁	12 ¹¹³ / ₁₂₆	20 ¹⁰ / ₆₃	19 ⁴ / ₂₁	10 ²⁰ / ₆₃
II	100	67 ⁴ / ₆₃	223 ¹⁷ / ₂₁	123 ¹⁷ / ₂₁	1 ¹¹ / ₁₃	1 ¹ / ₁₃	0	61 ¹⁰ / ₂₁ с + 33 ² / ₂₁ v	20 ¹⁰ / ₆₃	62 ⁴ / ₂	23 ¹⁷ / ₂₁	12 ¹¹³ / ₁₂₆	20 ¹⁰ / ₆₃	0	0
Всего	200	144 ² / ₆₃	247 ¹³ / ₂₁	266 ³⁴ / ₂₁	—	—	—	—	41 ¹⁷ / ₆₃	—	47 ¹³ / ₂₁	25 ⁰⁰ / ₆₃	41 ¹⁷ / ₆₃	19 ¹ / ₂₁	10 ²⁰ / ₆₃
С. Третий класс I вступает. Возникновение ренты на земле (руднике) II.															
III	100	75	120	150	2	1 ³ / ₅	2 ² / ₅	60с + 40v	20	50	20	10	20	30	15
II	100	65	120	130	2	1 ¹¹ / ₁₃	2 ² / ₁₃	60с + 40v	20	50	20	10	20	10	5
I	100	60	120	120	2	2	0	60с + 40v	20	50	20	10	20	0	0
Всего	300	200	360	400	—	—	—	—	60	—	60	30	60	40	20
Д. Четвертый класс I вступает. Возникновение ренты на земле (руднике) I.															
III	100	68 ² / ₁₁	109 ¹ / ₁₁	170 ⁵ / ₁₁	2 ¹ / ₂	1 ³ / ₅	9 ¹⁰ / ₁₀	54 ⁰ / ₁₁ с + 45 ⁵ / ₁₁ v	18 ² / ₁₁	20	9 ¹ / ₁₁	3 ⁷ / ₁₁	18 ² / ₁₁	61 ⁴ / ₁₁	24 ⁶ / ₁₁
II	100	59 ¹ / ₁₁	109 ¹ / ₁₁	147 ⁸ / ₁₁	2 ¹ / ₂	1 ¹¹ / ₁₃	1 ⁷ / ₂₆	54 ⁰ / ₁₁ с + 45 ⁵ / ₁₁ v	18 ² / ₁₁	20	9 ¹ / ₁₁	3 ⁷ / ₁₁	18 ² / ₁₁	38 ⁷ / ₁₁	25 ⁸ / ₁₁
I	100	54 ⁶ / ₁₁	109 ¹ / ₁₁	136 ⁴ / ₁₁	2 ¹ / ₂	2	1 ² / ₂	54 ⁰ / ₁₁ с + 45 ⁵ / ₁₁ v	18 ² / ₁₁	20	9 ¹ / ₁₁	3 ⁷ / ₁₁	18 ² / ₁₁	27 ³ / ₁₁	10 ¹⁰ / ₁₁
Ib	100	43 ⁷ / ₁₁	109 ¹ / ₁₁	109 ¹ / ₁₁	2 ¹ / ₂	2 ¹ / ₂	0	54 ⁰ / ₁₁ с + 45 ⁵ / ₁₁ v	18 ² / ₁₁	20	9 ¹ / ₁₁	3 ⁷ / ₁₁	18 ² / ₁₁	0	0
Всего	400	225 ⁵ / ₁₁	436 ⁴ / ₁₁	563 ⁷ / ₁₁	—	—	—	—	72 ⁸ / ₁₁	—	36 ⁴ / ₁₁	14 ⁰ / ₁₁	72 ⁸ / ₁₁	127 ⁸ / ₁₁	50 ¹⁰ / ₁₁
Е. Пятый класс Ia вступает. Исчезновение прибавочной ценности и прибыли.															
III	100	62 ¹ / ₂	100	187 ¹ / ₂	3	1 ³ / ₅	1 ² / ₅	50с + 50v	16 ² / ₃	0	0	0	16 ² / ₃	87 ¹ / ₂	29 ¹ / ₆
II	100	54 ¹ / ₆	100	162 ¹ / ₂	3	1 ¹¹ / ₁₃	1 ² / ₁₃	50с + 50v	16 ² / ₃	0	0	0	16 ² / ₃	62 ¹ / ₂	20 ⁵ / ₆
I	100	50	100	150	3	2	1	50с + 50v	16 ² / ₃	0	0	0	16 ² / ₃	50	16 ² / ₃
Ib	100	40	100	120	3	2 ¹ / ₂	1 ² / ₂	50с + 50v	16 ² / ₃	0	0	0	16 ² / ₃	20	6 ² / ₃
Ia	100	33 ¹ / ₃	100	100	3	3	0	50с + 50v	16 ² / ₃	0	0	0	16 ² / ₃	0	0
Всего	500	240	500	720	—	—	—	—	83 ¹ / ₃	—	—	—	83 ¹ / ₃	220	73 ¹ / ₃

в виде прибавочного продукта, то весь прибавочный продукт составит $29\frac{1}{6}$ тонны. Это именно и есть как раз выраженная в тоннах рента класса III в таблице E.

Таким образом мы видим, что дифференциальная рента, которая появляется на лучших сортах земли благодаря разнице между рыночной и индивидуальной ценностью полученных на них продуктов, в своем реальном виде, как продуктовая рента, сверх-продукт (прибавочный продукт), как рента, выраженная в тоннах или хлебе в вышеприведенном примере, состоит из двух элементов и обусловлена двумя превращениями. Прибавочный продукт, в котором выражается прибавочный труд рабочих, прибавочная ценность, превращается из прибыли в ренту и потому достается землевладельцу, а не капиталисту. Во-вторых, часть продукта, которая раньше, когда продукт лучшего сорта земли или рудника продавался по своей собственной ценности, необходима была для возмещения ценности постоянного капитала, теперь освобождается, так как каждая часть продукта имеет более высокую рыночную ценность; эта освободившаяся часть продукта принимает также форму прибавочного продукта и потому достается землевладельцу, а не капиталисту.

Превращение прибавочного продукта в ренту, а не в прибыль, и превращение аликвотной части продукта, служившей раньше для возмещения ценности постоянного капитала, в прибавочный продукт, следовательно, в ренту,—оба эти процесса создают продуктовую ренту, поскольку она представляет дифференциальную ренту. Последнее обстоятельство, именно то, что часть продукта превращается в ренту, а не в капитал, как раньше, упустил из виду Рикардо и его последователи. Они видят лишь превращение прибавочного продукта в ренту, но не превращение в прибавочный продукт той части продукта, которая раньше входила в состав капитала (а не в состав прибыли).

Номинальная ценность составленного таким образом прибавочного продукта или дифференциальной ренты определяется (согласно нашему предположению) ценностью продукта, полученного с худшей земли или с худшего рудника. Однако эта рыночная ценность служит причиной лишь другого распределения этого продукта, но не создает его.

Те же самые два элемента имеются при всякой добавочной прибыли; следовательно, когда, например, благодаря новым машинам и т. д., дешевле производимый продукт продается по рыночной ценности, стоящей выше его собственной ценности. Часть прибавочного труда рабочих представляет прибавочный продукт (сверх-прибыль), вместо прибыли. И часть продукта, которая была бы необходима для возмещения капиталисту ценности его постоянного капитала в том случае, если бы фабрикат продавался по своей собственной, более низкой ценности,—эта часть продукта теперь освобождается, ничего не должна возмещать, становится прибавочным продуктом и потому увеличивает прибыль.

Во всем этом рассуждении предполагается, что продукт, вздоржавший (соответственно рыночной ценности), не входит в состав постоянного капитала в натуральном виде; он входит лишь в заработную плату, только в переменный капитал. Если бы происходило первое, то, говорит Рикардо, благодаря этому норма прибыли еще больше упала бы

и рента возросла бы. Это нужно исследовать. До сих пор мы предполагали, что ценность продукта должна возмещать ценность постоянного капитала, следовательно, 50 ф. ст. в вышеприведенном случае. Значит, когда 1 тонна стоит 3 ф. ст., то естественно требуется для данного случая меньшее количество тонн, чем в том случае, когда тонна стоит $1\frac{3}{5}$ ф. ст. Но теперь предположим, что уголь или хлеб, или какой-либо другой продукт земли, продукт, созданный сельскохозяйственным капиталом, сам входит в натуральном виде в образование постоянного капитала.

Для простоты возьмем наиболее благоприятный для Рикардо крайний случай, то-есть предположим, что весь постоянный капитал, так же как и переменный, состоит только из сельскохозяйственного продукта, ценность которого возрастает до 3 ф. ст. за тонну вследствие того, что класс Iа господствует на рынке.

Технологический состав капитала остается неизменным; то-есть, остается неизменным отношение между живым трудом, который представлен в переменном капитале, или количеством рабочих, так как, согласно предположению, нормальный рабочий день остается одинаковым, — и количеством требуемых средств производства, которые теперь, согласно нашему предположению, состоят из выраженного в тоннах угля или хлеба.

Так как при первоначальном строении капитала 60 с + 40 v, когда цена тонны равнялась 2 ф. ст., 40 v представляли 20 рабочих или 20 тонн, то 60 с представляли 30 тонн; [когда цена тонны равна 3 ф. ст., 40 v представляют $13\frac{1}{3}$ тонны = $13\frac{1}{3}$ рабочих;] и так как 20 рабочих в классе III производят 75 тонн, то $13\frac{1}{3}$ раб. производят 50 тонн и приводят в движение постоянный капитал в 20 тонн.

Далее, так как 20 рабочих создают ценность в 60 ф. ст., то $13\frac{1}{3}$ раб. создают ценность в 40 ф. ст.

Так как капиталист должен платить за 20 тонн 60 ф. ст. и $13\frac{1}{3}$ рабочим 40 ф. ст., а последние создают лишь ценность в 40 ф. ст., то ценность продукта = 100 ф. ст.; затрачено 100 ф. ст. Прибавочная ценность и прибыль = 0.

Но так как производительность класса III осталась неизменной, то $13\frac{1}{3}$ человека производят, как сказано было, 50 тонн. Однако в натуральном виде постоянный капитал составляет лишь 20 тонн, а заработная плата $13\frac{1}{3}$, всего, следовательно, получается $33\frac{1}{3}$ тонны. Эти 50 тонн дают таким образом прибавочный продукт в $16\frac{2}{3}$, и это образует ренту.

Но что представляют собой эти $16\frac{2}{3}$?

Так как ценность продукта = 100 ф. ст., а всего продукта имеется 50 тонн, то ценность получаемой здесь тонны в действительности = 2 ф. ст. = $\frac{200}{100}\%$. И раз продукт *in natura* имеется в большем количестве, чем необходимо для возмещения капитала в натуральном виде, то индивидуальная ценность тонны и по этому масштабу должна быть меньше рыночной ценности.

Арендатор должен заплатить 60 ф. ст., чтобы возместить эти 20 тонн, и считает эти 20 тонн по 3 ф. ст., так как это рыночная ценность тонны и тонна продается по этой цене. Он должен также считать

40 ф. ст. для $13\frac{1}{3}$ рабочих или тонн, так как он их отдает рабочим. Но рабочие получают на них $13\frac{1}{3}$ тонны.

Однако, на самом деле, в классе III 20 тонн стоят лишь 40 ф. ст., и $13\frac{1}{3}$ тонн стоят лишь $26\frac{2}{3}$ ф. ст. Но $13\frac{1}{3}$ рабоч. создают ценность в 40 ф. ст., следовательно, прибавочную ценность в $13\frac{1}{3}$ ф. ст. Если считать 2 ф. ст. за тонну, то это составляет $6\frac{2}{3}$ тонны. И так как 20 тонн в классе III стоят лишь 40 ф. ст., то остается излишек в 20 ф. ст. = 10 тоннам.

$16\frac{2}{3}$ тонны, составляющие ренту, распадаются, следовательно, на $6\frac{2}{3}$ тонны для прибавочной ценности, которая превращена в ренту, и 10 тонн от [возмещения] капитала, превращенного в ренту. Но вследствие того, что рыночная ценность тонны поднялась до 3 ф. ст., эти 20 тонн стоят арендатору 60 ф. ст. и $13\frac{1}{3}$ тонн стоят ему 40 ф. ст., в то время как $16\frac{2}{3}$ тонны, как излишек рыночной ценности над ценностью его продукта, представляют ренту, равную 50 ф. ст.

Сколько тонн доставляют $13\frac{1}{3}$ человека в классе II? 20 человек доставляют здесь 65 тонн, следовательно, $13\frac{1}{3}$ человек доставляют $43\frac{1}{3}$ тонны¹. Ценность продукта здесь также = 100; но из $43\frac{1}{3}$ тонны для возмещения капитала нужны $33\frac{1}{3}$ тонны. В виде прибавочного продукта или ренты остается $43\frac{1}{3} - 33\frac{1}{3} = 10$ тонн.

Эта рента в 10 тонн объясняется таким образом: ценность продукта в классе II равна 100 ф. ст., всего продукта $43\frac{1}{3}$ тонны, значит, ценность тонны = $2\frac{1}{13}$ ф. ст. Следовательно, $13\frac{1}{3}$ рабоч. стоят $30\frac{10}{13}$ ф. ст., и [от 40 ф. ст., которые приходится на v] остается $9\frac{3}{13}$ ф. ст. прибавочной ценности. Далее, 20 тонн постоянного капитала стоят $46\frac{2}{13}$ ф. ст., и от 60 ф. ст., которые за них платят, остается $13\frac{11}{13}$ ф. ст. Вместе с прибавочной ценностью это составит $23\frac{1}{13}$ ф. ст. (что, при ценности тонны в $2\frac{1}{13}$ ф. ст., составляет как раз 10 тонн).

Только в классе Ia, где на самом деле требуется *in natura* $33\frac{1}{3}$ тонны, следовательно, весь продукт, для возмещения постоянного капитала и заработной платы, нет ни прибавочной ценности, ни прибавочного продукта, ни прибыли, ни ренты. Пока дело обстоит иначе, пока продукта больше, чем требуется для возмещения капитала *in natura*, происходит превращение прибыли (прибавочной ценности) и капитала в ренту.

Но в то же время мы видим, что вздорожание постоянного капитала, если оно является следствием вздорожания продуктов земли, чрезвычайно уменьшает ренту, например, ренту классов III и II [в E] от 50 тонн [$29\frac{1}{6} + 20\frac{5}{6}$], = 150 ф. ст. при рыночной ценности в 3 ф. ст., до $26\frac{2}{3}$ тонны [$16\frac{2}{3} + 10$], следовательно, почти на половину. Это уменьшение необходимо, так как здесь число рабочих, занятых тем же самым капиталом в 100, уменьшается по двум причинам: во-первых, потому, что повышается заработная плата, следовательно, ценность переменного капитала; во-вторых, потому, что возрастает ценность постоянного капитала. Само по себе повышение заработной платы служит причиной того, что на 100 приходится меньше труда, следова-

¹ В манускрипте здесь стоит $42\frac{7}{13}$ тонны, и это повторяется в дальнейшем вычислении. К.

тельно (при неизменной ценности товаров, входящих в постоянный капитал), соответственно меньше постоянного капитала; таким образом, 100 ф. ст. представляют, в общей сложности, меньше накопленного и меньше живого труда. Но возрастание ценности товаров, входящих в постоянный капитал, служит еще причиной того, что на те же самые деньги можно применить меньше накопленного труда и меньше живого труда, так как технологическое отношение между накопленным и живым трудом остается неизменным. Но так как, при неизменной производительности земли и при данном технологическом составе капитала, количество всего продукта зависит от количества примененного труда, то с уменьшением этого последнего [должна] уменьшиться и рента.

Это обнаруживается лишь тогда, когда исчезает прибыль. Пока последняя еще существует, рента может увеличиваться, несмотря на абсолютное уменьшение количества продукта во всех классах, как это показывает таблица, приведенная на стр. 123. Вообще ясно, что, пока существует только рента, уменьшение количества продукта, следовательно, уменьшение прибавочного продукта должно произойти за счет самой ренты. Это естественно произошло бы быстрее, если бы ценность постоянного капитала повышалась одновременно с ценностью переменного капитала.

Но независимо от этого, таблица, приведенная на стр. 123, показывает, что возрастание дифференциальной ренты, при падении производительности труда в земледелии, и на лучших сортах земли всегда сопровождается уменьшением количества всего продукта в сравнении с авансированным капиталом определенной величины, например, в 100 ф. ст. Рикардо этого и не подозревает. Норма прибыли падает, так как тот же самый капитал, например 100, приводит в движение меньше труда и платит за этот труд дороже; следовательно, он накапливает меньше, так как излишек меньше. Но при данной производительности количество действительного продукта, как и величина прибавочной ценности, зависят от числа рабочих, занятых капиталом. Это упускает из виду Рикардо. Он неясно представляет себе также способ образования ренты,—не только путем превращения прибавочной ценности в ренту, но и путем превращения капитала в прибавочную ценность. Конечно, это только кажущееся превращение капитала в прибавочную ценность. Если бы рыночная ценность определялась ценностью продукта в классе III и т. д., то каждая частица прибавочного продукта представляла бы прибавочную ценность или прибавочный труд. Далее Рикардо всегда представляет себе дело таким образом, что, для получения того же самого количества продукта, должно быть применено больше труда; но он не говорит, что с тем же самым капиталом применяется постоянно уменьшающееся количество живого труда, из которого все большая и большая часть приходится на долю необходимого труда и все меньшая и меньшая часть—на долю прибавочного труда.

Принимая во внимание все это, нужно сказать, что даже в том случае, когда мы представляем себе ренту только в виде дифференциальной ренты, Рикардо ни на шаг не подвинулся вперед в сравнении со своими предшественниками. Его заслуга в этом отношении указана Квинси, это именно научная формулировка вопроса. Что касается

самого решения вопроса, то Рикардо берет все у своих предшественников.

Именно Квинси объясняет:

„В доктрину земельной ренты Рикардо внес то новое, что он сводит ее к вопросу: действительно ли она устраняет закон ценности?“ (Th. Quincey, *The Logic of Political Economy*. Лондон 1845, стр. 158).

Квинси говорит далее в том же произведении:

„Рента есть та часть продукта земли или какого-либо другого естественного средства производства (agency of production), которая уплачивается землевладельцу за пользование различными принадлежащими ему силами; эти последние измеряются путем сравнения с силами одинаковых средств производства, которые производят для того же самого рынка“.

Далее, на стр. 176 он говорит относительно возражений против Рикардо:

„Собственники [земли] № I не дадут [ее] даром... Но в том периоде, когда возделывается только № I, не может появиться класс арендаторов, в отличие от класса землевладельцев“.

Итак, по Квинси этот закон „земельной собственности“ действителен, пока нет земельной собственности в современном смысле.

При дифференциальной ренте происходят в действительности движения по восходящей и нисходящей линии, они постоянно перекрещиваются и переплетаются.

Но нельзя сказать, что, когда в течение отдельных коротких периодов (как от 1797 по 1815 г.) значительно преобладает движение по нисходящей линии, поэтому норма прибыли должна падать, поскольку последняя определяется нормой прибавочной ценности. Я, наоборот, думаю, что в течение того периода норма прибыли в Англии возросла, несмотря на сильное возрастание цен на пшеницу и вообще на сельскохозяйские продукты. Я не знаю ни одного английского статистика, который не разделял бы этого мнения о возрастании нормы прибыли в течение указанного нами периода. Некоторые экономисты, как Чомерс, Блек и др., пользуются этим фактом для подтверждения своих собственных теорий. Здесь я еще должен заметить, что попытка объяснить возрастание цен на пшеницу в течение этого периода обесценением денег совершенно бессмысленна. Кто изучал историю товарных цен в течение того времени, тот не может разделять этого взгляда. Кроме того, возрастание цен началось и достигло значительных размеров задолго до того, как настало какое-либо обесценение денег. Когда настает обесценение денег, оно просто должно быть принято в расчет. Если же спросят, почему возросла норма прибыли несмотря на повышение хлебных цен, то это может быть объяснено следующими причинами: удлинением рабочего дня; удешевлением входящих в потребление рабочих фабричных и колониальных товаров, что является непосредственным результатом введения новых машин; падением заработной платы ниже ее обычной средней высоты, хотя номинальная заработная плата возросла²; наконец, так как благо-

¹ В том мифологическом периоде!

² Этот факт является для того периода общепризнанным. Стирлинг в своем произведении: „*The Philosophy of Trade etc.*“, Эдинбург 1846, который в общем принимает теорию земельной ренты Рикардо, пытается однако доказать, что непосредственным результатом перманентного, то-есть не случайно определяемого временами года вздорожания хлеба всегда является падение средней заработной платы.

даря займам и государственным расходам спрос на капитал увеличился еще сильнее, нежели предложение его, то произошло возрастание номинальной цены товаров, благодаря чему фабриканты отняли у землевладельцев, получающих ренту, и других людей, получающих определенные доходы, часть той доли продукта, которая уплачивается в виде ренты, и т. д. Такие операции нас здесь не интересуют, так как мы рассматриваем основные отношения, следовательно, имеем перед собой только три класса: землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих. Но они имеют большое значение — при соответствующих обстоятельствах — на практике, как это доказал Блек.

Когда мы вообще говорим о законе падения нормы прибыли в процессе развития капиталистического производства, то мы здесь понимаем под прибылью сумму всей прибавочной ценности, которую прежде всего берет себе промышленный капитал, как бы ему потом ни пришлось делить ее с капиталистами, одалживающими ему деньги (процент), и землевладельцем (рента). Следовательно, здесь норма прибыли равна дроби: $\frac{\text{прибавочная ценность}}{\text{авансированный капитал}}$. Норма прибыли в этом смысле может упасть, хотя, например, промышленная прибыль растет в сравнении с процентом и наоборот; или хотя рента увеличивается в сравнении с промышленной прибылью или наоборот. Если прибыль = P , промышленная прибыль = P' , процент = Z и рента = R , то $P = P' + Z + R$. И ясно, что, какова бы ни была абсолютная величина P , P' , Z и R могут относительно (по отношению друг к другу) расти или падать, независимо от величины P или от возрастания или падения P . Изменение относительной величины P' , Z , R есть лишь различное распределение P между различными лицами. Дальнейшее рассмотрение причин, влияющих на распределение P , но не тождественных с возрастанием или падением самого P , относится не сюда, а к главе о конкуренции капиталов. Но если R может подняться до такой высоты, какой не достигло бы даже P в том случае, если бы оно делилось лишь на P' и Z , то это, как объяснено было, лишь одна видимость и получается от того, что часть продукта, при возрастании его ценности, не превращается обратно в постоянный капитал, а вместо этого становится свободной и превращается в ренту.

В) Рикардово объяснение этого случая.

Теперь приведем соответствующие цитаты из Рикардо.

„С прогрессом общества естественная цена труда всегда имеет тенденцию повышаться, потому что один из главных товаров, которым регулируется его естественная цена, имеет тенденцию становиться дороже в зависимости от возрастающей трудности его производства. Так как, однако, улучшения в земледелии и открытие новых рынков, откуда можно получать жизненные припасы, могут временно ослаблять тенденцию к повышению цены предметов необходимости и даже вызывать понижение их естественной цены, то эти факторы будут оказывать соответствующее действие и на естественную цену труда.

„Естественная цена всех товаров, кроме сырых произведений и труда, имеет тенденцию падать с прогрессом богатства и населения. И вот почему: хотя их действительная ценность повышается, вследствие повышения естественной цены сырого материала, из которого они сделаны, но это повышение более

чем уравновешивается улучшениями в машинах, лучшим разделением и распределением труда, прогрессом науки, растущим искусством и ловкостью производителей“ (I. с., 5 гл., стр. 86, 87; русск. пер. Н. Рязан., стр. 52).

„С ростом населения цены предметов необходимости будут постоянно повышаться, потому что для производства их будет требоваться все больше и больше труда... Денежная заработная плата будет не падать, а повышаться, но не в достаточной мере для того, чтобы рабочий имел возможность покупать столько же предметов комфорта и необходимости, сколько он покупал до повышения цены этих товаров... Несмотря на то, следовательно, что рабочий будет в действительности оплачиваться хуже, увеличение его заработной платы необходимо уменьшит прибыль фабриканта, потому что товары его будут продаваться не по более высокой цене, хотя поддержки производства их увеличатся... Итак, оказывается, что та же причина, которая повышает ренту, а именно возрастающая трудность получения добавочного количества труда, будет повышать и заработную плату. А потому, при неизменной ценности денег, и рента и заработная плата будут иметь тенденцию расти вместе с ростом богатства и населения.

„Но между ростом ренты и заработной платы есть существенная разница. Повышение денежной ценности ренты сопровождается увеличением ее доли в продукте; не только денежная рента землевладельца становится больше, но и его хлебная рента... Судьба рабочего будет менее счастливой; правда, он будет получать большую денежную плату, но его хлебная плата сократится. Он не только сможет распорядиться теперь меньшим количеством хлеба; ухудшится также его общее положение, потому что ему труднее будет поддерживать рыночную норму заработной платы выше ее естественной нормы“ (I. с., стр. 96—98; русск. пер. Н. Рязан., стр. 57—58).

„Если предположим, что хлеб и мануфактурные изделия всегда продаются по одной и той же цене, то прибыль будет высока или низка в соответствии с тем, низка или высока заработная плата. Но предположим, что цена хлеба поднялась, потому что требуется больше труда для его производства; эта причина не повысила цены мануфактурных товаров, в производстве которых не требуется добавочного количества труда... Если—а это безусловно произойдет—заработная плата повысится вместе с повышением цены хлеба, то прибыль необходимо упадет“ (I. с., 6 гл., стр. 108; русск. пер. Н. Рязан., стр. 64).

„Но мне могут задать вопрос: раз цена сырых произведений увеличится, то не будет ли, в конце концов, прибыль фермера оставаться на прежнем уровне, хоть он и должен платить добавочную сумму в качестве заработной платы? Наверное, нет: ведь ему придется наравне с фабрикантом не только платить увеличенную заработную плату каждому рабочему, которого он держит, но и платить ренту, или же употребить добавочное число рабочих для получения того же количества продукта. А повышение в цене сырых произведений будет соразмерно только этой ренте или же этому добавочному числу рабочих и не вознаградит его за повышение заработной платы...

„Мы показали, что на ранних стадиях общественного развития как доля землевладельца, так и доля рабочего в ценности продукта земли весьма не велика и что она возрастает пропорционально возрастанию богатства и трудности добывания пищи“ (I. с., стр. 108, 109; русск. пер. Н. Рязан., стр. 64, 65).

Это—удивительная буржуазная фантазия о „ранних стадиях общественного развития“. На этих ранних стадиях рабочий является или рабом, или крестьянином, который живет своим собственным трудом, и т. д. В первом случае он вместе с землей принадлежит землевладельцу, во втором случае он сам является собственником земли. В обоих случаях нет капиталиста, который стоял бы между землевладельцем и сельским рабочим. Что является лишь последним результатом капиталистического производства—подчинение земледелия этому последнему и потому превращение рабов или крестьян в наемных рабочих и появление капиталиста между землевладельцем и рабочим,—то Рикардо рассматривает как явление, относящееся к „равным стадиям общественного развития“.

„Таким образом, прибыль имеет естественную тенденцию падать, потому что с прогрессом общества и богатства требующееся добавочное количество, пищи получается только при затрате все большего и большего труда. К счастью

эта тенденция, это, так сказать, тяготение прибыли времени от времени задерживается улучшениями в машинах, употребляемых в производстве предметов необходимости, а также открытиями в агрономической науке, которые позволяют нам сберечь часть труда, требовавшегося раньше, и таким образом понизить цену предметов первой необходимости рабочего* (I. с., стр. 121; русск. пер. под ред. Н. Рязан., стр. 71, 72).

Рикардо прямо говорит в следующей фразе, что под нормой прибыли он понимает норму прибавочной ценности.

„Хотя производится более значительная ценность, но зато и более значительная часть того, что остается за уплатой ренты, погребляется производителями, а именно это, и только это, регулирует прибыль“ (I. с., 6 гл., стр. 127; русск. пер. Н. Рязан., стр. 75).

То-есть, не говоря о ренте, норма прибыли равна излишку ценности товара над ценностью труда, оплаченного за время его производства, или над той частью его ценности, которую потребляют производители. Рикардо называет только рабочих производителями. Он предполагает, что произведенная ценность создана ими. Он рассматривает, следовательно, прибавочную ценность, как ту часть произведенной только рабочими ценности, которую они производят для капиталиста¹.

Но если он отождествляет норму прибавочной ценности и норму прибыли, и если он в то же время предполагает—и это он на самом деле делает,—что рабочий день имеет определенную величину, то тенденция падения нормы прибыли может быть объяснена лишь причинами, которые вызывают падение нормы прибавочной ценности. Но при данной величине рабочего дня это возможно лишь тогда, когда норма заработной платы постоянно растет. А последнее возможно лишь в том случае, когда ценность жизненных средств постоянно растет, что однако [имеет место] лишь при постоянном ухудшении [условий производства] в земледелии, то-есть если мы примем Рикардову теорию земельной ренты. Так как Рикардо отождествляет норму прибавочной ценности и норму прибыли, но так как норма прибавочной ценности должна вычисляться только в сравнении с переменным капиталом, вложенным в заработную плату, то Рикардо, так же как и А. Смит, предполагает, что ценность всего продукта—за вычетом ренты—делится между рабочим и капиталистом на заработную плату и прибыль. То-есть, он делает ошибочное предположение, что весь авансированный капитал состоит только из переменного капитала. Так, например, после цитированного выше рассуждения он продолжает:

„Когда в обработку поступают худшие земли, или когда больше капитала и труда затрачивается на старой земле, а количество продукта уменьшается, тогда результаты для заработной платы и прибыли должны быть более постоянными. Более значительная часть той доли продукта, которая остается

¹ О возникновении и прибавочной ценности он говорит:

„В форме денег капитал не производит никакой прибыли, а в форме сырого материала, машин и пищи, которые были бы получены в обмен за него, он производит доход“ (I. с., 16 гл., стр. 267; русск. пер. Н. Рязан., стр. 151).

„Капитал владельца ценных бумаг никогда не может быть сделан производителем—в действительности это вовсе не капитал. Если бы он хотел продать свои ценные бумаги и употребить полученный за них капитал производительно, он мог бы сделать это, только отвлекая капитал покупателя его бумаг от производительного занятия“ (I. с., 17 гл., стр. 289, примеч.; русск. пер. Н. Рязан., стр. 164).

за уплатой ренты и подлежит разделу между собственниками капитала и рабочими, будет уделаться последним. Каждый рабочий может и, вероятно, будет иметь меньшее абсолютное количество, но, так как больше рабочих будет занято пропорционально ко всему продукту, удерживаемому фермером, то пропорционально большая ценность всего продукта будет поглощена заработной платой, а, следовательно, на долю прибыли останется пропорционально меньшая ценность" (I. с., 6 гл., стр. 128; русск. пер. Н. Рязан., стр. 76).

А несколько выше читаем:

"Часть продукта земли, остающаяся за уплатой землевладельцу и рабочим, безусловно принадлежит фермеру и составляет прибыль на его капитал" (I. с., гл. 6, стр. 110; русск. пер. Н. Рязан., стр. 65).

В конце 6 главы "О прибыли" Рикардо говорит, что его объяснение относительно падения нормы прибыли остается правильным даже в том случае, если бы сделано было—безусловно ошибочное—предположение, что с возрастанием денежной заработной платы растут и товарные цены.

"В главе о заработной плате мы старались показать, что денежная цена товаров не поднимается вследствие повышения заработной платы... Но если бы это даже было иначе, если бы даже высокая заработная плата влекла за собою постоянное повышение цен товаров, все же вполне верно, что высокая заработная плата неизменно отражается на нанемателях труда, лишая их части их действительной прибыли. Предположим, что шляпочник, чулочник и сапожник платят каждый на 10 ф. ст. больше заработной платы при изготовлении данного количества своих товаров, и что цена шляп, чулок и башмаков поднялась на сумму, окунающую эти 10 ф. ст.—положение фабрикантов будет не лучше, чем оно было до этого повышения. Если чулочник продал свои чулки за 110 ф. ст. вместо 100, то его прибыль будет равняться такой же сумме денег, что и раньше; но так как в обмен за эту равную сумму он получит на одну десятую меньше шляп, башмаков и всякого другого товара, и так как при прежнем размере своих сбережений¹ он, в виду повышения заработной платы, может употреблять меньше рабочих и покупать меньше сырых материалов, в виду повышения их цен,—то он будет не в лучшем положении, чем если бы его денежная прибыль фактически уменьшилась, а цены всех других предметов не изменились" (I. с., стр. 129; русск. пер. Н. Рязан., стр. 76, 77).

Рикардо, который в своих объяснениях всегда лишь отмечал, что при худшей земле необходимо платить большему количеству рабочих, чтобы произвести то же самое количество продукта, здесь, наконец, говорит о том, что имеет решающее значение для нормы прибыли, именно, что той же самой суммой капитала занято меньше рабочих, получающих более высокую плату. В остальном он не совсем прав. Если повышается цена шляп и т. д., то капиталист находится в таком же положении, как и раньше; но землевладелец должен был бы снова отдать больше от своей ренты. Например, его рента возросла от 10 до 20 ф. ст. Но на эти 20 ф. ст. он получает соответственно меньшее количество шляп и т. д., чем раньше.

Рикардо совершенно правильно говорит:

"При поступательном движении общества, чистый продукт земли, по отношению к ее валовому продукту, постоянно уменьшается" (I. с., 11 глава, стр. 198; русск. пер. Н. Рязан. стр. 112).

Этим он хочет сказать, что рента при поступательном движении общества растет. Действительная причина этого состоит в том, что при

¹ То есть, с тем же самым капиталом.

поступательном движении общества переменный капитал в сравнении с постоянным капиталом падает.

Что с прогрессом в производстве постоянный капитал в сравнении с переменным растет, это признает и сам Рикардо, но лишь в такой форме, что растет основной капитал в сравнении с оборотным.

„В богатых и могущественных странах, в которых огромные капиталы затрачены на машин, внезапный отлив капитала в другие отрасли вызывает больше бедствий, чем в более бедных странах, в которых имеется пропорционально меньше основного капитала и больше оборотного и где, следовательно, значительная часть работы производится простым человеческим трудом. Оборотный капитал гораздо легче извлекается из какой-нибудь отрасли производства, чем основной. Часто совершенно невозможно использовать машины, построенные для одной отрасли промышленности, и приспособить их для другой. Но одежда, пища и жилище рабочего в одном занятии могут служить ему и в другой отрасли промышленности¹, или тот же самый рабочий может получить ту же пищу, одежду и жилище, хотя бы он переменял свое занятие. Но зло это такого характера, что всякая богатая нация должна с ним волей-неволей мириться. Жаловаться на него было бы так же резонно, как если бы богатый купец горевал, что его корабль подвергается всем опасностям на море, тогда как лачуга его бедного соседа вполне безопасна от таких случайностей“ (I. с., гл. 19, стр. 311; русск. пер. Н. Ряз., стр. 176—177).

Причину возрастания ренты, совершенно независимо от возрастания цен сельскохозяйственных продуктов, указывает сам Рикардо.

„Всякий капитал, закрепленный в земле, с необходимостью превращается, по окончании аренды, в собственность землевладельца, а не арендатора. Какое бы вознаграждение ни получил землевладелец, передавая опять эту землю, оно примет форму ренты, но никто не платил бы ренты, если бы с помощью данного капитала можно было получить из-за границы больше хлеба, чем можно было бы произвести внутри страны“ (I. с., стр. 315, примеч.; русск. пер. Н. Ряз., стр. 179).

О том же предмете Рикардо говорит:

„В предыдущей части этого сочинения я отметил разницу между собственно рентой и тем вознаграждением, которое, под названием ренты, уплачивается землевладельцу за выгоды, доставленные арендатору его капиталом. Но я, быть может, недостаточно ясно указал различия, которые обуславливаются различными способами приложения этого капитала. Так как часть капитала, раз затраченная на улучшение фермы, неразрывно сростается с землей и увеличивает производительные силы последней, то вознаграждение, уплачиваемое землевладельцу за пользование ею, носит вполне характер ренты и подчиняется всем законам ренты. Сделано ли это улучшение за счет землевладельца или арендатора, оно, все равно, не было бы предпринято, если бы не было большой вероятности, что доход будет, по крайней мере, равен прибыли, которая может быть получена путем затраты другого равного капитала. Но раз это улучшение сделано, то доход, полученный после него, носит вполне характер ренты и подвергается всем изменениям, свойственным ренте. Однако, некоторые из этих издержек улучшают землю только на определенный период и не всегда увеличивают ее производительные силы. Так, если они затрачены на здания и другие улучшения преходящего свойства, они должны быть снова повторены и, поэтому, не составляют землевладельцу постоянной прибавки к его действительной ренте“ (I. с., 18 гл., стр. 306, примеч.; русск. пер. Н. Ряз., стр. 173—174).

В другом месте Рикардо говорит:

„Во всех странах и во все времена прибыль зависит от количества труда требующегося для снабжения необходимыми жизненными средствами рабочих на той земле или с тем капиталом, который не дает никакой ренты“ (I. с., гл. 6, стр. 128; русск. пер. Н. Ряз., стр. 76).

¹ Здесь, следовательно, под оборотным капиталом понимается только переменный капитал, вложенный в заработную плату.

Тогда прибыль арендатора на земле—на худшей земле, которая по Рикардо не дает ренты—определяла бы всеобщую норму прибыли. Рикардо рассуждает таким образом: продукт, полученный с худшей земли, продается по своей ценности и не дает ренты. Здесь мы, следовательно, ясно видим, сколько прибавочной ценности остается капиталисту за вычетом той части ценности продукта, которая представляет лишь эквивалент для рабочего. И эта прибавочная ценность есть прибыль. Это основано на предположении, что цена производства и ценность тождественны, что, так как данный продукт продается по цене производства, то он продается по ценности.

Исторически и теоретически это неверно. Я об'яснил, что [когда] земля или рудник худшего класса [не дают ренты] там, где существует капиталистическое производство и земельная собственность, то они не могут платить ренты [потому], что [их продукт] продается ниже своей ценности, когда он продается по рыночной ценности (которая определяется не им). Ибо рыночная ценность как раз покрывает только его цену производства. Но чем определяется эта цена производства? Нормой прибыли неземледельческого капитала, в определение которой естественно входит и цена хлеба; но норма прибыли отнюдь не определяется только ценой хлеба. Утверждение Рикардо было бы правильно лишь в том случае, если бы ценность и цена производства были тождественны. И исторически земледельческая прибыль определяется промышленной прибылью, а не наоборот, так как капиталистическое производство появляется в земледелии позже, чем в индустрии. Верно лишь то, что на каждой земле, которая платит прибыль, но не дает ренты, которая продает свой продукт по цене производства, имеется, ясно выступает норма средней прибыли, но она отнюдь не определяет средней прибыли, что означало бы совершенно другое.

Норма прибыли может падать, когда норма процента и норма ренты не возрастают.

Анализ прибыли с капитала, сделанный нами прежде, дает нам право сделать вывод, что накопление капитала не может надолго понизить прибыль¹, если при этом не существует какой либо постоянной причины, вызывающей повышение заработной платы... Если бы количество предметов необходимости рабочего могло всегда возрастать одинаково легко, то, в каких бы размерах ни происходило накопление капитала, норма прибыли или заработной платы², не подвергалась бы продолжительным изменениям. Однако А. Смит не обращает никакого внимания на возрастающую трудность добывания пищи для добавочного числа рабочих, употребляемых добавочным капиталом, и всегда приписывает падение прибыли накоплению капитала и возникающей отсюда конкуренции" (I. c., 21 гл., стр. 338, 339; русск. перев. Н. Ряз., стр. 191, 192).

Следовательно, А. Смит говорит, что с накоплением капитала норма прибыли падает вследствие возрастающей конкуренции капиталов, а Рикардо говорит: вследствие растущей трудности извлечь из земли больше продукта, следовательно, вследствие вздорожания необходимых жизненных

¹ Под прибылью Рикардо здесь понимает то, что представляет себе под этим капиталист, но не прибавочную ценность; вследствие накопления капитала невозможно падение прибавочной ценности, но вполне возможно падение прибыли.

² Следовало бы сказать: норма прибавочной ценности и ценность труда.

средств. Мы опровергли его взгляд, который был бы правилен лишь в том случае, если бы норма прибавочной ценности и норма прибыли были тождественны, то-есть если бы норма прибыли могла упасть только в том случае, когда норма заработной платы растет (при предположении неизменного рабочего дня). Взгляд Смита основан на том, что он составляет ценность (в его неправильном и им же самим опровергнутом понимании) из заработной платы, прибыли и ренты. Накопление капиталов заставляет, по его мнению, понижать произвольно установленные прибыли, для которых нет никакого имманентного мерила, путем понижения товарных цен, на которые они, согласно этому взгляду, образуют лишь номинальную надбавку. Рикардо, конечно, теоретически прав в своем возражении против Смита, что накопление капиталов не влияет на определение ценности товаров; но Рикардо жестоко ошибается, пытаясь опровергнуть А. Смита тем, что в стране будто бы не может быть перепроизводства. Рикардо отрицает плетору¹ капитала, что² после него стало общепризнанной аксиомой в английской экономической науке.

Во-первых, он упускает из виду то обстоятельство, что в действительности, когда друг другу противостоят не только капиталист и рабочий, но [промышленный] капиталист, рабочий, землевладелец, денежный капиталист, постоянные государственные доходы и т. д.—падение товарных цен, которое касается обоих, промышленного капиталиста и рабочего, другим классам выгодно.

Во-вторых, что капиталистическое производство отнюдь не производит на любой ступени, а чем больше оно развивается, тем более оно вынуждено производить на такой ступени, которая не имеет ничего общего с непосредственным спросом, а зависит от постоянного расширения мирового рынка. Он ищет спасения в нелепой предпосылке. Сэя, как будто капиталист производит не для прибыли, прибавочной ценности, а непосредственно для потребления, для потребительной ценности—для своего собственного потребления. Он упускает из виду, что товар должен быть превращен в деньги. Спроса со стороны рабочих недостаточно, так как прибыль именно потому и получается, что спрос со стороны рабочих меньше ценности их продукта, и прибыль тем больше, чем меньше относительно этот спрос. Спроса со стороны различных капиталистов также недостаточно. Перепроизводство вызывает продолжительное падение прибыли, но оно повторяется периодически. За ним следует недостаточное производство и т. д. Перепроизводство получается именно оттого, что среднее количество населения никогда не может потребить больше среднего количества жизненных средств, следовательно, его потребление не растет соответственно возрастанию производительности труда. Однако весь этот отдел относится к конкуренции капиталов. Все, что об этом говорит Рикардо, ровно ничего не стоит.

«Есть только один случай, да и тот временный, в котором накопление капитала, при низкой цене пищевых продуктов, может привести к понижению

¹ Полнокровие. *Прим. перев.*

² В манускрипте стоит: „которая“. К.

прибыли. Это бывает тогда, когда фонды на содержание труда возрастают гораздо быстрее, чем население: заработная плата в этом случае будет высока, а прибыль низка" (I. с., гл. 21, стр. 348; русск. пер. Н. Ряз., стр. 194).

Возражая Сэю, Рикардо проницательно замечает об отношении между прибылью и процентом на капитал.

"Господин Сэй признает, что норма процента зависит от нормы прибыли, но из этого еще не следует, что норма прибыли зависит от нормы процента. Первая является причиной, вторая—следствием, и никакие обстоятельства не могут заставить их поменяться местами". (I. с., гл. 21, стр. 353, прим.; русск. пер. Н. Ряз., стр. 200).

Однако те же причины, которые вызывают падение прибыли, могут повысить процент на капитал и наоборот.

"Господин Сэй признает, что издержки производства составляют основание цены, и, несмотря на это, в различных частях своего труда он утверждает, что цены определяются соотношением между спросом и предложением" (I. с гл., 25, стр. 411; русск. пер. Н. Ряз., стр. 232).

Отсюда именно Рикардо должен был бы заключить, что издержки производства значительно отличаются от количества труда, которое затрачивается при производстве товара. Вместо этого он продолжает:

"Действительным и главным регулятором относительной ценности двух товаров являются издержки их производства... И разве Адам Смит не разделяет того же взгляда (что цены не определяются ни заработной платой, ни прибылью), когда он говорит, что товарные цены или ценность золота и серебра в сравнении с ценностью товаров зависят от отношения между количеством труда, необходимого для доставки определенного количества золота и серебра на рынок, и количеством труда, необходимого для доставки на рынок всякого рода других товаров? Это количество не изменился в зависимости от того, будет ли прибыль или заработная плата высока или низка. Каким же образом могут подняться цены вследствие повышения прибыли?" (I. с., стр. 411, 413, 414; русск. пер. Н. Ряз., стр. 232, 234).

А. Смит в указанном месте понимает под ценой не что иное, как денежное выражение ценности товаров. То обстоятельство, что эти последние, и золото и серебро, на которые они обмениваются, определяются относительными количествами труда, необходимыми для производства обоих родов продуктов (товаров с одной стороны, золота и серебра с другой стороны),—это обстоятельство отнюдь не противоречит тому, что действительные цены товаров, то-есть их цены производства, могут „возрастать благодаря высоким прибылям“. Во всяком случае, не все сразу, как думает Смит. Но благодаря высоким прибылям часть товаров будет продаваться по ценам, которые больше превышают их ценность, чем в том случае, когда средняя прибыль низка, меж тем как другая часть товаров будет продаваться по ценам, которые стоят еще ниже¹ в сравнении с их ценностями, чем раньше.

Д о б а в л е н и е.

Влияние изменения ценности на органическое строение капитала.

Норма ренты возросла [при переходе к обработке менее плодородной земли, менее богатых рудников и т. д.], так как норма прибыли упала. Упала ли она потому, что произошло изменение в органическом

¹ В манускрипте стоит „меньше“, что очевидно является опiskeй. К.

строении капитала? Осталось ли прежнее строение капитала, именно $80 c + 20 v$? Предполагается, что нормальный рабочий день остается неизменным. В противном случае влияние вздорожания жизненных средств может быть парализовано. Здесь нужно различать две вещи. Во-первых, вздорожание жизненных средств и обусловленное этим уменьшение прибавочного труда и прибавочной ценности. Во-вторых, вздорожание постоянного капитала: может подняться цена вспомогательного материала, например угля, или когда, например, речь идет о пшенице, может подняться цена другого элемента постоянного капитала, семян, или же вследствие вздорожания пшеницы может возрасти цена сырого материала. Если, наконец, продуктом являлось железо, медь, цинк и т. д., то возросла цена сырого материала в некоторых отраслях промышленности и сырого материала машин, зданий во всех отраслях промышленности. С одной стороны предполагается, что не произошло изменения в органическом строении капитала, то-есть не произошло изменения в способе производства, которое увеличило бы или уменьшило бы количество требуемого живого труда в сравнении с количеством примененного постоянного капитала. Требуется прежнее количество рабочих, при неизменных границах нормального рабочего дня, чтобы обработать ту же самую массу сырого материала с помощью того же самого количества машин и т. д., или там, где нет сырого материала, привести в движение то же самое количество машин, орудий и т. д. Это—первая точка зрения, которая должна быть рассмотрена, когда речь будет идти об органическом строении капитала; далее следует еще вторая точка зрения: именно изменение ценности элементов капитала, хотя, как потребительные ценности, они имеются в таких же относительных количествах, как и раньше.

Здесь опять-таки нужно различать следующее:

Во-первых: изменение ценности относится к обоим элементам — к переменному и постоянному элементу в одинаковой степени. В действительности этого, вероятно, никогда не бывает. Возрастание цен некоторых сельскохозяйственных продуктов, как пшеницы и т. д., повышает необходимую заработную плату и цену сырого материала, например, семян. Вздорожание угля повышает необходимую заработную плату и в большинстве случаев цену вспомогательного материала в различных отраслях промышленности. Но в первом случае происходит повышение заработной платы во всех отраслях промышленности, а возрастание цен сырого материала—лишь в некоторых. Что касается угля, то он входит в заработную плату в меньшей степени, чем в производство. Таким образом, если иметь в виду здесь капитал, то изменение ценности угля и пшеницы едва ли в одинаковой степени может касаться обоих элементов капитала. Но предположим такой случай. Ценность продукта, созданного капиталом $80 c + 20 v$, равняется, скажем, 120. Для всего капитала ценность продукта совпадает с его ценой производства. Эта разница уравнена как раз для всего капитала. Возрастание ценности такого предмета, как уголь, который, согласно предположению, в одинаковой степени входит в обе составные части капитала, вызывает для обоих элементов возрастание издержек на одну десятую. Таким образом,

на 80 с можно было бы купить лишь такое количество товара, как раньше на $72^s/_{11}$ с, и на 20 v можно было бы иметь лишь такое число рабочих, как раньше на $18^2/_{11}$ v¹. Или, чтобы продолжать производство на старой ступени, теперь нужно затратить 88 с и 22 v. Если, следовательно, производство должно продолжаться на той же самой ступени, то должно быть затрачено 110 капитала там, где теперь затрачено 100.

Если бы в нашем случае ценность 80 с осталась неизменной и изменилась бы только ценность v, следовательно, если бы мы имели 22 v вместо 20, то получилось бы такое отношение: раньше 20 : 80 или 10 : 40; а теперь 22 : 80 или 11 : 40. Если бы произошло это изменение, то капитал составлял бы 80 с + 22 v, и ценность продукта была бы 120; следовательно, затрата = 102 и прибыль = 18, т.-е. $17^{33}/_{150}/_0$. Но 22 : 18 = $21^{29}/_{51}$: $17^{33}/_{51}$. Если в заработную плату нужно вложить капитал в 22 v для того, чтобы привести в движение постоянный капитал, ценность которого = 80, то для того, чтобы привести в движение постоянный капитал, ценность которого = $78^{22}/_{51}$, требуется $21^{29}/_{51}$. Таким образом, из 100 капитала можно было бы затратить на машины и сырой материал лишь $78^{22}/_{51}$; $21^{29}/_{51}$ должно быть затрачено на заработную плату, меж тем как раньше приходилось 80 на сырой материал и т. д. и 20 на заработную плату. Ценность продукта была бы теперь равна $117^{33}/_{51}$. II строение капитала: $78^{22}/_{51}$ с + $21^{29}/_{51}$ v. Но $21^{29}/_{51}$ + $17^{33}/_{51}$ = $39^{11}/_{51}$. Весь прибавленный труд при прежнем строении составлял 40 на 100; теперь он = $39^{11}/_{51}$ или на $^{40}/_{51}$ меньше; не потому, что произошло изменение ценности постоянного капитала, а потому, что должно быть обработано меньше постоянного капитала, следовательно, капитал 100 может привести в движение меньшее количество труда, чем раньше, хотя труд оплачивается дороже. Итак, если изменение в элементе издержек, здесь вздорожание, возрастание ценности, вызывает изменение лишь необходимой заработной платы, то происходит следующее: во-первых, норма прибавочной ценности падает; во-вторых, при данном капитале может быть применено меньше постоянного капитала, меньше сырого материала и машин. Абсолютная масса этой части капитала уменьшается в сравнении с переменным капиталом, что при прочих равных условиях всегда должно вызывать возрастание нормы прибыли, если ценность постоянного капитала остается неизменной. Его масса уменьшается, хотя его ценность остается неизменной. Но норма прибавочной ценности и сама прибавочная ценность уменьшается, так как при падающей норме число занятых рабочих не растет. Норма прибавочной ценности — прибавочного труда — падает в большей степени, нежели норма отношения между переменным и постоянным капиталом. Ибо, чтобы привести в движение ту же самую массу постоянного капитала, — должно быть поставлено такое же количество рабочих, как и раньше; следовательно, требуется такое же абсолютное количество труда. Только из этого абсолютного количества

¹ В манускрипте стоит 70 с и 18 v, потом 90 с вместо 88 с. Это повторяется в дальнейшем вычислении. К.

труда приходится больше на необходимый и меньше на прибавочный труд. За то же самое количество труда нужно, значит, заплатить больше. Данный капитал, например, 100, может таким образом вложить в постоянный капитал меньше, так как он должен затратить больше на переменный капитал, чтобы привести в движение меньший постоянный капитал. Падение нормы прибавочной ценности здесь не связано с увеличением абсолютного количества труда, который применяется определенным капиталом, или с увеличением количества занятых им рабочих. Сама прибавочная ценность здесь, следовательно, не может возрастать, когда норма прибавочной ценности падает.

Если, следовательно, органическое строение капитала остается неизменным; поскольку речь идет об его материальных составных частях, как потребительных ценностях; если, следовательно, изменение этого строения обусловлено не изменением способа производства внутри той сферы, в которую вложен капитал, а только возрастанием ценности рабочей силы и потому повышением необходимой заработной платы, что [служит причиной] уменьшения прибавочного труда или нормы прибавочной ценности, и в этом случае ни целиком, ни частично не может быть парализовано увеличением числа рабочих, занятых определенной величины капиталом—например, 100,—то падение нормы прибыли объясняется просто падением самой прибавочной ценности. Той же самой причиной обусловлено изменение в органическом строении капитала, которое вызвано лишь тем, что изменилась ценность (относительная ценность) примененных масс. Тот же самый капитал имеет меньше постоянного капитала и соответственно меньше непосредственного труда, но за это [меньшее количество] труда он платит дороже. Он может иметь лишь меньшее количество постоянного капитала, так как [меньшее количество] труда, которое приводит в движение эту [меньшую массу] постоянного капитала, поглощает более значительную часть всего капитала. Чтобы привести в движение 80 постоянного капитала, он теперь должен вложить 22 в переменный капитал, меж тем как раньше достаточно было 20 ч, чтобы привести в движение 80 с.

Такой результат получается, следовательно, в том случае, когда вздорожание продукта, производство которого предполагает земельную собственность, касается только заработной платы. Противоположный результат получился бы при удешевлении этого продукта.

Но возьмем предположенный нами выше случай. Вздорожание земледельческого продукта касается, скажем, в одинаковой степени постоянного и переменного капитала. Здесь, следовательно, согласно нашему предположению, не происходит изменения в органическом строении капитала. Во-первых, нет изменения в способе производства. То же самое абсолютное количество непосредственного труда приводит в движение такое же количество накопленного труда, как и раньше. Отношения масс остаются прежние. Во-вторых, не происходит изменения в отношении ценностей накопленного и непосредственного труда. Если возрастает или падает ценность одного, то происходит соответствующее изменение ценности другого, и отношение между ними остается, следовательно, неизменным. Но раньше мы имели бы: 80 с + 20 ч. Цен-

ность продукта = 120. Теперь имеем $88с + 22v$. Ценность продукта = 128¹. Это дает 18 на 110 или $16\frac{4}{11}\%$. Следовательно, для $80с + 20v$ — ценность в $116\frac{4}{11}$. Раньше мы имели бы:

Постоянный капитал.	Переменный капитал.	Прибавочная ценность.	Норма прибыли. Процент.	Норма прибавочной ценности. Процент.
80	20	20	20	100

Теперь мы имеем:

Постоянный капитал.	Переменный капитал.	Прибавочная ценность.	Норма прибыли. Процент.	Норма прибавочной ценности. Процент.
80	20	$16\frac{4}{11}$	$16\frac{4}{11}$	$81\frac{8}{11}$

$80с$ представляет здесь меньше сырого материала и т. д.; $20v$ — соответственно меньше живого труда. Сырой материал и т. д. вздорожал; количество купленного на 80 сырого материала и т. д. поэтому уменьшилось; оно требует, следовательно, меньше непосредственного труда, так как способ производства остался тот же. Но это меньшее количество живого труда стоит столько же, как раньше большее количество живого труда; последний так же вздорожал, то-есть уменьшился в такой же степени, как и сырой материал и т. д. Если бы, следовательно, прибавочная ценность осталась та же, то норма прибыли упала бы соответственно тому, как вздорожал сырой материал, и т. д., изменилось бы отношение ценности переменного капитала к ценности постоянного капитала. Но норма прибавочной ценности не осталась неизменной; она изменилась соответственно тому, как возросла ценность переменного капитала.

Возьмем [другой] пример.

Ценность фунта хлопчатой бумаги возросла от $\frac{1}{20}$ ф. ст. до $\frac{1}{15}$ ф. ст.². На 80 ф. ст. — мы здесь предполагаем, что машины и т. д. = 0, — раньше можно было купить 1.600 фунтов. Теперь на них можно купить еще лишь 1.200 фунтов. Для этих 1.600 фунтов раньше требовалось, скажем, 20 прядильщиков, получавших 20 ф. ст. заработной платы. Для 1.200 ф. требуется лишь 15 прядильщиков, так как способ производства остался тот же... Этим 15 рабочим раньше платили бы 15 ф. ст., а теперь

¹ В манускрипте стоит 120, и соответственно этому сделаны вычисления во всем дальнейшем примере Маркса. Но 88 постоянного капитала плюс 40 вновь прибавленного труда дает 128. Соответственно этому я произвел новые вычисления в примере.

² В манускрипте стоит „возросла от 1 шиллинга до 2 шиллингов“. Это отношение положено в основу дальнейших вычислений, пока сам Маркс не находит, что получаются невозможные числа, так как, при удвоении ценности рабочей силы, прибавочная ценность упала бы до 0. Поэтому я исправил все эти числа, придерживаясь масштаба, который потом применен был Марксом.

20 ф. ст. подобно тому, как раньше эти 1.200 фунтов стоили бы 60 ф. ст., а теперь 80. Теперь предположим, что прибыль составляла раньше $20\frac{9}{10}\%$. Таким образом получается следующее:

	Постоянный капитал.	Переменный капитал.	Прибавочная ценность, ф. ст.	Норма прибавочной ценности %	Норма прибыли %	Продукт.	Цена фунта пряжи. ф. ст.
I.	80 ф. ст. = 1.600 фунт. хлопч. бум.	20 фун. ст. = 20 рабочих.	20	100	20	1.600 фун. пряжи.	$\frac{3}{40} = \frac{9}{120}$
II.	80 ф. ст. = 1.200 фунт. хлопч. бум.	20 фун. ст. = 15 рабочих.	10	50	10	1.200 фун. пряжи.	$\frac{11}{120}$

[Именно, если ценность, которую создают 20 рабочих, = 40, то та ценность, которую создают 15 рабочих, = 30; чтобы она была произведена, рабочим нужно попрежнему заплатить 20 ф. ст.; таким образом, остается в виде прибавочной ценности лишь 10 ф. ст.]. Ценность [единицы] продукта, фунта пряжи здесь должна во всяком случае возрасти, так как фунт пряжи содержит больше труда, больше живого труда и больше труда, накопленного в имеющейся в нем хлопчатой бумаге.

Если бы возросла только хлопчатая бумага, а заработная плата осталась та же, то требовалось бы попрежнему только 15 рабочих для обработки 1.200 фунтов хлопчатой бумаги. Но эти 15 рабочих получили бы лишь 15 ф. ст. Следовательно, прибавочная ценность для 15 была бы попрежнему = 100%. Для 1.200 фунтов хлопчатой бумаги требуется 15 прядильщиков и затраты капитала в 15 ф. ст. Следовательно, вся затрата капитала составляла бы 95. Мы все время предполагаем, что на 80 фунтов хлопчатой бумаги приходится 1 рабочий. Сколько фунтов пряжи мог бы доставить весь капитал в 100? На $84\frac{4}{19}$ ф. ст. можно было бы купить хлопчатой бумаги и $15\frac{15}{19}$ ф. ст. можно было бы вложить в заработную плату.

Получилось бы такое отношение:

	Постоянный капитал.	Переменный капитал.	Прибавочная ценность, ф. ст.	Норма приб. ценности %	Норма прибыли %	Продукт.	Цена фунта пряжи. ф. ст.
III.	$84\frac{4}{19}$ ф. ст. = $1.263\frac{3}{19}$ фунта.	$15\frac{15}{19}$ ф. ст. = $15\frac{15}{19}$ рабочих.	$15\frac{15}{19}$	100	$15\frac{15}{19}$	$1.263\frac{3}{19}$ ф. пряжи.	$\frac{11}{120}$

В этом случае, где нет изменения ценности переменного капитала, следовательно, норма прибавочной ценности остается неизменной, получается следующее:

В I переменный капитал относится к постоянному, как $20 : 80 = 4 : 16$. В III он относится, как $15^{15/19} : 84^{14/19} = 3 : 16$, следовательно, он уменьшился относительно на одну четверть, так как ценность постоянного капитала настолько же возросла [$^{1/16} : ^{3/16} = ^{1/15} : ^{1/20}$]. То же самое количество прядильщиков требуется для той же самой массы хлопчатой бумаги, но теперь капитал в 100 ф. ст. может занять еще лишь $15^{15/19}$ рабочих, а остальные $84^{14/19}$ ф. ст. доставляют лишь $1.263^{3/19}$ фунта хлопчатой бумаги, вместо 1600 фунтов, как это было в I. Норма прибавочной ценности осталась та же. Но вследствие изменения ценности постоянного капитала уж не может быть занято то же самое количество рабочих на 100 капитала; отношение между переменным и постоянным капиталом изменилось. Следовательно, масса прибавочной ценности, а вместе с тем и прибыль падает, так как на ту же самую затрату капитала вычисляется меньшая ¹ прибавочная ценность. В первом случае переменный капитал составлял $\frac{1}{4}$ постоянного капитала (20:80) и $\frac{1}{5}$ всего капитала (20:100). Теперь он составляет лишь $\frac{3}{16}$ постоянного капитала ($\frac{300}{19} : \frac{1600}{19}$) и $\frac{3}{19}$ всего капитала. При неизменной заработной плате или неизменной ценности переменного капитала здесь падает его абсолютная величина, так как возросла ценность постоянного капитала. Поэтому падает относительная доля переменного капитала и вместе с тем и прибавочная ценность, ее абсолютная величина, а потому и норма прибыли. Возрастание ценности постоянного капитала при неизменной ценности переменного капитала и том же самом способе производства, следовательно, при том же самом отношении примененных масс труда, сырого материала и машин, вызывает такое же изменение в строении капитала, как и в том случае, если бы ценность постоянного капитала осталась та же, но применялась бы большая масса неизменного в ценности капитала, следовательно, также большая сумма ценности его в сравнении с капиталом, затраченным на труд. Необходимым следствием этого является падение прибыли. Противоположный результат получается в том случае, когда ценность постоянного капитала падает.

Наоборот, возрастание ценности переменного капитала повышает отношение переменного капитала к постоянному, следовательно, также относительную долю переменного капитала или его относительную долю во всем капитале. Однако норма прибыли здесь падает, а не возрастает. Ибо способ производства остался тот же. Применяется то же самое количество живого труда, чтобы превратить в продукт ту же самую массу сырого материала, машин и т. д. Здесь, как и в вышеприведенном случае, данный капитал 100 может привести в движение лишь меньшую массу непосредственного и накопленного труда; но меньшее количество труда стоит больше. Необходимая заработная плата возросла. Большая часть этого меньшего количества труда возмещает необходимый труд, следовательно, меньшая часть его образует прибавочный труд. Норма прибавочной ценности упала, в то время как число рабочих,

¹ В манускрипте стоит: „та же самая прибавочная ценность, что и раньше“. К.

которым распоряжается тот же самый капитал; или общее количество находящегося в его распоряжении труда уменьшилось. Переменный капитал увеличился в сравнении с постоянным капиталом и потому также в сравнении со всем капиталом, хотя масса примененного труда в сравнении с массой постоянного капитала уменьшилась. Поэтому прибавочная ценность падает, а вместе с ней и норма прибыли падает. Раньше норма прибыли упала, потому что при неизменной норме прибавочной ценности уменьшился переменный капитал в сравнении с постоянным, а потому и в сравнении со всем капиталом, или прибавочная ценность уменьшилась, так как при неизменной норме число рабочих уменьшилось, ее множитель уменьшился. В этом случае норма прибыли падает, потому что переменный капитал возрастает в сравнении с постоянным, следовательно, также в сравнении со всем капиталом, но это возрастание переменного капитала сопровождается уменьшением количества труда, примененного тем же самым капиталом, или прибавочная ценность падает, потому что уменьшение ее нормы связано с уменьшением количества примененного труда. Оплаченный труд увеличился в сравнении с постоянным капиталом, но общее количество примененного труда уменьшилось.

Эти изменения ценности всегда действуют, следовательно, на самую прибавочную ценность, абсолютное количество которой (при возрастающей ценности) в обоих случаях уменьшается, так как один из ее двух факторов или оба фактора падают; в одном случае она падает, потому что число рабочих уменьшается при неизменной норме прибавочной ценности; в другом случае она уменьшается, потому что уменьшается норма прибавочной ценности и число рабочих, приходящихся на 100 капитала.

Перейдем теперь к случаю II, где изменение ценности земледельческого продукта действует в одинаковой степени на обе части капитала, следовательно, это изменение ценности не сопровождается изменением органического строения капитала.

Фунт пряжи возрастает в этом случае от $\frac{9}{120}$ ф. ст. до $\frac{11}{120}$ ф. ст., так как он представляет продукт большего количества труда, чем раньше. Он содержит, правда, столько же живого труда, хотя и больше оплаченного и меньше неоплаченного труда, чем раньше, но больше накопленного труда. При изменении ценности хлопчатой бумаги от $\frac{1}{20}$ ф. ст. до $\frac{1}{15}$ ф. ст. в ценность фунта пряжи входит $\frac{1}{15}$ ф. ст. вместо $\frac{1}{20}$.

Таким образом получается следующее:

Класс.	Постоян. капитал.	Перемен. капитал.	Прибавочная ценность Ф. ст.	Норма при- бавочной ценности %	Норма прибыли %	Продукт.	Цена фунта пряжи. Ф. ст.
II	80 ф. ст. = 1.200 фун- тов хлоп- чат. бум.	20 ф. ст. = 15 челор.	10	50	10	1200 фун- тов пряжи.	$\frac{11}{120}$

В этих $^{11}/_{120}$ ф. ст. содержится $^8}/_{120}$ ф. ст. для хлопчатой бумаги и $^3}/_{120}$ ф. ст. для труда. Продукт вздорожал, так как хлопчатая бумага вздорожала на одну треть. Но продукт вздорожал не на одну треть. Раньше он в кл. I был равен $^9}/_{120}$ ф. ст. Если бы он, следовательно, вздорожал на $1/3$, то он должен был бы стоить теперь $^{12}/_{120}$; но он стоит лишь $^{11}/_{120}$ ф. ст. Раньше в 1.600 фунтах пряжи содержалось на 40 ф. ст. труда; следовательно, в 1 фунте на $^{1}/_{40}$ ф. ст. труда. Теперь в 1.200 фунтах содержится на 30 ф. ст. труда; следовательно, также в 1 фунте на $^{1}/_{40}$ ф. ст. Труд вздорожал в такой же степени, как и сырой материал, но количество живого труда, заключенное в 1 фунте пряжи, осталось неизменным, хотя это количество содержит больше оплаченного и меньше неоплаченного труда. Это изменение ценности заработной платы поэтому несколько не изменяет ценности фунта пряжи, продукта. Попрежнему мы здесь имеем лишь $^{1}/_{40}$ ф. ст. для труда, однако для хлопчатой бумаги мы имеем теперь $^{1}/_{15}$ ф. ст. вместо прежней $^{1}/_{20}$ ф. ст. Таким образом, когда товар продается по своей ценности, изменение ценности заработной платы вообще не может вызвать изменения в цене продукта. Но раньше из $^{1}/_{40}$ ф. ст. приходилось $^{1}/_{80}$ на заработную плату, $^{1}/_{80}$ на прибавочную ценность. Теперь из $^{1}/_{40} = ^3}/_{120}$ ф. ст. приходится $^2}/_{120}$ ф. ст. на заработную плату и $^1}/_{120}$ ф. ст. на прибавочную ценность.

Теперь предположим, что в вышеприведенном примере цена хлопчатой бумаги осталась бы неизменной: 1 человек может выпрясть 30 фунтов, так как способ производства во всех примерах остался тот же, и фунт опять стоит $^{1}/_{20}$ ф. ст.

Теперь капитал распадается [если вся пряжа = 1.200 фун.], следовательно, на 60 ф. ст. постоянного и 20 ф. ст. переменного капитала; с : v = 3 : 1, или при вычислении на 100 капитала получается:

Класс.	Постоян. капитал.	Перемен. капитал.	Приба- вочная ценность Ф. ст.	Норма при- бавочной ценности, %	Норма прибыли %	Продукт.	Цена фунта пряжи. Ф. ст.
IV	75 ф. ст. = 1500 фун. хлопчат. бумаги.	20 ф. ст. ($18\frac{3}{4}$ чел.)	$12\frac{1}{2}$	50	$12\frac{1}{2}$	1500 фун- тов пряжи.	$^{3}/_{40}$

Из этих [$^{3}/_{40}$ приходится $^2}/_{40} = ^1}/_{20}$ на возмещение с, и $^{1}/_{40} = ^3}/_{120}$ на прибавленный труд. Из них] $^2}/_{120}$ представляет заработную плату и $^1}/_{120}$ прибыль.

Возьмем теперь все четыре случая, начиная с I, где еще не произошло изменения ценности (см. стр. 145).

Цена продукта изменится во II и III, так как изменилась ценность постоянного капитала. Изменение ценности переменного капи-

тала не вызывает, наоборот, никакого изменения в цене, так как абсолютное количество живого труда остается неизменным; оно только иначе делится на необходимый и прибавочный труд.

Класс.	Постоянный капитал.		Переменный капитал.		Органическое строение капитала.	Прибавочная ценность, ф. ст.	Норма прибавоч. ценности. Процент.	Норма прибавоч. проц. Процент.	Продукт. фунт. приж.	Цена фунта приж. ф. ст.	Прибыль на фунт. ф. ст.
	ф. ст.	ф. хл. бум.	ф. ст.	раб.							
I	80	= 1600	20	= 20	c : v = 16 : 4	20	100	20	1600	$\frac{9}{120}$	$\frac{1}{80}$
II	80	= 1200	20	= 15	c : v = 16 : 4	10	50	10	1200	$\frac{11}{120}$	$\frac{1}{120}$
III	$8\frac{4}{19}$	= $1263\frac{3}{19}$	$15\frac{15}{19}$	= $15\frac{15}{19}$	c : v = 16 : 3	$15\frac{15}{19}$	100	$15\frac{15}{19}$	$1263\frac{3}{19}$	$\frac{11}{120}$	$\frac{1}{80}$
IV	75	= 1500	25	= $18\frac{3}{4}$	c : v = 9 : 3	$12\frac{1}{2}$	50	$12\frac{1}{2}$	1500	$\frac{9}{120}$	$\frac{1}{120}$

Как же обстоит дело в сл. II, где изменение ценности в одинаковой степени повлияло на постоянный и переменный капитал, где оба они возросли на одну треть?

Если бы возросла только заработная плата (IV), то прибыль упала бы от 20 процентов до $12\frac{1}{2}$ процентов, следовательно, на $7\frac{1}{2}\%$. Если бы возросла только ценность постоянного капитала (III), то прибыль упала бы от 20 до $15\frac{15}{19}$, следовательно, на $4\frac{4}{19}$ процента. Когда оба капитала возрастают в одинаковой степени (II), то прибыль падает от 20 до 10, следовательно, на 10 процентов.

Отсюда следует: при неизменном способе производства или неизменном вещественном составе капитала, то-есть при неизменном отношении между примененным живым и накопленным трудом, — изменения ценности товаров, входящих в постоянный или переменный капитал, не вызывают никакого изменения в органическом строении капитала, когда они в одинаковой степени касаются переменного и постоянного капитала, как в кл. II¹, где хлопчатая бумага, например, вздорожала в такой же степени, как и пшеница, которая потребляется рабочими. Норма прибыли здесь падает при возрастающей ценности постоянного и переменного капитала, во-первых, потому, что норма прибавочной ценности падает вследствие повышения заработной платы, и, во-вторых, потому, что число рабочих уменьшается.

Изменение ценности, если оно касается только постоянного или только переменного капитала—влияет, как изменение в органическом строении капитала и вызывает соответствующее изменение в отношении между ценностями составных частей капитала, хотя способ производства остается неизменным. Если произошло изменение лишь переменного капитала, то он возрастает в сравнении с постоянным капиталом и всем капиталом, и не только норма прибавочной ценности, но и число занятых рабочих

¹ В манускрипте стоит IV. К.

уменьшается. Поэтому применяется также меньше постоянного капитала, ценность которого остается неизменной (IV).

Если изменение ценности произошло только в постоянном капитале, то переменный капитал падает в сравнении с постоянным и всей суммой капитала. Хотя норма прибавочной ценности остается та же, сумма ее уменьшается, так как сокращается число занятых рабочих.

Наконец, изменение ценности могло бы касаться как постоянного, так и переменного капитала, но в различной степени. Этот случай нужно свести к предыдущим случаям. Например, постоянный и переменный капитал изменились бы таким образом, что ценность первого возросла бы на 10%, а второго на 5%. Поскольку оба они возрастают на 5%, один возрос бы на 5 + 5, другой — на 5, наступил бы случай II. Но поскольку постоянный капитал сверх того увеличился бы еще на 5%, мы имели бы случай III.

До сих пор мы предполагали только возрастание ценности. При падении ценности получается противоположное действие. Например, если переход совершается от II к I, мы имели бы тот случай, когда обе составные части изменяются в одинаковой степени. Если бы произошло падение только одной составной части, то нужно было бы изменить IV и III.

Относительно влияния изменения ценности на органическое строение капитала нужно еще заметить следующее. Для капиталов, занятых в различных отраслях производства, при неизменном вещественном составе их может получиться разница, обусловленная более высокой ценностью примененных машин или материала. Например, если бы в хлопчатобумажной, шелковой, льняной и шерстяной промышленности мы имели совершенно одинаковое органическое строение капитала, то только разница в издержках на примененный материал создала бы такое изменение.

III. Накопление капитала и кризисы.

1. Простое воспроизводство.

Прежде всего приведем здесь рассуждения Рикардо, разбросанные по всей его книге.

...Все продукты страны потребляются; но неизмеримо большая разница, потребляются ли они теми, кто создает новую ценность, или же теми, кто не производит ее. Когда мы говорим, что доход сберегается и прибавляется к капиталу, мы подразумеваем, что та доля дохода, о которой говорится, что она прибавляется к капиталу, потребляется производительными рабочими вместо потребления, представляет одно из самых крупных заблуждений. Если бы цена труда поднялась до такой высоты, что, несмотря на увеличение капитала, не могло бы быть применено большее количество рабочих, то я сказал бы, что такое увеличение капитала будет потреблено непроизводительно" (I. с., 8 глава, стр. 163, прим.; русск. пер. Н. Рязан., стр. 94).

Здесь, следовательно, [спрашивается] только, потребляется ли [сбереженный доход] рабочими или нет, как это делает А. Смит и др. Но речь идет также о промышленном потреблении товаров, которые образуют постоянный капитал, которые потребляются, как материал и орудие труда, или потребляются таким образом, что они при этом превращаются в материал и орудия труда. С самого начала является ошибочным, то-есть односторонним, представление, что накопление капитала представляет будто бы превращение дохода в заработную плату, что оно равняется будто бы накоплению переменного капитала. Таким образом, получается неправильное обсуждение всего вопроса о накоплении.

Прежде всего необходимо выяснить, что мы называем воспроизводством постоянного капитала. Мы здесь рассматриваем годовое воспроизводство, или год принимаем за меру времени процесса воспроизводства.

Значительная часть постоянного капитала—основной капитал—входит в годовой процесс труда, не входя [целиком] в годовой процесс создания ценности. [Значительная часть его] не потребляется, следовательно, не должна быть воспроизведена. Она сохраняется тем, что вообще входит в процесс воспроизводства и находится в соприкосновении с живым трудом,—а вместе с ее потребительной ценностью сохраняется и меновая ценность ее. Чем больше эта часть капитала в стране

¹ Здесь мы находим то же различие, что и у А. Смита.

в этом году, тем больше относительно только формальное воспроизводство (сохранение) ее в следующем году; при этом предполагается, что процессе производства возобновляется, продолжается, поддерживается на той же самой ступени. Ремонт и все остальное, необходимое для сохранения основного капитала, мы относим к его первоначальным издержкам. Это не имеет ничего общего с сохранением в вышеупомянутом смысле.

Вторая часть постоянного капитала ежегодно потребляется в производстве товаров и потому она должна быть воспроизведена ежегодно. Сюда относится вся та часть основного капитала, которая в течение года входит в процесс образования ценности, и вся та часть постоянного капитала, которая представляет оборотный капитал, сырой материал и вспомогательные вещества.

Что касается этой второй части постоянного капитала, то нужно различать следующее.

Определенная часть того, что является постоянным капиталом—материалом и средством производства—в одной сфере производства, одновременно является продуктом в параллельной сфере производства. Например, пряжа служит постоянным капиталом для ткача; она является продуктом прядильщика, который, быть может, накануне был в процессе производства. Когда мы здесь употребляем выражение „одновременно“, то имеем в виду, что оно произведено в течение того же самого года. Одни и те же товары, в различных фазах, проходят в течение одного и того же года через различные сферы производства. Из одной сферы они выходят в качестве продукта, в другую они входят в качестве товара, образующего постоянный капитал. И как постоянный капитал, все они потребляются в течение года: или таким образом, что в товар входит только их ценность, как это происходит с основным капиталом, или таким образом, что и потребительная ценность их входит в него, как это происходит с оборотным капиталом. Товар, произведенный в одной сфере производства, потом входит в другую сферу производства, где он потребляется в виде постоянного капитала—мы здесь имеем последовательный ряд сфер производства, в которые входит один и тот же товар; кроме того, мы имеем одновременное производство его различных элементов или одновременное существование различных фаз его. В течение одного и того же года товар постоянно потребляется в одной сфере, как постоянный капитал, и в другой параллельной сфере он производится, как товар. Те же самые товары, которые, таким образом, потребляются в течение года, как постоянный капитал, также постоянно производятся в течение того же самого года. Машина изнашивается в сфере А. Одновременно она производится в сфере В. Постоянный капитал, который в течение года потребляется в сферах производства, производящих жизненные средства, одновременно производится в других сферах производства, так что в продолжение года или к концу года он вновь возмещается *in natura*. И то и другое, как жизненные средства, так и эта часть постоянного капитала, является продуктом нового труда, затраченного в течение года. Часть ценности продукта сфер производства, в которых производятся жизненные средства, возмещает постоянный капитал этих сфер производства; эта часть цен-

ности образует, как я объяснил выше, доход для производителей этого постоянного капитала.

Далее, имеется часть постоянного капитала, которая ежегодно потребляется, не входя в качестве составной части в сферы производства, доставляющие жизненные средства (товары для личного, непосредственного потребления). Она, следовательно, и не может быть возмещена из этих сфер. Мы имеем в виду ту часть постоянного капитала—орудий производства, сырого материала и вспомогательного материала, которая служит для промышленного потребления в производстве самого постоянного капитала, машин, сырого материала и вспомогательного материала. Эта часть, как мы видели, возмещается *in natura* или непосредственно из продукта этой самой сферы производства (например, семена, скот, уголь отчасти), или путем обмена части продуктов среди различных сфер производства, образующих постоянный капитал. Здесь происходит обмен капитала на капитал. Благодаря существованию и потреблению этой части постоянного капитала увеличивается не только количество продуктов, но и ценность годового продукта. Часть ценности годового продукта, которая равна ценности этой части потребленного постоянного капитала, обратно покупает *in natura*, или берет обратно из годового продукта ту часть его, которая должна возместить *in natura* потребленный постоянный капитал. Например, ценность семян определяет ту часть ценности жатвы (следовательно, количество хлеба), которая должна быть возвращена земле, производству в виде семян, в виде постоянного капитала¹. Без вновь прибавленного в течение года труда эта часть не была бы воспроизведена; но в действительности она произведена прошлогодним или предыдущим трудом, и поскольку производительность труда не изменяется—ценность, которую она прибавляет годовому продукту, является результатом труда не настоящего, а прошлого года. Чем больше, относительно, примененный постоянный капитал в стране, тем больше будет также та часть постоянного капитала, которая потребляется в производстве постоянного капитала и которая не только выражается в большем количестве продуктов, но повышает также ценность этого количества продуктов. Эта ценность является не только результатом труда настоящего года, но она представляет также результат прошлогоднего, предыдущего труда, хотя без непосредственного годового труда она не появилась бы снова, как не появился бы продукт, в который она входит. Если эта часть растет, то растет не только годовое количество продуктов, но и их ценность, даже в том случае, когда годовой труд остается неизменным. Это возрастание представляет форму накопления капитала, понимание которой очень важно. И меньше всего мы находим такое понимание в следующей фразе Рикардо:

„Труд одного миллиона человек в промышленности всегда произведет одну и ту же ценность, но он не произведет всегда одно и то же богатство“ (i. e., гл. 20, стр. 320; русск. пер. Н. Рязан., стр. 181—182).

¹ Эта фраза гласит в оригинале: часть ценности посева, которая представляет семена, определяет часть ценности посева (следовательно, количество хлеба), которая в виде постоянного капитала и т. д. К.

Этот миллион человек—при данном рабочем дне—будет производить не только очень различные количества товаров в зависимости от производительности труда, но и ценность этих количеств будет очень различна, в зависимости от величины постоянного капитала, с которым они произведены, следовательно, в зависимости от величины прибавленной к ним ценности, созданной прошлой годим, предыдущим трудом.

Говоря о воспроизводстве постоянного капитала, мы здесь — для простоты—везде предполагаем сначала, что производительность труда и, следовательно, способ производства остаются неизменными. Что должно быть возмещено в виде постоянного капитала—на данной ступени производства, это—определенное количество *in natura*. Если производительность остается неизменной, то и ценность этого количества не изменяется. Если происходит изменение производительности труда, благодаря чему то же самое количество может быть вновь воспроизведено дороже или дешевле, большим или меньшим количеством труда, то происходит также изменения в ценности постоянного капитала, которые влияют на прибавочный продукт, остающийся за вычетом постоянного капитала.

Предположим, например, что для посева требуется 20 кварталов по 3 ф. ст. = 60 ф. ст. Если для воспроизводства квартала требуется на одну треть меньше труда, то квартал стоит еще лишь 2 ф. ст. От продукта нужно попрежнему взять 20 кварталов для посева, но приходящаяся на их долю часть ценности всего продукта составляет еще лишь 40 ф. ст. Для возмещения того же самого постоянного капитала требуется тогда меньшая часть ценности и меньшая часть всего продукта *in natura*, хотя 20 кварталов попрежнему должны быть возвращены земле в виде семян ¹.

¹ Пример неверный. Предположим, что 20 кварталов требуется для посева, чтобы получить 100 кварталов. Тогда мы имеем в первом случае 60 ф. ст. посева. 300 ф. ст. продукта. Посев составляет 20% всего продукта, и как часть ценности, и как часть продукта *in natura*. Цена квартала понизилась, скажем, до 2 ф. ст.; тогда ценность посева будет равна 40 ф. ст., но и ценность всего продукта будет равняться лишь 200 ф. ст.; посев составляет попрежнему 20% всего продукта, и как часть ценности и как часть продукта *in natura*.

Это получается оттого, что постоянный капитал и весь продукт произведены в одной и той же сфере производства, так что изменение производительности в одинаковой степени касается обеих частей. То, что хочет доказать Маркс, мы ясно видим в том случае, когда постоянный капитал и конечный продукт созданы в различных сферах производства, так что изменение производительности должно касаться только первого. Возьмем, например, хлебопашество и мельничное дело. Из 100 кварталов зернового хлеба—мы берем произвольные числа—можно получить 100 центнеров муки при затрате труда, который создает ценность в 3 ф. ст. для центнера, следовательно, всего 300 ф. ст. Основной капитал оставим совершенно в стороне. Квартал пшеницы стоит, скажем, 3 ф. ст. Тогда мы имеем:

I.

Постоянный капитал.	Весь продукт.	Доля постоянно-го капитала во всем продукте.	Цена центнера конечного продукта.
300 ф. ст.	600 ф. ст.	50%	6 ф. ст.
100 кварт.	100 центн.		

Теперь предположим, что изменилась производительность труда, создающего постоянный капитал, так что 100 кварталов пшеницы стоят лишь 200 ф. ст.

Если бы постоянный капитал, потребляемый за год [в труде миллиона человек], у одной нации равнялся 10 миллионам ф. ст., у другой лишь 1 миллиону, и годовой труд одного миллиона человек давал бы 100 миллионов ф. ст., то ценность продукта этого миллиона была бы у первой нации 110 и у другой лишь 101 миллион. При этом не только возможно, но и несомненно, что единичный товар у нации I был бы дешевле, чем у II, так как последняя производила бы гораздо меньше товаров при затрате того же самого количества труда, гораздо меньше того, что соответствовало бы разнице между 10 и 1. Правда, у нации I в сравнении с нацией II, более значительная часть ценности продукта идет на возмещение [постоянного] капитала, следовательно, также более значительная часть всего продукта. Но и все количество продукта у нации I гораздо больше.

Относительно фабричных товаров известно, что 1 миллион человек в Англии производит не только гораздо большее количество продукта, но и гораздо большую ценность, чем, например, в России, хотя единичный товар гораздо дешевле. В земледелии, однако, повидимому, нет такого же отношения между капиталистически развитыми и относительно неразвитыми нациями. Продукт отсталой нации дешевле, нежели

Условия производства на мельнице остаются, наоборот, неизменными, так что при превращении 100 кварталов пшеницы в 100 центнеров муки попрежнему создается новая ценность в 300 ф. ст. Тогда мы получим следующее:

II.

Постоянный капитал.	Весь продукт.	Доля постоянно-го капитала во всем продукте.	Цена центнера конечного продукта.
200 ф. ст.	500 ф. ст.	40%	5 ф. ст.
100 кварт.	100 цитн.		

Здесь, следовательно, доля ценности постоянного капитала во всем продукте упала. Но там, где постоянный капитал составляет не только часть ценности, но и часть конечного продукта *in natura*, то-есть где оба они происходят из одной и той же сферы производства, когда обеих их в одинаковой степени касаются изменения производительности, там такое падение невозможно.

Чаще, однако, наступит противоположный случай, именно с развитием производительности труда,—что в индустрии происходит быстрее, чем в земледелии,—не говоря об основном капитале, ценность постоянного капитала остается неизменной, а издержки по его обработке падают. Предположим, например, что производительность земледелия осталась неизменной, производительность труда на мельнице повысилась вдвое. Мельница может смолоть при той же самой затрате труда 200 кварталов пшеницы вместо прежних 100, на 600 ф. ст., при такой же цене пшеницы, какая была в случае I. Здесь мы имеем:

III.

Постоянный капитал.	Весь продукт.	Доля постоянно-го капитала во всем продукте.	Цена центнера конечного продукта.
600 ф. ст.	900 ф. ст.	66 $\frac{2}{3}$ %	4 $\frac{1}{2}$ ф. ст.
200 кварт.	200 цитн.		

Это тот случай, который Маркс имеет в виду в следующем абзаце у нации I. К:

продукт капиталистической нации, по денежной цене. И все же продукт развитой нации является, по видимому, результатом гораздо меньшего количества труда (в течение года), нежели продукт отсталой нации. В Англии, например, земледелием занято менее $\frac{1}{3}$ [рабочих]; в России $\frac{4}{5}$; там $\frac{5}{15}$, здесь $\frac{12}{15}$. Эти числа нельзя брать в буквальном смысле. В Англии, например, в индустрии, на машиностроительных заводах, в торговле, транспорте и т. д. производством и доставкой элементов сельско-хозяйственного производства занята такая масса людей, какой нет в России. Следовательно, относительное количество занятых в земледелии лиц не может быть определено непосредственно по числу индивидуумов, занятых непосредственно в земледелии. В капиталистических странах в сельско-хозяйственном производстве участвуют косвенным образом многие, которые в неразвитых странах заняты в нем непосредственно. Разница [следовательно] кажется большей, чем на самом деле. Для цивилизации страны вообще эта разница, однако, имеет очень большое значение, даже поскольку она состоит лишь в том, что значительная часть участвующих в земледелии рабочих не занята в нем непосредственно, удалена от идиотизма сельской жизни и принадлежит к промышленному населению. Но это мы пока оставим в стороне. Далее мы не будем касаться того, что большая часть земледельческих народов вынуждена продавать свой продукт и иже его ценности, меж тем как в странах с развитым капиталистическим производством земледельческий продукт поднимается до своей ценности.

Во всяком случае, в ценность продукта английского сельского хозяина входит часть ценности постоянного капитала, которая не входит в ценность продукта русского сельского хозяина. Предположим, что эта часть ценности равна дневному труду 10 человек. И предположим, что один английский рабочий приводит в движение этот постоянный капитал. Я говорю о той части постоянного капитала земледельческого продукта, которая не возмещается новым трудом, например, земледельческие орудия. Если требуется 5 русских рабочих для производства того же самого продукта, какой производит 1 англичанин с помощью постоянного капитала в 10, и если постоянный капитал, который употребляет русский рабочий, равняется 1 рабочему дню, то английский продукт равнялся бы $10c + 1v = 11$ рабочим дням, а продукт русского рабочего равнялся бы $1c + 5v = 6$. Если русская земля настолько плодороднее английской, что она без применения постоянного капитала или с постоянным капиталом, который в 10 раз меньше, [но при применении в 5 раз большего количества рабочих], производит столько хлеба, сколько англичанин получает с постоянным капиталом, который в 10 раз больше, — то ценности одинаковых количеств английского и русского хлеба относятся друг к другу, как 11 : 6. Если бы квартал русского хлеба продавался по 2 ф. ст., то английский хлеб продавался бы по $3\frac{2}{3}$ ф. ст., ибо $2 : 3\frac{2}{3} = 6 : 11$. Денежная цена и ценность английского хлеба была бы, следовательно, гораздо выше денежной цены и ценности русского хлеба, все же английский хлеб был бы произведен меньшим количеством [непосредственного] труда, так как прошлый труд, который вновь появляется как в массе, так и в ценности продукта, не стоит никакой

прибавки нового труда. Эта [более высокая цена и ценность английского хлеба] получалась бы всегда, если бы англичанин применял меньше непосредственного труда, нежели русский, но применяемый им больший постоянный капитал—который ему ничего не стоит, хотя он стоит и должен быть оплачен—не повышал бы производительности труда в такой степени, что этим компенсировалось бы естественное плодородие русской земли. Денежные цены земледельческого продукта могут, следовательно, в странах с капиталистическим производством стоять выше, чем в менее развитых странах, хотя на самом деле он стоит меньше труда. Он содержит [большую сумму] непосредственного и прошлого труда, но этот прошлый труд ничего не стоит. Продукт был бы дешевле, если бы не было разницы в естественном плодородии. Этим можно было бы также объяснить более высокие денежные цены заработной платы.

До сих пор мы говорили только о воспроизводстве имеющегося капитала. Рабочий возмещает свою заработную плату с прибавочным продуктом или прибавочной ценностью, которая образует прибыль капиталиста (включая ренту). Он возмещает часть годового продукта, которая ему снова служит заработной платой. Капиталист съел свою прибыль в течение года, но рабочий создал часть продукта, которая снова может быть съедена в виде прибыли. Часть постоянного капитала, которая потребляется в производстве жизненных средств, возмещается постоянным капиталом, который в течение года произведен новым трудом. Производители этой новой части постоянного капитала реализуют свой доход (прибыль и заработную плату) в той части жизненных средств, которая равна части ценности потребленного в их производстве постоянного капитала. Наконец, постоянный капитал, который потребляется в производстве постоянного капитала, в производстве машин, сырого и вспомогательного материала, возмещается *in natura* или путем обмена капиталов из общей суммы продукта различных сфер производства, производящих постоянный капитал.

2. Превращение дохода в капитал.

Как же обстоит дело с увеличением капитала, с его накоплением, в отличие от воспроизводства, с превращением дохода в капитал?

Для простоты предположим, что производительность труда остается неизменной, что не происходит изменения в способе производства, то есть, для производства того же самого количества товара требуется то же самое количество труда, что, следовательно, увеличение капитала стоит того же самого труда, как и прошлогоднее производство капитала такой же самой величины. Часть прибавочной ценности должна быть превращена в капитал, а не съедена в виде дохода. Она должна быть превращена в постоянный и переменный капитал. И отношение, в каком она делится на эти две различные части капитала, зависит от данного органического строения капитала, ибо способ производства остается неизменным, а также относительная ценность обеих частей. Чем выше развито производство, тем больше будет та часть приба-

вочной ценности, которая превращается в постоянный капитал, в сравнении с той частью прибавочной ценности, которая превращается в переменный капитал.

Прежде всего, следовательно, часть прибавочной ценности и соответствующего ей прибавочного продукта в виде жизненных средств нужно превратить в переменный капитал, то-есть на нее нужно купить новый труд. Это возможно лишь в том случае, когда число рабочих растёт, или когда рабочее время, в течение которого они заняты, удлинено.

Последнее наступает в том случае, когда, например, часть рабочего населения была занята лишь наполовину или на две трети, или для более или менее продолжительных периодов также при абсолютном удлинении рабочего дня, которое тогда, однако, должно оплачиваться. Но это не может считаться постоянным способом накопления. Рабочее население может возрасти, если рабочие, бывшие раньше непроизводительными, превращены в производительных рабочих, или когда части населения, которые раньше не работали, как, например, женщины и дети, нищие, вовлечены в процесс производства. Последний пункт мы здесь оставляем в стороне. Наконец—благодаря абсолютному возрастанию рабочего населения с возрастанием всего населения вообще. Это абсолютное увеличение населения, хотя оно и уменьшается относительно в сравнении с примененным капиталом, является необходимым условием того, чтобы накопление представляло постоянный, непрерывный процесс. Увеличение населения является основой накопления, как постоянного процесса. Но это предполагает такую среднюю заработную плату, которая позволяет постоянное возрастание рабочего населения, не только его воспроизводство. Для экстренных случаев капиталистическое производство пользуется тем, что на часть рабочего населения оно взваливает чрезмерный труд, а другую держит *in petto* в положении нищих или полунищих, как резервную армию.

Как же обстоит дело с другой частью прибавочной ценности, которая должна быть превращена в постоянный капитал? Для простоты отвлечемся от внешней торговли и возьмем замкнутую нацию. Приведем пример. Прибавочная ценность, созданная ткачем, равна, предположим, 10.000 ф. ст., из которых он хочет превратить в капитал половину, следовательно, 5.000 ф. ст. Из них, соответственно органическому строению капитала в данном производстве, на заработную плату нужно, скажем, затратить одну пятую. Мы здесь отвлекаемся от обращения капитала, при котором ему, быть может, достаточно суммы для пяти недель, по истечении которых он продает свой продукт и таким образом получает обратно из обращения капитал для заработной платы. Мы предполагаем, что он должен хранить у банкира 1.000 ф. ст. на заработную плату (для 20 человек) и постепенно тратить их в течение года на заработную плату. Во-первых, он должен купить пряжу, именно такое количество ее, какое могут выпрясть 20 человек в течение года. (Мы все время оставляем в стороне обращение оборотной части капитала). Далее, он должен увеличить количество ткацких станков на своей фабрике, быть может, также прибавить паровую машину или вложить

большой капитал в старую и т. д. Но чтобы он мог все это купить, он должен найти на рынке пряжу, ткацкие станки и т. д. Он должен превратить свои 4.000 ф. ст. в пряжу, ткацкие станки, уголь и т. д., т.-е. должен купить эти продукты. Чтобы их можно было купить, они должны быть на-лицо. Так как мы предположили, что воспроизводство старого капитала произошло при старых условиях, то прядильщик затратил весь свой капитал, чтобы доставить то количество пряжи, которое требовалось ткачам год тому назад. Как же он может удовлетворить возросший спрос возросшим предложением пряжи? Так же обстоит дело с фабрикантом, доставляющим ткацкие станки, машины и т. д. Он произвел лишь достаточное количество новых ткацких станков для того, чтобы покрыть среднее потребление их. Но жаждущий накопления ткач заказывает на 3.000 ф. ст. пряжи и на 1.000 ф. ст. ткацких станков, угля (ибо так же обстоит дело и с поставщиком угля) и т. д. Или он дает прядильщику 3.000 ф. ст., поставщику машин, угля и др. 1.000 ф. ст., чтобы они превратили ему эти деньги в пряжу, ткацкие станки и уголь. Он, следовательно, должен был бы ждать, пока закончится этот процесс, а потом уже приступить к своему накоплению, к своему производству нового полотна. Это был бы первый перерыв. Но прядильщик со своими 3.000 ф. ст. находится в таком же положении, в каком находится ткач со своими 4.000 ф. ст., только он тотчас же вычитает свою прибыль. Он может найти добавочное количество прядильщиков, но ему нужны ден, веретена, уголь и т. д. Поставщику угля также требуются новые машины или орудия, кроме новых рабочих. И владельцу машиностроительного завода, который должен доставить новые ткацкие станки, веретена и т. д., требуется, кроме добавочных рабочих, железо и т. д. Но хуже всего обстоит дело у поставщика льна, который может доставить добавочное количество льна лишь в следующем году.

Следовательно, для того, чтобы ткач мог каждый год без проволочек и перерывов превращать часть своей прибыли в постоянный капитал и чтобы накопление являлось непрерывным процессом, необходимо, чтобы он нашел на рынке добавочное количество пряжи, ткацких станков и т. д. Он, прядильщик, углепромышленник и др. [могут] поставить больше рабочих лишь в том случае, когда они находят на рынке [больше] льна, веретен, машин.

× Часть постоянного капитала, которая ежегодно принимается в расчет, как изношенная часть, и в виде изнашивания входит в ценность продукта, в действительности не изнашивается. × Возьмем, например, машину, которая служит 12 лет и стоит 12.000 ф. ст.; среднее изнашивание, которое должно каждый год приниматься в расчет, составляет 1.000 ф. ст. Так как ежегодно в продукт входит 1.000 ф. ст., то в течение 12 лет воспроизведена ценность в 12.000 ф. ст., и по такой цене может быть куплена новая такая же машина. Ремонты и починки, которые необходимы были в течение этих 12 лет, мы причисляли к издержкам производства машины; они не имеют никакого отношения к нашему вопросу. Но этот средний расчет не совпадает с тем, что имеет место в действительности. Машина, быть может, работает в течение вто-

рого года лучше, чем в первом году. И все же по истечении 12 лет ею уж больше нельзя пользоваться. Здесь дело обстоит так же, как со скотом, который в среднем может жить 10 лет, но не отмирает в течение каждого года на одну десятую, хотя по истечении 10 лет он должен быть замещен новым индивидуумом. Конечно: в течение данного года определенное количество машин и т. д. всегда вступает в эту стадию, и тогда они на самом деле должны быть возмещены новыми машинами. Каждый год, следовательно, определенное количество старых машин и т. д. действительно, *in natura*, должно быть возмещено новыми. И этому соответствует годовое среднее производство машин и т. д. Ценность, которая должна быть за них уплачена, отложена из выручки за товары, соответственно времени воспроизводства машин. Хотя на самом деле значительная часть ценности годового продукта, часть той ценности, которая ежегодно уплачивается за него, необходима для того, чтобы через 12 лет, например, возместить старые машины, но в действительности отнюдь не требуется, чтобы ежегодно возмещалась одна двенадцатая часть *in natura*, что в сущности было бы невыполнимо. Этот фонд может быть отчасти использован для заработной платы или для покупки сырого материала, до того как продан товар или уплачено за товар, который постоянно выбрасывается на рынок, но не возвращается тотчас же из процесса обращения. Это однако не может происходить в течение всего года, так как товары, совершающие полный оборот в течение года, реализуют всю свою ценность, следовательно, они должны оплатить, реализовать содержащуюся в них заработную плату, сырой материал, изнашивание машин и прибавочную ценность. Таким образом, где имеется большой постоянный капитал, следовательно, также большой основной капитал, там в той части ценности продукта, которая возмещает изнашивание основного капитала, существует фонд накопления; и тот, который его применяет, может его использовать для приобретения нового основного капитала (или также оборотного капитала), не беря ничего для этой части накопления из прибавочной ценности. (См. Мак Кэллок). Этого фонда накопления нет на тех ступенях производства и у тех наций, где нет большого основного капитала. Это важный пункт. Это фонд для постоянных затрат на улучшения, расширения и т. д.

Но мы хотим здесь остановиться на следующем. Если бы даже весь капитал, затраченный на машиностроение, достигал лишь таких размеров, какие необходимы для возмещения годового изнашивания машин, то он производил бы гораздо больше машин, чем сколько их требуется ежегодно, так как изнашивание отчасти существует идеально, а реально оно должно быть возмещено *in natura* лишь по истечении целого ряда лет. Примененный таким образом капитал доставляет, следовательно, массу машин, которая имеется для новых затрат капитала и предвосхищает эти новые затраты капитала. Например, в этом году фабрикант, доставляющий машины, начинает свое производство. Он доставляет, скажем, на 12.000 ф. ст. машин в течение года. При простом воспроизводстве доставляемых им машин он таким образом должен был бы производить в течение каждого из 11 следующих лет только на 1.000 ф. ст., и даже это годовое производство не потреблялось бы ежегодно. Еще

менее это имеет место, если он применяет весь свой капитал. Для того чтобы последний находился в движении и только непрерывно воспроизводился ежегодно, необходимо новое постоянное расширение производства, которому нужны эти машины; тем более, когда он сам накапливает. Здесь, следовательно, даже в том случае, когда в этой сфере производства вложенный в нее капитал только воспроизводится, необходимо постоянное накопление в остальных сферах производства. Но, благодаря этому, это постоянное накопление находит также всегда на рынке один из своих элементов. Здесь в одной сфере производства имеется постоянный запас товаров для накопления, для нового добавочного промышленного потребления в других сферах, даже в том случае, когда в этой сфере только воспроизводится наличный капитал.

Для 5.000 ф. ст. прибыли или прибавочной ценности, которые превращаются в капитал, например, ткачем, возможны два случая, при предположении, что он находит на рынке труд, который он должен купить на 1.000 ф. ст., взятых из этих 5.000 ф. ст., чтобы превратить эти 5.000 ф. ст. в капитал соответственно условиям своей сферы производства. Эта часть превращается в переменный капитал и затрачивается на заработную плату. Но, чтобы применить этот труд, ему нужны пряжа, добавочные вспомогательные вещества и больше машин, если не происходит удлинения рабочего дня. В этом последнем случае не требуется непосредственной затраты нового капитала на машины, только ценность машины должна возмещаться несколько быстрее. Только вспомогательные материалы требуют в данном случае авансирования добавочного капитала.

Если ткач находит на рынке эти условия своего производства, тогда приобретение этих товаров отличается от приобретения других товаров только тем, что он покупает товары для промышленного, а не для индивидуального потребления; но возможно, что он их не находит на рынке; тогда он их должен заказать, как, например, когда речь идет о машинах новой конструкции, подобно тому, как он должен заказывать предметы для частного потребления, которых он не находит на рынке. Если бы сырой материал (лен) производился лишь по заказу, как, например, производится индиго, джут и т. д. индийскими рютами по заказу английских купцов, которые их авансируют, то накопление ткача в его собственном деле было бы невозможно в течение этого года. С другой стороны, если мы предположим, что прядильщик превращает 3.000 ф. ст. [в пряжу] и ткач не накапливает, то пряжи нельзя будет продать—хотя на рынке имелись все условия его производства и эти 3.000 ф. ст. во всяком случае превращены в пряжу, но не в капитал.

Кредит, на котором мы здесь не будем останавливаться, способствует тому, что накопленный капитал применяется не в той именно сфере, в которой он создан, а там, где он имеет больше всего шансов увеличить свою ценность. Однако каждый капиталист предпочтет по возможности вложить свой накопленный капитал в свое собственное предприятие. Если он его вкладывает в другое предприятие, то он становится денежным капиталком и вместо прибыли получает лишь про-

центы; или он должен заняться спекуляцией. Но мы здесь говорим о среднем накоплении и только предполагаем в нашем примере, что оно вложено в особую отрасль производства.

Если бы, с другой стороны, льновод расширил свое производство, то-есть если бы он накоплял, а прядильщик, ткач, машиностроитель и др. не накопили, то он имел бы лишний лен на складе и в следующем году производил бы, вероятно, меньше.

Пока мы совершенно оставляем в стороне индивидуальное потребление и говорим только о связи между производителями. Если она существует, то, во-первых, они создают друг другу рынок для капиталов, которые они должны возместить друг другу; для одной части жизненных средств создают рынок вновь занятые или лучше занятые рабочие; и так как прибавочная ценность в следующем году увеличивается, то капиталисты могут израсходовать более значительную часть дохода; они, следовательно, также создают до известной степени рынок друг для друга. Но все же значительная часть годового продукта может остаться непроданною.

Вопрос теперь должен быть формулирован таким образом: если предположить всеобщее накопление, то-есть если предположить, что во всех отраслях производства происходит большее или меньшее накопление капитала, что в действительности является условием капиталистического производства и к чему стремится капиталист, как капиталист, подобно тому как собиратель сокровищ стремится к накоплению денег (что также необходимо для развития капиталистического производства),—если это предположить, то каковы условия этого всеобщего накопления, к чему оно сводится? Или, так как ткач может для нас служить представителем капиталиста вообще, каковы условия, которые дают ему возможность беспрепятственно превратить обратно эти 5.000 ф. ст. в капитал и из года в год непрерывно продолжать процесс накопления? Накопление 5.000 ф. ст. означает не что иное, как превращение этих денег, этой суммы ценности в капитал. Условия для накопления капитала, следовательно, совершенно те же, как и вообще для его первоначального производства и воспроизводства. Но эти условия сводились к следующему: на одну часть денег покупается труд, на другую часть товары (сырой материал, машины и т. д.), которые служат для промышленного потребления при применении этого труда. Некоторые товары годятся только для промышленного потребления, как машины, сырой материал, полуфабрикаты и т. д. Дома, лошади, пшеница, рожь (из которых производится водка или крахмал и т. д.) и другие товары служат для индивидуального и промышленного потребления. Чтобы можно было купить эти товары, они должны находиться на рынке, как товары—на промежуточной стадии между законченным производством и еще не начатым потреблением, в руках продавцов, в стадии обращения—или требуется, чтобы их можно было получить по заказу (чтобы их можно было создать, как при постройке новых фабрик и т. д.). Так и обстояло дело—это предполагалось при производстве и воспроизводстве капитала, благодаря существующему при капиталистическом производстве разделению труда на

общественной скале (разделению труда и капитала между различными сферами производства), благодаря происходящему одновременно на всей поверхности параллельному производству, воспроизводству. Это было условием рынка, производства и воспроизводству капиталу. Чем больше капитал, чем выше производительность труда, вообще чем выше ступень капиталистического производства,—тем больше также масса товаров, которые находятся в стадии перехода из производства в потребление (индивидуальное и промышленное), находятся в обращении на рынке, и тем больше гарантия для каждого особого капитала, что он найдет на рынке условия своего производства. Так обстоит дело на самом деле, тем более, что, как это свойственно капиталистическому производству, каждый особый капитал, во-первых, работает на такой ступени, которая обусловлена не индивидуальным спросом (заказы и т. д., частные потребности), а стремлением реализовать возможно больше труда, а потому и прибавочного труда, и доставить с данным капиталом возможно большую массу товаров; во-вторых, всякий отдельный капитал старается занять на рынке возможно больше места и вытеснить, исключить своих конкурентов. Конкуренция капиталов. Чем больше развиваются средства сообщения, тем больше может уменьшиться запас на рынке.

Там, где производство и потребление относительно велико, там в известный момент необходимо получится сравнительно большой излишек на рынке в промежуточной стадии, на пути от производителя к потребителю; этого не бывает лишь в том случае, когда быстрота, с какой продаются вещи, так увеличивается, что она парализует последствия возросшего производства, которые иначе должны были бы проявиться. (An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand and the Necessity of consumption, lately advocated by M-r Malthus etc. Лондон 1821, стр. 6, 7).

Итак, накопление нового капитала может происходить лишь при таких же самых условиях, как и воспроизводство уже имеющегося капитала.

Мы здесь совершенно не принимаем в расчет того случая, когда накапливается больше капитала, чем сколько требуется для производства, например, когда он лежит без употребления у банкиров, когда он, например, отдан в займы за границу, короче—спекуляций с инвестированием. Мы не рассматриваем также того случая, когда невозможно продать массу произведенных товаров, кризисов и т. д. Это относится к главе о конкуренции. Мы здесь хотим исследовать лишь формы капитала в различных фазах его движения, при чем все время предполагается, что товары продаются по своей ценности.

Ткач может обратно превратить свои 5.000 ф. ст. прибавочной ценности в капитал, когда, кроме труда на 1.000 ф. ст., он находит на рынке пряжу и т. д. или может это получить по заказу. Для этого, следовательно, должен быть произведен прибавочный продукт в виде таких товаров, которые входят в его постоянный капитал, именно таких, для производства которых требуется более продолжительное время и которые быстро или вообще в течение данного года не могут быть увеличены, как сырой материал, например, лен. Сюда не относится куческий капитал, который имеет на складах запасы для ра-

ствующего потребления, индивидуального и промышленного; это представляет лишь форму посредничества и относится к главе о конкуренции капиталов.

Как производство и воспроизводство наличного капитала предполагает параллельное производство и воспроизводство в других сферах, так накопление или образование добавочного капитала в одной отрасли производства предполагает одновременное или параллельное производство добавочных продуктов в других отраслях производства. Следовательно, скала производства должна одновременно расти во всех сферах, доставляющих постоянный капитал, соответственно тому, насколько в среднем каждая особая сфера участвует в общем возрастании продукта, что определяется спросом; а постоянный капитал доставляют все сферы, которые не производят готового продукта для индивидуального потребления. Важнее всего при этом увеличение количества машин (орудий), сырого материала, вспомогательных материалов, так как все другие отрасли промышленности, безразлично, производят ли они полуфабрикаты или готовые фабрикаты, в которые они входят, когда имеются эти условия, должны только привести в движение больше труда.

Таким образом, во всех сферах требуется повидимому постоянное добавочное производство, чтобы возможно было накопление.

Это должно быть определено несколько точнее.

Далее следует второй важный вопрос:

[Здесь идет речь о той части] прибавочной ценности, которая обратно превращается в капитал, [или о] части прибыли, включая ренту; если землевладелец хочет заниматься накоплением, превращением ренты в капитал, то прибавочная ценность всегда поступает в руки промышленного капиталиста; так обстоит дело и тогда, когда рабочий превращает часть своего дохода в капитал. Эта часть прибыли, которая обратно превращается в капитал, состоит лишь из труда, который прибавлен в течение последнего года. Тут возникает вопрос: затрачивается ли весь этот новый капитал на заработную плату, обменивается ли он только на новый труд?

За это говорит следующее: всякая ценность имеет своим первоначальным источником труд. Всякий постоянный капитал первоначально так же является продуктом труда, как и переменный капитал. И здесь мы повидимому опять имеем непосредственное возникновение капитала из труда.

Против этого говорит следующее: разве образование добавочного капитала должно происходить при худших условиях производства, нежели воспроизводство старого капитала? Разве оно должно спуститься на низшую ступень в способе производства? Это однако должно было бы произойти, если бы новая ценность была затрачена только на непосредственный труд, который, следовательно, без основного капитала и т. д. только должен был бы все это произвести, совершенно так же, как первоначально труд еще сам должен создать свой постоянный капитал. Получается полнейшая бессмыслица. Но такова предпосылка Рикардо и других. Развить это подробнее.

3. Превращение накопленной прибавочной ценности в переменный и постоянный капитал.

Вопрос состоит в следующем:

Может ли часть прибавочной ценности превратиться в капитал таким образом, что капиталист вместо того, чтобы продать эту часть, или—вернее—прибавочный продукт, в котором она выражается, превращает ее непосредственно в капитал? Утвердительный ответ на этот вопрос уже обозначал бы, что вся сумма прибавочной ценности, которая должна быть превращена в капитал, не превращается в переменный капитал или не затрачивается на заработную плату.

Относительно той части сельскохозяйственных продуктов, которая состоит из хлеба или скота, это ясно с самого начала. Часть хлеба, принадлежащая к той части жатвы, которая представляет прибавочный продукт или прибавочную ценность для арендатора, также часть скота, вместо того, чтобы поступить в продажу, может сейчас же опять служить средством производства, как семена или вьючный скот. Так же обстоит дело с частью средств удобрения, произведенных на самой земле,—которая, как товар, может также стать предметом торговли, то-есть может быть продана. Эту часть прибавочного продукта, [достающегося] сельскому хозяину в виде прибавочной ценности, в виде прибыли, он сейчас же может опять превратить в средства производства внутри своей собственной сферы производства, следовательно, превратить непосредственно в капитал. Эта часть не затрачивается на заработную плату, не превращается в переменный капитал. Она не поступает в индивидуальное потребление, но не потребляется производительно в смысле Смита и Рикардо. Она вступает в промышленное потребление, но как сырой материал, не как жизненное средство для производительных или непроизводительных рабочих. Однако хлеб служит не только жизненным средством для производительных рабочих и др., но и вспомогательным материалом для скота, сырым материалом для водки, крахмала и т. д. Скот с своей стороны (убойный или вьючный скот) не только служит жизненным средством, но доставляет также сырые материалы для массы отраслей промышленности, именно меха, кожу, сало, кости, рога и т. д., и движущую силу, отчасти для самого сельского хозяйства, отчасти для транспортной промышленности.

Во всех [отраслях промышленности], в которых период воспроизводства составляет [больше] года, как это очень часто имеет место в производствах, доставляющих скот, лес и т. д., но продукты которых в то же время должны постоянно воспроизводиться, то-есть требуют применения определенного количества труда,—в этих отраслях промышленности накопление и воспроизводство совпадают постольку, поскольку вновь прибавленный труд, который представляет не только оплаченный, но и неоплаченный труд, должен накапливаться *in natura*, пока продукт может вступить в продажу.

Здесь речь идет не о накоплении прибыли, которая ежегодно прибавляется [к капиталу] по всеобщей норме прибыли; это не настоящее

накопление, а только определенный способ вычисления. Здесь речь идет о накоплении совокупного труда, которое повторяется в течение многих лет, где, следовательно, не только оплаченный, но и неоплаченный труд накапливается *in natura* и тотчас же снова превращается в капитал. Накопление прибыли в таких случаях, наоборот, не зависит от количества вновь прибавленного труда.

Так же обстоит дело и с промышленными растениями (независимо от того, доставляют ли они сырой материал или вспомогательные материалы). Их семена, та часть их, которая снова может быть употреблена в качестве удобрения и т. д., представляет часть всего продукта. Если бы она не продавалась, то это несколько не повлияло бы на тот факт, что, когда она снова становится средством производства, она образует часть всей ценности и, как таковая, служит постоянным капиталом для нового производства.

Таким образом, один важный вопрос уже выяснен—относительно сырого материала и жизненных средств, поскольку они представляют собственно земледельческий продукт. Здесь, следовательно, накопление совпадает непосредственно с воспроизводством в больших размерах, так что часть прибавочного продукта опять служит средством производства непосредственно в своей собственной сфере производства, не обмениваясь на заработную плату или другие товары.

Второй важный вопрос—это вопрос о машинах. Мы имеем в виду не машину, которая производит товары, а машину, производящую машины, постоянный капитал машин, производящих машины. Если эти последние даны, то необходим только труд, чтобы доставить сырой материал добывающей промышленности, железо и т. д., для сосудов и машин. И с этими последними доставлены также машины для обработки сырого материала. Трудность, о которой здесь идет речь, заключается в том, чтобы не попасть в порочный круг предпосылок. Именно, чтобы произвести больше машин, необходимо больше материала (железа и т. д., угля и т. п.), а для того, чтобы произвести больше материала, необходимо больше машин. Предполагаем ли мы, что промышленники, производящие машины для производства машин, и промышленники, производящие машины (с помощью первых), представляют один и тот же класс, от этого дело не меняется. Ясно следующее. Часть прибавочного продукта представлена в машинах, производящих машины (по крайней мере, это зависит от фабриканта, доставляющего машины). Не требуется, чтобы последние были проданы, они могут *in natura* опять войти в новое производство в качестве постоянного капитала. Здесь мы, следовательно, имеем вторую категорию прибавочного продукта, который непосредственно (или путем обмена в той же самой сфере производства) входит в новое производство (накопление) в качестве постоянного капитала, не проходя через процесс предварительного превращения в переменный капитал.

Вопрос, может ли часть прибавочной ценности быть непосредственно превращена в постоянный капитал, сводится прежде всего к вопросу, может ли часть прибавочного продукта, в котором выражается прибавочная ценность, непосредственно войти опять в свою собственную сферу

производства в качестве средства производства, без предварительного отчуждения.

Общий закон состоит в следующем:

Где часть продукта, следовательно, и прибавочного продукта (т.-е. потребительной ценности, в которой выражается прибавочная ценность), прямо, непосредственно может опять войти в качестве средства производства в сферу производства, из которой он вышел в качестве средства труда или материала,—там накопление внутри этой сферы производства может и должно выражаться в следующем: часть прибавочного продукта не продается, а непосредственно (или путем обмена с другими специалистами в той же самой сфере производства, которые накаплиют подобным же образом) снова входит в воспроизводство в качестве [средств производства]; таким образом, накопление и воспроизводство в больших размерах здесь непосредственно совпадают. Они должны везде совпадать, но не таким образом, не непосредственно.

Так же обстоит дело с частью вспомогательных материалов, например с углем, произведенным в течение года. Часть прибавочного продукта может быть опять употреблена для производства угля, может, следовательно, быть использована его производителем прямо, непосредственно, в качестве постоянного капитала для производства в больших размерах.

В промышленных округах имеются такие машиностроители, которые строят целые фабрики для фабрикантов. Предположим, что $\frac{1}{10}$ их продукта представляет прибавочный продукт или неоплаченный труд. Представлена ли эта десятая часть прибавочного продукта в фабричных зданиях, которые построены для третьих лиц и им проданы, или в фабричном здании, которое производитель строит для себя, продает самому себе, от этого, понятно, дело не меняется. Здесь речь идет лишь о том, в какой потребительной ценности выражается прибавочный труд, может ли она опять войти в качестве средства производства в сферу производства капиталиста, которому принадлежит прибавочный продукт. Здесь мы опять видим на примере, как важно определение потребительной ценности для экономических форм.

Здесь мы, следовательно, уже имеем особую часть прибавочного продукта, в которой [воплощена] прибавочная ценность; она непосредственно может и должна быть превращена в постоянный капитал, чтобы служить для накопления капитала; и без нее вообще не может происходить накопление капитала.

Во-вторых, мы видели, что там, где развито капиталистическое производство, следовательно, производительность труда, значит, и постоянный капитал, именно также та часть постоянного капитала, которая состоит из основного капитала,—там только воспроизводство основного капитала во всех сферах и также воспроизводство наличного капитала, производящего основной капитал, образует фонд накопления, то-есть доставляет машины, постоянный капитал для производства в больших размерах.

В-третьих, остается ответить на вопрос: можно ли часть прибавочного продукта обратно превратить в постоянный капитал путем обмена между производителями, например, машин, земледельческих орудий

и т. д. и производителями сырого материала, железа, угля, металлов, леса и т. д., следовательно, путем обмена различных составных частей постоянного капитала? Если, например, фабрикант, доставляющий железо, уголь, лес и т. д., покупает машины или орудия у машиностроителя, а последний покупает металл, лес, уголь и т. д. у производителя сырья, то они возмещают путем взаимного обмена составные части своего постоянного капитала. Здесь возникает вопрос: насколько это относится к прибавочному продукту?

До сих пор мы видели, что при простом воспроизводстве имеющегося капитала часть постоянного капитала, изношенная в воспроизводстве постоянного капитала, возмещается или непосредственно *in natura*, или путем обмена между производителями постоянного капитала; происходит обмен капитала на капитал, но не обмен дохода на доход, или же дохода на капитал. Далее, постоянный капитал, который изнашивается при промышленном потреблении, в производстве предметов потребления—предметов, входящих в индивидуальное потребление,—возмещается новыми продуктами того же рода, которые являются результатом вновь прибавленного труда, следовательно, представляют доход (заработную плату и прибыль). В сферах, производящих предметы потребления, та часть продуктов, которая равна части ценности их, возмещающей постоянный капитал, представляет доход производителей постоянного капитала; и, наоборот, та часть продуктов в сферах, производящих постоянный капитал, которая представляет вновь прибавленный труд и потому образует доход производителей этого постоянного капитала, образует постоянный капитал (возмещающий капитал) для производителей жизненных средств. Здесь предполагается, следовательно, что производители постоянного капитала обменивают свой прибавочный продукт (т. е. в данном случае излишек их продукта над той частью его, которая равна их постоянному капиталу) на жизненные средства, индивидуально потребляют его ценность. Но этот прибавочный продукт образует:

1. Заработную плату (или воспроизведенный фонд для заработной платы); эту часть капиталист должен оставить для заработной платы, следовательно, для индивидуального потребления. Если предполагается минимум заработной платы, то рабочий может реализовать получаемую им заработную плату только в жизненных средствах.

2. Прибыль капиталиста (включая ренту). Когда эта доля достаточно велика, то часть ее может служить для индивидуального потребления, а часть для промышленного потребления. И в этом последнем случае происходит обмен этих продуктов между производителями постоянного капитала; но это уж не обмен части продукта, представляющей их постоянный капитал, которым они должны обмениваться между собой; здесь уже часть прибавочного продукта, доход (вновь прибавленный труд) непосредственно превращается в постоянный капитал, благодаря чему тогда увеличивается масса постоянного капитала и расширяется производство. Следовательно, и в этом случае часть имеющегося прибавочного продукта, вновь прибавленного в течение года труда, превращается непосредственно в постоянный капитал, не превращаясь предва-

нительно в переменный капитал. И здесь мы опять-таки видим, что промышленное потребление прибавочного продукта—или накопление—отнюдь не тождественно с затратой всего прибавочного продукта на заработную плату производительным рабочим.

Мы можем представить себе это таким образом: фабрикант, доставляющий машины, продаёт [часть] своего товара производителю, например, тканей. Последний платит ему деньги. На эти деньги он покупает железо, уголь и т. д. вместо жизненных средств. Однако, если рассматривать совокупную прибыль, то ясно, что производители жизненных средств не могут купить возмещающих машин или сырого материала, если производители постоянного капитала, необходимого для возмещения, не покупают у них их жизненных средств, если, следовательно, этот процесс обращения не представляет собственно обмена между жизненными средствами и постоянным капиталом. Вследствие разделения актов покупки и продажи в этих процессах уравниваясь могут, конечно, обнаружиться очень значительные нарушения и расстройства.

Если страна не может сама доставить такой массы машин, которая соответствует ее накоплению капитала, то она покупает их за границей. То же самое она делает и в том случае, когда она не может сама доставить необходимой массы жизненных средств (для заработной платы) и сырого материала. Здесь, когда существует еще международная торговля, совершенно ясно, что часть прибавочного продукта страны—поскольку она предназначена для накопления—превращается не в заработную плату, а непосредственно в постоянный капитал. Но тогда получается такое представление, что там за границей затраченные таким образом деньги целиком вложены в заработную плату. Мы видели, что, даже независимо от внешней торговли, этого не бывает и не может быть.

От среднего строения капитала зависит, в каком отношении прибавочный продукт делится между переменным и постоянным капиталом; чем более развито капиталистическое производство, тем меньше относительно будет та часть, которая затрачена непосредственно на заработную плату. Мнение, что, так как прибавочный продукт представляет только продукт труда, вновь прибавленного в течение года, то он превращается также лишь в переменный капитал, затрачивается только на заработную плату,—это мнение вообще соответствует ошибочному представлению, что, так как продукт является лишь результатом или созданием труда, то его ценность сводится лишь к доходу—заработной плате, прибыли и ренте; это ошибочный взгляд Смита и Рикардо.

Значительная часть постоянного капитала, именно основной капитал, может состоять из такого капитала, который непосредственно входит в процесс производства, доставляющего жизненные средства, сырые материалы и т. д., или служит для сокращения процесса обращения, как железные дороги, каналы, телеграфы и т. д., или для хранения запасов товара, как доки, склады и т. д., или же повышает плодородие лишь после продолжительного периода воспроизводства, как работы по нивелировке, отводные каналы и т. д. В зависимости от величины той части прибавочного продукта, которая затрачена на один из таких видов основ-

ного капитала, получаются совершенно различные непосредственные ближайшие последствия для воспроизводства жизненных средств и т. д.

4. Кризисы.

а) Причины кризисов.

Если предположить расширение производства постоянного капитала—то-есть большее производство, чем необходимо для возмещения старого капитала, следовательно, также для производства прежнего количества жизненных средств,—то расширение производства или накопление в сферах, которые обрабатывают сырые материалы и т. д., не включает в себе уже никаких трудностей. Если имеется необходимый прибавочный труд, то они находят на рынке все средства для образования нового капитала, для превращения своих добавочных денег в новый капитал.

Но весь процесс накопления сводится прежде всего к расширению производства, которое, во-первых, соответствует естественному увеличению населения, во-вторых, образует имманентную основу для явлений, которые обнаруживаются в кризисах. Мерилом этого расширения производства служит капитал, наличная ступень условий производства и не знающее границ стремление капиталистов к обогащению и увеличению капитала, но отнюдь не потребление; это последнее с самого начала [ограничено]¹, так как самая значительная часть населения, именно рабочее население, может расширить свое потребление лишь до известных, очень узких границ; к тому же по мере того, как развивается капитализм, спрос на труд относительно уменьшается, хотя абсолютно он растет. Кроме того, все уравнивания являются случайными, и, хотя постоянно происходит процесс уравнивания отношения между капиталами, вложенными в различные сферы, но само постоянство этого процесса предполагает также постоянное нарушение равновесия, которое он должен всегда восстанавливать, часто насильственным образом.

Мы здесь должны рассмотреть лишь формы, которые принимает капитал в различных стадиях развития. Мы, следовательно, не берем реальных отношений, в пределах которых происходит действительный процесс производства. Здесь все время предполагается, что товар продается по своей ценности. Мы не касаемся ни конкуренции капиталов, ни кредита, ни действительного строения общества, которое отнюдь не состоит только из классов рабочих и промышленных капиталистов, где, следовательно, потребители и производители не тождественны; первая категория [потребителей], (доходы которых являются отчасти вторичными, производными от прибыли и заработной платы, а не первичными), гораздо шире, нежели вторая, [категория производителей], и поэтому способ употребления ею своих доходов и размеры этих последних обу-

¹ Здесь в манускрипте стоит слово, которого нельзя разобрать; оно похоже на слово: „сломано“. К.

словливают очень большие различия в экономической жизни и специально в процессе обращения и воспроизводства капитала. Однако уже при анализе денег мы видели, что, поскольку они вообще представляют форму, отличную от естественной формы товара, и в своей форме, как платежного средства, они заключают в себе возможность кризисов; но это еще более очевидно при рассмотрении общей природы капитала, еще до развития дальнейших реальных отношений, которые образуют предпосылки действительного процесса производства.

Рикардо разделяет взгляды пошлого Сэя, которые собственно принадлежат Миллю, к чему мы вернемся, когда будем говорить об этом жалком человеке,—именно те взгляды, что не может быть никакого перепроизводства или, по крайней мере, общего переполнения (glut) рынка; этот взгляд основан на положении, что продукты обмениваются на продукты, или, как это выражено у [Джемса] Милля, на „метафизическом равновесии продавцов и покупателей“, [что] даже развито [было в положение о] спросе, определяемом только самим производством, или также о тождестве спроса и предложения. То же самое положение мы находим также в особенно у Рикардо излюбленной форме, что всякая сумма капитала может быть во всякой стране применена производительно.

„Господин Сэй,—говорит Рикардо в 21 гл. о влиянии накопления на прибыль и процент,—уже очень удовлетворительно показал, что нет такой суммы капитала, которая не могла бы найти себе употребления в стране, потому что спрос ограничивается только производством. Каждый человек производит для продажи или для потребления, и он продает только с целью купить какой-нибудь другой товар, который мог бы быть ему непосредственно полезен или мог бы способствовать дальнейшему производству. Таким образом, всякий производитель необходимо становится или потребителем собственных произведений (goods), или покупателем и потребителем товаров какого-нибудь другого производителя. Нельзя допустить, что он в течение долгого времени будет плохо осведомлен о том, какие товары он может производить с наибольшей выгодой для того, чтобы достичь своей цели, а именно—приобрести другие товары. Поэтому мало вероятно, что он продолжал бы¹ производить товар, на который нет спроса (I. c., стр. 339, 340; русск. пер. Н. Рязан., стр. 192).

Рикардо, который везде старается быть последовательным, находит, что его авторитет Сэй здесь сыграл с ним шутку. Он говорит в примечании к цитированному выше месту:

„Не противоречит ли следующее положение Сэя его же собственной теории? Он говорит: чем обильнее свободные капиталы в сравнении с возможностью найти для них употребление, тем больше падает норма процента на ссудный капитал. Vol. II, стр. 108. Если любая сумма капитала может найти себя в стране употребление, то можно ли сказать, что в стране слишком много капитала в сравнении с возможностью найти для них употребление?“ (I. c., стр. 340, прим.; русск. пер. Н. Рязан., стр. 192—193).

Так как Рикардо ссылается на Сэя, то мы потом займемся критикой этих положений, когда речь будет идти об этом шарлатане.

Пока заметим здесь только следующее: при воспроизводстве совершенно так же, как и при накоплении капитала, речь идет не только о возмещении того же самого количества потребительных ценностей, из которых состоит капитал, в прежних или больших размерах (при

¹ Здесь вообще имеется в виду не вечная жизнь.

накоплении), а о возмещении ценности авансированного капитала с обычной нормой прибыли. Если, следовательно, по какой-либо причине или по многим, совместно действующим причинам рыночные цены товаров (всех или большинства из них, что совершенно безразлично) спустятся ниже их цен производства, то, во-первых, воспроизводство капитала будет по возможности сокращено. Но еще более задерживается накопление. Прибавочная ценность, накопленная в виде денег (золота и бумаг), превращена была бы в капитал только с убытком. Поэтому она лежит без употребления в банке в виде сокровища или же в виде кредитных денег, отчего дело нисколько не меняется. Та же самая задержка могла бы получиться по противоположным причинам, если бы отсутствовали реальные предпосылки воспроизводства (как например, при вздорожании хлеба или когда не накоплено достаточно постоянного капитала *in natura*). Наступает задержка в воспроизводстве, а потому и в процессе обращения. Купля и продажа тесно примыкают друг к другу, и незанятый капитал принимает форму денег, лежащих без употребления. То же самое явление (и это большей частью предшествует кризисам) может наступить, когда производство добавочного капитала (*surpluscapital*) происходит очень быстро и обратное превращение его в производительный капитал так повышает спрос на все элементы его, что действительное производство не может за ним поспеть, и потому возрастают цены всех товаров, входящих в образование капитала. В этом случае сильно падает размер процента, как бы ни возростала прибыль, и это падение размера процента побуждает тогда к самым смелым спекулятивным предприятиям. Задержка в воспроизводстве приводит к уменьшению переменного капитала, к падению заработной платы и уменьшению количества примененного труда. Это, в свою очередь, снова влияет на цены и вызывает новое падение их.

Мы никогда не должны забывать того, что при капиталистическом производстве речь идет не непосредственно о потребительной ценности, а о меновой ценности и специально об увеличении прибавочной ценности. Это служит движущим стимулом капиталистического производства, и великолепно то объяснение, которое, желая путем резонирования устранить противоречия капиталистического производства, отвлекается от его основы и превращает его в производство, рассчитанное на непосредственное потребление производителей.

Далее: процесс обращения капитала длится не один день, а, наоборот, распространяется на более продолжительный период, пока произойдет возвращение капитала к своей первичной форме; этот период совпадает с периодом, в течение которого рыночные цены уравниваются до цен производства; в течение этого периода на рынке происходят большие перевероты и изменения, так как происходят большие изменения в производительности труда, поэтому также в реальной ценности товаров; поэтому совершенно ясно, что от исходного пункта—первоначального капитала—до его возвращения по окончании одного из таких периодов должны произойти большие катастрофы и должны накопиться и развиваться элементы кризиса, которые отнюдь не устраняются жалкой фразой, что продукты обмениваются на продукты. Сравнение

ценности в продолжение одного периода с ценностью тех же самых товаров в продолжение более позднего периода, что господин Бэли считает схоластической выдумкой, образует, наоборот, основной принцип процесса обращения капитала.

Когда говорится о разрушении капитала, производимом кризисами, то нужно различать две вещи.

Поскольку задерживается процесс воспроизводства и сокращается или местами совершенно останавливается процесс труда, капитал действительно уничтожается. Машина, которая не употребляется, не является капиталом. Труд, который не эксплуатируется, есть потерянное производство. Сырой материал, который не использован, не является капиталом. Потребительные ценности, а также вновь произведенные машины, которые остаются неиспользованными или незаконченными, товары, которые гниют на складах,—все это является разрушением капитала. Все это сводится к задержке процесса воспроизводства и к тому, что имеющиеся средства производства не действуют на самом деле, как средства производства, не идут в дело; их потребительная ценность и их меновая ценность поэтому пропадают.

Но, во-вторых, разрушение капитала, производимое кризисами, означает уменьшение суммы ценностей, которые поэтому уж не могут возобновить процесса своего воспроизводства, как капитала, в тех же размерах. Это—разрушающее падение товарных цен. Потребительные ценности при этом не разрушаются. Что теряет один, то выигрывает другой. [Но] суммы ценностей, действующие, как капиталы, уж не могут возобновляться, как капитал, в тех же самых руках. Старые капиталисты обанкротились. Если ценность их товаров, из продажи которых они воспроизводят свой капитал, равнялась 12.000 ф. ст., из которых, скажем, 2.000 ф. ст. составляли прибыли, и если она падает до 6.000 ф. ст., то этот капиталист не может ни заплатить своих долгов, ни снова начать дело с 6.000 ф. ст. в тех же самых размерах, когда товарные цены опять поднимаются до своих цен производства, а он сам не имеет денег. Таким образом уничтожен капитал в 6.000 ф. ст., хотя покупатель этих товаров, который приобрел их за половину их цены производства, может при оживлении этого дела очень хорошо успеть и даже получить прибыль. Значительная часть номинального капитала общества, то-есть меновой ценности имеющегося капитала, уж уничтожена навсегда, хотя именно это уничтожение может быть очень благоприятно для нового воспроизводства, так как оно не касается потребительной ценности. Это именно такой период, когда денежный капиталист богатеет за счет промышленного капиталиста. Что же касается падения только фиктивного капитала, государственных бумаг, акций и т. д., поскольку оно не приводит к банкротству государства и акционерного общества, или поскольку оно вообще не мешает воспроизводству, так как этим поколеблен кредит промышленных капиталистов, у которых имеются такие бумаги,—то это представляет лишь перенесение богатства из одних рук в другие и вообще действует благоприятно на воспроизводство, так как выскочки, которые дешево приобретают эти акции или бумаги, в большинстве случаев более предприимчивы, нежели старые владельцы.

б) Перепроизводство товаров и излишек капитала.

Рикардо всегда последователен, поскольку он себе ясно представляет дело. У него, следовательно, положение, что перепроизводство (товаров) невозможно, тождественно с положением, что невозможна плетора² или излишек капитала¹.

„Всякая сумма капитала, накопленная в данной стране, может быть в ней употреблена производительно, кроме того случая, когда заработная плата, вследствие роста цен на предметы необходимости, повышается в очень сильной степени и для прибыли с капитала остается так мало, что исчезает всякое побуждение к накоплению“ (I. с., стр. 340; русск. пер. Н. Рязан., стр. 192).

„Отсюда следует, что нет никаких границ для спроса, а следовательно, и для употребления капитала, пока он приносит прибыль, что, в каком бы изобилии ни имелся капитал, нет никакой другой причины, по которой могла бы падать прибыль, кроме повышения заработной платы. Следует прибавить еще, что единственной, действительной и постоянной причиной повышения заработной платы является возрастающая трудность добывания жизненных средств для возросшего числа рабочих“ (I. с., 21 гл., стр. 347, 348; русск. пер. Н. Рязан.; стр. 197).

Что сказал бы тогда Рикардо о тупости своих последователей, которые отрицают перепроизводство в одной форме (всеобщее переполнение рынка товарами) и не только признают ее в другой форме, в виде перепроизводства капитала, плеторы² капитала, в виде излишка капитала, но даже считают это существенным пунктом своей доктрины?

Ни один из серьезных экономистов послерикардовского периода не отрицает [возможности] излишка капитала. Наоборот, все они этим объясняют кризисы (поскольку они не выводят их из истории кредита). Все они таким образом признают перепроизводство в одной форме, но отрицают ее в другой форме. Возникает только, следовательно, вопрос: как относятся друг к другу обе формы перепроизводства, как относится форма, в которой оно отрицается, к форме, в которой оно признается?

Сам Рикардо собственно ничего не знал о кризисах, о всеобщих кризисах на мировом рынке, вытекающих из самого процесса производства. Кризисы от 1800 до 1815 г. он мог объяснить вздорожанием хлеба вследствие неурожая, обесценением бумажных денег, обесценением колониальных товаров и т. д., так как, вследствие прекращения торговых сношений с континентом, рынок был сокращен насильственно, по политическим, а не экономическим основаниям. Кризисы после 1815 года он также мог объяснить отчасти неурожая, недостатком хлеба, отчасти падением хлебных цен, так как перестали действовать причины, которые, согласно его собственной теории, должны были поднять хлебные цены во время войны, когда Англия была отрезана от континента, отчасти переходом от военного к мирному времени и вытекающими отсюда „внезапными изменениями в каналах торговли“ (см. в его „Principles“ 19 гл., которая трактует об этом). Позднейшие

¹ Здесь необходимо различать следующее: когда Смит объясняет падение нормы прибыли избытком капитала, накоплением капитала, то речь идет о перманентном действии, и это неверно. Наоборот, проходящее переполнение рынка капиталом, пер-производство, кризис представляет нечто другое. Перманентных кризисов ни бывает.

² Полнокровие. Прим. перев.

исторические явления, особенно почти правильная периодичность кризисов на мировом рынке, уже не позволяли последователям Рикардо отрицать факты или толковать их, как случайные явления. Вместо этого они изобрели великолепную разницу между избытком капитала и перепроизводством; мы не говорим о тех из них, которые объясняют все кредитом и потом [признают], что сами они должны опять-таки предположить избыток капитала. Отрицая перепроизводство, они пользуются фразами и хорошими доводами Рикардо и Смита; избытком капитала они пытаются объяснить иначе непонятные им явления. Некоторые кризисы Уэльсон объясняет, например, избытком основного капитала, другие избытком оборотного капитала. Самый факт избытка капитала признается лучшими экономистами (как например, Фуллартоном), и это уже настолько стало общепризнанным предрассудком, что даже в компендиуме ученого господина Рошера имеется эта фраза, как нечто само собой разумеющееся¹.

Итак, возникает вопрос: что такое избыток капитала и чем это отличается от перепроизводства? Согласно взглядам тех же экономистов, капитал равняется деньгам или товарам. И все же между обоими этими явлениями не должно быть ничего общего. Здесь нельзя даже говорить о перепроизводстве денег, ибо деньги у них являются товаром; таким образом, все явление сводится к перепроизводству товаров, которое они под одним названием признают, а под другим отрицают. Далее, если говорится, что произведено слишком много основного или оборотного капитала, то это основано на том, что товары уже рассматриваются не в этом простом определении, а в их определении, как капитала. Но, с другой стороны, этим уже признается, что при капиталистическом производстве и его явлениях—например, при перепроизводстве—речь идет не только о простом отношении, где продукт является товаром, а об общественных определениях его, благодаря которым он представляет больше, чем товар, еще нечто другое, кроме товара.

Вообще часто в фразе: избыток капитала вместо перепроизводства товаров заключается только ловкое выражение или [такого рода] бессмыслица, которая одно и то же явление признает существующим и необходимым, когда оно называется: а, но отрицает его, когда оно названо: b; на самом деле, следовательно, здесь имеются лишь сомнения и недоумения относительно наименования явления, а не относительно самого явления; или [фраза обусловлена стремлением] избежать трудности при объяснении явления, таким образом, что оно отрицается в одной форме, в которой оно противоречит предрассудкам, и признается лишь в такой форме, которая не вызывает никаких опасных мыслей. Но, не говоря об этой стороне дела, переход от фразы „перепроизводство товаров“ к фразе „избыток капитала“—на самом деле представляет прогресс. В чем же он состоит?

¹ В всяком случае справедливость требует, чтобы здесь было указано на то, что некоторые экономисты, как Уэбб, Корбетт и другие, считают перепроизводство обычным состоянием крупной промышленности, поскольку речь идет о данной стране, так что перепроизводство только при известных условиях приводит к кризисам—когда сокращается также внешний рынок.

[В признании] того, что производители противостоят друг другу не только как товаровладельцы, но и как капиталисты.

с) Единство купли и продажи, процесса производства и процесса обращения.

Приведем еще несколько цитат из Рикардо:

„Цитированное место наводит на мысль, что, по мнению Адама Смита, мы почему-то вынуждены производить излишек хлеба, шерстяных и металлических изделий, и что капитал, произведший эти товары, не мог бы найти другое употребление. Но, в действительности, только от нас зависит выбор способа употребления капитала, и поэтому не может быть излишка товара в течение сколько-нибудь продолжительного времени. В противном случае, цена его упала бы ниже своего естественного уровня, и капитал переместился бы в более выгодное занятие“ (I. с., стр. 341, 342, прим.; русск. пер. Н. Рязан., стр. 193).

„Продукты всегда покупаются за продукты или услуги; деньги только служат орудием, посредством которого совершается этот обмен. Какой-нибудь отдельный товар может быть произведен в излишнем количестве, и рынок будет до такой степени переполнен, что не будет даже оплачен капитал, затраченный на этот товар. Но это не может случиться одновременно со всеми товарами“ (I. с., 21 гл., стр. 341, 342; русск. пер. Н. Рязан., стр. 193—194).

„Понизится ли прибыль вследствие возрастания производства и вызванного этим расширения спроса, или нет—зависит исключительно от роста заработной платы, а повышение последней, за исключением короткого периода, зависит в свою очередь от легкости производства жизненных средств для рабочих“ (I. с., стр. 343; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 194).

„Если торговцы вкладывают свои капиталы во внешнюю или транспортную торговлю, то они поступают так не в силу необходимости, а в силу свободного выбора: они делают это потому, что прибыль в этой отрасли торговли несколько выше, чем во внутренней“ (I. с., стр. 344; русск. пер. Н. Рязан., стр. 195).

Что касается кризисов, то все авторы, которые изображают действительное движение цен, или все практические деятели, которые пишут в данные моменты кризиса, справедливо игнорировали якобы теоретическую болтовню и ограничивались утверждением, что учение о невозможности переполнения рынка правильно в абстрактной теории, но на практике оно ошибочно. Правильное повторение кризисов на самом деле низвело страпню Сэя и других до фразеологии, которая употребляется лишь в периоды процветания, но не в периоды кризисов.

В мировых кризисах особенно ясно проявляются противоречия и противоположности буржуазного производства. Вместо того, чтобы исследовать, в чем состоят противоречащие друг другу элементы, которые прорываются в катастрофе, апологеты удовлетворяются тем, что они отрицают самую катастрофу и, несмотря на закономерную периодичность ее, утверждают, что, если бы производство происходило по учебникам, то дело никогда не доходило бы до кризиса. Апологетика состоит тогда в том, что подделывают самые простые экономические отношения и вопреки существующим противоречиям настаивают на единстве.

Если, например, купля и продажа или движение метаморфоза товаров представляет единство двух процессов или, вернее, один процесс, проходящий через две противоположные фазы, если оно, следовательно, представляет в сущности единство обеих фаз,—то в этом движении выражается также в сущности разделение этих фаз, ставших самостоятельными по отношению друг к другу. Но так как они связаны между

собой, то самостоятельность связанных друг с другом моментов может проявляться лишь насильственно, как разрушающий процесс. Именно в кризисах проявляется их единство, единство различий. Самостоятельность, которую приобретают связанные друг с другом и дополняющие друг друга моменты, насильственно уничтожается. Кризис обнаруживает, следовательно, единство ставших самостоятельными по отношению друг к другу моментов. Без этого внутреннего единства повидимому безразличных по отношению друг к другу моментов не было бы кризиса. Но нет,—говорит экономист-апологет. Так как имеется единство, то не может быть никакого кризиса, что опять-таки означает лишь то, что единство противоположных [моментов] исключает противоположность.

Чтобы доказать, что капиталистическое производство не может привести к всеобщим кризисам, отрицаются все условия и определения, все принципы и *differentiae specificae*, короче—самое капиталистическое производство; на самом деле доказывается, что, если бы капиталистический способ производства представлял не специфически развитую, своеобразную форму общественного производства, а такой способ производства, который относится к самой низкой ступени общественного развития, то свойственные ему противоположности, противоречия и потому также их проявления в кризисах не существовали бы.

„Продукты,—говорит Рикардо по Сюю,—всегда покупаются на продукты или приобретаются за услуги; деньги являются только средством, с помощью которого совершается обмен“.

Здесь, следовательно, во-первых, товар, в котором имеется противоположность меновой и потребительной ценности, превращается просто в продукт (потребительную ценность), а потому и обмен товаров превращается просто в меновую торговлю продуктами, только потребительными ценностями. Нас отодвигают назад не только за капиталистическое производство, но даже за простое товарное производство, и самое сложное явление капиталистического производства—мировой кризис—отрицается путем отрицания первого условия капиталистического производства,—именно, что продукт должен быть товаром, что он поэтому должен быть представлен в деньгах и проделать процесс метаморфоза. Вместо того, чтобы говорить о заработной плате, говорится об „услугах“—слово, в котором опять-таки исключена специфическая определенность наемного труда и его назначения—именно увеличение ценности товаров, на которые он обменивается, создание прибавочной ценности; таким образом исключено то специфическое отношение, благодаря которому деньги и товар превращаются в капитал. „Услуга“ есть труд, рассматриваемый лишь как потребительная ценность (второстепенная вещь в капиталистическом производстве), совершенно так же, как в слове „продукт“ скрыта сущность товара и заключенного в нем противоречия. Деньги тогда вполне последовательно рассматриваются также, как простое орудие обмена продуктов, а не как существенная и необходимая форма существования товара, который должен быть представлен в виде меновой ценности—среднего общественного труда. Так как превращением товара только в потребительную ценность (продукт) устранивается сущность меновой ценности, то легко также, или—вернее—необходимо также

отрицать деньги, как существенную форму товара, как такую форму, которая в процессе метаморфоза является самостоятельной по отношению к первоначальной форме товара. Здесь, следовательно, кризисы устраняются путем резонирования таким образом, что забывают или отрицают первые предпосылки капиталистического производства: существование продукта, как товара, раздвоение товара в товар и деньги, вытекающие отсюда моменты разделения в товарном обмене, наконец отношение денег или товара к заработной плате.

Не лучше впрочем и теория экономистов (как например Дж. Ст. Милля), которые хотят объяснять кризисы такими простыми, заключенными в метаморфозе товаров возможностями кризисов, как разделение купли и продажи. Эти определения, объясняющие возможность кризиса, далеко еще не объясняют его действительного наступления, не объясняют еще, почему фазы процесса вступают в такой конфликт, что их внутреннее единство может выразиться только в кризисе, в насильственном процессе. Это разделение проявляется в кризисе; это элементарная форма его. Объяснять кризис из этой элементарной формы—значит объяснять существование кризиса таким образом, что выражают его существование в абстрактной форме; это значит, следовательно, объяснять кризис кризисом.

„К жидкий человек,—говорит Рикардо,—производит для потребления или для продажи, и он продает только с целью купить какой-нибудь другой товар, который мог бы быть ему непосредственно полезен или мог бы способствовать дальнейшему производству. Таким образом, всякий производитель необходимо становится или потребителем собственных произведений, или покупателем и потребителем товаров какого-нибудь другого производителя. Нельзя допустить, что он в течение долгого времени будет плохо осведомлен о т. м. какие товары он может производить с наиольшей выгодой для того, чтобы достичь своей цели, а именно—приобрести другие товары. Поэтому мало вероятно, что он продолжал бы производить товар, на который нет спроса“ (I. с., стр. 339, 34; русск. пер. Н. Рязан, с. р. 192).

Эта ребяческая болтовня достойна какого-нибудь Сэя, но не Рикардо. Прежде всего, ни один капиталист не производит для того, чтобы потреблять свой продукт. И когда речь идет о капиталистическом производстве, то совершенно верно, что „никто не производит, имея в виду потребление своего продукта“, даже в том случае, когда он берет часть своего продукта для промышленного потребления. Но здесь речь идет о частном потреблении. Раньше упущено было из виду, что продукт является товаром. Здесь упущено из виду даже общественное разделение труда. В такой стадии общественного развития, когда люди производят для самих себя, на самом деле нет кризисов, но нет также и капиталистического производства. Мы также никогда не слышали, что древние со своим основанным на рабстве производством знали когда-нибудь кризисы, хотя отдельные производители и у древних могли обанкротиться. Первая часть альтернативы является бессмыслицей. Также вторая. Человек, который произвел продукт, не имеет выбора, хочет ли он продать или нет. Он должен продать. В кризисах именно и проявляется тот факт, что он не может продать, или должен продать только ниже цены производства, или даже с положительным убытком. Какое значение имеет для него и, следовательно, для нас то, что он производит для продажи? Важно именно знать, что мешает этому хорошему намерению.

Далее: „Каждый человек продает только с целью купить какой-нибудь другой товар, который мог бы быть ему непосредственно полезен или мог бы способствовать дальнейшему производству“. Какое милое изображение буржуазных отношений! Рикардо забывает даже то, что кто-нибудь может продавать, чтобы заплатить, и эти вынужденные продажи играют очень важную роль в кризисах. При продаже капиталист прежде всего имеет в виду обратное превращение своего товара или — лучше — своего капитала, представленного в товарах, в денежный капитал, чтобы таким образом реализовать свою прибыль. Потребление — доход — поэтому не является определяющей целью этого процесса, чем оно во всяком случае является для того, кто продает товары только с целью превратить их в жизненные средства. Но это не капиталистическое производство, для которого доход является результатом, а не определяющей целью. Каждый продает прежде всего для того, чтобы продать, то-есть чтобы превратить товар в деньги.

Во время кризиса человек может быть очень доволен, когда он продал, и он не думает вначале о купле. Во всяком случае, чтобы реализованная ценность снова действовала, как капитал, она должна проделать процесс воспроизводства, следовательно, она снова должна быть обменна на труд и товары. Но кризис представляет именно момент нарушения и перерыва в процессе воспроизводства. И это нарушение не может быть объяснено тем, что оно не происходит в такие периоды, когда нет кризиса. Не подлежит никакому сомнению, что никто „не будет продолжать производить товар, на который нет спроса“, но о такой нелепой гипотезе никто и не говорит. И она вообще совершенно не относится к делу. Целью капиталистического производства прежде всего является не „владение другими товарами“, а присвоение ценности, денег, абстрактного богатства.

У Рикардо это основано также на положении Джемса Милля, на котором я остановился уже выше — на положении о „метафизическом равновесии между куплями и продажами“; это равновесие предполагает только единство, но не разделение в процессе купли и продажи. То же самое мы имеем в утверждении Рикардо (после Джемса Милля).

Деньги представляют не только „орудие, с помощью которого совершается обмен“, но также и орудие, благодаря которому обмен продукта на продукт распадается на два акта, которые друг от друга не зависят и разделены пространством и временем. Но это ошибочное понимание денег основано у Рикардо на том, что он вообще имеет в виду лишь количественное определение меновой ценности, именно что она равна определенному количеству рабочего времени; но он забывает качественное определение, что индивидуальный труд должен путем своего отчуждения (alienation) быть представлен в виде абстрактно-всеобщего, общественного труда¹.

Прежде чем идти дальше, остановимся на следующем:

¹ К тому, что Рикардо [видит] в деньгах только средство обращения, мы должны (относиться так же, как) к тому, что в меновой ценности он [видит] лишь простую форму, вообще лишь нечто формальное в буржуазном или капиталистическом производстве; поэтому это последнее представляет также для него не специфически определенный способ производства, а способ производства вообще.

Благодаря разделению непосредственного процесса производства и процесса обращения, опять-таки растёт ещё более возможность кризиса, которая обнаруживалась уже при метаморфозе товаров. Когда один процесс уже не следует непосредственно за другим, когда они противостоят друг другу, как самостоятельные процессы, наступает кризис.

При метаморфозе товаров возможность кризиса выражается таким образом:

Во-первых, товар, который реально существует, как потребительная ценность, а идеально, в цене, как меновая ценность, должен быть превращен в деньги, Т—Д. Если эта трудность преодолена, если продажа произошла, то купля, Д—Т, не представляет уже никаких трудностей, так как деньги могут быть непосредственно обменены на все. Потребительная ценность товара, полезность заключенного в нем труда, должна служить предпосылкой, иначе это вообще не товар. Далее предполагается, что индивидуальная ценность товара равна его общественной ценности, то-есть, что овеществленное в нем рабочее время равняется рабочему времени, общественно необходимому для производства этого товара. Возможность кризиса, поскольку это проявляется в простой форме метаморфоза, обусловлена, следовательно, лишь тем, что различия форм—фазы—через которые он проходит в своем движении; во-первых, представляют необходимо дополняющие друг друга формы и фазы; во-вторых, несмотря на эту внутреннюю необходимую связь, они представляют равнодушно противостоящие друг другу, разделенные между собой во времени и пространстве, отделимые и отделенные друг от друга независимые части процесса и формы. Она, следовательно, заключается только в разделении продажи и купли. Трудность, которая здесь должна быть преодолена, связана лишь с формой товара. Когда он имеет денежную форму, то эта трудность уже преодолена. Далее, однако, и это сводится к разделению продажи и купли. Если бы товар не мог быть изъят из обращения в форме денег, или если бы обратное превращение денег в товар нельзя было отодвинуть, если бы—как это имеет место при непосредственной меновой торговле—купля и продажа совпадали, то исчезла бы возможность кризисов при сделанных предпосылках. Ибо предполагено, что товар является потребительной ценностью для других товаровладельцев. В форме непосредственной меновой торговли товар не может быть обменен лишь в том случае, когда он не является потребительной ценностью, или же когда на другой стороне нет других потребительных ценностей для обмена на него,—следовательно, лишь при двух условиях: или когда одна сторона производит бесполезные вещи, или когда на другой стороне нет ничего полезного, что могло бы обмениваться в качестве эквивалента на потребительную ценность, имеющуюся на первой стороне. Однако, в обоих случаях вообще не было бы обмена. Но поскольку обмен произошел бы, его моменты не были бы разделены. Покупатель был бы продавцом, продавец—покупателем. Критический момент, вытекающий из формы обмена—поскольку он представляет обращение—следовательно, отпал бы, и если мы говорим, что простая форма метаморфоза включает возможность кризиса, то мы говорим только, что в этой форме лежит возможность разрыва и распа-

дения в сущности дополняющих друг друга моментов. Но это касается и содержания. При непосредственной меновой торговле производство для производителя существует главным образом для удовлетворения его собственных потребностей, или, как это имеет место при несколько большем развитии разделения труда, для удовлетворения известных ему потребностей других таких же производителей. То, что должно быть обменено, как товар, представляет излишек, и существенного значения не имеет, будет ли обменен этот излишек или нет. При товарном производстве превращение продукта в деньги, продажа, представляет *conditio sine qua non*. Непосредственное производство для удовлетворения собственных потребностей отпадает. Если товар не продан, то кризис налицо. Трудность превращения товаров—особого продукта индивидуального труда—в деньги, в их противоположность, в абстрактно всеобщий, общественный труд, заключается в том, что деньги не существуют, как особый продукт индивидуального труда, что тот, кто продал, следовательно, у кого товар уже имеется в форме денег, не вынужден тотчас же покупать, снова превратить деньги в особый продукт индивидуального труда. В меновой торговле нет этой противоположности. Здесь никто не может быть продавцом, не будучи покупателем, не может быть покупателем, не будучи продавцом. Трудность продажи—при предположении, что товар, который должен быть продан, имеет потребительную ценность—объясняется лишь тем, что покупателю легко отодвинуть обратное превращение денег в товар. Трудность превращения товара в деньги, продажа, обусловлена лишь тем, что товар должен быть превращен в деньги, но деньги не должны быть непосредственно превращены в товар, следовательно, продажа и купля могут быть разделены. Мы говорим, что эта форма включает возможность кризиса, то-есть возможность того, что моменты, которые связаны между собой, которые нераздельны, разделяются и потому соединяются насильственно; взаимная связь осуществляется силой, которая преодолевает их субъективную самостоятельность. И кризис есть не что иное, как насильственное осуществление единства фаз процесса производства, которые стали самостоятельными по отношению друг к другу.

Общая, абстрактная возможность кризиса есть не что иное, как самая абстрактная форма кризиса, без содержания, без обладающего известным содержанием мотива его. Продажа и купля могут распадаться. Они представляют, следовательно, кризис *in potentia*, и их совпадение всегда остается критическим моментом для товара. Но они могут непосредственно следовать друг за другом.

Самая абстрактная форма кризиса и потому формальная возможность кризиса есть, следовательно, метаморфоз товара; лишь как развитое движение, он содержит заключенное в единстве товара противоречие меновой и потребительной ценности, далее денег и товара. Но то, благодаря чему эта возможность кризиса становится кризисом, не содержится в самой этой форме; оно содержится лишь в том, что имеется такая форма для кризиса.

И это именно важно при исследовании буржуазной экономики. Мировые кризисы должны рассматриваться, как реальное соединение и на-

сильственное уравнение всех противоречий буржуазной экономики. Отдельные моменты, которые соединены в этих кризисах, должны, следовательно, проявиться и развиться во всякой сфере буржуазной экономики; чем далее мы в нее проникаем, должны быть развиты, с одной стороны, новые определения этого противоречия, с другой стороны—должно быть доказано, что более абстрактные формы их повторяются и содержатся в более конкретных.

Можно, следовательно, сказать: кризис в первой форме своей есть метаморфоз товара, распадение купли и продажи.

Кризис во второй форме своей [обусловлен] функцией денег, как платежного средства, где деньги фигурируют в двух различных, разделенных по времени моментах, в двух различных функциях. Обе эти формы являются еще совершенно абстрактными, хотя вторая форма более конкретна, нежели первая.

Прежде всего, следовательно, при анализе процесса воспроизводства капитала, который совпадает с его обращением, нужно доказать, что указанные выше формы просто повторяются, или—лучше—здесь только получают содержание, основу, на которой они могут проявиться.

Рассмотрим движение капитала от того момента, когда он оставляет процесс производства в виде товара, чтобы снова выйти из него в виде товара. Если мы здесь отвлечемся от всех дальнейших определений содержания, то весь выраженный в товаре капитал и каждый отдельный товар, из которого он состоит, должен проделать процесс $T—D—T$, метаморфоз товара. Общая возможность кризиса, заключенная в этой форме—распадение купли и продажи, содержится, следовательно, в движении капитала, поскольку он также является товаром и представляет не что иное, как товар. Кроме того, из взаимной связи между метаморфозами товаров вытекает то, что один товар превращается в деньги, потому что другой товар обратно превращается из формы денег в товар. Следовательно, разделение купли и продажи здесь выражается далее в том, что превращению одного капитала из формы товара в форму денег должно соответствовать обратное превращение другого капитала из формы денег в форму товара; первый метаморфоз одного капитала должен соответствовать второму метаморфозу другого капитала; удаление из процесса производства одного капитала должно соответствовать возвращению в процесс производства другого капитала. Таким образом, процессы воспроизводства и обращения различных капиталов тесно срастаются друг с другом и переплетаются между собой; это является, с одной стороны, необходимым следствием разделения труда, с другой стороны—это представляет случайное явление; таким образом уже расширяется определение содержания кризиса.

Далее, что касается возможности кризиса, обусловленной формой денег, как платежного средства, то у капитала уже имеется более реальная основа для осуществления этой возможности. Например, ткач должен оплатить весь постоянный капитал, элементы которого доставлены прядильщиком, льноводом, владельцами машиностроительного, железоделательного заводов, угольных копей и др. Поскольку последние производят постоянный капитал, который входит лишь в [процесс про-

изводства], не входя в конечный продукт, в ткань, они возмещают друг другу средства производства путем обмена капитала. Ткач продал, скажем, свою ткань купцу за 1000 ф. ст., но получил вексель, и деньги фигурируют, как платежное средство¹. Точно так же льновод продал ткачу, получив вексель, прядильщик ткачу, далее машиностроителю ткачу, поставщик железа и леса—машиностроителю, поставщик угля—прядильщику, ткачу, машиностроителю, поставщику железа и леса. Кроме того, поставщики железа, угля, дерева, льна заплатили друг другу векселями. Если же купец не получает денег за свои товары, то он не может заплатить ткачу по своему векселю². Льновод трасировал вексель на прядильщика, машиностроитель—на ткача и прядильщика. Прядильщик не может платить, так как ткач не может платить; оба они не платят машиностроителю, последний не платит поставщикам железа, леса, угля. И все они опять-таки не реализуют ценности своего товара, поэтому они не могут возместить той части, которая представляет постоянный капитал. Так получается общий кризис. Это не что иное, как возможность кризиса, которую мы видели в деньгах, как платежном средстве, но здесь, в капиталистическом производстве, уже переплетаются взаимные долги и обязательства, покупки и продажи; здесь возможность легко развивается в действительность.

Во всяком случае: если купля и продажа не останавливаются на тех фазах, в которых они противостоят друг другу, и потому не должны уравниваться насильственно; далее, когда деньги, как платежное средство, функционируют таким образом, что обязательства цогащаются, когда, следовательно, не осуществляется противоречие, заключенное в деньгах, как платежном средстве; если, следовательно, обе эти абстрактные формы кризиса в действительности не проявляются, как таковые,—то кризиса не бывает. Не может быть кризиса, когда купля и продажа не отделены друг от друга, когда здесь нет противоречия, или когда не проявляются противоречия, заключенные в деньгах, как платежном средстве; когда, следовательно, кризис в то же время не проявляется в простой форме—в противоречии купли и продажи, в противоречии денег, как платежного средства. Но это также только формы, общие возможности кризисов; потому это также формы, абстрактные формы действительных кризисов. Здесь кризис существует в своих простейших формах и также в своем простейшем содержании, поскольку сама эта форма является его простейшим содержанием. Но это еще не обоснованное содержание. Простое обращение денег и даже обращение денег, как платежного средства—и то и другое имеется задолго до капиталистического производства, когда кризисов не бывает—возможно и действительно имеется без кризисов. Почему, следовательно, эти формы проявляют свою критическую сторону, почему противоречие, содержа-

¹ Здесь в манускрипте следует такое предложение: „Купец с своей стороны продает вексель банкиру, которому он таким образом уплачивает, скажем, долг, или который ему также дисконтирует вексель“. Но купец ведь дал вексель, а не получил его. „Купец“, вероятно, здесь стоит вместо „ткача“. Однако совершенно излишне вводить здесь банкира. Поэтому я выпустил эту фразу. К

² В манускрипте это предложение гласит: „Если купец не платит, то он не может заплатить по своему векселю банкиру“. К.

щеся в них *in potentia*, проявляется, как таковое, этого нельзя об'яснить, исходя только из этих форм.

Отсюда мы видим, до чего доходит нелепость экономистов, которые не могли устранить путем резонирования явления перепроизводства и кризисов и успокаиваются на том, что в этих формах дана [только] возможность наступления кризисов, что, следовательно, случайно они [на самом деле] могут наступить, и таким образом самое их наступление оказывается лишь случайностью.

Развитые в товарном обращении и далее в денежном обращении противоречия — следовательно, возможности кризиса — сами по себе воспроизводятся в капитале, так как в действительности только на основе капитала происходит развитое товарное и денежное обращение.

Но важно выяснить дальнейшее развитие потенциального кризиса, поскольку он вытекает из определений формы капитала, которые свойственны ему, как капиталу, и не содержатся в нем, поскольку он существует, только как товар и деньги (реальный кризис может быть представлен лишь в реальном движении капиталистического производства, конкуренции и кредита). Один только непосредственный процесс производства капитала сам по себе не может здесь прибавить ничего нового. Чтобы он вообще существовал, предполагаются его условия. Поэтому в первом отделе о капитале — о непосредственном процессе производства — не прибавляется ни одного нового элемента для кризиса. Вообще он в нем содержится. Ибо процесс производства есть присвоение, а потому и производство прибавочной ценности. Но в самом процессе производства это не может проявиться, так как здесь речь идет о реализации не только воспроизведенной ценности, но и прибавочной ценности. Это может проявиться лишь в процессе обращения, который сам по себе одновременно является процессом воспроизводства.

Далее здесь нужно заметить, что мы должны изобразить процесс обращения или процесс воспроизводства до того, как мы изобразили готовый капитал — капитал и прибыль — так как мы должны показать не только, как капитал производит, но и как капитал производится. Однако действительное движение исходит из наличного капитала — то-есть действительное движение на основе развитого, от самого себя исходящего, само себя предполагающего капиталистического производства. Поэтому в этом отделе имеется лишь неполный анализ процесса воспроизводства и далее развитых в нем возможностей кризисов; это должно быть дополнено в главе „Капитал и прибыль“.

Весь процесс обращения, взятый в целом, или весь процесс воспроизводства капитала есть единство его фазы производства и фазы обращения, — процесс, который проходит через оба эти процесса, как через свои фазы. В этом заключается далее развитая возможность или абстрактная форма кризиса. Экономисты, которые отрицают кризисы, поэтому останавливаются лишь на единстве обеих этих фаз. Если бы они были только разделены, не представляя известного единства, то невозможно было бы и насильственное установление их единства, невозможен был бы кризис. Если бы они представляли лишь нечто единое, нераздельное, то невозможно было бы и насильственное разделение, что опять-

таким образом представляет кризис. Он представляет насильственное создание единства между ставшими самостоятельными моментами и насильственное создание самостоятельности моментов, которые в сущности представляют нечто единое.

Итак:

1. Общая возможность кризисов дана в самом процессе метаморфоза капитала, а именно в двух формах: [во-первых], поскольку деньги служат средством обращения, в разделении купли и продажи; [во-вторых], поскольку они служат платежным средством, где мы имеем два различных момента: когда деньги выступают, как мерило ценностей и как реализация ценности. Эти два момента распадаются. Если ценность в промежутке между обоими моментами изменилась, если товар в момент продажи его стоит [не столько], сколько он стоил в тот момент, когда деньги функционировали, как мерило ценностей, а потому и как мерило взаимных обязательств, то вырученные за товар деньги не могут покрыть обязательства, и потому для всего ряда торговых сделок, которые в свою очередь находятся в зависимости от этого одного обязательства, оказывается невозможным окончательный расчет. / Далее, если товар не может быть продан только в определенный промежуток времени, даже когда ценность его не изменяется, то деньги не могут функционировать, как платежное средство, ибо они должны функционировать, как таковые, в определенный предположенный срок. Так как та же самая сумма денег функционирует здесь для ряда взаимных сделок и обязательств, то здесь уплата невозможна не только в одном, но во многих местах; и таким образом возникает кризис.

Таковы формальные возможности кризисов. Первый случай возможен без последнего, то-есть кризисы возможны без кредита, когда деньги не функционируют, как платежное средство. Но второй случай невозможен без первого, то-есть без разделения купли и продажи. Однако в последнем случае кризис наступает не только потому, что товар не может быть продан, а потому, что он не может быть продан в определенный промежуток времени; и кризис возникает и получает определенный характер не только оттого, что товары не могут быть проданы, а оттого, что не реализован целый ряд платежей, связанных с продажей этого определенного товара в определенный срок. Такова собственно форма денежных кризисов.

Если, следовательно, наступает кризис оттого, что распадаются купля и продажа, то он развивается, как денежный кризис, когда деньги уж служат платежным средством, и эта вторая форма кризиса сама собой разумеется, когда наступает первая форма. В исследовании вопроса, почему общая возможность кризиса становится действительностью, в исследовании условий кризиса, следовательно, излишне останавливаться на тех кризисах, которые обусловлены развитием денег, как платежного средства. Именно поэтому экономисты любят выставлять эту само собой разумеющуюся форму, как причину кризисов. Поскольку развитие денег, как платежного средства, связано с развитием

кредита и т. д., должны быть во всяком случае выяснены причины этого последнего; но здесь мы еще не можем этим заняться.

2. Поскольку кризисы обусловлены изменениями и революциями в ценах, которые не совпадают с изменениями ценностей товаров, они, конечно, не могут быть развиты при рассмотрении капитала вообще, где предполагаются цены, тождественные с ценностями товаров.

3. Общая возможность кризисов есть формальный метаморфоз самого капитала, разделение купли и продажи во времени и в пространстве. Но это никогда не является причиной кризиса. Ибо это есть не что иное, как самая общая форма кризиса, следовательно, кризис в самом общем выражении его. Но нельзя сказать, что абстрактная форма кризиса есть причина кризиса. Если мы спрашиваем о его причине, то мы хотим именно знать, почему его абстрактная форма, форма его возможности, из возможности превращается в действительность.

4. Общие условия кризисов, поскольку они не зависят от колебаний цен (безразлично, связаны ли они с системой кредита или нет; от колебаний цен в отличие от колебаний ценностей), должны быть развиты из общих условий капиталистического производства.

[Мы тогда находим, что моментом кризиса является:]

Обратное превращение денег в капитал. Предположим определенную ступень производства или воспроизводства. Основной капитал здесь может рассматриваться, как нечто данное, неизменное, не входящее в процесс создания ценности. Так как воспроизводство сырого материала зависит не только от затраченного на него труда, а от связанной с естественными условиями производительности его, то [даже при неизменном способе производства]¹ масса продукта, произведенного тем же самым количеством труда, может сократиться (при плохих урожаях). Ценность сырого материала таким образом возрастает, его масса уменьшается. Нарушается отношение, в котором деньги должны были бы обратно превратиться в различные составные части капитала, чтобы производство продолжалось в прежних размерах. Должно быть больше затрачено на сырой материал, остается меньше для труда, и не может быть поглощено такое же количество труда, как раньше. Во-первых, это было бы невозможно физически, так как имеется меньше сырого материала; во-вторых, потому, что более значительная часть ценности продукта должна быть превращена в сырой материал, следовательно, меньшая часть может быть превращена в переменный капитал. Воспроизводство не может быть повторено на той же самой ступени. Часть постоянного капитала стоит без употребления, часть рабочих выброшена на улицу. Норма прибыли падает, так как ценность постоянного капитала в сравнении с переменным возрасла и применяется меньший переменный капитал. Определенные взносы—процент, рента, которые предположены при неизменной норме прибыли и эксплуатации труда, остаются неизменными и часть их не может быть уплачена. Отсюда кризис—кризис труда и капитала. Это, следовательно, нарушение процесса воспроизводства вслед-

¹ Здесь в манускрипте вырван клочок бумаги с несколькими словами. Здесь могло, следовательно, стоять не то, что мы вставили. К.

ствие повышения ценности части постоянного капитала, которая должна быть возмещена из ценности продукта. Здесь происходит вздорожание продукта, хотя норма прибыли падает. Если этот продукт входит в другие сферы производства в качестве средства производства, то его вздорожание вызывает такие же самые нарушения в воспроизводстве. Если он входит в общее потребление, как жизненное средство, то он или входит также в потребление рабочих или не входит. В первом случае получаются такие же последствия, как и при нарушениях в переменном капитале, о чем мы будем говорить ниже. Но, поскольку продукт вообще входит в общее потребление, может в связи с этим уменьшиться спрос на другие продукты (если не сокращается его потребление); это препятствует обратному превращению продуктов в такую сумму денег, которая соответствует их ценности; таким образом нарушается другая сторона их воспроизводства: не обратное превращение денег в производительный капитал, а превращение товара в деньги. Во всяком случае, масса прибыли и масса заработной платы в этой отрасли уменьшается, а вместе с тем и часть необходимой выручки (returns) от продажи товаров других отраслей производства.

Этот недостаток сырого материала может, однако, получиться независимо от влияния урожая или обусловленной естественными причинами производительности труда, доставляющего сырой материал. Именно, если в какой-либо особой отрасли промышленности на машины и т. д. [затрачена] слишком большая часть [накопленной] прибавочной ценности, добавочного капитала, то [сырого] материала будет недостаточно для нового производства, хотя его было бы достаточно для старой ступени производства. Это, следовательно, получается вследствие неправильного распределения добавочного капитала между его различными элементами. Мы здесь имеем перепроизводство основного капитала, и этот случай дает те же самые явления, как и первый случай. (См. последнюю стр.)¹.

d) Всеобщее и частичное перепроизводство.

В 21 главе Рикардо говорит:

„Какой-нибудь отдельный товар может быть произведен в излишнем количестве, и рынок будет до такой степени переполнен, что не будет даже оплачен капитал, затраченный на этот товар. Но это не может случиться одновременно со всеми товарами“ (l. c., стр. 341, 342; русск. пер. Н. Ряз., стр. 194).

Фраза, что только отдельный товар, но не все товары могут создать переполнение рынка, и поэтому перепроизводство может быть лишь частичное, является жалкой вылазкой. Прежде всего, когда речь идет лишь о природе товара, ничего не препятствует тому, что все товары имеются на рынке в избытке и потому все они падают ниже своих цен. Здесь речь идет ведь лишь о моменте кризиса. Именно все товары [могут иметься в избытке], кроме денег. Необходимость выражения товара в деньгах означает лишь: необходимость выражения всех товаров. И так же, как отдельному товару трудно проделать этот мета-

¹ По несчастной случайности именно эта страница манускрипта утеряна. К.

морфоз, это может быть трудно и для всех товаров. Вообще, природа метаморфоза товаров—которая включает разделение купли и продажи так же, как и их единство—не исключает возможности всеобщего переполнения, наоборот, она представляет эту возможность всеобщего переполнения.

Далее, рассуждения Рикардо и других, во всяком случае, имеют в виду отношение не только купли и продажи, но также спроса и предложения, чем мы должны заняться лишь при исследовании конкуренции капиталов. Если Милль говорит, что купля есть продажа и т. д., то спрос есть предложение и предложение есть спрос; но они также распадаются и могут противостоять друг другу, как два самостоятельных момента. Предложение всех товаров может в данный момент быть больше спроса на все товары, когда спрос на всеобщий товар, на деньги, на меновую ценность, больше спроса на все особые товары, или когда момент выражения товара в деньгах, момент реализации его меновой ценности, перевешивает момент обратного превращения товара в потребительную ценность. Если понимать отношение между спросом и предложением шире и конкретнее, то сюда входит [отношение] между производством и потреблением. Здесь опять-таки нужно помнить о самом по себе существующем и именно в кризисах насильственно проявляющемся единстве обоих этих моментов в противоположность также существующему и даже характеризующему буржуазное производство разделение и противоположности их.

Что касается частичного и универсального перепроизводства, поскольку именно речь идет лишь о признании первого с целью пройти мимо второго, то об этом нужно сказать следующее.

Во-первых, кризисам в большинстве случаев предшествует общее возрастание цен всех предметов, относящихся к капиталистическому производству. Поэтому все они участвуют в последующем крахе, и все они по тем ценам, которые они имели до краха, перегружают рынок. Рынок может поглотить такую массу товаров по падающим ценам, по ценам, спустившимся ниже их цен производства, какой он не мог бы поглотить по их прежним рыночным ценам. Избыток товара всегда является относительным, то-есть это избыток при известных ценах. Цены, по которым тогда поглощаются товары, губельны для производителя или купца.

Во-вторых: для того, чтобы кризис, следовательно и воспроизводство, был всеобщим, достаточно, чтобы он касался главных предметов торговли.

Посмотрим внимательнее, как Рикардо пытается устранить путем резонирования общее переполнение рынка.

„Какой-нибудь отдельный товар может быть произведен в излишнем количестве, и рынок будет до такой степени переполнен, что не будет даже оплачен капитал, затраченный на этот товар. Но это не может случиться одновременно со всеми товарами. Спрос на хлеб ограничивается числом ртов, которые должны есть его, спрос на башмаки и сюртуки—числом лиц, которые будут их носить. Правда, общество—или часть общества—могло бы иметь столько хлеба и столько шляп и башмаков, сколько оно может или желает потребить. Но этого нельзя сказать о всех предметах, производимых природой или искусством. Некоторые потребляли бы большее количество вина, если бы они имели средства на приобретение его. Другие, у которых имеется достаточно вина, хотели бы увеличивать

количество или улучшить качество своей мебели. Третью, наконец, желали бы украсить свои парки или расширить свои дома. Желание сделать все это или что-нибудь подобное присуще всякому человеку; для этого требуются лишь средства, а эти средства могут быть доставлены только расширением производства" (1. с., стр. 341, 342; русск. пер. Н. Рязан., стр. 194).

Возможно ли более детское рассуждение? Оно гласит так: Отдельный товар может быть произведен в количестве, превышающем ту массу его, которая может быть потреблена. Но это не может одновременно относиться ко всем товарам. Ибо потребности, которые удовлетворяются товарами, не имеют границ, и все эти потребности не удовлетворяются одновременно. Наоборот, удовлетворение одной потребности приводит другую, так сказать, в скрытое состояние. Следовательно, требуются лишь средства для удовлетворения этих потребностей, и эти средства могут быть созданы только расширением производства. Значит, общее перепроизводство невозможно.

К чему все это? В моменты перепроизводства значительная часть нации (особенно рабочий класс) меньше, чем когда бы то ни было, обеспечена хлебом, сапогами и т. д., не говоря уже о вине и мебели. Если бы перепроизводство могло наступить лишь после того, как все члены нации удовлетворили хотя бы самые насущные потребности, то до сих пор в истории буржуазного общества не могло бы быть не только общего, но даже частного перепроизводства. Если, например, рынок переполнен сапогами или ситцами, или винами, или колониальными продуктами, то разве это означает, что хотя бы только две трети нации имеют такое количество сапог, ситца и т. д., которое превышает их потребность в них? Что общего вообще между перепроизводством и абсолютными потребностями? Оно имеет отношение только к платежеспособным потребностям. Речь идет не об абсолютном перепроизводстве—не о перепроизводстве самом по себе по отношению к абсолютной потребности или желанию приобрести товар. В этом смысле нет ни частного, ни общего перепроизводства. И [в этом смысле] они вовсе не противоречат друг другу.

Но, скажет Рикардо, если имеются люди, которым нужны сапоги и ситец, почему они не приобретают средств для их покупки, почему они не производят чего-либо такого, на что они могли бы купить сапоги и ситец? Не было ли бы еще проще сказать: почему они не производят себе сапог и ситца? И что еще удивительнее при перепроизводстве—это то, что собственно производители этих самых товаров, переполняющих рынок—рабочие—чувствуют недостаток в них. Здесь нельзя сказать, что они должны были произвести эти вещи, чтобы их получить, ибо они их произвели—и все же не имеют их. Нельзя также сказать, что определенные товары переполняют рынок, потому что в них нет потребности. Если, следовательно, даже частичное перепроизводство нельзя объяснить тем, что количество товаров, переполняющих рынок, превышает потребность в них, то универсальное перепроизводство не могло бы быть устранено таким объяснением, что существуют потребности, неудовлетворенные потребности на многие из товаров, имеющих на рынке.

Вернемся к примеру с ситцем. Пока воспроизводство продолжалось непрерывно,—следовательно, и та фаза этого воспроизводства, в которой продукт, существующий, как товар, как продажный товар, то-есть ситец,

обратно превращался по своей ценности в деньги,—до тех пор, скажем, рабочие, производящие этот ситец, также потребляли часть его; с расширением производства—то-есть с накоплением—они его потребляли в большем количестве, или при производстве ситца было занято также большее число рабочих, которые в то время являлись отчасти его потребителями.

Пока ткач воспроизводит и накапливает, рабочие также покупают часть его продукта, тратят часть своей заработной платы на ситец. Так как он производит, то у них имеются средства, чтобы купить часть его продукта, следовательно, они отчасти дают ему возможность продать товар. Покупать—пред'являть спрос—рабочий может лишь те товары, которые входят в индивидуальное потребление, так как он не сам применяет свой труд, следовательно, он не владеет также сам условиями осуществления [его]—материалом и средствами производства. Следовательно, там, где развито капиталистическое производство, это уже исключает самую значительную часть производителей, самих рабочих, как потребителей, как покупателей средств производства. Они не покупают сырого материала и средств производства; они покупают лишь жизненные средства, товары, входящие непосредственно в индивидуальное потребление. Поэтому нет ничего более смешного, нежели разговоры о тождестве производителей и потребителей, так как для чрезвычайно большой массы отраслей производства—для всех тех, которые не доставляют предметов непосредственного потребления—масса участвующих в производстве абсолютно устранена от покупки их собственных продуктов. Они никогда не являются непосредственными потребителями или покупателями этой значительной части их собственных продуктов, хотя в покупаемых ими предметах потребления они оплачивают часть их ценности. Здесь обнаруживается также двусмысленность слова потребитель и ошибка тех, которые отождествляют его со словом покупатель. Что касается промышленного потребления машин и сырого материала, то именно рабочие употребляют их в процессе труда. Но они употребляют их не для себя, поэтому они и не являются их покупателями. Для рабочих это не потребительные ценности, не товары, а объективные условия процесса, субъективными условиями которого являются они сами.

Но можно сказать, что предприниматель является их представителем в покупке материала и средств производства. Однако он является их представителем при других условиях, отличных от тех, при каких они были бы своими собственными представителями. Именно на рынке. Он должен продать массу товаров, которая представляет прибавочный труд, неоплаченный труд. Рабочие должны были бы продать массу товаров, которая воспроизводила бы ценность, авансированную в производстве—в ценности материала, средств производства и заработной платы. Поэтому рынок, в котором нуждается предприниматель, значительно больше того рынка, который потребовался бы рабочим.

Рабочие, следовательно, являются производителями, не будучи потребителями—даже в том случае, если бы процесс воспроизводства не нарушался—по отношению ко всем предметам, которые произведены не для индивидуального, а для промышленного потребления.

Таким образом, нет более нелепого способа отрицания кризисов, как утверждение, что потребители (покупатели) и производители (продавцы) в капиталистическом производстве тождественны. Они совершенно отделены друг от друга. Поскольку происходит процесс воспроизводства, об этой тождественности можно говорить лишь по отношению к одному из 3.000 производителей, то-есть по отношению к капиталисту. Также ошибочно и обратное утверждение, что потребители являются производителями. Землевладелец (земельная рента) не производит, и все же он потребляет. Так же обстоит дело со всем денежным капиталом.

Апологетские фразы, служащие для отрицания кризисов, важны постольку, поскольку они всегда доказывают противоположное тому, что они хотят доказать. Чтобы доказать отсутствие кризисов, они говорят об единстве там, где существует противоположность и противоречие. Это важно постольку, поскольку мы можем сказать: они доказывают, что, если бы на самом деле не существовало тех противоречий, которые, как они себе воображают, будто бы устранены ими, то не было бы и кризиса. Но на самом деле кризис существует, так как эти противоречия существуют. Всякий довод, который они приводят против кризиса, есть противоречие, которое устранено ими лишь в их воображении; следовательно, это—реальное противоречие, значит и довод, говорящий в пользу кризиса. Их попытки устранить противоречия фантастическими доводами являются лишь подтверждением действительно существующих противоречий, которые, согласно их благочестивому желанию, не должны существовать.

То, что рабочие на самом деле производят, есть прибавочная ценность. Пока они ее производят, они могут потреблять. Когда прекращается [ее производство], прекращается их потребление, так как они уже не производят. Но они могут потреблять не потому, что производят эквивалент того, что потребляют. Наоборот, когда они производят лишь такой эквивалент, прекращается их потребление, они уже не имеют эквивалента для потребления. Их работа приостанавливается или сокращается, или, во всяком случае, их заработная плата понижается. В последнем случае—когда производство продолжается на той же самой ступени—они не потребляют эквивалента за свое производство. Но тогда им не хватает жизненных средств не потому, что они недостаточно производят, а потому, что от своего продукта они получают слишком мало.

Если, следовательно, отношение просто сводится к отношению потребителей и производителей, то при этом забывают, что производящий наемный труд и производящий капиталист являются двумя различными производителями, не говоря о потребителях, которые вообще не производят. Опять-таки противоположность отрицается таким образом, что абстрагируется от действительно существующей в производстве противоположности. Отношение наемного рабочего и капиталиста включает уже следующее:

1. Значительное большинство производителей (рабочие) не являются потребителями (покупателями) очень значительной части своего продукта, именно материала и средств производства.

2. Большинство производителей, рабочие, могут потреблять лишь эквивалент своего продукта до тех пор, пока они производят больше этого эквивалента—прибавочную ценность или прибавочный продукт. Они всегда должны производить излишек, больше того, что соответствовало бы их потребностям, чтобы они могли быть потребителями или покупателями в пределах своих потребностей.

Следовательно, что касается этого класса производителей, то во всяком случае неверно утверждение, что здесь единство производства и потребления выступает *prima facie*.

Если Рикардо говорит, что единственной границей спроса является само производство, а последнее ограничено капиталом, то нужно только отбросить в этом положении ошибочные предпосылки, и тогда оно означает не что иное, как то, что капиталистическое производство находит себе предел только в капитале, при чем в этот последний входит также рабочая сила, включенная в капитал, как одно из условий его производства (им купленная). Но спрашивается именно, представляет ли капитал, как таковой, также границу для потребления. Во всяком случае, она существует в отрицательном смысле; то-есть, не может быть потреблено больше, чем произведено. Но вопрос состоит в том, является ли эта граница положительной. Может ли и должно ли быть потреблено—на основе капиталистического производства—столько, сколько произведено? Положение Рикардо, при правильном анализе его, означает как раз противоположное тому, что оно хочет сказать—именно, что производство происходит не соответственно имеющимся границам потребления, а что оно ограничено лишь самим капиталом. И это во всяком случае характерно для этого способа производства.

Итак, согласно предположению, рынок переполнен, например, бумажными тканями, так что они отчасти не могут быть проданы, или совершенно не могут быть проданы, или же могут быть проданы лишь значительно ниже своей цены—или, скажем, ценности. Мы пока будем говорить о ценности, так как при исследовании обращения или процесса воспроизводства мы еще имеем дело с ценностью, а не с ценой производства, и еще менее с рыночной ценой. Впрочем во всем этом анализе само собой разумеется следующее: нельзя отрицать того, что в отдельных сферах может быть произведено слишком много и потому в других сферах произведено слишком мало, что, следовательно, частичные кризисы могут быть вызваны непропорциональным производством (однако пропорциональное производство является всегда лишь результатом непропорционального производства на основе конкуренции); общей формой этого непропорционального производства является, скажем, перепроизводство основного капитала или же перепроизводство оборотного капитала¹. Как для того, чтобы товары продавались по своей ценности, необходимо, чтобы в них содержалось лишь общественно необходимое рабочее время, так и для целой сферы производства капитала

¹ Когда изобретена была прядильная машина, имелось перепроизводство пряжи в сравнении с тканями. Это несоответствие исчезло с введением механических ткацких станков.

является необходимым условием, чтобы на эту особую сферу была затрачена лишь необходимая часть всей суммы общественного рабочего времени—лишь то рабочее время, которое требуется для удовлетворения общественной потребности (спроса). Если затрачено больше, то, хотя бы единичный товар содержал лишь необходимое рабочее время, сумма содержит больше, нежели общественно необходимое рабочее время; точно также, хотя единичный товар имеет потребительную ценность, но сумма, при данных предпосылках, теряет часть своей потребительной ценности.

Однако здесь мы говорим не о кризисе, поскольку он основан на непропорциональном производстве, то-есть на неправильном распределении общественного труда между отдельными сферами производства. Об этом может идти речь лишь постольку, поскольку говорится о конкуренции капиталов. Там уже сказано было, что возрастание или падение рыночной ценности вследствие такой несоразмерности приводит к из'ятию капитала из одной сферы производства и перенесению его в другую сферу, к странствованию капитала из одной отрасли производства в другую. Однако само это уравнивание уже предполагает свою противоположность и потому может заключать в себе кризис, и самый кризис может представлять форму уравнивания. Но этого рода кризис признают Рикардо и другие.

При анализе процесса производства мы видели, что все стремление капиталистического производства сводится к получению возможно большего количества прибавочного труда, следовательно, к овеществлению возможно большего количества непосредственного рабочего времени с помощью данного капитала, или путем удлинения рабочего времени, или путем сокращения необходимого рабочего времени, благодаря повышению производительности труда, применению коопераций, разделению труда, благодаря машинам и т. д., короче—благодаря производству в широких размерах, следовательно, благодаря массовому производству. Капиталистическое производство по природе своей есть производство, не зависящее от границ рынка.

При процессе воспроизводства прежде всего предполагается, что способ производства остается неизменным, и в течение некоторого времени это продолжается и при расширении производства. Количество произведенных товаров здесь увеличивается потому, что применяется больше капитала, а не потому, что капитал применяется более производительно. Но уже одно только количественное увеличение капитала включает в себе повышение его производительности. Если его количественное увеличение является следствием развития производительности, то повышение производительности предполагает, наоборот, более широкую, расширенную капиталистическую основу. Здесь происходит взаимодействие. Воспроизводство на более широкой основе—накопление—первоначально, правда, представляет количественное расширение производства—с большей суммой капитала при тех же самых условиях производства; но на известном пункте оно представляет и качественное изменение—повышение производительности условий, в каких происходит воспроизводство.

Поэтому происходит увеличение массы продуктов не только соответственно возрастанию капитала при расширенном воспроизводстве—при накоплении.

Вернемся теперь к нашему примеру с ситцем.

Задержка на рынке, переполненном ситцем, препятствует воспроизводству ткача. Это препятствие прежде всего касается его рабочих. Последние, следовательно, в меньшей степени являются потребителями его товара—ситцев—и других товаров, которые входили в их потребление, или даже совсем не потребляют их больше. У них, конечно, имеется потребность в ситцах, но они не могут покупать, так как не имеют для этого средств; и они не имеют средств, так как не могут продолжать производства; и они не могут более производить, так как произведено слишком много, слишком много ситцев лежат на рынке. Им не может помочь ни совет Рикардо: „чтобы они расширили свое производство“, ни совет, „чтобы они производили что-либо другое“. Они теперь служат выражением временного перепроизводства; получается перепроизводство рабочих, в данном случае производителей ситца, так как на рынке имеется перепроизводство ситца.

Но кроме рабочих, которые непосредственно заняты капиталом, вложенным в производство ситца, задержка в воспроизводстве ситца касается массы других производителей: прядильщиков, поставщиков хлопчатой бумаги, производителей веретен и ткацких станков, железа, угля и т. д. У них также пострадало бы воспроизводство, так как воспроизводство ситца является условием их собственного воспроизводства. Это произошло бы даже в том случае, если бы они не произвели слишком много в своих собственных сферах, то-есть не произвели больше того, что было обусловлено и что соответствовало процветающей бумажной промышленности. Во всех этих отраслях промышленности имеется лишь то общее, что свой доход (заработную плату и прибыль, поскольку последняя потребляется в виде дохода, не накаплиется) они потребляют не в своем собственном продукте, а в продукте тех сфер, которые производят предметы потребления, между прочим и ситцев. Таким образом, падает и потребление и спрос на ситец именно потому, что на рынке его слишком много. Но падает также спрос и на все другие товары, на те предметы потребления, на которые затрачивается доход лиц, косвенным образом являющихся производителями ситца. Их средства для покупки ситца и других предметов потребления ограничиваются, сокращаются, так как на рынке имеется слишком много ситца. Это касается и других товаров (предметов потребления). Теперь они внезапно обнаруживают относительное перепроизводство, так как сократились средства для их покупки, а вместе с тем уменьшился и спрос на них. Даже если в этих сферах не было произведено слишком много, теперь в них имеется перепроизводство.

Если произошло перепроизводство не только ситцев, но и льняных, шелковых и шерстяных изделий, то понятно, что перепроизводство этих немногих, но важнейших предметов вызывает на рынке более или менее всеобщее (относительное) перепроизводство. С одной стороны—избыток всех условий воспроизводства и всякого рода непроданных товаров

на рынке. С другой стороны—обанкротившиеся капиталисты и лишенные всяких средств существования голодающие рабочие массы.

Но этот аргумент должен быть рассмотрен с двух точек зрения. Если легко понять, что перепроизводство нескольких главных предметов потребления должно повлечь за собой более или менее всеобщее перепроизводство—проявление его, то тем самым отнюдь не понято еще, как может произойти перепроизводство этих предметов. Ибо явление всеобщего перепроизводства об'яснено зависимостью не только занятых непосредственно в этих отраслях промышленности рабочих, но и всех отраслей, которые производят предшествующие формы их продуктов, их постоянный капитал в различных фазах. Для последних перепроизводство является результатом; откуда же оно берется в первых? Ибо последние продолжают производить, пока продолжают производить первые, и этим продолжением производства повидимому обеспечено возрастание дохода, следовательно, также их собственного потребления.

е) Расширение производства и расширение рынка.

Нам, вероятно, ответят указанием на постоянно расширяющееся производство; оно ежегодно расширяется по двум причинам: во-первых, вследствие того, что вложенный в производство капитал постоянно растет; во-вторых, потому, что он применяется все более и более производительнее; во время воспроизводства и накопления постоянно вводятся мелкие улучшения, которые в конце концов совершенно изменяют скалу производства. Происходит накопление улучшений, накапливающееся развитие производительных сил. Если нам ответят, что постоянно расширяющееся производство нуждается в постоянно расширяющемся рынке и что производство расширяется быстрее, нежели рынок, то этим дано лишь другое выражение явлению, которое должно быть об'яснено: мы здесь имеем вместо абстрактной формы его реальную форму. Рынок расширяется медленнее, нежели производство; или в том цикле, который проходит капитал во время своего воспроизводства—в этом цикле он воспроизводится не просто, а в более широких размерах, описывает не окружность, а спираль,—в этом цикле наступает момент, когда рынок оказывается слишком тесным для производства. Но это означает лишь то, что рынок переполнен. Перепроизводство очевидно. Если бы расширение рынка шло нога в ногу с расширением производства, то не было бы переполнения рынка, не было бы перепроизводства.

Однако, одно только признание того, что рынок должен расширяться вместе с производством, представляло бы, с другой стороны, уже опять-таки признание возможности перепроизводства, так как рынок имеет внешние географические границы; внутренний рынок ограничен в сравнении с рынком, который является внутренним и внешним; последний опять-таки ограничен в сравнении с мировым рынком, который опять-таки в каждый данный момент бывает ограничен, [хотя] сам по себе он и способен к расширению. Поэтому, если мы признаем, что рынок должен расширяться, чтобы не было воспроизводства, то тем самым мы признаем, что перепроизводство может получиться; ибо, так как рынок

и производство [представляют] два самостоятельных [момента], то возможно, что расширение одного из них не соответствует расширению другого, что границы рынка не расширяются для производства достаточно быстро, или что новые рынки—новые расширения рынка быстро могут быть обгоняемы производством, так что расширенный рынок теперь так же служит границей, как и раньше более тесный.

Поэтому Рикардо вполне последовательно отрицает необходимость расширения рынка с расширением производства и возрастанием капитала. Весь имеющийся в стране капитал может быть так же выгодно затрачен в этой стране. Он полемизирует поэтому против А. Смита, который, с одной стороны, защищает его (Рикардовский) взгляд и со своим обычным разумным инстинктом также противоречит ему. Смит не знает также явления перепроизводства, кризисов вследствие перепроизводства. Он знает только кредитные и денежные кризисы, которые связаны с кредитной и банковской системой. На самом деле он видит в накоплении капитала безусловное увеличение общего национального богатства и благосостояния. С другой стороны, он считает уже одно только развитие внутреннего рынка во внешний, колониальный и мировой рынок доказательством, так сказать, относительного (существующего самого по себе) перепроизводства на внутреннем рынке. Здесь интересно привести полемику Рикардо против него:

«Если торговцы вкладывают свои капиталы во внешнюю или транспортную торговлю, то они поступают так не в силу необходимости, а в силу свободного выбора: они делают это потому, что прибыль в этой отрасли торговли несколько выше, чем во внутренней».

«Адам Смит совершенно справедливо заметил: «Потребность в пище отдельного человека ограничена тесными пределами человеческого желудка¹, но стремление к комфорту и украшениям, желание иметь хорошую квартиру, наряды, экипажи и обстановку, кажется, вовсе не знает границ».

«Поэтому природа неизбежно ограничивает количество капитала, который может быть с выгодой затрачен в земледелии², но она не поставила никаких границ размерам капитала, который может быть затрачен на производство «предметов житейского удобства и комфорта»³. Доставить себе максимальное количество этих удобств—вот цель, которая имеется в виду. И только потому, что внешняя или транспортная торговля приводит к этой цели скорее, люди предпочитают затратить свои капиталы на эти отрасли торговли, а не на производство требуемых товаров или их суррогатов внутри самой страны. Но если какие-нибудь особенные обстоятельства помешают нам вложить капитал во внешнюю или транспортную торговлю, мы должны будем, хотя и с меньшей выгодой, найти ему употребление внутри страны. А так как «стремление к комфорту и украшениям, желание иметь хорошую квартиру, наряды, экипажи и обстановку» не знает никаких границ, то и количество капитала, который может быть затрачен на их производство, не знает никаких других пределов кроме тех, которые ставятся размерами наших средств на содержание рабочих, производящих эти предметы».

¹ А. Смит здесь сильно ошибается, когда он исключает предметы роскоши сельского хозяйства.

² Не потому ли имеются народы, которые вывозят сельскохозяйственные продукты? Как будто нельзя было бы, вопреки природе, вложить любой капитал в сельское хозяйство, чтобы в Англии, например, производить дыни, винные ягоды, виноград и т. д., цветы и проч., разводить живность, дичь и т. д.? И разве сырые материалы, употребляемые в индустрии, не производятся сельскохозяйственным капиталом? Укажем, например, на капитал, который римляне тратили только на искусственное разведение рыбы.

³ Как будто природа вообще имеет какое-либо отношение к этому!

„Но Адам Смит думает, что транспортная торговля является делом не свободного выбора, а необходимости; как будто капитал, который не был бы вложен в нее, остался бы иначе без употребления; как будто капитал, вложенный во внутреннюю торговлю, сейчас переполнил бы ее каналы, если бы количество его не было ограничено известными пределами. Он говорит: «Если капитал какой-нибудь страны возрос до такой степени, что он уже не может быть весь употреблен на производство средств потребления и содержания производительного труда этой страны¹, то излишек этого капитала само собою направляется в транспортную торговлю и оказывает там такие же услуги другим странам».

... Но разве эта часть производительного труда не могла быть употреблена на производство какого-нибудь другого товара, на который можно было бы купить что-нибудь более необходимое для страны? А если бы это было невозможно, то разве мы не могли бы употребить этот производительный труд, хотя бы и с меньшей выгодой, на производство товаров, на которые имеется спрос в стране, или, по крайней мере, их суррогатов? Если бы мы нуждались в бархате, то разве мы не могли бы попробовать сами заняться его производством? А если бы нам это не удалось, то разве мы не могли бы производить больше сукна или других предметов, на которые существует спрос?

Мы производим товары и на них покупаем товары за границей, потому что мы можем этим путем получить более значительное количество таких товаров², чем если бы производили их внутри страны. Отнимите у нас эту торговлю, и мы опять начнем сами производить такие товары. Но приведенное мнение Адама Смита противоречит его общему взгляду на этот предмет. Он говорит: «Если чужая страна может доставлять нам известный товар дешевле, чем мы можем его производить, то лучше покупать его на часть продукта нашей собственной промышленности, в которой мы пользуемся преимуществами. Вся промышленная деятельность страны, всегда находящаяся в соответствии с капиталом, который приводит ее в движение³, несколько не уменьшится, и ей придется только найти способ для наиболее выгодного употребления всего капитала».

И далее: «Те, кто имеет в своем распоряжении больше предметов пищи, чем они могут потребить, всегда готовы обменять свой излишек или, — что то же самое, — цену его на другие предметы потребления. Все, что остается после удовлетворения потребностей, ограниченных в их размерах, пойдет на удовлетворение тех желаний, которые не могут быть вполне удовлетворены и, повидимому, не имеют никаких границ. Бедняки, нуждающиеся в куске хлеба, напрягают свои силы, чтобы выполнять прихоти богатей. И они стараются превзойти друг друга по части дешевизны и совершенства своих произведений, чтобы обеспечить себе этот кусок хлеба. Число рабочих возрастает вместе с увеличением количества пищевых продуктов или вместе с усовершенствованием и расширением земледелия. А так как характер их занятий допускает самое детальное разделение труда, то количество материала, который они могут обрабатывать, возрастает в большей пропорции, чем их численность. Вследствие этого, возникает спрос на всякого рода материалы, которые человеческая изобретательность может использовать для производства полезных предметов или предметов украшения, как например вданий, нарядов, экипажей или мебели, усиливается спрос на минералы, скрытые в недрах земли, на благоприятные металлы и драгоценные камни».

„Из всего сказанного следует, что нет никаких границ для спроса, а следовательно, и для употребления капитала, пока он приносит прибыль; что, в каком бы изобилии ни имелся капитал, нет никакой другой причины, по которой могла бы падать прибыль, кроме повышения заработной платы. Следует прибавить еще, что единственной, действительной и постоянной причиной повышения заработной платы является возрастающая трудность добывания жизненных средств для возросшего числа рабочих“ (I. с., 21 гл., стр. 344—348; русск. перев. Н. Рязанова, стр. 195—197).

Слово перепроизводство само по себе вводит в заблуждение. Пока не удовлетворены самые насущные потребности значительной части

¹ Это место подчеркивает сам Рикардо.

² Качественной разницы не существует!

³ В очень различной пропорции. Рикардо подчеркивает и эту последнюю фразу.

общества или только самые непосредственные потребности его, абсолютно, конечно, не может быть и речи о перепроизводстве продуктов—в том смысле, что масса продуктов представляла бы избыток в сранении с потребностями в них. Нужно, наоборот, сказать, что на основе капиталистического производства в этом смысле постоянно производится слишком мало. Границей производства является прибыль капиталиста, отнюдь не потребности производителя. Но перепроизводство продуктов и перепроизводство товаров представляют две совершенно различные вещи. Если Рикардо полагает, что форма товара безразлична для продукта, даже, что товарное обращение лишь формально отличается от меновой торговли, что меновая ценность здесь представляет лишь переходящую форму обмена вещей, что деньги поэтому являются лишь формальным орудием обращения,—то это на самом деле вытекает из его предпосылки, что буржуазный способ производства представляет абсолютное производство, поэтому это есть способ производства без более точного специфического определения, значит, все его определения представляют лишь нечто формальное. Он, таким образом, и не должен признавать того, что буржуазный способ производства включает в себе границу для свободного развития производительных сил, границу, которая проявляется в кризисах и, между прочим, в перепроизводстве—основном явлении кризисов.

Рикардо видел из цитируемых им положений Смита, которые он признавал и повторял за ним, что безграничное „желание“ иметь всякого рода потребительные ценности всегда удовлетворяется на основе такого состояния общества, когда масса производителей более или менее ограничивается необходимым, когда эта самая значительная масса производителей, следовательно, более или менее исключена из потребления богатства—поскольку оно выходит из круга необходимых жизненных средств.

Последнее впрочем имеет место, и еще в большей степени, также при античном производстве, основанном на рабстве. Но древние и не думали о превращении прибавочного продукта в капитал. Во всяком случае, это происходило у них лишь в незначительной степени. Широко развитый обычай собирать сокровища в собственном смысле слова свидетельствует о том, сколько прибавочного продукта лежало у них без употребления. Значительную часть прибавочного продукта они употребляли на непроизводительные затраты, на художественные произведения, на религиозные дела, на общественные работы. Еще менее их производство было направлено на развитие материальных производительных сил—разделение труда, введение машин, применение сил природы и наук в частном производстве. В общем они никогда не шли дальше ремесленного труда. Богатство, которое они создавали для частного потребления, было поэтому относительно невелико, и оно кажется большим только оттого, что оно было сосредоточено в руках немногих лиц, которые, впрочем, не знали, что с ним делать. Если поэтому у древних не было перепроизводства, то там было чрезмерное потребление богатых, которое в последние периоды истории Рима и Греции принимает характер безумного расточительства. Немногие торговые на-

роды среди них жили отчасти за счет всех этих в сущности бедных наций. Основой современного перепроизводства служит: безусловное развитие производительных сил и потому массовое производство, при котором масса производителей заключена в круг необходимых жизненных средств, с одной стороны, и ограничение прибылью капиталистов, с другой стороны.

Все возражения, которые Рикардо и другие приводят против перепроизводства и т. д., основаны на том, что они или рассматривают буржуазное производство как способ производства, в котором нет разницы между куплей и продажей—непосредственная меновая торговля—или же они его рассматривают как общественное производство, так что общество как бы по плану распределяет свои средства производства и производительные силы соответственно тому, насколько они нужны для удовлетворения его различных потребностей; таким образом, на каждую сферу производства приходится часть общественного капитала, требуемая для удовлетворения потребности, которой она соответствует. Эта фикция объясняется вообще лишь неспособностью понять специфическую форму буржуазного производства,—являющейся результатом того, что эти экономисты не могут выйти из буржуазного производства, рассматриваемого как производство вообще. Совершенно подобно тому, как человек, который придерживается определенной религии, видит в ней религию вообще, а вне ее лишь неправильные религии.

Нужно было бы, наоборот, спросить: как, на основе капиталистического производства, где каждый работает для себя, и особый труд одновременно должен быть представлен, как его противоположность, абстрактно всеобщий труд, и в этой форме как общественный труд,—как на этой именно основе возможно необходимое уравнивание и связь различных сфер производства, установление соразмерности и пропорции между ними иначе, нежели постоянным уничтожением постоянной дисгармонии? Это и признается теми, кто говорит об уравниваниях при конкуренции, ибо эти уравнивания всегда предполагают, что что-то уравнивается, следовательно, гармония всегда является лишь результатом движения, выражающимся в уничтожении существующей дисгармонии. Поэтому Рикардо и признает переполнение рынка для отдельных товаров. Невозможно, мол, лишь одновременное всеобщее переполнение рынка. Поэтому и не отрицается возможность перепроизводства в какой-либо особой сфере производства. [Невозможно,] мол, одновременно существование этого явления во всех сферах производства, и поэтому [невозможно] всеобщее перепроизводство. Последнее выражение нужно всегда понимать *cum grano salis*, так как в моменты общего перепроизводства перепроизводство в некоторых сферах всегда является результатом, следствием перепроизводства главных предметов торговли; [оно там] всегда [является] относительным; это—перепроизводство, обусловленное перепроизводством в других сферах. Апологеты говорят как раз обратное. Перепроизводство главных предметов торговли, которые одни только и дают активное перепроизводство,—это вообще предметы, которые могут быть произведены лишь в больших количествах и фабричным способом, также в земледелии,—[существует, мол, лишь] потому, что

имеется перепроизводство предметов, обнаруживающих относительное или пассивное перепроизводство. Согласно этому объяснению перепроизводство существует только потому, что оно не является универсальным. Относительность перепроизводства—что действительное перепроизводство в некоторых сферах вызывает перепроизводство в других сферах—выражается здесь в такой форме: Нет универсального перепроизводства, так как, если бы оно было универсальным, то между всеми сферами производства существовало бы то же самое отношение; следовательно, универсальное перепроизводство означает то же самое, что и пропорциональное производство; а это исключает перепроизводство. Именно, универсальное перепроизводство в абсолютном смысле не было бы перепроизводством, а представляло бы лишь более, чем обычное, развитие производительных сил во всех сферах производства; поэтому, мол, действительного перепроизводства, именно такого, которое не являлось бы этим не существующим, само себя уничтожающим перепроизводством, не существует. Хотя оно существует именно потому, что оно не является таким перепроизводством. При более внимательном рассмотрении этой жалкой софистики мы увидим, что она сводится к следующему: Имеется, скажем, перепроизводство железа, бумажных тканей, полотна, шелка, сукна и т. д.; тогда нельзя сказать, предположим, что произведено слишком мало угля, отчего и произошло это перепроизводство; ибо это перепроизводство железа и т. д. так же включает перепроизводство угля, как, например, перепроизводство ткани включает перепроизводство пряжи. (Было бы возможно перепроизводство пряжи в сравнении с тканями, железа в сравнении с машинами и т. д. Это всегда представляло бы относительное перепроизводство постоянного капитала). Следовательно, нельзя говорить о перепроизводстве предметов, перепроизводство которых уже включено, ибо они входят в качестве сырого материала, вспомогательного материала или средств производства в предметы, положительное перепроизводство которых именно и должно быть объяснено (в „особый товар, который может быть произведен в слишком большом количестве, который может иметься на рынке в таком избытке, что он не возмещает капитала, затраченного на его производство“). Речь идет о других предметах, принадлежащих непосредственно к другим сферам производства; именно о предметах, которые, во-первых, не могут быть отнесены к главным предметам торговли, где, согласно предположению, имеется перепроизводство, и, во-вторых, не принадлежат к таким сферам, которые представляют посредствующее производство для главных предметов торговли и в которых, следовательно, производство должно было бы, по крайней мере, достичь таких размеров, как и в заключительных фазах продукта; однако ничто не препятствует тому, чтобы они сами пошли еще дальше, и таким образом получилось бы перепроизводство внутри перепроизводства. Например, должно быть произведено такое количество угля, чтобы работа могла совершаться во всех отраслях промышленности, в которые уголь входит в качестве необходимого условия производства; следовательно, перепроизводство угля включено в перепроизводство железа, пряжи и т. д. (при чем производство угля соответствует лишь производству железа и пряжи); но возможно

та к же, что произведено было больше угля, чем этого требовало даже перепроизводство железа, пряжи и т. д. Это не только возможно, но и очень вероятно. Ибо производство угля и пряжи и всякое другое производство, которое доставляет лишь условие и предварительную фазу заканчиваемого в другой сфере продукта, определяется не непосредственным спросом, не непосредственным производством и воспроизводством, а тем, в какой степени, в какой мере, в каком отношении здесь возможно расширение. И что при таком расчете можно попасть дальше цели, это само собой разумеется. Однако [перепроизводство должно получиться оттого, что] других предметов, как например фортепиано, драгоценных камней и т. д., произведено слишком мало; здесь имеется недостаточное производство. Нелепость этой фразы выступает очень ясно, когда ей придается интернациональное значение. Так, например, не Англия произвела слишком много, а Италия произвела слишком мало. Не было бы перепроизводства, если бы Италия, во-первых, имела достаточно капитала для возмещения английского капитала, который был вывезен в Италию в виде товаров; во-вторых, если бы она так затратила этот капитал, что он производил бы те именно предметы, в которых нуждается английский капитал, как для возмещения самого капитала, так и для возмещения получаемого с него дохода; итак, имелся бы не факт действительного—если иметь в виду действительное производство в Италии—существующего перепроизводства в Англии, а факт вообразяемого недопроизводства в Италии; это—именно воображаемое недопроизводство, ибо: во-первых, в Италии предполагается такой капитал и такое развитие производительных сил, каких там не существует; во-вторых, здесь делается столь же утопическое предположение, что этот не существующий в Италии капитал затрачен именно таким образом, как это было бы необходимо для того, чтобы английское предложение и итальянский спрос, английское и итальянское производство дополняли друг друга; это означает другими словами лишь следующее: не было бы перепроизводства, если бы спрос и предложение соответствовали друг другу, если бы капитал был распределен между всеми сферами производства таким образом, что производство одного предмета включало бы потребление другого предмета, следовательно, и свое собственное потребление. Не было бы перепроизводства, если бы не существовало перепроизводства. Но так как капиталистическое производство может развиваться только в известных сферах, при определенных условиях, то вообще невозможно было бы капиталистическое производство, если бы оно должно было одновременно и равномерно развиваться во всех сферах. Так как в этих сферах происходит абсолютное перепроизводство, то получается также относительное перепроизводство в тех сферах, где не произведено слишком много. Во-первых, следовательно, это об'яснение перепроизводства на одной стороне недопроизводством на другой стороне означает лишь следующее: если бы происходило пропорциональное производство, то не было бы перепроизводства. Его не было бы и в том случае, если бы спрос и предложение соответствовали друг другу, также если бы все сферы имели одинаковые возможности капиталистического производства и его расширения—разделение труда,

машины, вывоз на отдаленные рынки, массовое производство и т. д. Или, еще абстрактнее: если бы все страны, между которыми происходит торговля, имели одинаковую возможность производства, а именно различного и дополняющего друг друга производства. Итак, перепроизводство происходит потому, что все эти благочестивые желания не осуществляются. Или, еще абстрактнее: не было бы перепроизводства в одном месте, если бы произошло равномерное перепроизводство во всех местах. Но капитал недостаточно велик для столь универсального перепроизводства, и поэтому получается универсальное перепроизводство.

Рассмотрим эту фантазию еще внимательнее:

Признается, что в каждой особой сфере производства возможно перепроизводство. Единственное обстоятельство, которое могло бы помешать одновременному перепроизводству во всех сферах, это, согласно объяснению, то, что товар обменивается на товар, то-есть ищут спасения в предположении условий меновой торговли. Но этот путь для нас отрезан именно потому, что товарная торговля не есть меновая торговля, и потому продавец одного товара не является необходимо в то же самое время покупателем другого товара. Все это объяснение основано, следовательно, на том, что мы отвлекаемся здесь от денег и оттого, что речь идет не об обмене продуктами, а о товарном обращении, для которого имеет существенное значение разделение купли и продажи.

Обращение капитала само по себе включает возможности нарушений. Например, при обратном превращении денег в свои условия производства речь идет не только о том, чтобы снова превратить деньги в те же самые (того же рода) потребительные ценности, но для повторения процесса воспроизводства важно, чтобы эти потребительные ценности можно было снова приобрести по их старой ценности (или дешевле, что еще лучше). Однако, очень значительная часть этих элементов воспроизводства, состоящая из сырого материала, может возрастать по двум причинам: во-первых, когда орудия производства увеличиваются быстрее, чем сырой материал, который не может быть доставлен в течение данного периода времени; во-вторых, вследствие переменного характера жатв. Поэтому погода, как правильно замечает Тук, играет такую большую роль в современной индустрии. То же самое относится к жизненным средствам, поскольку речь идет о заработной плате. Обратное превращение денег в товар может, следовательно, натолкнуться на трудности и создать возможности кризиса, совершенно так же, как и превращение товара в деньги. Поскольку рассматривается простое обращение—не обращение капитала,—этой трудности не существует.

Имеется еще масса моментов, условий, возможностей кризиса, которые могут быть рассмотрены лишь при анализе конкретных отношений, именно конкуренции капиталов и кредита.

Перепроизводство товаров отрицается, но признается перепроизводство капитала. Но капитал сам состоит из товаров, или, поскольку он состоит из денег, он должен быть обратно превращен в товары того или другого рода, чтобы он мог функционировать, как капитал. Что, следовательно, означает перепроизводство капитала? Перепроизводство ценно-

стей, которые должны создать прибавочную ценность, или, с точки зрения вещественного содержания, перепроизводство товаров, которые нужны для воспроизводства,—следовательно, воспроизводство в слишком больших размерах; а это означает то же самое, что и перепроизводство вообще. При более точном определении это означает не что иное, как то, что произведено слишком много в целях обогащения, или слишком большая часть продукта идет не на потребление в виде дохода, а на создание большего количества денег, на накопление; не на удовлетворение частных потребностей владельца этих продуктов, а на создание для него абстрактного общественного богатства, денег и большей власти над чужим трудом, капитала—или на увеличение этой власти. Это говорят одни экономисты; Рикардо это отрицает. Но как объясняют перепроизводство товаров другие экономисты? Тем, что производство не развито достаточно всесторонне (*diversified*), что определенные предметы потребления не произведены в достаточно большом количестве. Ясно, что здесь не может идти речь о промышленном потреблении, ибо фабрикант, который производит слишком много льняных изделий, этим самым необходимо повышает свой спрос на пряжу, машины, труд и т. д. Речь идет, следовательно, о частном потреблении. Произведено слишком много полотна, но, быть может, слишком мало апельсинов. Раньше отрицались деньги, чтобы [можно было отрицать] разделение купли и продажи. Здесь отрицается капитал, чтобы превратить капиталистов в людей, которые совершают простую операцию Т—Д—Т и производят для индивидуального потребления, не как капиталисты, производящие с целью обогащения, с целью обратного превращения части прибавочной ценности в капитал. Но фраза, что имеется слишком много капитала, означает лишь то, что слишком мало потребляется и может быть потреблено в виде дохода при данных условиях (Сисмонди). Почему же фабрикант, производящий полотно, требует от сельского хозяина, чтобы он потреблял больше полотна, или почему последний требует от первого, чтобы он потреблял больше хлеба? Почему сам капиталист, торгующий полотном, не реализует большей части своего дохода, своей прибавочной ценности в полотне, а сельский хозяин в хлебе. Относительно каждого из них в отдельности признается, что, не говоря об ограниченности потребностей, этому препятствует их потребность в капитализировании. Относительно всех вместе взятых это не признается.

Мы здесь совершенно отвлекаемся от элемента кризисов, который обусловлен тем, что товары воспроизводятся дешевле, чем они производятся, что приводит к обесценению товаров, находящихся на рынке.

Все противоречия буржуазного производства проявляются во всеобщих мировых кризисах коллективно, в частичных кризисах (частичных по содержанию и распространению) лишь рассеянно, изолированно, одно-сторонне.

Условием перепроизводства является общий закон производства капитала: производство происходит соответственно производительным силам, то-есть соответственно возможности при данной массе капитала эксплуатировать максимальное количество труда, не считаясь с существующими границами рынка, с платежеспособными потребностями; и это совер-

шается путем постоянного расширения воспроизводства и накопления, значит, и путем постоянного обратного превращения дохода в капитал; между тем, с другой стороны, масса производителей ограничена и, соответственно природе капиталистического производства, должна быть всегда ограничена средним размером потребностей.

5. Накопление и потребление.

Рикардо говорит в 8 главе „О налогах“:

„Когда количество продуктов, получаемых в течение года в данной стране, значительно превышает ее годовое потребление, то говорят, что капитал ее увеличивается; когда же годовое потребление даже не покрывается ее годовым производством, то говорят, что ее капитал уменьшается. Таким образом, капитал может увеличиться или вследствие увеличения производства, или вследствие уменьшения непроизводительного потребления“ (1. с., стр. 162, 163; русск. пер. Н. Ряз., стр. 93).

Под „непроизводительным потреблением“ Рикардо здесь понимает, как он говорит в примечании к следующему абзацу (стр. 163, русск. пер. Н. Ряз., стр. 94), потребление непроизводительными рабочими, „теми, которые не воспроизводят новой ценности“. Под увеличением годичного производства понимается, следовательно, увеличение годичного промышленного потребления. Последнее может быть увеличено путем непосредственного расширения его, при неизменном или даже растущем непромышленном потреблении, или благодаря уменьшению непромышленного потребления. „Когда мы говорим,—сказано в том же примечании,—что доход сберегается и прибавляется к капиталу, мы подозреваем, что та доля дохода, о которой говорится, что она прибавляется к капиталу, потребляется производительными рабочими вместо непроизводительных“.

Я объяснил, что превращение дохода в капитал отнюдь не тождественно с превращением дохода в переменный капитал или с затратой его на заработную плату. Но так именно думает Рикардо. В том же примечании он говорит:

„Если бы цена труда поднялась до такой высоты, что, несмотря на увеличение капитала, не могло бы быть применено большее количество рабочих, то я сказал бы, что такое увеличение капитала будет потреблено непроизводительно“ (русск. пер. Н. Ряз., стр. 94).

Следовательно, не потребление дохода производительными рабочими делает это потребление „производительным“, а потребление его рабочими, производящими прибавочную ценность. Капитал, согласно этому взгляду, увеличивается лишь в том случае, когда он распоряжается большим количеством труда, [чем он оплачивает].

В 7 главе „О внешней торговле“ нужно выделить следующие места:

„Процесс накопления капитала может происходить двояким способом: он сберегается или путем увеличения дохода или путем уменьшения потребления. Если моя прибыль повысится с 1.000 ф. ст. до 1.200, а расходы останутся прежними, то я буду накапливать ежегодно на 200 фунт. ст. больше, чем раньше. Если я сберегу 200 ф. ст. на своих расходах, а прибыль моя остается прежней, то получится такой же результат; к моему капиталу будет прибавляться по 200 ф. ст. в год“ (1. с., стр. 135; русск. пер. Н. Рязан., стр. 79).

„Если вследствие введения машин ценность всех товаров, на которые тратился мой доход, упадет на 20%, я буду в состоянии сберегать так же

успешно, как если бы мой доход повысился на 20%. Но в одном случае норма прибыли остается без изменения, в другом она повысилась на 20%. Если путем ввоза дешевых иностранных товаров я могу сберечь 20% на своих расходах, результат будет совершенно такой же, как если бы машины понизили издержки их производства, но прибыль не повысилась бы" (I. с., стр. 136; русск. пер. Н. Ряз., стр. 80).

То-есть, она не повысилась бы, если бы более дешевые продукты не входили ни в переменный ни в постоянный капитал.

Следовательно, при неизменной затрате дохода, [происходит увеличение] накопления вследствие возрастания нормы прибыли (однако, накопление зависит не только от высоты нормы прибыли, но и от массы прибыли); при неизменной норме прибыли, накопление увеличивается благодаря уменьшению затрат, которое, как предполагает здесь Рикардо, происходит вследствие удешевления „товаров, на которые затрачивается доход“, благодаря, например, машинам или внешней торговле.

В 20 главе: „Ценность и богатство, их особые признаки“ [к нашему предмету относятся следующие места]:

„Богатство ¹ страны может возрастать двояким путем: во-первых, путем употребления более значительной части дохода на содержание производительного труда, который увеличил бы не только количество, но и ценность всей массы товаров; во-вторых, оно может быть увеличено без затраты дополнительного количества труда, если то же самое количество труда станет более производительным и увеличит только количество, а не ценность товаров.

„В первом случае, увеличилось бы не только богатство страны, возрасла бы также и ценность этого богатства. Она разбогатела бы путем бережливости, она уменьшила бы расходы на предметы роскоши и употребила бы эти сбережения на воспроизводство.

„Во втором случае, не произошло бы ни уменьшения расходов на предметы роскоши и комфорта, ни увеличения количества затраченного производительного труда. То же самое количество труда производило бы больше продуктов: возрасло бы богатство, но не ценность. Из этих двух способов увеличения богатства следует предпочесть последний, так как он произведет тот же самый эффект и в то же время не будет сопровождаться лишениями и уменьшением предметов удобства, которые необходимо связаны с первым способом. Капитал представляет собою ту часть богатства страны, которая затрачивается в целях будущего производства и может быть увеличена тем же способом, что и богатство. Добавочный капитал будет оказывать одно и то же действие при производстве будущего богатства,—все равно, получается ли он путем усовершенствования техники и машин или путем производительного употребления большей части дохода. Богатство, ведь, всегда зависит от количества произведенных товаров, без отношения к легкости, с какой могут быть доставлены орудия, занятые в производстве. Если данное количество предметов одежды и пищевых продуктов произведено трудом 100 человек, оно будет содержать и давать занятие тому же числу человек для выполнения того же количества работы, как и в том случае, если бы оно было произведено трудом 200 человек. Разница только в том, что это количество стоило бы вдвое больше, если бы на его производство затрачен был труд 200 человек" (I. с., стр. 327, 328; русск. пер. Н. Рязан., стр. 185).

Первое положение Рикардо гласило:

Накопление растет, при неизменных расходах, когда норма прибыли увеличивается, или при неизменной норме прибыли, когда затраты (по ценности) уменьшаются, так как товары, в которых потребляется доход, дешевеют.

Теперь он устанавливает другую противоположность:

¹ Рикардо понимает под этим потребительные ценности.

Накопление растет, капитал накапливается в массе и ценности, когда более значительная часть дохода отвлекается от индивидуального потребления и служит для промышленного потребления, когда часть сбереженного таким образом дохода приводит в движение больше производительного труда. В этом случае происходит накопление благодаря сбережению. Или величина затрат остается неизменной, и не применяется также больше производительного труда; но тот же самый труд производит больше, его производительность повышается. Элементы, из которых состоит производительный капитал, сырой материал, машины и т. д., производятся при том же самом количестве труда в большей массе, лучше, потому дешевле (раньше это были товары, на которые затрачивается доход, теперь это товары, которые применяются в качестве средств производства). Накопление в этих случаях не зависит ни оттого, что норма прибыли повышается, ни оттого, что более значительная часть дохода, благодаря сбережению, превращается в капитал, ни оттого, что менее значительная часть дохода затрачивается непроизводительно, вследствие удешевления товаров, на которые затрачивается доход. Оно здесь зависит оттого, что труд становится более производительным в тех сферах производства, которые создают элементы самого капитала, следовательно, удешевляются товары, которые входят в процесс производства в качестве сырого материала, инструментов и т. д.

Если производительность труда повысилась благодаря увеличению постоянного капитала в сравнении с переменным, то возрастет не только масса, но и ценность воспроизводства, так как часть ценности постоянного капитала входит в годичное воспроизводство. Это может происходить одновременно с возрастанием населения и увеличением количества примененных рабочих, хотя относительно, в сравнении с постоянным капиталом, который приводит их в движение, оно постоянно уменьшается. Происходит таким образом возрастание не только богатства, но и ценности, и приводится в движение большая масса живого труда, хотя труд стал производительнее и масса труда в сравнении с массой произведенных товаров уменьшилась. Наконец, при неизменной производительности труда переменный и постоянный капитал могут возрастать в одинаковой степени с естественным ежегодным увеличением населения. И тогда происходит накопление капитала по массе и ценности. Все эти последние пункты Рикардо упускает из виду.

В той же главе Рикардо говорит:

„Труд одного миллиона человек на фабриках всегда произведет одну и ту же ценность, но он не произведет всегда одно и то же богатство¹. Изобретение новых машин, усовершенствования в технике, лучшее разделение труда или открытие новых рынков, на которых можно более выгодно обменивать товары—все это дает возможность одному миллиону человек производить в одну эпоху вдвое или даже втрое больше богатства, предметов необходимости, удобства и удовольствия, чем в другую эпоху. Но в силу одной этой причины

¹ Это совершенно ошибочно, [как нам известно (ср. стр. 149)]. Ценность продукта миллиона человек зависит не только от их труда, но и от ценности капитала, с которым они работают; она, следовательно, будет очень различна в зависимости от массы созданных производительных сил, с которыми они работают.

они еще не прибавили бы ничего к ценности¹, так как ценность каждого предмета повышается или понижается в зависимости от легкости или трудности его производства или, другими словами, в зависимости от количества труда, затраченного на его производство². Предположим, что труд известного числа человек, при помощи данного капитала, произвел 1.000 пар чулок и что, вследствие изобретения машины, то же самое число людей может произвести 2.000 пар, или что, продолжая производить 1.000 пар, они могут, кроме того, производить 500 шляп. В этом случае ценность 2.000 пар чулок или 1.000 пар чулок и 500 шляп была бы не больше и не меньше, чем ценность 1.000 пар чулок до введения машин, так как они были бы продуктом того же самого количества труда³. Но ценность общей массы продуктов все-таки уменьшилась бы. Конечно, ценность возросшего количества, произведенного вследствие улучшений в машинах, была бы точно такая же, как и ценность меньшего количества, которое было бы произведено, если бы не были введены никакие улучшения. Но это изменение произвело бы свое действие на ту часть непотребленных еще товаров, которые были произведены до усовершенствования машин: ценность этих товаров уменьшилась бы, поскольку она упала бы до уровня ценности соответственного количества товаров, произведенных уже после введения улучшений. Таким образом общество, несмотря на возросшее количество товаров, несмотря на возросшее богатство, несмотря на увеличение количества предметов удобства, имело бы в своем распоряжении меньшую сумму ценности. Увеличивая непрестанно легкость производства, мы в то же время уменьшаем ценность некоторых из товаров, произведенных прежде, хотя этим самым путем мы увеличиваем не только национальное богатство, но и производительные силы будущего* (I. с., стр. 320—322; русск. пер. Н. Рязан., стр. 181—182).

Рикардо говорит здесь об обесценении, которое производит, которое вызывает прогрессивное развитие производительности для товаров, произведенных при менее благоприятных условиях, безразлично, находятся ли они еще на рынке, или же действуют в процессе производства в качестве капитала. Но отсюда отнюдь не следует, что „ценность общей массы товаров будет уменьшена“, хотя ценность части этой массы уменьшается. Этот результат наступил бы, во-первых, лишь в том случае, если бы ценность вновь прибавленных, вследствие технического прогресса, машин и товаров была меньше, нежели обесценение раньше имевшихся товаров того же рода; во-вторых, когда упускается из виду то обстоятельство, что с развитием производительных сил постоянно растут также сферы производства, следовательно, открываются также капиталистические предприятия, каких раньше и не было. В процессе развития производство не только удешевляется, но и становится более разнообразным.

Перейдем теперь к 9 главе, „Налоги на сырые продукты“.

„Что касается третьего возражения против налогов на сырые произведения, а именно, что они служат причиной повышения заработной платы и понижения прибыли, что ослабляет побуждение к накоплению и действует таким же образом, как естественная бедность почвы, то я старался показать в другой части настоящего труда, что сбережения могут делаться с одинаковым успехом, как путем сохранения расходов, так и путем расширения производства, как при понижении ценности товаров, так и при повышении нормы прибыли. Если моя прибыль повысится с 1.000 ф. ст. до 1.200 при прежних ценах, моя способность увеличивать свой капитал путем сбережений увеличится, но не настолько, насколько она увеличилась бы, если бы моя прибыль оставалась

¹ Конечно, прибавилось, так как их прошлый труд входит в новое воспроизводство в гораздо большей степени.

² Каждый отдельный товар мог подешеветь, но ценность всей суммы возросшей массы товаров возросла.

³ Notabene. Если вновь введенная машина ничего не стоит.

прежней, а цены товаров понизились так сильно, что на 800 ф. ст. я мог бы купить себе столько же, сколько раньше покупал на 1.000 ф. ст." (I. с., стр. 183, 184; русск. пер. Н. Рязан., стр. 104).

Вся ценность продукта (или—лучше—той части продукта, которая распределяется между капиталом и рабочим) может быть понижена без уменьшения чистой выручки, именно массы ценности. (Относительно она еще может возрасти). Это объяснено в 32 главе, трагующей о „Взглядах господина Мальтуса на ренту“:

„Впрочем, вся аргументация Мальтуса покоится на шатком основании: она основывается на предположении, что, раз уменьшается валовой доход страны, то вследствие этого должен уменьшаться в такой же самой пропорции и чистый доход. Одной из задач этого труда являлось стремление показать, что при каждом понижении действительной ценности предметов необходимости падает заработная плата и, в соответствии с этим, подымается прибыль с капитала. Говоря другими словами, из данной годовой ценности на долю рабочего класса достанется тем меньше, чем больше получают те, на чьи фонды содержится этот класс. Предположим, что ценность товаров, производимых на какой-нибудь фабрике, составляет 1.000 ф. ст. и что она делится между хозяином и рабочими так, что первый получает 200 ф. ст., а последние 800 ф. ст. Если бы ценность этих товаров понизилась до 900 ф. ст. и 100 ф. ст. вследствие падения цены предметов необходимости были бы сбережены за счет заработной платы, то чистый доход хозяина несколько бы не уменьшился. Он, следовательно, мог бы платить ту же сумму налогов с такой же легкостью, как и прежде, до уменьшения цены“ (I. с., стр. 511, 512; русск. пер. Н. Ряз., стр. 290).

В 5 главе „О заработной плате“ интересно следующее место:

„Несмотря на тенденцию заработной платы согласоваться с ее естественной нормой, рыночная цена труда может, в прогрессирующем обществе, в течение неопределенного периода, быть постоянно выше ее, потому что, едва только импульс, который увеличение капитала дает новому спросу на труд, повлечет за собою определенные следствия, новое увеличение капитала может произвести то же действие. Таким образом, если капитал будет постепенно и постоянно расти, то спрос на труд может давать постоянный стимул к росту населения“ (I. с., стр. 88; русск. пер. Н. Ряз., стр. 53).

С капиталистической точки зрения все представляется в обратном виде. Масса рабочего населения и степень производительности труда определяют воспроизводство капитала, а также и населения. Здесь, наоборот, оказывается, что [возрастание] капитала определяет [возрастание] населения.

9 глава, „Налоги на сырые продукты“:

„Накопление капитала естественно увеличивает соперничество между нанимателями труда, и вследствие этого цена последнего поднимается“ (I. с., стр. 178¹; русск. пер. Н. Ряз., стр. 101).

Это зависит оттого, в каком отношении растут с накоплением капитала его различные составные части. Может происходить накопление капитала, а спрос на труд может уменьшаться абсолютно или относительно.

Так как, по теории ренты Рикардо, с накоплением капитала и возрастанием населения норма прибыли имеет тенденцию падать, потому что жизненные средства повышаются в ценности, или земледелие становится менее производительным, то накопление имеет тенденцию задерживать накопление, и закон уменьшения нормы прибыли вступает, как злой

¹ В оригинале здесь неправильно указана стр. 278. *Прим. перев.*

рок, над буржуазным производством, так как по мере развития индустрии земледелие становится менее производительным. А. Смит, наоборот, с удовольствием смотрит на уменьшение нормы прибыли. Голландия—его идеал. Оно вынуждает большинство капиталистов, за исключением самых крупных из них, применять свой капитал в промышленности, вместо того, чтобы жить от процентов; оно служит таким образом стимулом для производства. У учеников Рикардо ужас, вызываемый неумолимой тенденцией, принимает трагикомические формы.

Приведем здесь те места из Рикардо, которые относятся к этому предмету:

„На разных стадиях общественного развития накопление капитала или средств на содержание труда идет с большей или меньшей быстротой и должно во всех случаях зависеть от производительных сил труда. Производительность труда выше всего тогда, когда имеется в изобилии плодородная земля: в такие периоды накопление часто идет так быстро, что рост предложения рабочих отстает от роста капитала.

„Было вычислено, что, при благоприятных условиях, население может удвоиться в 25 лет, но, при таких же благоприятных условиях, весь капитал страны может, пожалуй, удвоиться в более короткий период. В таком случае заработная плата в течение всего этого периода будет иметь тенденцию повышаться, потому что спрос на труд будет расти еще быстрее, чем предложение.

„В новых колониях, в которых вводятся ремесла и знания более цивилизованных стран, капитал, вероятно, имеет тенденцию возрастать быстрее, чем размножаются люди. Вот почему, если недобор рабочих не будет покрыт приливом их из более населенных стран, эта тенденция будет сильно повышать цену труда. По мере того, как эти страны заселяются и поступает в обработку земля худшего качества, тенденция капитала к возрастанию уменьшается, потому что избыток продукта, остающийся за удовлетворением нужд существующего населения, необходимо должен быть пропорционален легкости производства, т. е. он тем больше, чем меньше число лиц, занятых в производстве. Следовательно, хотя и вероятно, что, при самых благоприятных обстоятельствах, производительные силы превосходят способность населения к размножению, но долго это состояние продолжаться не может, потому что, при ограниченности количества земли и неодинаковом качестве ее, производительность ее с каждым новым увеличением капитала, прилагаемого к ней, будет понижаться, тогда как способность к размножению (*the power of population*) остается всегда одной и тою же“ (I. c. 5 гл., стр. 92, 93; русск. пер. Н. Ряз., стр. 55—56).

Последнее является иповским изобретением. Способность к размножению населения уменьшается с производительностью труда. Независимо от этого, здесь нужно прежде всего отметить то, что Рикардо признает, что „накопление капитала... во всех случаях должно зависеть от производительности труда“, так что труд, а не капитал, есть *primum*.

Далее, согласно взглядам Рикардо, следовало бы полагать, что в промышленно развитых странах старой культуры земледелием занимается больше людей, нежели в колониях, меж тем как на самом деле наблюдается обратное явление. Если взять тот же самый продукт, то Англия, например, применяет меньше сельских рабочих, чем какая бы то ни было другая страна, новая или старая. Во всяком случае более значительная часть неземледельческого населения косвенным образом участвует в сельскохозяйственном производстве. Но даже если мы все это учтем, все же в менее развитых странах земледельческое население больше. Предположим даже, что в Англии хлеб дороже, издержки производства больше. Применяется больше капитала. В сельско-хозяйственное производство

входит больше прошлого и меньше живого труда. Но воспроизводство этого капитала, благодаря имеющейся уже основе производства, стоит меньше труда, хотя его ценность возмещается в продукте.

В 6 главе, „О прибыли“, сказано следующее о падении нормы прибыли:

„Таким образом, прибыль имеет естественную тенденцию падать, потому что с прогрессом общества и богатства требующееся добавочное количество пищи получается только при затрате все большего и большего труда. К счастью, эта тенденция, это, так сказать, тяготение прибыли время от времени задерживается улучшениями в машинах, употребляемых в производстве предметов необходимости, а также открытиями в агрономической науке, которые позволяют нам сберечь часть труда, требовавшегося раньше, и таким образом понизить цену предметов первой необходимости рабочего. Повышение цены предметов необходимости и заработной платы имеет однако свой предел. Как только заработная плата будет равна всей выручке фермера, должен наступить конец накоплению; никакой капитал не может тогда давать прибыли, и не может быть спроса на добавочный труд, а, следовательно, и население достигнет своей наивысшей точки. Однако задолго до этого периода весьма низкий уровень прибыли остановит всякое накопление, и почти весь продукт страны, за вычетом платы рабочих, станет собственностью землевладельцев и сборщиков десятины и налогов“ (I. с., стр. 120, 121; русск. пер. Н. Разянова, стр. 71—72).

Это буржуазные „сумерки богов“, в представлении Рикардо, день страшного суда.

„Еще задолго до того, как это состояние цен станет постоянным, исчезнет побуждение к накоплению, потому что никто не накапливает иначе, как с целью производительного применения накопленного капитала; поэтому такое состояние цен никогда не может иметь места. Фермер и фабрикант так же мало могут жить без прибыли, как рабочий без заработной платы. Их побуждение к накоплению будет уменьшаться с каждым уменьшением прибыли. Оно совершенно прекратится, когда их прибыль будет так низка, что не будет давать им надлежащего вознаграждения за хлопоты и риск, которым они необходимо должны подвергаться при производительном употреблении своего капитала.“

„Я должен опять оговориться, что норма прибыли будет падать гораздо быстрее, ...либо при той ценности продукта, какую я принимал при предположенных обстоятельствах, ценность капитала фермера значительно возросла бы, так как он необходимо состоит из многих таких товаров, ценность которых увеличилась. Прежде чем цена хлеба поднялась бы от 4 ф. ст. до 12, ценность капитала фермера, вероятно, удвоилась бы и равнялась бы 6.000 ф. ст. вместо 3.000. И если его прибыль составляла 180 ф. ст. или 6% на его первоначальный капитал, то прибыль в действительности была бы теперь не выше 3%, потому что 6.000 ф. ст. по 3% дают 180 ф. ст.; и только на этих условиях мог бы новый фермер, имеющий 6.000 ф. ст. в кармане, заняться сельским хозяйством...“

„Мы могли бы также ожидать, что, как бы ни уменьшилась норма прибыли на капитал вследствие накопления капитала в земледелии и повышения заработной платы, общая сумма прибыли увеличилась бы. Так, предполагая, что, с накоплением каждых новых 100.000 ф. ст., норма прибыли будет падать с 20 до 19, 18, 17, постоянно уменьшаясь, следовало бы ожидать, что величина прибыли, полученной всеми последующими владельцами капитала, будет всегда прогрессировать; что она будет больше, когда капитал равняется 200.000 ф. ст., чем когда он достигает всего 100.000, еще больше, когда он составляет 300.000 и т. д., увеличиваясь с каждым увеличением капитала, хотя и норма прибыли постоянно уменьшается. Однако, эта прогрессия верна только для известного периода; так, 19% с 200.000 составляют больше, чем 20% со 100.000; 18% с 300.000—больше, чем 19% с 200.000; но когда капитал накопится до известной большой суммы и прибыль опять упадет, дальнейшее накопление будет уменьшать сумму прибыли. Положим, что накопление достигло 1.000.000, а прибыль равна 7%, будет тогда вся сумма прибыли 70.000 ф. ст. Если теперь к миллиону прибавится еще 100.000 ф. ст., а прибыль понизится до 6%, то собственники капитала получают 66.000 или на 4.000 меньше, хотя вся величина капитала поднялась с 1.000.000 до 1.100.000.“

„Однако, пока капитал вообще дает какую-либо прибыль, немислимо накопление капитала, которое не сопровождалось бы увеличением как количества, так и ценности продукта. Затрата добавочных 100.000 ф. ст. не сделает ни одну из частей прежнего капитала менее производительной. Продукт земли и труда страны должен увеличиться, и ценность его увеличится не только на ценность добавочного количества продуктов, но и на новую ценность, которая прибавляется ко всему продукту земли вследствие увеличения трудности производства последней доли его. Однако, когда накопление капитала станет очень большим, то, несмотря на это увеличение ценности, продукт будет распределяться таким образом, что на долю прибыли будет доставаться меньшая ценность, чем прежде, а на долю ренты и заработной платы большая.

„Хотя производится более значительная ценность, но зато и более значительная часть того, что остается за уплатой ренты, потребляется производителями, а именно это—и только это—регулирует прибыль. Пока земля дает обильные урожаи, заработная плата может временно повыситься, и производители могут потреблять больше, чем обыкновенно; однако поощрение, которое таким образом будет дано размножению населения, скоро заставит рабочих вернуться к их обычному потреблению. Но когда в обработку поступают худшие земли, или когда больше капитала и труда затрачивается на старой земле, а количество продукта уменьшается, то результаты должны быть более постоянными...

„Значит, действия накопления будут различны в разных странах в зависимости, главным образом, от плодородия земли. Как бы обширна ни была страна, почва которой недостаточно плодородна и куда ввоз жизненных припасов запрещен, самое умеренное накопление капитала будет сопровождаться значительным понижением нормы прибыли и быстрым повышением земельной ренты. И, наоборот, небольшая, но плодородная страна, особенно если она разрешает свободный ввоз пищевых продуктов, может накапливать капитал в избытке без того, чтобы это накопление сопровождалось значительным уменьшением нормы прибыли или значительным увеличением земельной ренты“ (I. с., гл. 6, стр. 123—129; русск. пер. Н. Рязан., стр. 73—76).

Налоги также могут привести к тому, что

„останется недостаточно прибавочного продукта, необходимого для поощрения тех, которые своими сбережениями обыкновенно увеличивают капиталы всего государства“ (I. с., гл. 12, стр. 206; русск. пер. Н. Рязан., стр. 116).

„Есть только один случай, да и тот временный, в котором накопление капитала, при низкой цене пищевых продуктов, может привести к понижению прибыли. Это бывает тогда, когда фонды на содержание труда возрастают гораздо быстрее, чем население: заработная плата в этом случае будет высока, а прибыль низка. Если бы каждый человек отказался от потребления предметов роскоши и думал только о накоплении, то вполне возможно, что было бы произведено такое большое количество предметов необходимости, которое не могло бы немедленно найти потребителей. Нет сомнения, что за этим последовало бы общее переполнение рынка такими товарами, что, следовательно, не было бы спроса на добавочное количество их, и употребление дополнительного капитала не дало бы прибыли. Если бы люди перестали потреблять, они перестали бы производить“ (I. с., гл. 21, стр. 343; русск. пер. Н. Рязан., стр. 194).

Таковы взгляды Рикардо на накопление и закон падения нормы прибыли.

IV. Miscellanea.

1. Валовой и чистый доход.

Чистый доход, в противоположность валовому доходу, который равен всему продукту или ценности всего продукта, является той формой, в какой физиократы первоначально выражают прибавочную ценность. Единственной формой ее они считают земельную ренту, так как промышленную прибыль они рассматривают только, как своего рода заработную плату; с ними согласны, повидимому, позднейшие экономисты, которые превращают прибыль в заработную плату за руководство трудом.

Итак, чистым доходом в действительности является излишек продукта или его ценности над той частью его, которая возмещает авансированный капитал, как постоянный, так и переменный капитал. Он состоит, следовательно, просто из прибыли и ренты, а последняя опять-таки является частью, выделенной из прибыли, которая достается классу, отличному от класса капиталистов.

Непосредственной целью капиталистического производства является производство не товаров, а прибавочной ценности, или прибыли в ее развитой форме; не продукта, а прибавочного продукта. С этой точки зрения самый труд производителен лишь постольку, поскольку он создает прибыль или прибавочный продукт. Поскольку рабочий этого не создает, его труд не производителен. Масса примененного производительного труда, следовательно, представляет для капитала интерес лишь постольку, поскольку благодаря ей—или соответственно ей—растет количество прибавочного труда: лишь постольку необходимо то, что мы назвали необходимым рабочим временем. Поскольку труд не дает этого результата, он является излишним и должен быть приостановлен.

Цель капиталистического производства всегда состоит в создании максимума прибавочной ценности или максимума прибавочного продукта с минимумом авансированного капитала; поскольку этот результат не достигается чрезмерным трудом рабочих, тенденция капитала, благодаря которой он старается произвести данный продукт с возможно меньшей затратой,—сбережение рабочей силы и издержек; следовательно, экономическая тенденция капитала учит человечество экономить со своими силами и достигать производительной цели с наименьшей затратой средств.

Сами рабочие представляют при таком понимании то, чем они действительно являются в капиталистическом производстве, — только средства производства; не самоцель и не цель производства.

Чистый доход определяется не ценностью всего продукта, а излишком ценности всего продукта над ценностью авансированного капитала, или количеством прибавочного продукта в сравнении со всем продуктом. Если этот излишек растет, хотя ценность или также вместе с ценностью и общее количество продукта уменьшается, то цель капиталистического производства достигнута. Рикардо констатировал эти тенденции и проявил при этом большую последовательность и беспристрастие. Поэтому-то и возопили против него мешанские филантропы.

При анализе чистого дохода Рикардо снова впадает в ту ошибку, что сводит весь продукт к доходу — к заработной плате, прибыли и ренте — и оставляет совершенно в стороне подлежащий возмещению постоянный капитал. Но на этом мы здесь не будем останавливаться.

Теперь приведем относящиеся сюда цитаты.

В 32 главе, о „Взглядах господина Мальтуса на ренту“, сказано:

„Очень важно проводить отчетливо различие между валовым и чистым доходом, потому что все налоги должны уплачиваться из чистого дохода общества. Предположим, что все товары в стране — весь хлеб, сырые произведения, мануфактурные изделия и т. п., которые могут быть доставлены на рынок в течение года, имеют ценность в 20 миллионов, что для получения этой ценности необходим труд известного числа людей, и что предметы насущной необходимости для этих рабочих требуют расхода в 10 милл. Я сказал бы тогда, что валовой доход такого общества составляет 20 милл., а чистый 10 милл. Из этого предположения вовсе не следует, что рабочие получали бы за свой труд только 10 милл. Они могли бы получить 12, 14 или 15 миллионов, и в этом случае они получили бы из чистого дохода 2, 4 или 5 миллионов. Остаток был бы разделен между землевладельцами и капиталистами, но весь чистый доход не превышал бы 10 миллионов. Предположим, что такое общество платит два миллиона в виде налогов. Тогда его чистый доход уменьшится до 8 миллионов“ (I. c., стр. 572—573; русск. пер. Н. Рязан., стр. 290—291).

[В 26 главе Рикардо говорит подробно о „валовом и чистом доходе“. Там сказано]:

„В чем же состояли бы выгоды, вытекающие для страны из употребления большого количества производительного труда, если чистая рента и прибыль, вместе взятые, остаются неизменными — независимо от того, употребляет ли страна то же самое количество труда или значительно меньше? Весь продукт земли и труда каждой страны делится на три части: из них одна идет на заработную плату, другая — на прибыль, третья — на ренту¹. Только из двух последних частей можно производить какие-нибудь вычеты на налоги или на сбережения; первая из них, при ее умеренных размерах, всегда составляет необходимые издержки производства². Для человека, имеющего капитал в 2.000 ф. ст., приносящий ему ежегодно 2.000 ф. ст. прибыли, совершенно безразлично, доставляет ли его капитал занятие 100 или 1.000 человекам, продается ли произведенный товар за 10.000 или 20.000 ф. ст., если только прибыль, получаемая им, ни в коем случае не падает ниже 2.000 ф. ст. Не таков ли также и реальный интерес целой нации? Если только ее чистый реальный доход, ее рента

¹ Это неверно, так как здесь упускается из виду часть, служащая для возмещения капитала (исключая заработную плату), который затрачен на производство.

² Рикардо сам говорит в примечании по этому поводу: „Это выражено, быть может, слишком строго, так как под именем заработной платы рабочий вообще получает больше, чем абсолютно необходимые издержки производства. В этом случае рабочий получает часть чистого дохода страны. Он может сберечь ее или израсходовать; или он тогда может давать на защиту страны“.

и прибыль не изменяется, то не имеет никакого значения, состоит ли эта нация из десяти или двенадцати миллионов людей. Ее способность содержать армию и флот и всякого рода непроизводительный труд должны всегда находиться в соответствии с ее чистым доходом, а не валовым. Если пять миллионов человек могут производить столько предметов пищи и одежды, сколько необходимо для десяти миллионов, то пища и одежда для пяти миллионов составляет чистый доход. Почему для страны было бы более выгодно, чтобы для производства того же самого чистого дохода требовалось семь миллионов людей, или, другими словами, чтобы семь миллионов человек заняты были производством такого количества одежды и пищи, которого хватило бы на двенадцать миллионов человек? Пища и одежда для пяти миллионов продолжали бы оставаться чистым доходом. Употребление более значительного числа людей не дало бы нам возможности увеличить число людей в армии и флоте или внести хотя бы одну лишнюю гинею в виде налога* (I. с., стр. 416, 417; русск. перев. Н. Рязанова, стр. 234—235).

Для лучшего понимания взглядов Рикардо остановимся еще на следующих местах:

„Относительно низкая цена хлеба всегда приносит еще и другую выгоду: разделение наличного продукта при этом скорее приводит к увеличению фонда на содержание труда, так как большая часть, под именем прибыли, придется на долю производительного класса, а меньшая, под именем ренты, на долю непроизводительного класса“ (I. с., гл. 19, стр. 317; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 180).

Производительный класс здесь представляет лишь класс промышленников капиталистов.

„Рента есть создание ценности... но не богатства. Если цена хлеба, вследствие возрастающей трудности производства известной части его, повысится с 4 ф. ст. до 5 ф. ст. за кварталер, то миллион кварталеров будет стоить 5 миллионов фунтов вместо 4 миллионов... Все общество будет обладать большей ценностью, и в этом смысле рента есть создание ценности, но ценность эта является номинальной, поскольку она ничего не прибавляет к богатству, т.-е. к сумме предметов необходимости, комфорта и удовольствия, принадлежащих обществу. Мы будем иметь точно такое же, а не большее количество товаров, и тот же миллион кварталеров хлеба, что и прежде. И результатом более высокой цены кварталера — 5 ф. ст. вместо 4 ф. ст.—явился бы только перенос части ценности хлеба и товаров от их прежних владельцев к землевладельцам. Поэтому рента есть создание ценности, но не богатства; она ничего не прибавляет к ресурсам страны“ (I. с., гл. 32, стр. 485—486; русск. пер. Н. Рязан., стр. 274—275).

Предположим, что, благодаря ввозу чужого хлеба, цена хлеба падает так, что рента уменьшается на 1 миллион. Рикардо говорит, что тогда увеличатся денежные доходы капиталистов, и продолжает далее:

„Но нам могут возразить, что доход капиталиста ничуть не увеличился; миллион, который был вычтен из ренты землевладельца, будет уплачен, в виде добавочной заработной платы, рабочим. Пусть будет так... Положение общества улучшилось бы, и ему было бы легче нести то же самое денежное бремя, чем прежде. Это только доказывало бы, что вследствие нового распределения главным образом улучшилось бы,—а это было бы гораздо более желательно, — положение другого класса и именно наиболее важного класса общества. Все, что он получил бы сверх 9 миллионов, составляет часть чистого дохода страны и не может быть израсходовано, не увеличивая в то же время ее доход, благосостояние или могущество. Вы можете поэтому распределять чистый доход, как вам угодно. Отдайте немного больше одному классу, дайте немного меньше другому—вы этим не уменьшаете сумму чистого дохода. При помощи того же самого количества труда будет производиться более значительное количество товаров, хотя размеры валовой денежной ценности таких товаров уменьшились бы. Но чистый денежный доход страны, фонд, из которого выплачиваются налоги и получают средства на предметы удовольствия, будет гораздо более приспособлен, чем прежде, для содержания существующего населения, для доставления ему предметов роскоши и удовольствия и для несения известного податного бремени“ (I. с., гл. 32, стр. 515, 516; русск. перев. Н. Рязан., стр. 292).

2. Машины.

а) Взгляды Рикардо.

[Сюда относятся следующие места].

1. Глава „О ценности“:

„Предположим..., что перед нами машина, которая может применяться в известной отрасли промышленности и делать работу ста человек в год, и что продолжительность ее жизни—только один год. Предположим также, что эта машина стоит 5.000 ф. стерл. и что заработная плата ста рабочих составляет в год 5.000 ф. стерл. Очевидно, что для фабриканта все равно, купить ли машину, или нанять рабочих. Но пусть ценность труда повысится: тогда годовая заработная плата ста человек составит 5.500 ф. стерл. Очевидно, что теперь фабриканту нечего колебаться; в его интересах купить машину, которая выполнит ту же работу за 5.000 ф. ст. Но не повысится ли также и цена машины, не будет ли она тоже стоить 5.500 ф. стерл., вследствие повышения ценности труда? Ее цена поднялась бы, если бы при ее сооружении не применялось никогда капитала и если бы машиностроитель не получал никакой прибыли. Если бы, например, машина была продуктом труда ста человек, работающих год и получающих заработную плату в 50 ф. стерл. каждый, и цена была, следовательно, 5.000 ф. ст., то, в случае повышения заработной платы до 55 ф. стерл., ее цена была бы 5.500 ф. стерл. Но это невозможно: должно быть занято менее ста рабочих, если она должна быть продана за 5.000 ф. стерл., так как из этой суммы должна быть уплачена прибыль на капитал, затраченный на рабочих. Предположим, что было занято только 85 рабочих с расходом в 50 ф. стерл. на каждого, или 4.250 ф. ст. в год, и что 750 ф. стерл., которые выручаются от продажи машины сверх заработной платы, уплаченной рабочим, составляли прибыль на капитал машиностроителя. При повышении заработной платы на 10%, он будет вынужден употребить добавочный капитал в 425 ф. стерл. и поэтому будет употреблять 4.675 ф. стерл. вместо 4.250 ф. стерл., капитал, на который он получит только 325 ф. ст. прибыли, если он попрежнему продаст машину за 5.000 ф. стерл. Но точно в таком же положении находятся все другие фабриканты и капиталисты: повышение заработной платы отражается на всех их одинаково! Поэтому, если бы машиностроитель поднял цену машины вследствие повышения заработной платы, то капитал стал бы притекать в машиностроительную промышленность в таких размерах, что цены машин скоро вернулись бы к обычному уровню. Мы видим, следовательно, что цены машин не повысятся вследствие повышения заработной платы.

„Однако фабрикант, при общем повышении заработной платы, располагающий машиной, которая не увеличит издержек производства его товара, будет иметь особую выгоду, если он может брать прежнюю цену за свои товары; но, как мы видели, он будет вынужден понизить цену своих товаров, не то в его промышленность будет притекать капитал, пока его прибыль не упадет до общего уровня. Таким образом, в выигрыше от машин оказывается публика: эти немые агенты всегда являются продуктом гораздо меньшего труда, чем сколько они вытесняют; хотя бы они имели ту же денежную ценность“ (I. c., гл. 1, отдел. 5, стр. 38—40; русск. пер. Н. Рязан., стр. 25—26).

Это совершенно верно. В то же время это может служить ответом тем, которые полагают, что вытесненные машинами рабочие находят занятие в самом производстве машин; впрочем, этот взгляд относится к эпохе, когда механическая мастерская еще всецело основана была на разделении труда и когда еще даже не применяли машин для производства машин. Предположим, что годовая заработная плата человека = 50 ф. ст., тогда 100 человек получают 5.000 ф. ст. Если эти 100 человек замещены машиной, которая также стоит 5.000 ф. ст., то эта машина должна представлять продукт труда менее, нежели 100 человек.

Ибо, кроме оплаченного труда, она содержит неоплаченный труд, который именно составляет прибыль фабриканта, производящего машины. Если бы она была продуктом 100 человек, то она содержала бы только оплаченный труд. Если бы норма прибыли составляла 10%, тогда из 5.000 ф. ст. составляли бы приблизительно 4.545 авансированный капитал и 455 прибыль. При заработной плате в 50 ф. ст. на человека, 4.545 ф. ст. получили бы 90⁹/₁₀ человек. [Но] капитал в 4.545 отнюдь не представляет только переменный капитал. Он представляет также изнашивание основного капитала, который применен фабрикантом, производящим машины и сырой материал. Машина, стоящая 5.000 ф. ст. и заменяющая 100 человек, заработная плата которых = 5.000 ф. ст., представляет, следовательно, продукт менее, нежели 90 человек; и машина может быть выгодно применена лишь в том случае, когда она (по крайней мере та часть ее, которая ежегодно входит с процентами в продукт, то-есть в его ценность) является продуктом меньшего количества занятых в течение года людей, чем она заменяет.

Всякое повышение заработной платы увеличивает переменный капитал, который должен быть авансирован. Но так как число рабочих, которое приводится в движение [возросшим] переменным капиталом, остается неизменным, то ценность продукта не уменьшается, поскольку эта ценность равна переменному капиталу плюс прибавочный труд; следовательно, ценность, произведенная или воспроизведенная переменным капиталом, остается неизменной.

В 20 главе „О ценности и богатстве“ Рикардо объясняет, что силы природы ничего не прибавляют к ценности товаров; наоборот, [они ее уменьшают]. Но этим они увеличивают прибавочную ценность, которая одна только и интересуется капиталиста.

„В противоположность Адаму Смиту, Сэй в четвертой главе говорит о ценности, придаваемой товарам силами природы, как солнце, воздух и т. д., которые иногда заменяют труд человека, а иногда оказывают ему содействие в производстве. Однако, эти силы природы сильно повышают потребительную ценность, но не увеличивают меновой ценности товара, о которой говорит Сэй. Как только с помощью машин или естественных наук мы заставляем силы природы выполнять работу, которая прежде совершалась человеком, то меновая ценность этой работы понижается пропорционально этому содействию“ (А. с., стр. 335, 336; русск. перев. Н. Рязан., стр. 190).

Машина стоит [труда]. Силы природы, как таковые, ничего не стоят. Они, следовательно, не могут увеличить ценность продукта, они, наоборот, уменьшают его ценность, поскольку они заменяют капитал или труд, непосредственный или накопленный труд. Поскольку естествознание [дает средства] производить больше, без помощи машин, или же лишь с теми же машинами, как и раньше, производить, быть может, еще дешевле, как например при паровом котле, при многих химических процессах и т. д., [когда оно, следовательно,] учит замещать человеческий труд силами природы,—оно ничего не стоит капиталисту, также и обществу, и абсолютно удешевляет товары.

Рикардо затем продолжает:

„Если до сих пор мельница приводилась в движение трудом десяти человек, и новое устройство позволяет заменить этот труд действием воздуха или воды, то ценность муки, поскольку последняя является продуктом работы мель-

ницы, понизится соответственно количеству сбереженного труда. Общество стало бы богаче на всю сумму товаров, которые могли бы быть произведены трудом десяти человек, так как фонд, назначенный на их содержание, несколько не уменьшился бы" (1. с., стр. 336; русск. перев. Н. Рязан., стр. 190, 191).

Общество прежде всего стало бы богаче благодаря падению цены муки. Или оно потребляло бы больше муки, или те деньги, которые раньше „назначены“ были для приобретения муки, оно тратило бы на другой товар, который уже имеется или производится, так как освободился новый фонд потребления.

Относительно этой части дохода, — которая раньше тратилась на муку и которая теперь освобождается вследствие падения цены на муку, — можно сказать, что в общественном хозяйстве она была назначена для определенной вещи и что теперь она освобождена от этого „назначения“. Получается то же самое, как если бы накоплен был новый капитал. И таким образом применение машин и сил природы освобождает капитал и создает возможность удовлетворять до того „скрытые потребности“.

Но ошибочно говорить о фонде, который „назначен“ на содержание десяти человек, освободившихся благодаря новому открытию. Именно первый фонд, который сберегается или создается открытием, есть та часть дохода, которую общество платило раньше за муку и которую оно теперь сберегает вследствие падения цены на муку. Но второй сберегаемый фонд — это тот, который мельник платил раньше тем десяти рабочим, которые теперь освободились. Этот „фонд“ на самом деле, как замечает Рикардо, ни в коем случае не уменьшился вследствие открытия и освобождения десяти человек. Но этот фонд не находится вовсе в естественной связи с теми десятью рабочими. Они могут стать нищими, умирать с голоду и т. д. Верно лишь то, что десять человек нового поколения, которые должны были бы занять место этих десяти человек, чтобы приводить в движение мельницу, теперь должны быть заняты в другом деле; таким образом, относительное население увеличилось, независимо от среднего возрастания населения, так как теперь мельница приводится в движение, и те десять человек, которые иначе должны были бы ее приводить в движение, поставлены для производства другого товара. Изобретение машин и применение сил природы освобождает, таким образом, капитал и людей, рабочих; оно создает вместе с освободившимся капиталом освободившиеся руки, free hands, как говорит Стюарт; но еще могут быть созданы новые сферы производства или расширены старые, так что производство совершается в больших размерах.

Мельник со своим освободившимся капиталом будет строить новые мельницы или отдаст в заем свой капитал, если он его сам не может затратить в виде капитала.

Во всяком случае, нет никакого фонда, „назначенного“ для этих десяти освободившихся человек. Мы вернемся еще к этому нелепому предположению. [Здесь скажем по этому поводу лишь еще следующее:]

Введение машин или сил природы может уменьшить массу жизненных средств, которые могут быть затрачены на заработную плату. Это наступает, например, отчасти в земледелии, когда лошади заменяют людей или когда хлебопашество заменяется скотоводством. [Там, где этого

не бывает], освобожденный машинами или силами природы фонд [должен был бы, согласно предположению Рикардо,] необходимо быть затрачен в виде переменного капитала, как будто жизненные средства не могут быть вывезены, или они не могут быть потреблены¹ непроизводительными рабочими, или заработная плата в известных сферах не могла бы повыситься и т. д.; [согласно предположению Рикардо], этот фонд даже должен быть затрачен на освободившихся рабочих. Машины создают всегда относительное перенаселение, резервную армию рабочих, что сильно увеличивает власть капитала.

В примечании к стр. 335 (русск. пер. Н. Ряз. стр. 190), [20 глава], Рикардо приводит против Сэя еще следующее возражение:

„Но, хотя Адам Смит, по мнению которого богатство заключается в обилии предметов необходимости, удобства и удовольствия, согласился бы, что машины и силы природы могут в значительной степени увеличивать богатство страны, он никогда не согласился бы с тем, что они прибавляют что-нибудь к меновой ценности“.

Силы природы на самом деле ничего не прибавляют к ценности, если они не находят таких отношений, при которых они дают возможность создать земельную ренту. Но машины всегда прибавляют к имеющейся ценности свою собственную ценность; во-первых, поскольку они облегчают дальнейшее превращение оборотного капитала в основной и позволяют производить [это превращение] на все более и более высокой ступени, они увеличивают не только богатство, но и ценность, которая прибавляется к продукту годового труда прошлым трудом; во-вторых, они делают возможным абсолютное возрастание населения, а вместе с тем и увеличение массы годового труда, и этим самым они увеличивают ценность годового продукта.

31 глава трактует о машинах. Этот отдел, который Рикардо прибавил к третьему изданию своего произведения, свидетельствует об его bonne foi, чем он так резко отличается от вульгарных экономистов.

„И я тем более считаю себя обязанным изложить свои взгляды на этот вопрос², что, после долгих размышлений, я их в значительной степени изменил. Хотя, поскольку мне известно, я ни в одном из опубликованных мною произведений не написал по вопросу о влиянии машин ничего такого, от чего я считал бы необходимым отказаться, я все-таки другим путем³ оказал поддержку теориям, которые я признаю ошибочными. Я считаю поэтому своим долгом повергнуть на рассмотрение критики мои настоящие взгляды, со всеми доказательствами, которые я могу привести в их пользу.“

Когда я впервые обратил свое внимание на изучение вопросов политической экономии, я придерживался взгляда, что применение машин в какой-нибудь отрасли производства, поскольку оно сберегает труд, является благом для всех и сопровождается только теми неудобствами, которые, в большинстве случаев, вызываются передвижением капитала и труда из одного занятия в другое⁴. Мне казалось, что землевладельцы, при условии, что они получают ту же самую денежную ренту, выигрывают вследствие понижения цен некоторых товаров, на которые они расходуют свою ренту, а это понижение цен было бы неизбежным следствием употребления машин. Капиталист, по моему мнению, точно также выиграл бы. Тот, кто изобрел машину или впервые утилизировал

¹ В манускрипте стоит „затрачены“. К.

² То-есть о влиянии машин на различные классы общества.

³ В парламенте?

⁴ Эти „неудобства“ довольно велики для рабочего, если они, как в современном производстве, продолжают непрерывно.

ее, извлек бы из нее особую выгоду, так как в течение известного периода он получал бы большую прибыль. Но, по мере того, как машина входила бы во всеобщее употребление, цена производимого с ее помощью товара, вследствие конкуренции, понизилась бы опять до издержек его производства. Тогда капиталист получал бы такую же денежную прибыль, как и прежде, и участвовал бы в общих выгодах только как потребитель, так как при помощи того же денежного дохода он мог бы получать большее количество предметов комфорта и удовольствия. Рабочий класс также, думал я тогда, выиграл бы в одинаковой степени от введения машин, потому что, при той же самой денежной заработной плате, рабочие могли бы теперь покупать больше товаров. Я полагал при этом, что заработная плата не понизилась бы, так как капиталист при этом мог бы предъявлять спрос на такое же количество труда и употреблять его, как и прежде, хотя он был бы вынужден приложить его к производству нового или до некоторой степени отличного товара. Если бы, вследствие улучшения машин, при употреблении того же количества труда, можно было учетверить количество чулок, тогда как спрос на чулки увеличился бы только вдвое, некоторые рабочие необходимо должны были бы уйти из чулочной промышленности. Но в виду того, что капитал, дававший им занятие, продолжал бы существовать и его владельцам было бы выгодно употребить его производительно, мне казалось, что он будет затрачен на производство какого-нибудь другого товара, полезного для общества, на который непременно существовал бы спрос... Так как мне казалось, что спрос на труд останется неизменным и что заработная плата не понизится, то я думал, что рабочий класс воспользуется в такой же степени, как и другие классы, выгодами всеобщего удешевления товаров, которое явилось бы следствием применения машин.

Таковы были мои взгляды и, поскольку речь идет о землевладельцах и капиталистах, они не изменились; но я теперь убедился, что замена человеческого труда машиной часто приносит большой ущерб интересам рабочего класса" (I. с., стр. 466—468; русск. пер. Н. Рязан., стр. 264—265).

Прежде всего, Рикардо исходит из ошибочного предположения, что машины всегда вводятся в таких сферах производства, где уже существует капиталистическое производство. Но механический ткацкий станок заменяет первоначально ручного ткача, шюль-дженни заменяет ручного прядильщика, косилка, молотилка, сеялка, вероятно, заменяют крестьянина, работающего без машин и т. д. Здесь не только освобождается рабочий, но и его орудие производства перестает служить капиталом, [чем он был в Рикардовском смысле]. Это полное или окончательное обесценение старого капитала наступает и тогда, когда машины революционизируют существовавшую до тех пор мануфактуру, которая основана только на разделении труда. Здесь наивно заявление, что „старый капитал“ продолжает предъявлять такой же спрос на труд, как и раньше. „Капитала“, который применялся ручным ткачом, ручным прядильщиком и др., уже не существует.

Но для простоты предположим, что машины введены лишь в тех сферах, где уже господствует капиталистическое производство, мануфактура, или же в мастерской, в которой уже имеются машины; тогда повышается автоматический характер их или вводятся лучшие машины, позволяющие отпустить часть занятых до сих пор рабочих или применить то же число рабочих, которые однако доставляли бы больше продукта. Последнее, конечно, представляет самый благоприятный случай. Здесь, понятно, не говорится о применении машин в новых отраслях производства.

Чтобы яснее представить себе это сложное явление, нужно различать две вещи: 1) фонд капиталиста, который применяет машины и отпускает рабочих; 2) фонд общества—потребителей товаров этого капиталиста.

ad 1. Что касается капиталиста, который вводит машины, то ошибочно и нелепо говорить, что он будто бы может вложить в заработную плату ту же самую сумму капитала, что и раньше. И когда он одалживает, это—одинаково неверно не для него, но для общества. Одну часть своего капитала он превращает в машины и другой основной капитал; другую часть он превращает в вспомогательные материалы, в которых он раньше не нуждался, и более значительную часть—в сырой материал; мы здесь предполагаем, что он с меньшим числом рабочих производит больше товара, что, следовательно, он нуждается также в большем количестве сырого материала. Отношение переменного капитала, то-есть капитала, затраченного на заработную плату, к постоянному капиталу понизилось в его отрасли производства. И это более низкое отношение останется; относительное уменьшение переменного капитала в сравнении с постоянным даже еще увеличится вследствие того, что с накоплением капитала повышается производительность труда; это произойдет даже в том случае, когда его дело на новой ступени производства так расширяется, что он снова может занять все количество отпущенных рабочих или даже может занять еще больше рабочих, чем раньше. Спрос на труд будет расти в его деле с накоплением капитала, но в значительно меньшей степени, чем происходит накопление его капитала; последний абсолютно никогда уже не будет пред'являть такого спроса на труд, как раньше. Но ближайшим результатом этого является то, что часть рабочих выбрасывается на улицу.

Но будет ли это означать, что косвенным образом спрос на рабочих останется тот же? Ибо спрос на рабочих для машиностроения будет расти. Однако Рикардо сам уже сказал, что машина никогда не стоит столько труда, сколько она заменяет. Возможно, что рабочие часы в механических мастерских в течение некоторого времени удлиняются и ни один лишний человек уж не может быть больше занят там. Сырой материал, например хлопчатая бумага, может получаться из Америки или Китая, и для выброшенных на улицу английских рабочих совершенно безразлично, растет ли спрос на негров или кули, или нет. Но если предположить, что сырой материал доставляется на родине, то в земледелии будет занято больше женщин и детей, больше лошадей и т. д.; быть может, будет произведено больше одного продукта, меньше другого; но не возникает спроса на отпущенных рабочих, так как и здесь, в земледелии, происходит тот же самый процесс, который создает постоянное относительное перенаселение.

С самого начала невероятно, что введение машин сразу освобождает капитал фабриканта. Оно только дает другое приложение его капиталу, ближайшим результатом чего, согласно предположению, является даже освобождение рабочих и превращение части переменного капитала в постоянный.

ad 2. У публики прежде всего освободится доход, вследствие удешевления товаров, произведенных машиной; капитал освободится непосредственно—лишь поскольку произведенный предмет входит в постоянный капитал в качестве элемента производства.

Если товар входит в непосредственное потребление рабочих, то, согласно взглядам Рикардо, это вызвало бы даже падение реальной заработной платы [ценности рабочей силы] и в других отраслях промышленности.

Часть освободившегося дохода будет потреблена в том же самом предмете или благодаря тому, что удешевление его делает его доступным новым классам потребителей (впрочем, в этом случае на этот предмет затрачивается не освободившийся доход), или благодаря тому, что старые потребители потребляют большее количество подешевевшего товара, например четыре пары бумажных чулок вместо одной пары. Другая часть освободившегося таким образом дохода может служить для расширения той отрасли производства, в которой введены машины, или же для образования новой отрасли производства, где производится другой товар, или для расширения существовавшей раньше отрасли производства. Каково бы ни было определение его, освободившегося таким образом дохода, обратно превращенного в капитал, вначале едва ли хватит для того, чтобы поглотить ту часть прироста населения, которая ежегодно вновь входит в каждую отрасль производства и для которой теперь старая отрасль производства прежде всего закрыта. Но возможно также, что часть освободившегося дохода обменивается на заграничные продукты или потребляется непроизводительными рабочими. Однако нет необходимой связи между освободившимся доходом и освободившимися от дохода рабочими.

Капитал фабриканта, который вводит машины, не освободился. Он имеет лишь другое назначение, а именно такое назначение, где он не превращается, как раньше, в заработную плату для отпущенных теперь рабочих. Он отчасти превращается из переменного в постоянный капитал. Если бы даже часть его освободилась, то она была бы поглощена такими сферами, в которых отпущенные рабочие не могут работать и которые в лучшем случае дают приют их заместителям.

Но поскольку освобождение дохода не парализуется большим потреблением подешевевших предметов, или поскольку он не обменивается на заграничные жизненные средства,—освободившийся доход открывает лишь, благодаря расширению старых или открытию новых отраслей производства, необходимый отводный канал (когда он его открывает) для той части ежегодно получаемого прироста населения, для которой старая отрасль производства, где введены машины, прежде всего закрыта.

3. Рассуждения Рикардо основаны на следующем нелепом предположении:

Жизненные средства, которые потребляли раньше отпущенные рабочие, все же еще существуют и попрежнему находятся на рынке. С другой стороны, их руки также находятся на рынке. С одной стороны, следовательно, имеются жизненные (и значит платёжные) средства для рабочих, *δυναμει* переменный капитал, с другой стороны—незанятые рабочие. Таким образом, имеется фонд, чтобы привести их в движение. Значит, они найдут занятие.

Возможно ли, чтобы даже такой экономист, как Рикардо, говорил такую невероятную чепуху?

Согласно этому взгляду, в буржуазном обществе работоспособный и желающий работать человек никогда не мог бы голодать, когда на рынке, в обществе имеются жизненные средства, чтобы платить ему за ту или другую работу.

Прежде всего, эти жизненные средства отнюдь не противостоят тем рабочим в виде капитала.

Предположим, что 100.000 рабочих, благодаря машинам, сразу выброшены на улицу. Тогда, прежде всего, не подlezит никакому сомнению, что находящиеся на рынке земледельческие продукты, которых в среднем хватает на целый год и которые раньше потреблялись этими рабочими, попрежнему находятся на рынке. Какой получился бы результат, если бы на них не было спроса и если бы в то же время их нельзя было вывезти? Так как предложение относительно, в сравнении со спросом, возросло бы, то они упали бы в цене, и, вследствие этого падения цены, их потребление повысилось бы, хотя эти 100.000 рабочих умирают с голоду. Цена даже не должна упасть. Меньшее количество жизненных средств будет, вероятно, ввозиться, или большее количество их будет вывозиться.

Рикардо представляет себе такое необыкновенное явление: если, например, 10 человек лишены работы, то весь буржуазный общественный механизм так тонко устроен, что жизненные средства этих рабочих, теперь освободившихся, абсолютно должны быть потреблены—тем или другим способом—этими же самими 10 рабочими, или не могут быть иначе употреблены; как будто масса полужанятых или совсем незанятых не валяется постоянно на улице в этом обществе! И как будто капитал, существующий в виде жизненных средств, представляет постоянную величину!

Если бы рыночная цена хлеба упала вследствие уменьшения спроса, то заключенный в хлебе капитал (денежный капитал) уменьшился бы, и он был бы обменен на меньшую часть денежного дохода общества, поскольку он не может быть вывезен. А что мы видим в области производства? В течение многих лет, когда ручные ткачи постепенно умирали с голоду, мы видим чрезвычайный рост производства и экспорта английских бумажных тканей. Одновременно (1838—1841 г.г.) росли цены на средства питания. И у ткачей не было ни целой тряпки, чтобы покрыть свое грешное тело, ни пицци, чтобы душа удержалась в теле. Постоянное искусственное производство перенаселения, которое поглощается лишь в периоды лихорадочного расцвета, представляет одно из необходимых условий производства для современной промышленности. В этом нет ничего невозможного: часть денежного капитала лежит без употребления; в то же время жизненные средства падают в цене вследствие относительного перепроизводства, а освободившиеся благодаря машинам рабочие умирают с голоду.

Во всяком случае, освободившийся труд вместе с освободившейся частью дохода или капитала должны в конце концов найти применение в новой отрасли производства или в расширенном старом производстве; но это больше касается заместителей отпущенных людей, нежели их самих. Постоянно образуются новые разветвления более или менее не-

производительных отраслей труда, где непосредственно затрачивается доход. Сюда присоединяется производство основного капитала, железных дорог и т. д. и создаваемая ими работа по надзору (superintendence), производство предметов роскоши и т. д., наконец внешняя торговля, вносящая все большее и большее разнообразие в предметы, на которые затрачивается доход.

Со своей нелепой точки зрения Рикардо полагает, что введение машин невыгодно для рабочих лишь в том случае, когда оно уменьшает общее количество продуктов, а потому и валовой доход; этот случай во всяком случае возможен в крупном сельском хозяйстве, когда начинают пользоваться лошадьми, которые потребляют хлеб вместо рабочих, при переходе от хлебопашества к овцеводству и т. д.; но это в высшей степени абсурдно, [когда такой случай предполагается] собственно в индустрии, которая отнюдь не ограничивается внутренним рынком для сбыта всего своего продукта. Впрочем, если часть рабочих умирает с голоду, то другая часть может лучше питаться, лучше одеваться; это относится также к непроизводительным рабочим и промежуточным слоям, находящимся между рабочим и капиталистом.

Само по себе ошибочно мнение, что количество предметов, входящих в доход, само по себе является пищей для рабочих или образует для них капитал. Часть этих предметов потребляется непроизводительными рабочими или нерабочими; другая часть может быть превращена заграничной торговлей из той формы, в которой она служит заработной платой, из своей грубой формы—в такую форму, в которой она входит в доход богатых или служит элементом производства постоянного капитала. Наконец, часть потребляется самими отпущенными рабочими в рабочем доме, в тюрьме, в виде милостыни или украденной вещи, или в виде платы за проституцию их дочерей.

Ниже я остановлюсь на тех местах, где Рикардо развивает свою нелепую мысль. Его натолкнуло на это, как он сам говорит, произведение Бартона, на котором нам поэтому нужно несколько остановиться после того, как мы приведем цитаты из Рикардо.

Само собой разумеется, что для того, чтобы ежегодно применено было определенное число рабочих, ежегодно должна быть произведена определенная масса пищи и других жизненных средств. В крупном сельском хозяйстве, скотоводстве и т. д. возможно, что чистый доход увеличивается, именно прибыль и рента, меж тем как валовой доход уменьшается, масса определенных для содержания рабочих жизненных средств сокращается. Но не в этом заключается вопрос. Масса предметов, входящих в потребление, или—употребляя Рикардово выражение—масса предметов, входящих в валовой доход, может быть увеличена, при чем часть этой массы, превращаемая в переменный капитал, может при этом и не возражать. Она даже может уменьшиться. Тогда потребляют больше в виде дохода капиталисты; землевладельцы, их свита, непроизводительные классы, государство, промежуточные классы (торговый персонал) и др.

За рассуждениями как Рикардо, так и Бартона, скрывается одна основная мысль: он исходил первоначально из предположения, что

всякое накопление капитала означает увеличение переменного капитала, поэтому спрос на труд непосредственно увеличивается—соответственно накоплению капитала. Но это ошибочно, так как с накоплением капитала наступает изменение в его органическом строении, и постоянный капитал его растет быстрее, нежели переменный.

Это не мешает, конечно, тому, что доход постоянно растет по ценности и по количеству. Но та сумма, которая затрачивается на заработную плату, не представляет всегда одинаковой доли всего продукта. Классы и подклассы, которые не живут непосредственно трудом, растут, живут лучше, чем раньше; увеличивается также число непродуцируемых рабочих.

Мы оставляем в стороне доход капиталиста, который [превращает] часть своего переменного капитала в машины, и потому также в сравнении с примененным трудом [превращает] больше [капитала] в сырой материал во всех сферах производства, где сырой материал образует элемент процесса создания ценности; этот доход прежде всего не имеет ничего общего с нашим вопросом. Его действительно вошедший в процесс производства капитал, а также его доход существует прежде всего в форме продуктов, или—вернее—товаров, которые он сам производит, например, в виде пряжи, если он является прядильщиком. Часть этих товаров,—или денег, за которые он их продает,—он превращает в машины, вспомогательные и сырые материалы—после введения машин—вместо того, чтобы попрежнему отдавать ее рабочим в виде заработной платы, следовательно, вместо того, чтобы непосредственно превращать их в жизненные средства для рабочих. За некоторыми исключениями в земледелии он будет производить больше такого товара, чем прежде, хотя отпущенные им рабочие перестали быть потребителями, следовательно, покупателями его собственных продуктов, каковыми они являлись раньше. Теперь на рынке имеется больше этих товаров, хотя они перестали существовать для рабочих, выброшенных на улицу, или уж не существуют [для них] в таком же количестве, как раньше. Следовательно, что касается прежде всего его собственного продукта, даже в том случае, когда он входит в потребление рабочих, увеличение его несколько не противоречит тому, что часть его перестала существовать в виде капитала для рабочих. Более значительная часть всего продукта должна теперь, наоборот, замещать часть постоянного капитала, которая выражается в машинах, вспомогательных и сырых материалах; или [эта более значительная часть] должна быть обменена на большее количество этих ингредиентов воспроизводства, чем прежде. Если бы увеличение количества товаров благодаря машинам находилось в противоречии с уменьшением существовавшего раньше спроса на товары, произведенные этими машинами, именно спроса отпущенных рабочих, то в большинстве случаев вообще машин нельзя было бы вводить. Между массой произведенных товаров и долей этих товаров, которая обратно превращается в заработную плату, прежде всего, следовательно, нет определенного отношения или необходимой связи, когда мы рассматриваем самый капитал, часть которого превращается в машины вместо наемного труда.

Что касается общества вообще, то у него происходит расширение границ его дохода, прежде всего в том предмете, который подешевел благодаря машинам. Этот доход может быть попрежнему затрачен в виде дохода; когда более значительная часть его превращается в капитал, уже имеется также возрастанье населения, помимо искусственно созданного перенаселения, которое может поглотить часть дохода, превращенную в переменный капитал.

Итак, прежде всего получается лишь следующее: производство всех других предметов, также производство в сферах, создающих предметы, которые входят в потребление рабочих,—совершается в тех же размерах, что и раньше, несмотря на то, что отпущено 100 рабочих и т. д.; это несомненно бывает в момент их освобождения. Поскольку отпущенные рабочие создавали, следовательно, спрос на эти предметы, спрос уменьшился, хотя предложение осталось неизменным. Если, следовательно, это уменьшение спроса не будет компенсировано, то происходит падение цены, или на рынке может быть больше в виде остатка на будущий год. Если бы этот предмет не был одновременно предметом вывоза и если бы продолжал существовать сокращенный спрос, то воспроизводство уменьшилось бы, но отнюдь не необходимо было бы уменьшение капитала, примененного в этой сфере. Производили бы, вероятно, больше мяса, или больше торговых растений, или дорогих съестных припасов, меньше пшеницы; или больше овса для лошадей и т. д., или меньше булавочных курток и больше буржуазных сюртуков и т. д. Но вовсе не необходимо, чтобы наступило какое-либо из этих следствий, если бы, например, благодаря удешевлению ситца, занятые рабочие имели возможность тратить больше на пищу и т. д. Может быть произведена та же самая масса товаров — также и таких товаров, которые входят в потребление рабочих,—хотя меньше капитала, меньшая часть всего продукта превращается в переменный капитал, в заработную плату.

[Нельзя также сказать], что для производителей этих предметов освободилась часть их капитала. В худшем случае спрос на их товары уменьшился, и потому воспроизводство их капитала происходит с препятствиями, с упавшими ценами на их товары. Поэтому их собственный доход сразу уменьшился бы, как при всяком падении товарных цен. Но нельзя сказать, что какая-то часть их товаров противостояла отпущенным рабочим в виде капитала и теперь „освободилась“ вместе с ними. В виде капитала им противостояла часть товаров, произведенных теперь с помощью машин; они получали эту часть в виде денег и обменивали на другие товары, на жизненные средства; они для них не представляли капитала, а противостояли их деньгам, как товары. Это, следовательно, совершенно другое отношение. Арендатор и др., товар которых они покупали на свою заработную плату, не противостоял им, как капиталист, и не применял их, как рабочих. Они только перестали быть для него покупателями, что, вероятно, может вызвать кратковременное обеднение его капитала,—если это не парализуется другими обстоятельствами,—но не освобождает капитала для отпущенных рабочих. Капитал, который им давал работу, „еще существует“, но уж не в такой форме, в какой

он превращается в заработную плату (или превращается лишь косвенным образом, в меньшей степени).

В противном случае всякий, кто имел несчастье потерять деньги, освобождал бы капитал, который ему же давал бы работу.

Под валовым доходом Рикардо понимает ту часть продукта, которая возмещает заработную плату и прибавочную ценность (прибыль и ренту); под чистым доходом—прибавочный продукт, прибавочную ценность. Он здесь забывает, как во всей своей экономии, что часть всего продукта должна возместить ценность машин и сырого материала, короче—постоянного капитала.

Следующее объяснение Рикардо представляет интерес отчасти благодаря некоторым случайным замечаниям, отчасти потому, что оно *mutatis mutandis* имеет практическое значение для крупного сельского хозяйства, особенно для овцеводства; здесь снова обнаруживается граница капиталистического производства. Определяющей целью его является не производство для производителей, для рабочих; цель его состоит исключительно в чистом доходе (прибыли и ренте), хотя бы она и достигалась за счет массы производства—за счет произведенной массы товаров.

„Моя ошибка вытекала из предположения, что, при всяком возрастании чистого дохода общества, необходимо должен также возрастать и его валовой доход. Теперь я имею основание думать, что фонд, из которого извлекают свой доход землевладельцы и капиталисты, может возрастать в то время, как другой, от которого главным образом зависит рабочий класс, может уменьшаться. Отсюда следует, если я не ошибаюсь, что та же самая причина, которая увеличивает чистый доход страны, может в то же время вызвать избыток населения и ухудшить положение рабочего“ (I. c., гл. 31, стр. 469¹; русск. пер. Н. Ряз., стр. 265).

Прежде всего нужно заметить следующее: Рикардо здесь признает, что причины, которые увеличивают богатство капиталистов и землевладельцев, „могут создать излишнее население“, так что перенаселение здесь рассматривается как результат самого процесса обогащения и обуславливающего его развития производительности.

Что касается того фонда, из которого капиталисты и землевладельцы получают свои доходы, и, во-вторых, того фонда, из которого получают доход рабочие, то прежде всего таким общим фондом является весь продукт. Значительная часть продуктов, входящих в потребление капиталистов и землевладельцев, не входит в потребление рабочих. С другой стороны, почти все продукты,—на самом деле, более или менее все продукты,—входящие в потребление рабочих, входят также в потребление землевладельцев и капиталистов, включая их слуг, прихлебателей, собак и кошек. Нельзя себе представлять дело таким образом, что существуют будто бы два различных по природе своей основных фонда. Важно, какие аликвотные части каждая из сторон получает из этого общего фонда. Цель капиталистического производства состоит в том, чтобы с данной массой богатства по возможности увеличить количество прибавочного продукта или прибавочной ценности. Эта цель достигается таким образом, что постоянный капитал растет сравнительно быстрее, нежели переменный капитал, или с возможно меньшим переменным капиталом

¹ В оригинале указана стр. 409 (очевидно опечатка). *Прим. перев.*

приводится в движение возможно больший постоянный капитал. Следовательно, в более общем смысле, чем это понимает здесь Рикардо, та же самая причина способствует увеличению фонда, из которого капиталисты и землевладельцы получают свой доход, благодаря уменьшению фонда, из которого получают свой доход рабочие.

Отсюда не следует, что таким образом фонд, из которого получают свой доход рабочие, абсолютно уменьшается; он уменьшается лишь относительно, в сравнении со всем результатом их производства. И это—единственное, что важно для определения алиquotной части, которую они себе берут из ими же самими созданного богатства.

„Предположим, что капиталист употребляет капитал ценностью в 20.000 ф. ст. и что он одновременно является и фермером и фабрикантом предметов необходимости. Предположим дальше, что 7.000 ф. ст. из его капитала вложены в основной капитал, т. е. в здания, орудия и т. д., а остальные 13.000 ф. ст. употребляются, как оборотный капитал, на содержание труда. Предположим кроме того, что прибыль составляет 10 процентов и что, следовательно, капитал нашего капиталиста ежегодно воспроизводится целиком и приносит прибыль в 2.000 ф. ст.

„Ежегодно капиталист начинает свои операции, имея в своем владении на 13.000 ф. ст. жизненных средств, которые он в течение года продает своим рабочим за указанную сумму денег, и в течение того же периода он выплачивает им заработную плату в размере такой же суммы денег; в конце года они ему доставили жизненных средств на ценность в 15.000 ф. ст., из которых 2.000 ф. ст. он расходует на собственное потребление или распоряжается ими, как ему угодно¹. Поскольку речь идет о названных продуктах, валовой продукт в течение данного года составит 15.000 ф. ст., а чистый продукт 2.000 ф. ст. Предположим теперь, что в следующем году капиталист употребляет одну половину своих рабочих на производство машины, а другую, как и раньше, на производство жизненных средств. В течение этого года он уплатил бы в виде заработной платы такую же сумму в 13.000 ф. ст., как и прежде, и продал бы своим рабочим на такую же сумму жизненных средств. Но как сложилось бы дело в следующем году?

„Пока строилась бы машина, получилась бы только половина обычного количества жизненных средств, и ценность их была бы на половину меньше ценности того количества, которое производилось раньше. Машина стоила бы 7.500 ф. ст., и жизненные средства—7.500 ф. ст. Следовательно, капитал нашего капиталиста был бы так же велик, как и прежде, потому что, кроме этих двух ценностей, он имел бы еще в своем распоряжении основной капитал ценностью в 7.000 ф. ст.—итого 20.000 ф. ст. капитала и 2.000 ф. ст. прибыли. За израсходованием последней суммы на собственные нужды, он имел бы в своем распоряжении на ведение дальнейших операций, оборотный капитал лишь в 5.500 ф. ст. Следовательно, его средства на содержание труда уменьшились бы с 13.000 ф. ст. до 5.500 ф. ст.; значит, весь труд, который прежде употреблялся при помощи суммы в 7.500 ф. ст., стал бы теперь излишним (redundant)².

¹ Здесь очень наглядно объяснено происхождение прибавочной ценности.

² Но это получилось бы и в том случае, если бы с помощью машины, стоящей 7.500 ф. ст. [при переменном капитале в 5.500 ф. ст.], производилось такое же самое количество продуктов, как и раньше с переменным капиталом в 13.000 ф. ст. Если мы предположим, что изнашиваемые машины составляет в течение года одну десятую, 750 ф. ст., тогда ценность продукта, которая раньше составляла 15.000 ф. ст., равнялась бы 8.250 ф. ст. [в манускрипте здесь и дальше стоит 8.200 ф. ст., но $5.500 + 750 + 2.000 = 8.250$. К.] не говоря об изнашивании первоначального основного капитала в 7.000 ф. ст., о возмещении которого Рикардо вообще не говорит. Из этих 8.250 ф. ст. 2.000 ф. ст. составляли бы прибыль, как и раньше от 15.000. Поскольку сельский хозяин сам потребляет жизненные средства в виде дохода, он выиграл бы. Поскольку он [благодаря падению цен] получил бы возможность понизить заработную плату примененных им рабочих, он также выиграл бы, и освободилась бы часть его переменного капитала. Это та часть, которая до известной степени могла бы применить

„Уменьшенное количество труда, которое может быть употреблено капиталистом, должно теперь, при содействии машины, произвести ценность, равную, за вычетом издержек по ее ремонту, 7.500 ф. ст. Оно должно возместить оборотный капитал вместе с прибылью в 2.000 ф. ст. на весь капитал. Но если бы это было сделано, если бы чистый доход не уменьшился, то не все ли равно капиталисту, представляет ли валовой доход ценность в 3.000 ф. ст., в 10.000 ф. ст. или в 15.000 ф. ст.? ¹

„Итак, в разбираемом нами случае, несмотря на то, что ценность чистого продукта не уменьшилась бы, что его покупательная сила по отношению к товарам могла значительно увеличиться, валовой продукт, вместо ценности в 15.000 ф. ст., составлял бы ценность в 7.500 ф. ст. А так как способность содержать население и употреблять труд зависит всегда от валового продукта нации, а не от ее чистого продукта ², то уменьшение валового продукта необходимо повлечет за собою уменьшение спроса на труд и вызовет перенаселение. Таким образом, положение рабочего класса будет представлять картину нужды и бедствий ³.

„Но в виду того, что возможность сберегать часть дохода для превращения его в капитал должна зависеть от способности чистого дохода удовлетворять потребности капиталиста, последний, вследствие понижения цен товаров, следующего за введением машин, может увеличить,—если, конечно, его потребности останутся такими же самыми ⁴,—свои сбережения, и, таким образом, значительно облегчается превращение дохода в капитал ⁵. Но с каждым увеличе-

новый труд, но только благодаря тому, что реальная заработная плата занятых рабочих упала бы. Незначительная часть отпущенных рабочих могла таким образом снова получить работу — за счет оставленных при производстве. Однако, то обстоятельство, что получилось бы такое же количество продукта, как и раньше, нисколько не помогало бы отпущенным рабочим. Если бы заработная плата осталась неизменной, то не [освободилась] бы также и часть переменного капитала. Ценность продукта—8.250 ф. ст.—не повысилась оттого, что она представляет такое же количество жизненных средств, как раньше 15.000 ф. ст. Сельский хозяин должен был бы продать продукт за 8.250 ф. ст., чтобы возместить изнашивание машин и свой переменный капитал. Поскольку это удешевление жизненных средств не вызвало бы всеобщего падения заработной платы, или падения цены составных частей, входящих в производство постоянного капитала,—был бы только расширен доход общества, поскольку он тратится на жизненные средства. Часть непродуцированных и продуцированных рабочих и др. жила бы лучше *Voilà tout*. Можно было бы также делать сбережения, но это все же представляло бы дело для будущего. Отпущенные рабочие попрежнему валялись бы на улице, хотя физическая возможность содержать их существовала бы попрежнему. И в воспроизводство вложен был тот же самый капитал, что и раньше. Но часть продукта, ценность которого упала, теперь существует в виде дохода, а раньше она существовала в виде капитала.

¹ Это абсолютно верно. Капитал совершенно не интересуется валовым доходом. Единственное, что его интересует, это чистый доход.

² Этим объясняется пристрастие А. Смита к валовому продукту, против чего возражает Рикардо. См. 26 главу о «валовом и чистом доходе», которую Рикардо начинает словами: „Адам Смит всегда преувеличивает выгоды, которые страна извлекает из большого валового дохода, в сравнении с выгодами, доставляемыми большим чистым доходом“ (I. с., стр. 415; русск. перев. Н. Язан., стр. 234).

³ Следовательно, труд будет существовать в слишком большом количестве, так как спрос на труд уменьшается; и этот спрос падает благодаря развитию производительности труда.

⁴ Но его потребности растут.

⁵ Таким образом, часть капитала—не по его ценности, а по потребительным ценностям, по вещественным элементам, из которых он состоит—превращается в доход, а потом часть дохода снова превращается в капитал. Например, часть продукта (на 7.500 ф. ст., когда 13.000 ф. ст. затрачено на переменный капитал) входила в потребление рабочих, которые заняты были у сельского хозяина, и эта часть продукта составляла часть его капитала. Вследствие введения машин, согласно нашему предположению, производится, например, такое же количество продукта, как и раньше, но ценность его составляет

нием его капитала, капиталист будет употреблять больше рабочих ⁴ и, следовательно, часть их, потерявшая прежде работу, после найдет снова занятие. А если возрастание производства, вследствие введения машин, будет так велико, что доставит, в виде чистого продукта, такое большое количество жизненных средств, какое прежде существовало в форме валового продукта, то мы имели бы в нашем распоряжении такие же средства для доставления занятий всему населению, как прежде, и, таким образом, излишек населения не явился бы необходимым следствием" ³ (I. с., стр. 469—472; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 266—267).

В последних строках Рикардо говорит, следовательно, то же самое, что я говорил выше. Для того, чтобы доход таким образом превращен был в капитал, капитал превращается сначала в доход. Или, как выражается Рикардо: сначала чистый продукт увеличивается за счет валового продукта, а потом часть чистого продукта обратно превращается в валовой продукт. Продукт есть продукт, „чистый“ и „валовой“ ничего в нем не изменяют, хотя [их] противоположность может также выражаться в том, что излишек над затратами, следовательно, чистый доход, растет, несмотря на то, что общая масса продукта уменьшается. Продукт представляет чистый или валовой продукт в зависимости от определенной формы, какую он получает в процессе производства.

„Я желал бы доказать только, что изобретение и употребление машин может сопровождаться уменьшением валового продукта. Каждый раз, как происходит такое уменьшение, оно приносит ущерб рабочему классу, потому что некоторые рабочие лишаются работы, и население становится чрезмерным в сравнении с фондами для его содержания“ (I. с., стр. 472; русск. пер. Н. Рязан., стр. 267).

Но то же самое может наступить, и в большинстве случаев наступит, даже в том случае, когда валовой продукт остается неизменным или увеличивается; [ибо] часть того, что раньше функционировало, как переменный капитал, теперь потребляется в виде дохода.

Здесь излишне останавливаться на нелепом примере, который Рикардо приводит [на следующих страницах], именно на примере с фабрикантом, производящим сукно, который уменьшает свое производство вследствие введения машин. [Он продолжает:]

„Если изложенные взгляды верны, то из них вытекают следующие выводы:

„1. Изобретение и применение машин всегда приводит к увеличению чистого продукта страны, хотя они не могут увеличить и, за исключением короткого промежутка времени, действительно не увеличивают ценности этого чистого продукта“ ³.

уже лишь 8.250 ф. ст., вместо прежних 15.000. И этот подешевевший продукт образует более значительную долю в доходе сельского хозяина и в доходе покупателей жизненных средств. Они потребляют теперь в виде дохода часть продукта, которая раньше, правда, также потреблялась рабочими, работавшими у сельского хозяина (которые [теперь] отпущены); но это тогда было промышленное потребление капитала. Вследствие этого возрастания дохода, полученного благодаря тому, что потребляется в виде дохода часть продукта, которая раньше потреблялась в виде капитала—мы имеем образование нового капитала и обратное превращение его в капитал.

¹ Во всяком случае, это не соответствует возрастанию капитала, то-есть всей сумме возросшего капитала. Сельский хозяин покупает, вероятно, больше лошадей или гуано или больше новых орудий.

² Но возможным, вероятным.

³ На самом деле оно всегда будет увеличивать эту ценность, если оно уменьшает ценность труда.

„2. Увеличение чистого продукта страны совместно с уменьшением ее валового продукта. Побуждение употреблять машины всегда является вполне достаточным, если употребление машин приводит к увеличению чистого продукта, хотя оно в то же время может, да часто и должно уменьшить как количество валового продукта, так и его ценность.

„3. Мнение, разделяемое рабочим классом, что употребление машин часто наносит большой ущерб их интересам, не основано на предрассудке и заблуждении, а соответствует правильным принципам политической экономии.

„4. Если улучшенные средства производства, вследствие употребления машин, увеличат чистый продукт страны в такой большой степени, что не последует уменьшения валового продукта (я всегда при этом подразумеваю количество товаров, а не их ценность), то улучшится положение всех классов. Землевладелец и фабрикант выиграют не вследствие возрастания ренты и прибыли, но вследствие выгод, проистекающих от того, что они будут расходовать ту же самую ренту и прибыль на товары, ценность которых значительно понизилась¹. Положение рабочего класса также значительно улучшится бы: во-первых, вследствие увеличения спроса на домашнюю прислугу², во-вторых, вследствие роста сбережений, вызванного избытком чистого продукта, и, в-третьих, вследствие понижения цен всех предметов потребления, на которые расходуется заработная плата“³ (I. с., стр. 474, 475; русск. пер. Н. Рязан., стр. 268—269).

Все буржуазные апологеты, говоря о машинах, не отрицают того:

1. что машины то тут, то там, но постоянно делают излишней часть населения, выбрасывают на улицу часть рабочего населения. Они вызывают перенаселение, а поэтому и понижение заработной платы в некоторых сферах, то тут, то там, не потому, что население растет быстрее, нежели жизненные средства, а потому, что быстрое возрастание жизненных средств, благодаря машинам, позволяет вводить больше машин и таким образом уменьшить общественный фонд, а потому, что благодаря его возрастанию уменьшается относительно та часть его, которая затрачивается на заработную плату.

2. Еще менее эти апологеты отрицают рабство тех, кто занят машинной работой, и нищету вытесненных ими и исчезающих рабочих, занимающихся ручным трудом, или ремесленников.

Они предполагают—и это отчасти верно—[1], что благодаря машинам, вообще благодаря развитию производительности труда, доход, прибыль и рента так растут, что буржуазия приобретает больше слуг, чем раньше; если она раньше должна была покупать больше продукта больше на производительный труд, то теперь она покупает больше на непроизводительный труд. Великолепная перспектива превращения части рабочих в слуг! Не менее важно для них то, что вследствие возрастания чистого продукта открывается больше сфер для непроизводительного труда, которые потребляют их продукт и заинтересованность которых

¹ Эта фраза противостоит всей доктрине Рикардо, согласно которой удешевление жизненных средств, следовательно, уменьшение заработной платы, повышает прибыль, между тем как машины, которые дают возможность с меньшим количеством труда получить больше продукта на той же земле, должны уменьшать ренту.

² Это великолепный результат от машин, что значительная часть рабочего класса, женщин и мужчин, превращается в слуг.

³ Эта низкая цена вызывает падение их заработной платы.

в их эксплуатации более или менее конкурирует с заинтересованностью непосредственно эксплуатирующих классов.

[Но не только о возрастании прислуги говорят буржуазные апологеты; они полагают также], что новая основа—где требуется меньше живого труда в сравнении с прошлым трудом—служит поощрением к накоплению; поэтому и исключенные, пауперизированные рабочие, или по крайней мере та часть прироста населения, которая занимает их место, поглощается благодаря расширению производства непосредственно на самих машиностроительных заводах, или в других отраслях производства, которые теперь понадобились и были открыты благодаря им, или в новых отраслях, открытых новым капиталом и удовлетворяющих новым потребностям. Такова вторая великолепная перспектива: рабочий класс должен терпеть все преходящие бедствия — безработицу, перемещение труда и капитала из одной сферы в другую, но все же наемному труду не положен конец; он, наоборот, воспроизводится в постоянно возрастающих размерах; он абсолютно растет, хотя относительно и уменьшается—в сравнении с растущей общей суммой капитала, который его применяет.

3. Они признают, что потребление стало более утонченным благодаря машинам. Удешевление предметов первой необходимости позволяет расширить производство предметов роскоши. И, таким образом, рабочим открывается третья великолепная перспектива: то же самое количество жизненных средств, то же самое число рабочих создает возможность для высших классов расширить круг их удовольствий, сделать их более утонченными и более разнообразными и таким образом углубить экономическую, социальную и политическую пропасть, которая существует между ними и рабочим классом. Действительно великолепные перспективы и завидные результаты получаются для рабочего благодаря развитию производительности его труда!

Тут Рикардо еще доказывает, что рабочие классы заинтересованы в том, чтобы возможно большая часть дохода была затрачена вместо предметов роскоши на содержание прислуги" (I. с., стр. 475, 476; русск. пер. Н. Рязан., стр. 270).

Ибо, покупаю ли я мебель или [жизненные средства для] прислуги, я этим [создаю] спрос на товары на определенную сумму; в одном случае я привожу в движение приблизительно столько же производительного труда, как и в другом случае; но в последнем случае „я прибавляю к прежнему спросу на рабочих“ [спрос на всех тех рабочих, которых я могу содержать на купленные жизненные средства], „и это увеличение (спроса) произошло бы только потому, что я выбрал этот способ расходования моего дохода“ (I. с., стр. 475, 476; русск. пер. Н. Ряз., стр. 270).

То же самое получается, когда имеется большой флот и большая армия.

„Если бы в военное время я не должен был внести налог в 500 ф. ст., затрачиваемый на содержание солдат и матросов, я мог бы, вероятно, израсходовать эту часть своего дохода на мебель, сукна, книги и т. д. Был ли бы мой доход затрачен таким или иным путем, количество труда, употребляемого в производстве, оставалось бы то же самое, так как производство предметов пищи и одежды для солдат и матросов требовало бы такого же количества

труда, как и производство товаров, являющихся предметами роскоши. Но в случае войны мы имели бы дело с добавочным спросом на людей для армии и флота. Вследствие этого война, которая ведется на доход, а не на капитал страны, оказывает благоприятное действие на возрастание населения" (I. с., стр. 476; русск. пер. Н. Рязан., стр. 270).

Рикардо продолжает:

„Следует отметить еще и другой случай, в котором возрастание чистого дохода страны и даже валового дохода ее может совпасть с уменьшением спроса на труд, а именно тот случай, когда труд лошадей замещает труд людей. Если бы я употреблял на своей ферме сто человек и если бы я нашел, что пища, предназначенная для половины этого числа, могла бы пойти на содержание лошадей и дать мне за уплатой процентов на капитал, затраченный на покупку лошадей, гораздо большее количество сырых произведений, то мне было бы выгодно заменить людей лошадьми, и я так и поступил бы. Но это было бы невыгодно для рабочих, и если только мой доход не возрос до такой степени, чтобы дать мне возможность употреблять как людей, так и лошадей, то почувствуется избыток населения, и положение рабочего вообще ухудшилось бы. Очевидно, что он, освободившийся сельский рабочий, не мог бы ни в коем случае найти занятия в земледелии¹. Но если бы продукт земли увеличился вследствие замены людей лошадьми, он мог бы найти занятия на фабриках или в качестве прислуги“ (I. с., стр. 477, 478; русск. пер. Н. Рязан., стр. 270—271).

Две тенденции постоянно перекрещиваются: [во-первых] должно быть применено возможно меньше труда для производства того же самого или большего количества товаров, того же самого или большего количества чистого продукта, чистого дохода, прибавочной ценности; во-вторых, должно быть применено возможно большее число рабочих, хотя и возможно меньше в сравнении с количеством произведенных ими товаров; ибо с увеличением массы примененного труда—на данной ступени развития производительных сил—растет масса прибавочной ценности и прибавочного продукта.

Одна тенденция выбрасывает на улицу рабочих и создает излишнее население. Вторая поглощает их снова и абсолютно расширяет рабство наемного труда, так что судьба рабочего постоянно колеблется, и все же он никогда от нее не избавляется. Поэтому рабочий рассматривает развитие производительных сил его собственного труда, как нечто ему враждебное; и он прав; с другой стороны, капиталист приспосабливается к нему, как к элементу, который производит прибавочную ценность из производства. Таковы противоречия, которые лежат в основе теории прибавочной ценности в главе. Что он забывает подчеркнуть, так это то, что эти тенденции относятся к классам, которые стоят на противоположных сторонах, капиталистами и землевладельцами с одной стороны, и которые большей частью содержатся в зависимости от чистого дохода; они словно тяжесть лежат на трудящейся массе, которая придает социальную устойчивость и силу выше стоящих десяти тысяч человек.

Буржуазия выражает увековечение рабства наемного труда, благодаря применению машин, в „апологии“ его.

* „Я заметил уже прежде, что рост чистого дохода, выраженного в товарах, всегда являющийся следствием усовершенствования машин, повлечет за собою новые сбережения и рост накопления. Следует помнить, что эти сбережения—годовые сбережения и что они должны скоро создать фонд гораздо более

¹ Почему нет? А при расширении производства в сельском хозяйстве?

значительный, чем фонд, первоначально потерянный вследствие изобретения машин. Тогда спрос на труд будет так же велик, как и прежде, и положение народа дальше улучшится в большей степени вследствие увеличения сбережений, которые позволят делать возросший чистый доход" (I. с., стр. 480; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 272).

Сначала уменьшается валовой доход и увеличивается чистый доход. Потом часть возросшего чистого дохода снова превращается в капитал и, следовательно, в валовой доход. Таким образом, рабочий должен постоянно увеличивать власть капитала, чтобы после очень тяжелых препятствий получить позволение повторить тот же самый процесс на высшей ступени.

„При всяком возрастании капитала и населения, цена предметов пищи необходимо будет возрастать вследствие увеличения трудности их производства. Возрастание цен жизненных средств повлечет за собою повышение заработной платы, а всякое повышение заработной платы будет иметь тенденцию обращать еще в более значительной степени, чем прежде, всякий вновь сбереженный капитал на употребление машин. Машин и труд находятся в постоянной конкуренции между собою, и первые часто не могут быть применены до тех пор, пока не поднимется цена труда“ (I. с., стр. 479; русск. пер. Н. Ряз., стр. 271).

Машины являются, таким образом, средством против возрастания заработной платы.

„Чтобы выяснить основное положение, я предположил, что усовершенствованные машины были внезапно изобретены и применены в широких размерах. В действительности же такие изобретения делаются постепенно и скорее действуют таким образом, что они изменяют употребление капитала, который сберегается и накапливается, а не отвлекают капитал от его постоянного употребления“ (I. с., стр. 478; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 271).

В действительности, новые накопления открывают новые области производства не столько освободившимся рабочим силам, сколько новому поколению рабочих.

„В Америке и многих других странах, где легко добывается пища для человека, нет такого большого искушения употреблять машины¹, как в Англии, где цена предметов пищи высока и где для их производства требуется много труда². Та самая причина, которая повышает цену труда, не увеличивает еще ценности машин, и, следовательно, при каждом увеличении капитала, более значительная часть его будет употреблена на машины. Спрос на труд будет возрастать вместе с ростом капитала, но не в одинаковой пропорции. Эта пропорция необходимо будет уменьшаться“ (I. с., стр. 479; русск. пер. Н. Рязан., стр. 271).

¹ Они нигде не применялись в таком большом количестве, как в Америке, где они, так сказать, служат для домашнего употребления.

² Именно Америка, которая применяет гораздо больше машин, нежели Англия, где постоянно господствует перенаселение, показывает, как мало применение машин зависит от цены продуктов питания, но оно может зависеть от относительного недостатка рабочих, как в Америке, где относительно небольшое население занимает огромные территории. Так, мы читаем в Standard's (9 сент. 1862 г.), в статье о выставке: „Человек есть животное, производящее машины... Если мы рассматриваем американца, как представителя человека, то получаем великолепное определение. Один из главных пунктов в системе американца состоит в том, чтобы никогда не делать руками того, что можно произвести машиной. От движения люльки до производства гроба, для доения коровы, для порубки леса, для пришивая пуговицы, для голосования за президента—у него имеется машина почти для всякой вещи. Он изобрел машину, чтобы не нужно было разжевывать пищи. Чрезвычайный недостаток рабочих сил и вытекающая отсюда высокая ценность их (несмотря на низкую ценность продуктов питания! Маркс), а также и врожденный интерес поощряли этот дух изобретения... Произведенные в Америке машины вообще по ценности

В последней фразе Рикардо дает нам правильный закон возрастания капитала, хотя его соображения очень односторонни. Он сюда прибавляет примечание, откуда мы видим, что он здесь следует за Бартоном, на произведения которого мы поэтому еще остановимся.

Сначала еще одно замечание. Рикардо говорит еще выше, когда он останавливается на вопросе о том, затрачивается ли доход на прислугу или предметы роскоши:

„В обоих случаях чистый доход, а также и валовой доход, совершенно одинаковы, но в первом случае они реализовались бы в других товарах“ (I. с., стр. 476; русск. перев. Н. Ряз., стр. 269).

Таким образом, ценность всего продукта может быть одинаковой, но она „может быть реализована в различных товарах“ в зависимости от того, должен ли он замещать больше переменного или постоянного капитала, что очень чувствительно для рабочих.

b) Взгляды Бартона.

Произведение Джона Бартона озаглавлено: „Observations on the circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of society“. Лондон 1817.

Приведем сначала те немногие теоретические положения, которые имеются у Бартона.

„Спрос на труд зависит от увеличения оборотного капитала, а не основного. Если бы отношение между этими двумя формами капитала действительно было во все времена и во всех странах одинаково, тогда, разумеется, мы могли бы сделать вывод, что число занятых работой увеличивается вместе с ростом богатства в государстве. Но такое предположение не имеет и тени вероятности. По мере развития промыслов и распространения цивилизации основной капитал становится все больше и больше по отношению к оборотному. Размер основного капитала, употребляемого при производстве английского муслина, по крайней мере во сто, а может быть в тысячу раз больше, чем капитал, употребленный на производство такого же куска индийского муслина. Можно себе поэтому представить, что, при известных условиях, вся сумма годовых сбережений какого-нибудь промышленного народа может быть прибавлена к оборотному капиталу, а в таком случае это не оказало бы никакого влияния на состоянии спроса на труд“ (I. с., стр. 16, 17).

Рикардо говорит по этому поводу (Н. Ряз., стр. 271—272)

„Трудно представить себе, чтобы спрос на труд, в каких бы то ни было условиях, возрос в какой-нибудь стране, не ввиду возрастания спроса на труд. Следовательно, если спрос на труд возрастает, это—что спрос увеличился бы в уменьшающейся пропорции. Мне кажется, что Бартон, в вышеназванном сочинении, развивал вполне правильный взгляд на некоторые следствия увеличения размеров основного капитала с точки зрения положения рабочего класса. Его опыт содержит много ценных указаний“.

К выщепрежденной цитате из Бартона нужно еще прибавить следующую цитату:

„...стоят ниже машин, произведенных в Англии... Они обычно скорее представляют вспомогательные средства, берегающие труд, чем изобретения, делающие возможным доселе невозможное. (А пароходы! М.)... В американском дворе немного можно найти, кроме машин“.

„Когда основной капитал уже произведен, он перестает создавать спрос на труд¹; но во время его производства он дает работу такому же количеству лиц, как и одинаковой величины оборотный капитал или доход“ (I. с., стр. 56).

И далее:

„Спрос на труд зависит абсолютно, как правильно заметил Адам Смит, от общей суммы дохода и оборотного капитала“ (I. с., стр. 35).

За Бартоном нужно несомненно признать очень большую заслугу. А. Смит полагает, что спрос на труд растет прямо пропорционально накоплению капитала. Мальтус объясняет перенаселение тем, что капитал не накапливается, не воспроизводится в больших размерах так быстро, как население. Бартон впервые отметил, что различные органические составные части капитала не растут соответственно накоплению и развитию производительных сил, что, наоборот, в процессе возрастания капитала та часть капитала, которая выражается в заработной плате, относительно уменьшается, в сравнении с той частью, которая растет очень заметно, но лишь незначительно увеличивает спрос на труд; эту последнюю часть он называет основным капиталом. Он потому впервые устанавливает следующее важное положение: что „число занятых рабочих“ не „соответствует богатству страны“, что оно сравнительно больше в промышленно неразвитой, нежели в промышленно развитой стране. В третьем издании его „Principles“, в 31 главе, трактующей о машинах, Рикардо принимает поправку Бартона, а именно в одностороннем понимании, какое имеется у Бартона; меж тем в своих прежних изданиях он в этом пункте шел еще по стопам Смита. Единственный пункт, в котором он идет дальше—и это очень важный пункт—состоит в том, что он не только, подобно Бартону, устанавливает положение, что спрос на труд не растет пропорционально развитию машин, а что сама машина „делает людей излишними“, следовательно, создает перенаселение. Только он ошибочно ограничивает этот эффект тем случаем, который бывает лишь в земледелии и который он переносит также в индустрию, именно тем случаем, когда чистый продукт увеличивается за счет всего продукта. Но этим самым *in puse* опровергнута вся нелепая „теория народонаселения“, именно также фраза вульгарных экономистов, что рабочие должны стремиться к тому, чтобы их размножение отставало от накопления капитала. Из объяснений Бартона и Рикардо, наоборот, следует, что такое ограничение размножения рабочего населения уменьшает предложение труда, повышает, следовательно, цену на труд, и потому оно только ускорило бы применение машин, превращение оборотного капитала в основной, и таким образом создало бы искусственно избыток населения—избыток, который обычно обусловлен не недостатком жизненных средств, а недостатком средств на то, чтобы дать занятие рабочим, т.-е. недостаточным спросом на труд.

Ошибка или недостаточность объяснения Бартона состоит в том, что он понимает организическую дифференциацию или строение лишь в той форме, в какой оно проявляется в процессе обращения—как

¹ Это неверно, так как необходимо его воспроизводство, хотя оно происходит через известные промежутки времени и лишь постепенно.

основной и оборотный капитал—различие, которое уже открыто было физиократами, дальше развито было А. Смитом и после него стало пред-рассудком экономистов—предрассудком настолько, что они видят в органическом строении капитала лишь эту разницу, которая была установлена до них. Эта разница, вытекающая из процесса обращения, оказывает значительное влияние на воспроизводство богатства вообще, следовательно также на ту часть его, которая образует рабочий фонд (labouring funds). Но это здесь не имеет решающего значения. Как основной капитал, машины, здания, убойный скот и т. д. отличаются от оборотного капитала не отношением непосредственно к заработной плате, а лишь способом обращения и воспроизводства.

Непосредственное отношение различных составных частей капитала к живому труду связано не с явлением процесса обращения; оно обусловлено не этим последним, а непосредственным процессом производства; оно представляет отношение постоянного и переменного капитала, так как различие между ними основано лишь на их отношении к живому труду.

Так, например, Бартон говорит: Спрос на труд зависит не от основного, а только от оборотного капитала. Но часть оборотного капитала, сырой материал и вспомогательные материалы, так же как и машины и т. д., не обмениваются на живой труд. Во всех отраслях промышленности, в которых сырой материал входит как элемент процесса создания ценности, он составляет самую значительную часть той доли капитала, которая не затрачивается на заработную плату, — поскольку мы рассматриваем лишь ту часть основного капитала, которая входит в товар. Другая часть оборотного капитала, именно товарного капитала, состоит из предметов потребления, входящих в доход непродуцирующего класса. Следовательно, от возрастания обеих этих частей оборотного капитала спрос на труд зависит не больше, нежели от возрастания основного капитала. К тому же та часть оборотного капитала, которая выражается в сыром материале и вспомогательных материалах, увеличивается в такой же или еще в большей степени, чем та часть капитала, которая вложена, как основной капитал.

Рамзэй продолжал строить на этом различии различие между постоянным и переменным капиталом, но останавливается на этом различии, не объясняя его. Он различие к разнице между постоянным и переменным капиталом, но он попрежнему называет постоянный капитал основным капиталом, хотя относит сюда еще и часть переменного капитала. Переменный капитал он называет оборотным капиталом, но отсюда отсюда берет весь оборотный капитал, который не затрачивается непосредственно на заработную плату. Об этом мы будем говорить потом, когда перейдем к Рамзэю. Но это доказывает необходимость внутреннего процесса.

Раз берется разница между постоянным и переменным капиталом, которая вытекает только из непосредственного процесса производства, из отношения различных составных частей капитала к живому труду,—то выясняется также, что она сама по себе не имеет никакого отношения к абсолютной массе произведенных предметов потребления, хотя для нее имеет большое значение способ их реализации. Но способ реализации

всего дохода в различных товарах является не причиной, как полагает Рикардо и как указывает Бартон, а действием имманентных законов капиталистического производства; эти последние приводят к тому, что все меньшая и меньшая часть всего продукта образует фонд для воспроизводства рабочего класса. Если значительная часть капитала состоит из машин, сырого материала, вспомогательных материалов и т. д., то из всей массы рабочих меньшая часть будет занята воспроизводством жизненных средств, входящих в потребление рабочих. Но это относительное уменьшение в воспроизводстве переменного капитала является не причиной относительного уменьшения спроса на труд, а, наоборот, его действием. Точно также: из той массы рабочих, которые заняты производством предметов потребления, вообще входящих в доход, более значительная часть будет производить предметы потребления, входящие в потребление, в расходование дохода капиталистов, землевладельцев и их свиты (государственных чиновников, духовенства и др.), [и лишь незначительная часть рабочих] будет производить предметы, которые определены для дохода рабочих. Но это опять-таки является действием, а не причиной. С изменением социального отношения рабочих и капиталистов, с революционизированием господствующих в капиталистическом производстве отношений оно сейчас же изменилось бы. Доход—мы берем выражение Рикардо—„реализовался бы в различных товарах“. Так сказать, физические условия производства не содержат в себе ничего безусловно обязательного для этого. Если рабочие господствуют, если они имеют необходимую власть для того, чтобы производить для себя, то они очень скоро и без большого труда поднимут капитал (мы обращаемся к вульгарным экономистам) до высоты своих потребностей.

Здесь получается большая разница: противостоят ли рабочим наличные средства производства в виде капитала и поэтому лишь постольку могут быть применены ими, поскольку это необходимо для увеличения прибавочной ценности или прибавочного продукта для их потребления, или же они имеют власть, чтобы меняют средства производства — в винительном смысле — для самих себя. При этом, конечно, необходимо, чтобы производственная скала вообще достигла необходимой высоты, после чего может наступить эволюция.

Обратимся к примеру 1863 года (сентябрь — октябрь). В Ланкашире мы имеем безработных рабочих. С другой стороны, на лондонском денежном рынке „трудно найти применение денег“, отчего почти необходимо стало образование спекулятивных обществ, так как трудно получить за деньги 2 процента. По теории Рикардо, „для них“ должно было бы „открыться какое-либо другое дело“—так как, с одной стороны, в Лондоне имеется капитал, с другой стороны—в Мэнчестре имеются незанятые рабочие силы.

Бартон объясняет далее, что накопление капитала лишь медленно вызывает возрастание спроса на труд, если до того население не увеличилось настолько, что норма заработной платы стоит низко.

„Отношение заработной платы ко всему продукту труда в данное время определяет по-моему, происходит ли применение капитала в той или другой форме (в форме основного или оборотного капитала)... Если заработная плата падает, в то время как цена товаров остается неизменной, или если цена товара повышается, в то время как заработная плата остается неизменной, — прибыль предпринимателя растет, и это побуждает его поставить больше рабочих. Если, наоборот, заработная плата повышается в сравнении с товарами, то фабрикант держит возможно меньше рабочих и старается все делать с помощью машин“ (I. с., стр. 17, 18).

„Мы имеем достаточно доказательств того, что в течение первой половины последнего столетия при постепенном возрастании заработной платы население увеличивалось гораздо медленнее, чем в течение второй половины, когда реальная цена заработной платы быстро падала“ (I. с., стр. 25).

„Возрастание заработной платы само по себе никогда не увеличивает рабочего населения; падение заработной платы может привести к быстрому возрастанию его. Например, если бы англичанин опустился до потребностей ирландца, то фабрикант будет применять больше рабочих, соответственно уменьшив издержки на их содержание“ (I. с., стр. 26).

„Трудность найти работу в большей степени препятствует бракам, нежели низкая заработная плата“ (I. с., стр. 27).

„Нужно признать, что всякое увеличение богатства имеет тенденцию создать новый спрос на рабочих; но труд требует для своего производства больше времени, чем какой-либо другой товар¹; поэтому из всех товаров он больше всего повышается в цене благодаря возрастанию спроса; а так как всякое повышение заработной платы создает в десять раз большее уменьшение прибыли, то ясно, что увеличение капитала лишь в незначительной степени может увеличить действительный спрос на труд, если ему не предшествует такое увеличение населения, что норма заработной платы понижена“ (I. с., стр. 28).

Бартон здесь выставляет различные положения:

Во-первых: Возрастание заработной платы само по себе не вызывает увеличения рабочего населения; но падение заработной платы может очень легко вызвать быстрое возрастание его. Доказательство: в первой половине восемнадцатого века мы видим постепенное возрастание заработной платы и медленное движение населения; наоборот, во второй половине восемнадцатого столетия мы видим сильное падение реальной заработной платы и быстрое увеличение рабочего населения. Причина: количество заключаемых браков уменьшается не вследствие недостаточной высоты заработной платы, а вследствие трудности найти занятие.

Во-вторых: Но, чем ниже норма заработной платы, тем легче найти занятие, ибо капитал превращается в основной или, наоборот, в оборотный капитал, то-есть в такой, который применяет труд или, наоборот, в такой, который его не применяет, в зависимости от высоты заработной платы. Если заработная плата низка, то спрос на труд велик, так как тогда предпринимателю выгодно применить много труда и с данным оборотным капиталом он может применить больше труда. Если заработная плата высока, то фабрикант держит возможно меньше рабочих и старается все делать посредством машин.

В-третьих: Накопление капитала само по себе лишь медленно повышает спрос на труд, так как каждое возрастание этого спроса быстро повышает цену труда, когда его мало, и понижает прибыль в гораздо большей степени, чем возрастает спрос. Накопление может быстро по-

¹ По той же самой причине заработная плата может долго стоять ниже среднего, ибо из всех товаров труд особенно тяжело изъять из рынка и потому предложение труда особенно трудно привести в равновесие со спросом.

Следующая таблица показывает, какое отношение существовало в течение последних 70 лет (до выхода в свет произведения Бартона) между заработной платой сельских рабочих и хлебными ценами¹.

Периоды.	Недельная заработная плата.	Цена квартера пшеницы.	Заработная плата в пшеницах.
1742—1752 . .	6 ш. 0 пенс.	30 ш. 0 пенс.	102
1761—1770 . .	7 „ 6 „	42 „ 6 „	90
1780—1790 . .	8 „ 0 „	51 „ 2 „	80
1795—1799 . .	9 „ 0 „	70 „ 8 „	65
1800—1808 . .	11 „ 0 „	86 „ 8 „	60

„Из обзора ряда биллей относительно огораживания земли, принятых в каждой сессии со времени революции,—в докладе лордов относительно законов о бедных (1816?),—видно, что в течение 66 лет, от 1688 до 1754 года, принято 123 билля, но в течение 59 лет², от 1754 до 1813 года, принято 3.315 биллей. Увеличение пахотной земли происходило в течение последнего периода приблизительно в двадцать пять раз быстрее, чем в течение предыдущего периода. Но в первые 66 лет возделывалось все больше и больше хлеба для экспорта; а в течение большей части последнего 59-летнего периода не только все то было потреблено, что раньше вывозилось, но ввозилось возрастающее и под конец очень значительное количество хлеба для нашего собственного потребления.. Возрастание населения в течение первого периода в сравнении с последним периодом происходит, следовательно, еще медленнее, чем это показывает увеличение пахотной земли“ (I. c., стр. 11, 12).

„В 1688 году население Англии и Уэльса составляло по Gregory King, который определил его по числу домов, 5½ миллионов. В 1780 году по Мальтусу оно составляло 7.700.000. Следовательно, в течение 92 лет оно увеличилось на 2.200.000; в следующие 30 лет оно возросло более, чем на 2.700.000. Но что касается первого возрастания населения, то оно главным образом произошло от 1750 до 1780 г.г.“ (I. c., стр. 13).

Бартон вычисляет на основании хороших источников, что в 1750 году население равнялось 5.946.000 чел., что со времени революции означает увеличение от 446.000 до 72.000 в год (I. c., стр. 13, 14). При самой низкой расценке возрастание населения в течение последних лет шло в десять раз быстрее, нежели за сто лет до этого. Но невероятно, чтобы накопление капитала стало в десять раз больше (I. c., стр. 14).

Вопрос заключается не в том, какое количество жизненных средств производится ежегодно, а какая часть живого труда входит в производство основного и оборотного капиталов.. Это определяет величину переменного капитала в сравнении с постоянным.

Бартон объясняет себе поразительное увеличение населения в последние 50—60 лет почти во всей Европе возрастанием богатства американских рудников; этот избыток благородных металлов повысил товарные цены в большей степени, нежели заработную плату; в действительности, следовательно, он понизил эту последнюю. Таким образом, норма прибыли возрасла (I. c., стр. 29—35).

¹ Заработная плата повышалась от середины семнадцатого до середины восемнадцатого столетия, ибо хлебные цены упали в течение этого времени не менее, чем на 35%.

² В оригинале стоит «sixty-nine years»; очевидно, это ошибка в счете. К.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

Т. I, изд. 1923 г.

- Arnd**, Karl, 39.
D'Avenant, Ch., 21 и след., 190.
Barton, John, 165.
Baudeau, 71.
Béardé de l'Abbaye, 61.
Blanqui, 45, 46, 182.
Boisguillebert, 41.
Brissot, 64.
de Buat, 57, 58.
Buchanan, 40, 256.
Cantillon, 93.
Cazenove, 94.
Chalmers, 265 и след.
Daire, 43.
Destutt de Tracy, 193, 235 и след.
Ferrier, F. L. A., 222 и след., 265.
Ganilh, Ch., 201 и след., 209 и след., 233, 265.
Garnier, G., 54, 55, 56, 192 и след., 233, 249, 265, 267.
Godwin, 64.
Hobbes, 95, 188.
Hodgskin, Thomas, 107, 191.
Hume, David, 28 и след., 190.
Jones, R., 39.
King, Gregory, 190.
Lauderdale, 111, 112, 231 и след., 265.
John, 46.
27, 58, 111, 182.
Mercier de la Rivière, 44, 45, 50.
Mill, J. St., 192.
Mirabeau, 38, 44, 73.
Montesquieu, 64, 215, 249, 267.
Necker, 61 и след.
North, Sir Dudley, 23 и след.
Paley, 249.
Paoletty, 53.
Petty, Sir William, 15 и след., 26, 28, 188, 189.
Proudhon, 46, 79, 244.
Quesnay, 44, 50, 68 и след., 216.
Ramsay, George, 123, 124, 125, 126.
Ricardo, 54, 55, 57, 93, 101, 102, 108, 111, 115, 123, 191, 202, 209 и след.
Roscher, 253.
Rossi, P., 258 и след.
Say, J. B., 121, 122, 123, 146, 154, 214, 215, 216, 231 и след.
Schmalz, Th. A. H., 57, 200.
Senior, W. Nassau, 254 и след.
Sismondi, 190, 248.
Smith, A., 34, 35, 54 и след., 60, 73, 90 и след.
Spence, Th., 58.
Spence, W., 58.
Steuart, James, 32 и след., 39, 99.
Storch, 122, 123, 249 и след., 258, 263.
Tocqueville, 233.
Turgot, 34, 38, 44, 46 и след., 73.
Vanderlint, 58.
Verri, Pietro, 53, 54.
Young, Arthur, 58.

Т. II, ч. I. (Сначала указаны страницы в изд. 1923 г., а в скобках — в изд. 1924 г.).

- Anderson**, 139, 182, 219 и след., 226, 227, 229, 231, 238 и след., 246 (129, 169, 202 и след., 208, 209, 211, 212, 213, 220 и след., 227).
D'Avenant, 204, 229 (188, 212).
Bailey, 9, 14, 16, 87, 89, 229 (9, 14, 16, 81, 82, 211).
Bastian, A., 228 (210).
Berkeley, 243 (224).
Buchanan, 139 (129).
Carey, 11, 139, 216, 246 (11, 129, 199, 227).
Cobbet, 225, 228 (207, 210).
Corbett, 46 (43).
Darwin, 225, 226 (208).
Dombasle, 130 (121).
Hallett, 124 (115).
Herbert, 225 (208).
Hodgskin, 246 (227).
Hopkins, Th., 139, 153, 207, 244 (129, 141, 191, 225).
Hume, D., 90, 229 (83, 211).
Hume, J. D., 244 (225).
Mac Culloch, 34, 35, 219, 226, 229 (32, 33, 202, 209, 211).

- Malthus**, 34, 41, 108, 139, 163, 219 и след.,
 243, 244 (32, 38, 100, 129, 151, 202
 и след., 224, 225).
Mill, James, 34, 210 (32, 194).
Mill, J. St., 220 (210).
Newman, F. W., 129, 143 (120, 132).
Opdyke, 139 (129).
Petty, 204, 229 (188, 212).
Proudhon, 123 (115).
Quesnay, 150 (139).
Quincey, 108 (100).
Rodbertus, 120 и след., 131 и след., 243
 (112 и след., 121 и след., 224).
Roscher, 219 и след., 232, 233 (202
 и след., 214).
Say, J. B., 10, 11, 56, 77, 88, 232 (10, 11,
 52, 71, 82, 214).
Sismondi, 222 (205).

- Smith**, Adam, 9, 10, 11, 13, 14, 42, 51, 52,
 57 и след., 84, 85, 86, 87, 90, 91, 102,
 108, 109, 119, 209, 229, 243 (9, 10, 11,
 13, 14, 39, 47, 48, 53 и след., 78, 79,
 80, 81, 83, 84, 95, 100, 102, 110, 193,
 211, 224).
Steuart, 219, 220, 225, 229 (202, 203, 208,
 211).
Stirling, 138 (128).
Tooke, 220 (203).
Torrens, 34 (32).
Townsend, 220, 225 (203, 208).
Wade, 124 (116).
Wakefield, 87 (81).
Wallace, 225, 226 (208).
West, 139, 219, 220, 227 (129, 202, 203,
 209).

Т. II, ч. 2.

- Anderson**, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 12.
Bailey, 169.
Barton, 219, 230 и след.
Biakø, 128, 129.
Buchanan, 3, 109.
Carey, 56.
Chalmers, 8, 128.
Corbett, 8, 14.
Fullarton, 171.
Mac Culloch, 156.
Malthus, 4, 204, 209, 231.
Mill, James, 167, 175.
Mill, J. St., 174.
Newman, F. W., 62, 63.
Quincey, 127, 128.
Ramsay, 232.

- Rodbertus**, 5, 8.
Roscher, 171.
Say, 136, 167, 172, 173, 212, 214.
Sismondi, 199.
Smith, A., 3, 7, 9, 13, 53, 60, 61, 62, 69,
 70, 72—92, 94—104, 107, 111, 134, 135,
 161, 165, 171, 192, 193, 205, 212, 214,
 224.
Stirling, 128.
Storch, 40.
Tooke, 198.
Ure, 171.
Wakefield, 8, 46.
West, 12.
Wilson, 171.

СОДЕРЖАНИЕ.

II. Земельная рента.

	Стр.
3. Теория ренты Рикардо	3
a) Основные идеи различных теорий ренты	—
b) Исторические условия теории Рикардо	5
c) Ценность и цена производства в земледелии	8
d) Рикардово объяснение ренты	12
e) Изменения ренты при переходе к более плодородной земле	16
α) Изменение суммы ренты	—
β) Изменения дифференциальной ренты	18
γ) Рикардовский нормальный случай	39
δ) Как Рикардо изображает свой нормальный случай	52
f) Рикардова критика теории ренты Смита	69
g) Теория ренты А. Смита	79
α) Ценность, цена и рента	—
β) Продукты земли, которые всегда дают ренту	88
γ) Продукты земли, которые иногда дают ренту, иногда не дают ее	92
δ) Изменения в отношении ценностей обоих видов продуктов земли	99
h) Цена производства и земельная рента	104
i) Земельная рента и падение нормы прибыли	111
α) Исследование предпосылок Рикардо	—
β) Рикардово объяснение этого случая	129
Добавление: Влияние изменения ценности на органическое строение капитала	136

III. Накопление капитала и кризисы.

1. Простое воспроизводство	147
2. Превращение дохода в капитал	153
3. Превращение накопленной прибавочной ценности в переменный и постоянный капитал	161
a) Превращение в переменный капитал	166
b) Превращение в постоянный капитал	—
4. Изменение нормы прибыли при накоплении капитала	170
5. Влияние накопления капитала на процесс производства и процесс обращения	172
6. Влияние накопления капитала на процесс производства	183
7. Влияние накопления капитала на процесс обращения	191
8. Кризисы	200

IV. Miscellanea.

1. Валовой и чистый доход	208
2. Машины	211
a) Взгляды Рикардо	—
b) Взгляды Бартона	230
Указатель имен	237

РЕДАКЦИОННЫЕ ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Н а п е ч а т а н о	С л о д у е т ч и т а т ь
6	27 сверху	управления именьями	в хозяйственных комплексах
6	28 „	самые эти управления	эти последние
6	32 „	расположеннем	положеннем
172	8 снизу	подделывают	извращают
173	21 сверху	по Сэю	вслед за Съем
182	1 „	т. д.	чрезмерностью кредита
185	22 „	частного	частичного
185	30 „	частного	частичного
